

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ

НАРОДОВ

АЗИИ

حكايات
من

الضليعة
وليعة

ПЕРЕВОД,
ПРЕДИСЛОВИЕ
И ПРИМЕЧАНИЯ

М. А. Саубе

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва — 1961

Художник
Л. С. ЭРМАН

Забывшие страницы «1001 ночи»

Едва ли найдется среди любителей литературы человек, который не слышал бы о чудесных сказках «1001 ночи». Мы впервые знакомимся с этими сказками еще детьми, по обработанным и сокращенным детским изданиям, но для многих из нас дружба с героями повестей Шахразады продолжается всю жизнь.

Посредниками между европейским читателем и неистощимой арабской сказочницей уже более двух с половиной столетий служат переводы ее рассказов. Только французы узнали «1001 ночь» в прямом переводе с арабского, правда, частичном и весьма вольном; в других странах поклонники сказок Шахразады долгое время довольствовались лишь вторичным пересказом с французского. На русском языке, например, перевода «1001 ночи» с подлинника не было вплоть до Великой Октябрьской революции.

Но и после того как первое французское переложение «Ночей» утратило свою монополию и на французском и других языках появились переводы сказок Шахразады с оригинала, выполненные по уже существовавшим в то время изданиям текста, читатели не получили полного, исчерпывающего представления о «1001 ночи». Дело в том, что в большинстве изданий сказок и в наиболее распространенных переводах была отражена всего одна, и притом

далеко не лучшая версия сборника, другие же редакции его оказались незаслуженно забытыми.

Впервые «1001 ночь» стала известна в Европе в начале XVIII в. в вольном и далеко не полном французском переводе Галлана, опубликовавшего в 1704—1717 гг. двенадцать томов сказок. Антуан Галлан был прирожденным сказочником. Его перевод, иногда, быть может, далекий от оригинала, но чрезвычайно изящный и живой, имел у читателей огромный успех. Как рассказывают современники, парижские студенты каждый вечер собирались под окнами Галлана и требовали от него все новых и новых сказок. А между тем запас повестей из «1001 ночи», которым располагал Галлан, был довольно ограничен: перевод его содержит лишь около одной четверти материала, входящего в стандартные издания арабского оригинала «Ночей» (правда, он включает и ряд рассказов, которых в этих изданиях нет). Как видно из его дневника и писем, Галлан знал, что известные ему сказки составляют всего лишь часть более объемистого собрания. Попытки первого переводчика «Ночей» добыть полную рукопись сказок Шахразеды оказались, однако, безуспешными, и ему удалось выписать из Сирии только первые четыре части многотомного сборника. Три тома арабской рукописи, которой пользовался Галлан, сохранились до наших дней, четвертый исчез бесследно. Уцелевшие части этой рукописи содержат около сорока сказок, разбитых на 282 ночи, и заполняют семь томов французского перевода Галлана. Остальные пять томов этого издания воспроизводят рассказы, арабский оригинал которых долгое время оставался неизвестным, а для некоторых из этих сказок не обнаружен и до сих пор.

Перевод Галлана много раз переиздавался, сначала без изменений, а начиная с 80-х годов XVIII в. — с некоторыми добавлениями. В начале XIX в., когда были обнаружены другие рукописи «Ночей», дополнения к переводу Галлана стали заимствовать также и из этих рукописей.

В 20—30-х годах прошлого столетия почти одновременно появились три печатных издания арабского оригинала «Ночей» — два на Востоке (в Калькутте и в Каире) и одно европейское, принятное немецким ориенталистом Хабихтом в Бреславле. Индийское и египетское издания, почти ничем не отличающиеся друг от друга, содержат значительно больше сказок, чем первый французский перевод, но в них нет многих повестей, которые мы находим у Галлана, в том числе таких знаменитых, как «Ала ад-Дин и вол-

шебная лампа», «Али-Баба и сорок разбойников», «Абу-ль-Хасан кутила» («Халиф на час»).

Калькуттское и каирское издания «1001 ночи» зафиксировали объем и текст сборника и послужили базой почти для всех сделанных непосредственно с оригинала переводов сказок Шахразады. Они же были использованы исследователями и при изучении «1001 ночи» как литературного памятника. Рукописи же «Ночей» (уже тогда было известно несколько списков) на первых порах оставались вне поля зрения ученых. Интерес к рукописной традиции сборника пробудился лишь в конце 80-х годов прошлого века, когда сотрудник отдела рукописей Парижской Национальной библиотеки, французский ориенталист Зотанбер предпринял исследование хранившихся в этой библиотеке списков «Ночей». Важнейшим результатом его изысканий был вывод, что текст «1001 ночи», зафиксированный в восточных печатных изданиях и в большинстве сохранившихся рукописей, воспроизводит редакцию сборника, сложившуюся в Египте и окончательно сформировавшуюся сравнительно недавно¹. Установленная Зотанбером редакция получила в науке название «египетской» редакции «1001 ночи» (как мы увидим ниже, это определение может быть принято лишь условно и нуждается в значительных оговорках).

Уже Зотанбер указывал, что «египетская» редакция «1001 ночи» не является единственной и представляет лишь конечный этап долгой литературной истории сборника². Трудami Зотанбера и других исследователей установлены некоторые стадии формирования «Книги 1001 ночи», но весь ход процесса возникновения и эволюции ее еще и сейчас далеко не ясен. Так, мы совершенно не знаем, что представлял собой не дошедший до нас персидский сборник *Хезар афсане* («Тысяча сказок»), якобы послуживший оригиналом первой арабской книги рассказов «Тысяча ночей», или «Тысяча одна ночь», о популярности которой в Багдаде в IX—X вв. говорят арабские писатели того времени. Эта книга тоже не сохранилась, но существование ее подтверждается недавней находкой обрывка заглавного листа одного из томов арабских «Расска-

¹ См.: Н. Zotenberg, *Histoire d'Ala al Din ou la lampe Merveilleuse, texte arabe publié avec une notice sur quelques manuscrits des Mille et une Nuits*, Paris, 1888, p. 44 et suiv.

² История возникновения и развития «1001 ночи» освещалась в ряде статей, сопровождающих ранее опубликованные издания русского перевода «Ночей». В дальнейшем мы будем касаться различных ее стадий в той мере, в какой это необходимо для подтверждения выдвигаемых нами положений.

зов «Тысяча ночей»), на котором уцелело, в частности, название книги и дата — 266 г. хиджры (879 г. н. э.)¹.

Багдадская «1001 ночь» уже вскоре после своего появления вызвала ряд подражаний и переделок, не имевших, видимо, с первоначальным образцом ничего общего, кроме заглавия и обрамляющей сказки о жестоком царе Шахриаре, его везире, дочери последнего Ширазаде и ее служанке Диназаде² (повесть с таким сюжетом была известна в древнем Иране, куда она перекочевала из Индии, и, по-видимому, фигурировала уже в *Хезар афсане*). В эту удобную рамку составители сборников вкладывали различные повести. Как действовали подобные «конкуренты» Шахразады, видно из рассказа известного арабского библиографа и историка литературы X в. Мухаммеда ан-Надима.

«Абдаллах Мухаммед ибн Абдус-аль-Джахшари, автор книги о везирах³ — говорит ан-Надим, — начал составлять книгу, для которой [решил] отобрать тысячу сказок из повестей арабов, персов, греков и других народов; каждый рассказ стоял сам по себе и не был связан с прочими. Джахшари созывал сказочников и брал у них то, что они знали и считали хорошим; из уже составленных книг сказок и басен он [тоже] выбирал то, что ему нравилось, а он был человек достойный⁴. Таким образом у него набралось четырехста восемьдесят ночей, на каждую ночь по одной полной сказке листов в пятьдесят или больше или меньше, но смерть поспешила к нему прежде, чем он выполнил то, что задумал, и собрал тысячу рассказов. Я видел несколько частей этого сборника».

Как явствует из приведенной цитаты, Мухаммед аль-Джахшари был уже не первым составителем сказочных сводов типа «1001 ночи». Однако ни колоссальный по объему сборник самого Джахшари, ни своды, положенные в его основу, до нас не дошли, и мы не можем судить об их содержании. Не сохранились и более поздние собрания сказок такого рода, возможно создававшиеся на багдадской почве.

Последующие упоминания у арабских средневековых авторов о других изводах «Ночей», популярных в XI и XIII вв. и тоже пока

---

¹ См. Nabia Abbott, *A ninth-century fragment of the "1001 nights"*, — *Journal of Near Eastern Studies*, vol. VIII, July 1949, № 3, pp. 129—164.

² Такова, по-видимому, древнейшая арабизированная форма этих имен, встречающаяся на только что упомянутом фрагменте «1001 ночи» IX в.

³ Личность историческая (умер в 942 г.). Его книга о везирах сохранилась и издана.

⁴ Т. е. «образованный», «знающий толк в литературе».

не найденных, прочно связывают «1001 ночь» с Египтом, где она нашла как бы вторую родину. (Интересно, что и упоминавшаяся выше страничка из книги IX в.— древнейшее упоминание о «Рассказах «Тысяча ночей» — тоже обнаружена в долине Нила.) О большой популярности в Египте сказок Шахразады — еще в ранний период их литературной биографии, в X—XI вв.— свидетельствует ряд найденных там отрывков из «1001 ночи», написанных на арабском языке еврейскими буквами и, судя по почерку и бумаге, относящихся к этому времени¹. В стране пирамид эволюция «Ночей» продолжалась: возникали новые сборники сказок, составители которых действовали по испытанному методу их раннего предшественника аль-Джахиари и брали материал где могли. До включения в полный свод «Ночей» каждая введенная в него сказка существовала самостоятельно в устной форме и входила в репертуар сказителей. Профессиональные сказочники иногда сами записывали или диктовали писцу, рассказываемый текст, чтобы иметь нечто вроде шпаргалки; образцами таких записей для собственного употребления, возможно, являются упомянутые отрывки из «1001 ночи» в еврейской транскрипции.

Наиболее популярные повести, пройдя этот первый этап своей литературной жизни, переходили к следующему: со слов сказочников их записывали, а затем подвергали первоначальной стилистической обработке книготорговцы, выполнявшие в халифате X—XI вв. и роль издателей. После этой первичной литературной редакции текст сказки можно было уже не только размножать в рукописях в качестве отдельного литературного произведения², но и включить в сборник повестей, дав ему быстро ставшее традиционным название «Тысяча ночей» или «Тысяча одна ночь». Чтобы оправдать это обязывающее заглавие, составитель должен был иметь достаточно материала на полное количество ночей. Если поставляемого сказочниками запаса не хватало, то компилятор чаще всего прибегал к нехитрой хирургической операции и сокращал текстовую продолжительность каждой ночи. Нередко и этого оказывалось недостаточно, и, чтобы дотянуть до тысяча пер-

¹ Эти отрывки обнаружены в ценнейшей коллекции еврейско-арабских рукописей, составленной известным собирателем такого рода документов А. Фирковичем и хранящейся ныне в Государственной Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

² Манускрипты таких отдельных сказок, не разделяющихся на ночи и явно не предназначенных к включению в сборник «Ночей», сохранились в некоторых европейских и восточных библиотеках.

лой ночи, редактор был вынужден переписывать из уже существовавших сборников мелкие рассказы и анекдоты, а иногда и огромные рыцарские романы на двести-триста ночей. Именно этими добавлениями в конце книги и отличаются друг от друга различные редакции «1001 ночи», начальная же часть известных нам изводов содержит примерно одни и те же сказки (подсчитано, что повторяющиеся в большинстве рукописей рассказы составляют около одной пятой сборника).

Окончательную разбивку материала по ночам и их нумерацию редактор, естественно, производил на последней стадии своей работы, когда состав книги был окончательно установлен. Распределение текста по ночам служит поэтому одним из признаков принадлежности рукописей к той или иной редакции сборника.

Наиболее живучим из этих изводов, благополучно прошедшим описанные нами стадии формирования и вытеснившим все прежние варианты, оказалась упоминавшаяся выше «египетская» редакция «Ночей». Напомним, однако, что такое определение может быть принято лишь условно, поскольку и другие известные нам версии сборника тоже возникли в Египте¹. Сложившись, по-видимому, в XIV—XVI вв., «египетская» редакция «1001 ночи» получила ту форму, в которой мы ее теперь знаем, во второй половине XVIII в. Эта версия и была закреплена в упоминавшихся восточных изданиях текста.

«Победа» «египетской» редакции над другими версиями «Ночей» привела к тому, что они были преданы забвению. Однако и «египетской» редакции не посчастливилось. Окончательным редактором ее оказался некий ученый шейх, видимо, относившийся к народной основе сказок Шахразады резко отрицательно. Составляя свой сборник, он подверг его текст беспощадной литературной обработке. Многочисленные скабрзные детали, добавленные от себя позднейшими сказочниками (в древнейших известных нам отрывках сказок большинства этих непристойных подробностей нет), редактор оставил в неприкосновенности, но зато в отношении стиля и языка он проявил себя строжайшим пуристом, усердно устраняя со страниц «Ночей» простонародные формы, выражения и обороты, не соответствующие, по его мнению, требованиям высокого литературного стиля. В результате этой обработки читатели восточных изданий «1001 ночи» (не говоря уж о перево-

---

¹ Известные нам рукописи «Ночей», переписанные в Сирии или в Багдаде, как показывает их изучение, также скопированы с оригиналов египетского происхождения.

дах) получают далеко не верное представление с подлинным языке этого сборника, коллективным творцом которого является арабский народ¹.

Необходимо отметить, что у себя на родине сказки «1001 ночи» издавна по-разному оценивались в различных социальных слоях общества. В то время — тысячу лет тому назад, — когда полуграмотный каирский сказочник торопливо исписывал неразборчивыми каракулями листки грубой бумаги, готовя себе шпаргалку для очередного выступления перед неискушенной в красотах стили, но жадно слушавшей сказки Шахразады простонародной аудиторией, ученые филологи, вроде уже упоминавшегося ан-Надима, презрительно называли эти сказки «вялыми и скучными» и не хотели видеть в них никаких достоинств.

Разделяя вкусы своих древних предшественников, последний анонимный редактор «1001 ночи» не только сознательно разрушил и обесцветил языковую ткань сказок, но и во многом обеднил содержание сборника — как мы уже говорили, в нем отсутствуют такие жемчужины арабского народного творчества, как сказка про Абу-ль-Хасана кутилу², «Ала ад-Дин и волшебная лампа», «Али-Баба и сорок разбойников» и ряд других. Лучшие из этих сказок долгое время оставались известны только по переводу Галлана и включались в позднейшие издания «Ночей» на различных языках в качестве приложения, в переводе с французского. Лишь в конце 80-х годов прошлого века Зотанбер нашел в Парижской Национальной библиотеке две рукописи «Ночей», не принадлежащие к египетской редакции и содержащие текст сказок об Ала ад-Дине и о Зейн аль-Аснаме. Первую из этих сказок вскоре опубликовал сам Зотанбер³, а адаптированный для учебных целей текст повести о Зейн аль-Аснаме годом позже был издан арабисткой Ф. Грофф. Спустя четверть века, в 1910 г., был напечатан и текст

---

¹ Более близкий к первоначальному текст дает уже упоминавшееся издание «1001 ночи», подготовленное Хабихтом. Подобно своему древнему предшественнику аль-Джахшари, бреславльский профессор брал нужный ему материал из самых разнообразных источников, но публиковал сказки в том виде, в каком они попадали ему в руки, почти без обработки.

² В краткой и художественно несовершенной форме она воспроизведена в издании Хабихта и в позднейшем бейрутском пятитомном издании «1001 ночи» 1890 г.

³ В приложении к своему исследованию о рукописях «Ночей» (см. прим. 1 на стр. 7).

знаменитой сказки об Али-Баба, найденный американским ученым Макдональдом в Бодлеянской библиотеке в Оксфорде¹.

Вне поля зрения Зотанбера и позднейших исследователей оказались рукописи «1001 ночи», находившиеся в России. В то время, когда Зотанбер производил свои изыскания, в русских книгохранилищах было зарегистрировано всего два списка «Ночей» все той же египетской редакции, оба отнюдь не древние и не представляющие историко-литературного интереса². Гораздо ценней оказался третий, петербургский манускрипт «1001 ночи», принадлежавший известному арабисту-любителю Д. Г. Гинцбургу. Когда в 1888 г. появилось исследование Зотанбера о парижских рукописях «Ночей» и в приложении к нему арабский текст сказки об Ала ад-Дине, Д. Г. Гинцбург вспомнил о списке «1001 ночи», несколько поколений хранившемся в его семье, и два года спустя напечатал о нем подробную статью³, до сих пор, к сожалению, оставшуюся малоизвестной не только в зарубежной, но и в советской науке. Главным украшением рукописи ее владелец считал имеющуюся в ней сказку об Ала ад-Дине. Этой сказке Д. Г. Гинцбург уделил в своей статье основное внимание, приведя главные варианты ее текста сравнительно с парижскими списками. Значения своей рукописи для литературной истории «1001 ночи» в целом Гинцбург в данной работе не коснулся, хотя его манускрипт, как увидим ниже, представляет и в этом отношении немалый интерес.

Для советских исследователей ценность рукописи Гинцбурга определяется уже тем, что эта рукопись (за исключением упомянутого выше ничем не замечательного экземпляра Института народов Азии АН СССР) — единственный полный список «Ночей» в нашем Союзе. Примечательна и сама судьба рукописи Гинцбурга. Впервые став известной в науке в 1890 г., она была с тех пор основательно забыта, и после смерти владельца, последовавшей в 1910 г., местонахождение ее оставалось неизвестным. Лишь в 1931 г., когда в рукописный отдел Ленинградской Государ-

---

¹ «Journal of the Royal Asiatic Society», 1910, p. 221 ff.

² Один, поступивший в последней четверти XVIII в. из Польши в тогдашнюю Императорскую С.-Петербургскую публичную библиотеку в порядке реквизиции (так называемая «рукопись Хаммера»), в настоящее время возвращен Польской Народной Республике; другой («рукопись Италинского») хранится ныне в Институте народов Азии АН СССР.

³ В пятом томе «Записок Восточного отделения Русского Археологического общества» за 1890 г. (стр. 57—78).

ственной публичной библиотеки был передан для определения из Государственного книжного фонда какой-то объемистый манускрипт на арабском языке, исследование показало, что он представляет собой третий, заключительный том рукописи Гинцбурга. Лет через десять в ту же библиотеку поступили и первые две части этой рукописи, однако досадная случайность — опечатка в обозначении ее шифра в печатном отчете библиотеки — сделала рукопись недоступной для изучения еще на двадцать лет, и лишь совсем недавно она была как бы заново «открыта» в фондах библиотеки¹.

Исследование рукописи Гинцбурга показывает, что по составу и распределению материала, а также по стилю и языку она резко отличается от «египетской» редакции «1001 ночи». Среди других известных нам списков «Ночей», не принадлежащих к этой редакции, мы также не находим аналогий для нашей рукописи. По началу она ближе всего к одной из рукописей Парижской Национальной библиотеки, так называемой рукописи Саббага², но и с ней полностью совпадает лишь на протяжении первых сорока «ночей». Далее, до 77 ночи, расхождения не очень значительны, но начиная с 78 ночи по рукописи Гинцбурга нумерация ночей в обоих списках расходится гораздо резче³, а третий том нашей рукописи как в этом отношении, так и вообще стоит совершенно особняком.

Начинается этот том с последних страниц сказки о Ганиме ибн Айюбе (ночи 601—609; у Саббага вся эта сказка занимает ночи 436—496); далее следуют:

Зейн аль-Аснам (Гинцбург — ночи 610—626; Саббаг — ночи 497—513).

Ала ад-Дин и волшебная лампа (Гинцбург — ночи 627—686; Саббаг — ночи 514—591).

Десять везиров (Гинцбург — ночи 687—746; Саббаг — ночи 592—680).

Синдбад-мореход (Гинцбург — ночи 747—788; у Саббага эта сказка вообще отсутствует).

Тадж аль-Мулук (Гинцбург — ночи 789—851; у Саббага — нет совсем).

Омар ибн ан-Нуман (Гинцбург — ночи 852—1001; Саббаг — ночи 681—1001).

¹ В настоящее время шифр этой рукописи — арабск. новая серия, Д. 355.

² О ней см. Зотанбер, указанная работа, стр. 35 сл.

³ Так, например, сказке о Харуне ар-Рашиде и дочери Хосроя отведено в манускрипте Саббага всего 8 ночей (70—77), а в рукописи Гинцбурга — 18 (78—95).

При первом же взгляде на этот перечень бросается в глаза, что некоторые входящие в него сказки отсутствуют в египетской редакции «1001 ночи», а другие стоят не на том месте. Компиляторы различных по составу изводов, представленных в рукописях Гинцбурга и Саббага, очевидно, уже довольно скоро стали испытывать недостаток в материале и, чтобы набрать нужное количество ночей, вынуждены были использовать не входящие в египетскую редакцию сборника сюжеты, но при этом пошли каждый своим путем. Составитель свода, зафиксированного в рукописи Саббага, несколько сократил длительность отдельных ночей (цикл рассказов о десяти везирах занимает в ней, например, 88 ночей, а в манускрипте Гинцбурга на него отведено лишь 59) и значительно дополнил вставными сказками и без того огромный роман об Омаре ибн ан-Нумане, заняв им триста двадцать ночей. Редактор версии, представленной в рукописи Гинцбурга, отвел этому роману лишь 151 ночь, но зато добавил повесть о Тадж аль-Мулуке, занимающую 63 ночи, а когда и этого оказалось мало, включил и свой сборник «Путешествия Синдбада», не встречающиеся ни в одном известном нам списке «1001 ночи» на столь отдаленном от начала месте. Рассказы о Синдбаде редактор рукописи Гинцбурга приводит в более полной, нежели обычно, форме, растягивая их на 41 ночь (в рукописях египетской редакции они занимают 30). Интересно, что именно 40 ночей отведено в рукописи Саббага на некоторые вставные рассказы из романа об Омаре, которых в манускрипте Гинцбурга нет совсем; в данном случае, как и во многих других, компилятор нашей рукописи проявил несомненный литературный вкус, заменив эти скучноватые рассказы гораздо более занимательными сказками о Синдбаде, да еще в новой, необычной редакции. Не встречается в других списках «Ночей» и представленная в рукописи Гинцбурга версия романа об Омаре ибн ан-Нумане.

Таким образом, ясно, что рукопись Д. Г. Гинцбурга в отношении содержания и распределения материала нельзя отнести ни к одной группе известных нам списков «1001 ночи». Не менее своеобразна она по стилю, языку и общей манере повествования. При чтении нашего манускрипта сразу видно, что текст его избежал той безжалостной литературной обработки, которая обычно постигала рукописи «1001 ночи». Об этом свидетельствуют многочисленные речения, слова и обороты, свойственные народному арабскому языку Египта, яркость и непринужденность изложения. Сверкающие искорки юмора, подчас грубоватого, но не перехо-

длежащего в нарочитую непристойность, живо отражают настроение рассказчика, связанного узами текста, но не удерживающегося порой от озорной шутки, которая так по душе его простонародной аудитории. Несомненно вкусами слушателей объясняется и почти полное отсутствие в сказках стихотворных цитат, которых так много в тексте египетской редакции «Ночей».

Яркая личность редактора рукописи Гинцбурга проявляется и в других ее особенностях. Из имеющихся вариантов той или иной сказки он выбирает самый полный и интересный (сравним, например, печатные издания сказок о Зейн аль-Аснаме и о кутиле Абу-ль-Хасане с версиями нашей рукописи, где эти сказки, особенно последняя, даны в значительно более развитой и художественно совершенной форме). Умело распределяя материал по ночам, наш редактор мастерски «арранжирует» его и в рамках каждой ночи — у него Шахразада почти всегда обрывает рассказ действительно на самом интересном месте. Как отметил еще и Д. Г. Гинцбург, по его рукописи красной нитью проходит черта уважения к женщине, которую рассказчик в отличие от последующих редакторов «египетской» версии «Ночей» никогда не заставляет унижаться перед мужчиной. Напомним, что в сказках Шахразады женщинам вообще отводится более активная и положительная роль, нежели изнеженным беззаботной гаремной жизнью и зачастую придурковатым представителям «сильного пола». В списке Гинцбурга эта особенность, не затушеванная реакционно настроенными редакторами, проявляется особенно ярко.

Как известно, «1001 ночь» издавалась в СССР дважды (в 1929—1938 гг. и в 1958—1959 гг.). Однако оба эти издания были подготовлены по ставшему традиционным арабскому тексту «египетской» редакции. Ряд замечательных сказок остался неизвестным советскому читателю. Настоящий сборник — первая публикация на русском языке сказок и повестей из цикла «1001 ночь», не включенных в «египетскую» редакцию.

Достоинства рукописи Гинцбурга¹ побудили нас избрать ее в качестве оригинала при переводе сказок «1001 ночи», которых нет в стандартных изданиях текста; из входящих в настоящий том по-

---

¹ Когда и где переписана эта рукопись, определенно сказать нельзя: дата переписки и имя писца в ней не указаны. Особенности языка списка не оставляют сомнения, что он происходит из Египта; судя по почерку и бумаге, рукопись скопирована в самом начале XVIII в.

вестей только повесть об Али-Баба отсутствует в рукописи Гинцбурга и переводится нами по упомянутому выше изданию Макдональда.

Одной из наиболее интересных сказок нашего сборника является открывающая его сказка про Абу-ль-Хасана кутилу, известная также под названием «Халиф на час» или «Повесть о сплеще и бодрствующем». Рассказ с такой фабулой с давних времен был популярен в арабской повествовательной литературе; египетский летописец аль-Исхаки, писавший в начале XVII в., даже приводит его как исторический факт. Неоднократно использовали эту тему и европейские писатели, начиная с Кальдерона («Жизнь есть сон»). Как мы уже говорили, рукопись Гинцбурга сохранила нам сказку об Абу-ль-Хасане в ее наиболее полной форме — по своему объему рукописный текст почти вдвое больше печатной версии, изданной по другой редакции. Черты и детали, только намеченные в печатном варианте, получили в устах нашего рассказчика гораздо более полное развитие. Симпатии его явно на стороне разбитного, гостеприимного гуляки Абу-ль-Хасана, который хотя и наделен по принятой в «1001 ночи» традиции большим состоянием, но явно не принадлежит к правящим классам. Об этом свидетельствуют хотя бы отношения нашего героя с низшими представителями светской и духовной власти в его квартале — сторожами и имамами — ведь и халифом ему хотелось бы стать лишь для того, чтобы расквитаться с ними за обиды! Да и попав в сумасшедший дом, Абу-ль-Хасан испытывает там такое обращение, которому едва ли подвергли бы сколько-нибудь именитого человека. Ярко выступают положительные качества Абу-ль-Хасана и во время его однодневного халифства, когда он, по словам рассказчика, проявляет себя добрым и справедливым правителем. Другими свойствами наделен в сказке ее второй герой — жестокий самодур Харун ар-Рашид, который потехи ради обрекает своего радужного хозяина Абу-ль-Хасана на жестокие пытки и мучения.

Не столь живо, но все же достаточно выразительно обрисовано и третье главное действующее лицо сказки — любящая и по-своему неглупая мать Абу-ль-Хасана; ее сочная, образная речь с большой непосредственностью передана сказочником. Стремясь максимально оживить рассказ, сказитель пытается даже изобразить путем звукоподражаний всхлипывания горько плачущей старухи.

Рассказывая или, может быть, диктуя сказку об Абу-ль-Хасане, сказочник, видимо, не был связан рамками какого-либо писаного текста. То же можно сказать и о двух других сходных по духу

повестях нашей книжки — про персидского врача и про юношу из сумасшедшего дома. И в этих новеллах рассказ льется свободно и непринужденно, временами, правда, сказитель спохватывается и переходит в более приподнятый стиль, но сдержанности хватает ненадолго, и высокопарную речь вскоре опять перебивает какое-нибудь вольное простонародное словечко, неожиданно звучащее в устах высокопоставленного вельможи или даже самого халифа.

Сильнее чувствуется зависимость от писаного текста в остальных повестях нашего сборника, где рассказчик мог позволить себе лишь незначительный отход от какого-то уже обработанного оригинала. Наличие древнего прототипа больше всего ощущается в цикле рассказов о десяти везирах, несомненно опирающемся на давнюю традицию, а также в повести о Зейн аль-Аснаме. К какому источнику восходят знаменитые сказки об Ала ад-Дине и об Али-Баба, пока еще не выяснено. Последние три сказки имеют некоторые общие черты, быть может, указывающие на очень давнее их происхождение: и в «Ала ад-Дине», и в «Али-Баба», и в «Зейн аль-Аснаме» мы находим мотивы, связанные с древним Египтом. В первых двух сказках упоминаются пещеры с сокровищами, либо награбленными, либо подвергающимися разграблению (в «Зейн аль-Аснаме» мотива разграбления нет, но говорится о сокровищнице), причем в сказке об Али-Баба приведен и древнеегипетский обычай бальзамирования трупа. Не являются ли эти мотивы отзвуками воспоминаний о разоренных гробницах и извлеченных из них мумиях египетских фараонов?

Стилем и характером изложения печатаемых в настоящей книге сказок определяется и подход к их переводу. Переводчик стремился донести до русского читателя оригинальные черты повествовательной манеры сказочника: его свободную, непринужденную речь, вольный, гибкий синтаксис, богатую лексику. Такая установка заранее исключает всякое стремление к буквализму или архаизации. Большинство переведенных в этом томе сказок — средних веков; и если бы переводчику удалось хотя бы отчасти сохранить в переводе наивную непосредственность оригинала, он считал бы свою задачу выполненной.

М. Салье.

ХАЛИФ
НА ЧАС,
ИЛИ РАССКАЗ
ПРО
АБУ-ЛЬ-ХАСАНА
КУТИЛУ

о времена Харуна ар-Рашида, халифа в Багдаде, жил один человек, купец, очень знатный, и был у него сын, по имени Абу-ль-Хасан. И дожил этот купец до преклонных лет, и пришла к нему смерть — слава тому, кто не умирает! — и когда он умер, его сын Абу-ль-Хасан омыл его и завернул в саван и похоронил и остался жить со своей матерью, а мать его была старая, преклонных лет, женщина.

Отец воспитывал Абу-ль-Хасана в достатке, неге и благоденствии, и когда он умер, Абу-ль-Хасан унаследовал все его богатства и земли, и к нему перешло все его добро и имущество. Отец Абу-ль-Хасана собрал эти сокровища своими трудами, в поте лица, а не получил их по наследству или другим путем, а Абу-ль-Хасана называли кутилой, так как он с малых лет любил веселиться и пировать с теми, кто подходил на него нравом. Отец при жизни удерживал его от многих проказ и выдавал ему только деньги, необходимые на его нужды, являясь как бы уздой против его кутежей и попок. Когда же Аллах — велик он! — вынес свой приговор и отец Абу-ль-Хасана умер, Абу-ль-Хасан увидел в своих руках огромные деньги, унаследованные от отца, и начал водить дружбу с молодцами, такими же, как он. Он стал тратить на них немало денег и забросил дело своего отца — торговлю, которой тот нажил все эти богатства, и предался мотовству и расточительству, веселясь и наслаждаясь. Но при этом он поступил наполовину как умный, а наполовину — как безумец: разделил свои деньги пополам и на одну половину купил земли, дома и имения, а вторую обратил в золотые монеты и стал расходовать; и он дал великую клятву, что не станет трогать доходов с земель, которые приобрел, а, наоборот, будет их хранить.

И Абу-ль-Хасан зажил, наслаждаясь весельем и устраивая угощения и званые пиры для своих друзей и ежедневно созывая левиц и музыкантш. Он проводил время за вином, едой и питьем, веселясь с приятелями, причем каждый день тратил больше, чем в предшествующий.

И так он провел целый год, а мать увещевала его и говорила: «О дитя мое, что постоянно течет, то быстро иссякает, а твои приятели, для которых ты устраиваешь пиры, ничем тебе не помогут, когда ты разоришься. Будь же осмотрителен в делах и подумай об их последствиях».

Но Абу-ль-Хасан не обращал на нее внимания и вел себя по-прежнему, не слушая наставлений матери, и наконец его родительница, устав его увещевать и видя, что он не слушает ее слов, сказала:

— О дитя мое, я последний раз говорю с тобой об этом. Послушай-ка, что сказал поэт:

Деревьев жизнь подчас людской судьбе сродни:
Покуда дарят плод, любезны всем они,

Деревья без плодов живут всегда в тоске —
Забитые стоят, влечат свой век одни.
А в наши времена дрянной изрод пошел,
От нынешних друзей, господь, нас охрани! ¹

А Абу-ль-Хасан встречал слова матери насмешками и издевками и смеялся над такими ее речами.

И вот когда таким образом прошел целый год, он как-то сунул руку в карман и убедился, что «дом пуст и место посещения далеко» *. Он не нашел в кармане ни дирхема *, ни даже фельса *, и иссякла целиком та половина его имущества, которую он обратил в золото, наложил на нее руку и тратил, веселясь с приятелями.

И когда увидел Абу-ль-Хасан, что в кармане у него пусто и там нет ни единого дирхема, он вернулся домой печальный, а приятели его, увидав, что он разорился, оставили его и удалились, и если кто-нибудь из них встречал Абу-ль-Хасана на улице, то переходил на другую сторону или отворачивался от него, чтобы тот его не увидел и не поздоровался с ним.

И Абу-ль-Хасан расстраивался из-за этого все больше и больше и говорил: «Горе мне, глупцу и безумцу! Почему я не слушал слов моей матери и не внимал ее увещаниям!» — и скорбь его до того усилилась, что он расстался со сном и от горя и заботы не получал удовольствия ни от еды, ни от питья. И когда его мать увидела, что он в таком состоянии, она опечалилась, и ее взяла жалость.

— Что с тобой, о дитя мое, — спросила она, — отчего ты удручен и печален и находишься в наихудшем состоянии? Для меня ясно, что твои деньги все вышли и тебе уже нечего тратить. Больше того, твои десять приятелей, узнав, что ты разорился, оставили тебя, и пропала у них охота тебя видеть, ибо они знают, что у тебя не осталось ни дирхема. Я ли тебя не увещевала, о дитя мое? Подумал ли ты о моих словах, что люди приходят к дереву в пору его расцвета и покидают его, когда плоды кончатся, вспомнил ли мои многократные наставления и убедился ли в истинности моих слов? Но не печалься и не горюй! Я благодарю и прославляю Аллаха великого за то, что ты разделил свои деньги пополам: половину извел на кутежи с друзьями — возместить

---

¹ Здесь и далее стихи в переводе А. Ревича.

их это дело Аллаха и твое, — а на вторую купил земли, и они сохранились. Вставай же, наберись бодрости; будь мужчиной и не возвращайся к своим дурачествам.

И Абу-ль-Хасан, услышав от своей родительницы такие слова, начал плакать и причитать, а потом сказал матери:

— Ах, матушка, теперь-то я точно знаю, как унижен тот, у кого нет в кармане ни дирхема, и каково к нему уважение!

— Хвала Аллаху, сын мой, что ты понял это, — молвила его мать. — Отныне ты будешь знать, какова ценность дирхема, и станешь беречь его: бедность чернит лицо бедняка в глазах людей, и родные отрекаются от родства с ним, ибо он беден, и все им тяготятся; никто не терпит близости с ним, и людям противно его видеть. Такова-то участь бедняка, дитя мое!

— О матушка, — воскликнул Абу-ль-Хасан, — ты еще не знаешь, что произошло у меня с десятью приятелями, на которых я извел свои деньги, когда они узнали, что я разорился и деньги у меня кончились и не осталось от них ни одного дирхема! Я сказал им: «О братья, я разорился и не могу больше, как раньше, устраивать для вас званые пиры», — но они меня оставили и от меня отделились, и теперь я убедился в правоте твоих слов и верю стихам, которые ты сказала, что люди подобны дереву.

— О сын мой, — молвила его мать, — поэт говорит:

Тебе легко жилось, счастливой жизнь была,
Забыл ты о судьбе и не страшился зла,
Поверил ты ночам, но обманула мгла, —
Таит угрозу ночь, хотя порой светла.

— Сколько раз говорила я тебе: «Абу-ль-Хасан, дитя мое, образумься, выбрось глупости из головы и посмотри, как жил твой отец!» — но ты не слушал моих слов и говорил: «Мой отец был скупой человек!» — и повторял мне слова поэта:

Пусть руки отсохнут мои, пусть ноги мои омертвеют,
Коль стану богатым скупцом, что дирхема не разбазарит,
Скажи, разве станем хулить того, кто был щедрым и добрым?
Где добрая слава того, кто всем был известен как скарעד?

— Скажи-ка, сынок, где теперь твои стихи? Ты сам видишь, в каком ты унижении с тех пор, как нет у тебя в кар-

мане ни дирхема! Но что было, сын мой, то было и не вернется. Будь же отныне настоящим мужчиной.

— О матушка,— ответил Абу-ль-Хасан,— я верю твоим словам и буду им следовать, но прежде всего мне хочется пойти к моим десяти приятелям и попросить, чтобы они мне помогли. Я посмотрю, что они сделают: может быть, кто-нибудь из них окажется добрым человеком и поможет мне чем-либо, так что я смогу как-нибудь прожить. Правда, я ни на кого из них не надеюсь, но, слава Аллаху, я не очень-то в них нуждаюсь. Благодарю Аллаха великого за то, что он внушил мне разделить деньги пополам и сохранить половину, но мне все-таки хочется пойти и посмотреть, как они со мной поступят — тогда я еще больше удостоверюсь в правоте твоих слов.

И мать его молвила:

— И чего ты еще сомневаешься в моих словах, сынок! Видно, ты так и не образумился и все такой же глупец. Ты ведь знаешь, что твои десять приятелей водились с тобой только ради выгоды и прибытка и хотели нажиться около тебя. Доказательство этому в том, что, когда ты разорился и у тебя не осталось ни дирхема, они тебя бросили и удалились. И я говорю тебе, сынок, раньше чем ты к ним пойдешь: надежды твои на них напрасны.

— Знаю, матушка, все твои слова правильны,— возразил Абу-ль-Хасан,— но я все-таки хочу обратиться к ним, чтобы они помогли мне в моем тяжелом положении. Тогда мне не придется говорить в будущем: «Ах, отчего я не попытался!». Я сам смогу убедиться, как мало в них ко мне доброты, и увижу это воочию, чтобы еще раз не попасть впросак.

— Делай как хочешь, сынок, я не стану тебя удерживать от того, что ты желаешь,— сказала ему мать.

И Абу-ль-Хасан проспал эту ночь, а утром он выбрал подходящее время и пошел к своим приятелям. Он нашел их всех дома и изъяснил каждому из них свое положение, жалуюсь на свою нужду. Он просил о помощи и поддержке и говорил:

— О друзья мои, пришло теперь время проявить приязнь и великодушие! Помогите мне чем-нибудь, а когда мои дела поправятся, я отдам вам с избытком все, чем вы мне помогаете, и тогда мы вернемся к прежним увеселениям и развле-

чениям. Вы, слава Аллаху, знаете, какова моя приязнь к вам и сколько я на вас извел денег, — теперь ваша очередь.

Но ни один из приятелей ничего ему не ответил, не сказал ни слова: все они молчали и сумрачно глядели ему в лицо, как будто не знают его и в жизни его не видывали. И когда Абу-ль-Хасан увидел, в каком положении он оказался и как они очернили его лицо *, вернулся он к своей матери грустный и печальный, с плачущим оком, и весь мир в его глазах был черным.

И он сказал своей матери:

— О матушка, поистине солгал тот, кто сказал такие слова:

Пока в достатке ты живешь и денег в сундуках полно,
Будь щедрым, не жалея монет, всем помогай и знай одно:
Нельзя богатства расточить, коль нам богатство суждено,
А не судьба — к чему копить? Ведь разоришься все равно.

— Матушка, — продолжал Абу-ль-Хасан, — теперь я удостоверился в справедливости твоих слов. Я думал, что найду действительно любящих друзей, а нашел людей, не знающих благодарности за хлеб и признательности за милость и совершенно не помнящих добра и благодеяний. Клянусь Аллахом, матушка, я не хочу теперь видеть кого-либо из них.

— О сынок, — ответила ему мать, — твои друзья не твои друзья, твои друзья — друзья чаши, кубка и бутылки.

Потом Абу-ль-Хасан дал клятву, что он больше не станет водиться ни с кем из жителей Багдада и не будет их угощать, а также не будет мотать деньги, а будет расходовать их лишь по правилам и с порядком. Он решил постоянно оказывать милость чужеземцам и каждый вечер принимать у себя какого-нибудь незнакомца, кормить его ужином, поить допьяна и укладывать спать, а на утро прощаться с ним и отпускать его, чтобы вечером принять кого-нибудь другого. И никого он не станет угощать дважды, нет, только один раз, чтобы ему не пришлось постоянно общаться с кем-нибудь.

Потом Абу-ль-Хасан вытащил сундук с деньгами, которые он скопил от доходов с домов и земель, купленных на половину его состояния, и поставил его в кладовую расходо-
в, чтобы сундук был у него под рукой. И каждый день он сам

ходил на рынок и своей рукой покупал все нужное, чтобы раб не истратил больше, чем следовало, чем положено, а приготовив помещение для пира и поставив столик с яствами и вином, отправлялся к городским воротам Багдада и ждал появления какого-нибудь иноземца. И увидев чужестранца, он вел его к себе в гости, ужинал с ним, пил, веселился и бражничал, а потом он укладывал гостя спать, а на утро говорил ему: «Уходи с миром». А Абу-ль-Хасан знал всякие шутки и остроты, от которых рассмеется даже кирпич.

Отпустив чужеземца, которого угощал, Абу-ль-Хасан никогда не угощал его второй раз, и если ему встречался иноземец, которого ему уже приходилось угощать, то он переходил на другую сторону, чтобы тот его не увидел.

Так Абу-ль-Хасан провел некоторое время, и однажды, когда он сидел у ворот Багдада, ожидая, пока пройдет чужеземец, чтобы пригласить его в гости, вдруг в городские ворота украдкой вошел халиф Харун ар-Рашид в одежде чужестранца. А дело в том, что Харун ар-Рашид вследствие своего великого правосудия и любви к справедливости постоянно ходил тайком по городу и разведывал, каково положение подданных, а в начале каждого месяца он тоже ходил, переодетый, чтобы посмотреть, как ведут себя правители и как они вне Багдада поступают с народом в отношении справедливости, обид и правосудия.

И вот, когда халиф входил в ворота города Багдада, одетый в одежду мосульского * кунца и сопровождаемый своим рабом Масруром, Абу-ль-Хасан увидел его, поднялся и быстро пошел ему навстречу. Он стал спрашивать халифа побывать у него в гостях, говоря:

— Послушай, о чужестранец, я приму тебя со всяческим уважением и почетом, но при одном условии: ты проведешь у меня лишь сегодняшнюю ночь, а утром уйдешь своей дорогой и не возвратишься ко мне больше ни разу.

И когда халиф услышал приглашение с оговоркой, что он проведет у хозяина дома лишь одну ночь, а утром уйдет своей дорогой и больше не вернется к нему, ему захотелось узнать, какова причина такого условия и почему этот человек приглашает чужестранца на одну ночь и не приглашает его вторично. И халиф согласился на это предложение, и Абу-ль-Хасан пошел впереди него, а халиф шел сзади, пока они не достигли жилища Абу-ль-Хасана; и Абу-ль-Хасан ввел

халифа в красивую, богато убранную комнату, где было полным-полно китайского фарфора, шелковых одеял и ковров, шитых золотом молитвенных ковриков и бархатных подушек.

И халиф сел, а Абу-ль-Хасан пошел и принес столик, уставленный блюдами с домашними и дикими голубями, курами и другими изысканными кушаньями и драгоценными яствами, и сел за столик с халифом, своим гостем. И они стали есть, пить и веселиться, и халиф ел с большой охотой, а когда они насытились, раб принес им таз и кувшины, и они вымыли руки, а потом Абу-ль-Хасан пошел и принес свежие и сушеные плоды, сласти и вино, старое, прозрачное, и поставил перед халифом бутылку, а сам сел с ним рядом, и наполнил чашу, и воскликнул:

— Снизойшла на меня тысяча благодатей! О гость мой, эта чаша за твоё здоровье!

И ему захотелось пошутить, и он молвил:

— О гость мой, я хочу открыть тебе тайну. Когда петуху хочется напиться, он скликает кур, своих подруг, и те думают: «Что это он такое говорит?» — а я скажу тебе: он говорит им: «Из любви к вам, за ваше здоровье!» И я тоже говорю: «Из любви к тебе, за твоё здоровье!»

— Пей на здоровье и в удовольствие, — сказал халиф и расхохотался, и понял он, что Абу-ль-Хасан человек беспутный, и ему стало весело.

А потом Абу-ль-Хасан налил чашу до полна и увидел, что халиф сидит перед ним молча, чинно и благородно, не говоря ни слова. И тогда Абу-ль-Хасан подал ему чашу и сказал:

— О чем ты задумался, мой гость? Чтобы думать, есть Аллах — ты предполагаешь, а он располагает. Возьми выпей, и придет к тебе от вина, неожиданно, ясность рассудка. Избавь нас от тех, кто вечно думает и гадает, как те, что носят на плечах свинец *. Забудь заботы и тревоги, которые сокращают жизнь. Не упускай ни минуты счастья и радости. Знай, о мой гость, никто не знает, где счастье, кроме меня! Пей же, я покажу тебе, в чем счастье!

И халиф выпил, а Абу-ль-Хасан взял чашу, и наполнил ее, и сказал:

— Гляди, гость мой: счастье у того, кто опрокидывает в рот эту чашу.

И Абу-ль-Хасан опрокинул чашу в рот и выпил ее, а халиф засмеялся и развеселился от его выходок и сумасбродств.

— Клянусь Аллахом, Абу-ль-Хасан,— сказал он,— мне нравится дружить с такими, как ты, ибо ты человек веселый, довольный и беспутный. Сделай милость, налей и мне, чтобы я помог тебе прикончить эту бутыль.

И Абу-ль-Хасан засмеялся и воскликнул:

— Клянусь Аллахом, ты тоже мне нравишься, о гость мой! — и наполнил чашу и подал ее халифу, говоря: «Знай, о гость мой, что имя этой чаши — Диковинка».

И халиф взял чашу и воскликнул:

— Прекрасно, о Диковинка! Ты знаешь, о Абу-ль-Хасан, с кем водиться! Нет равного этой Диковинке!

— О гость мой,— сказал Абу-ль-Хасан,— выпало мне с тобой великое счастье, ибо я вижу, что ты, как и я, любишь веселиться и наслаждаться и неходишь на некоторых людей, у которых на лице всегда видна тоска. Клянусь Аллахом, о гость мой, я сегодня сумел-таки выбрать собутыльника! Едва я увидел тебя у ворот, я сразу понял, что ты весельчак и любишь развлечения, и снизошла на меня великая благодать,— продолжал Абу-ль-Хасан и, сказав это, произнес:

Когда бы мог мой дом понять, кто на его ступил порог,
От счастья он бы ликовал, следы лобзал бы ваших ног,
На тайном языке своем он так сказал бы, если б мог:
Я рад приветствовать того, кто родом и душой высок!

А потом Абу-ль-Хасан воскликнул:

— Ах, мой гость, как я счастлив и доволен, что нашел сегодня такого приятного, веселого, довольного человека, как ты! — И халифу стало весело от его речей и поступков.

И чаша опять заходила между ними — «подай налитую, получишь пустую!» — и наконец хмель заполз им в голову, но у халифа голова была крепкая, и он ничуть не изменился, и ему захотелось узнать, по какой причине Абу-ль-Хасан угощает чужеземца только однажды.

Он подождал, пока вино заиграло у Абу-ль-Хасана в голове, и сказал ему:

— Заклинаю тебя жизнью, Абу-ль-Хасан, расскажи мне, каково твое занятие и чей ты сын?

И Абу-ль-Хасан воскликнул:

— Ты тоже, о гость мой, видно, не прочь поболтать! Говорит пословица: «Где гость, там и болтовня».

Но халиф так приставал к Абу-ль-Хасану с расспросами, что тот наконец сказал:

— Знай, о гость, что я сын купца и что Аллах великий вдоволь наделил его всяким добром. Не нуждается никто, раз Аллах наделил его, но только, о гость мой, отец воспитывал меня в строгости и был со мною суров и изрядно скреден — не давал мне ничего, кроме того, что положено. А я с малых лет был по природе склонен к веселью и дружил с теми, кто из того же теста, и мой отец удерживал меня от всего этого, и когда он умер, я унаследовал от него кучу денег, так как он — помирует его Аллах! — оставил мне очень много, ибо, как я тебе говорил, он был человек прижимистый.

И вот когда он скончался и оставил большие богатства и исчезло препятствие, которое не давало мне веселиться, я обрадовался, собрал все его богатства и разделил их на две половины. На одну половину я купил сады, дома, земли и имения и дал великую клятву, что буду прятать доходы с них в сундук и не истрачу из него ни дирхема, а другую половину я всю превратил в деньги и положил их у себя под рукой, чтобы их тратить.

И стал я веселиться, наверстывая те дни, которые упустил при жизни отца, и подобрал нескольких друзей, себе под стать, и принялся мотать с ними деньги на еду, питье, певцов и музыкантов, пируя ночью и днем; они ни в чем не терпели недостатка, и я наслаждался с ними полным счастьем.

И я пировал так целый год, а через год, добрый гость, я сунул руку в карман и не нашел там ни единого дирхема, и когда мои приятели узнали об этом, они бросили меня, и ни один из них не пришел ко мне, чтобы сказать: «Мое сердце подле тебя».

Когда я увидел себя в таком положении, мне пришла мысль пойти к ним и попросить, чтобы они меня поддержали и выручили, ибо я извел на них все свои деньги. И я пошел и осведомил их о своем положении и попросил помочь мне какими-нибудь деньгами, чтобы мне начать торговлю, а потом, когда мое положение исправится, я мол верну им долг,

и клянусь Аллахом, о гость, и твоей драгоценной жизнью, ни один из них даже не взглянул на меня, словно они меня не знали, и лица их были неприветливы.

Я вернулся домой, крайне опечаленный, сел и принялся упрекать себя, говоря: «Клянусь Аллахом, мой отец имел право быть скупым, так как он знал, каково наше время и его сыны», — и поклялся великой клятвой, что не буду больше водиться ни с одним из этих людей и стану принимать у себя только чужеземцев. И из страха, что угощение приведет к дружбе, я дал зарок, что буду угощать чужестранца лишь одну ночь, а утром он от меня уйдет, словно я его не знавал и он меня не знавал. И я стал тратить деньги от доходов с владений, которые приобрел, и жил таким образом, пока, на великое мое счастье, я не встретился сегодня вечером с тобой, о мой добрый, желанный гость. Я обрадовался тебе и опьянел от радости, увидев тебя, ибо я угощал великих и малых, но ни разу не видал еще такого весельчака.

И халифу понравились слова Абу-ль-Хасана, его благо-разумие и осмотрительность, и он молвил:

— Клянусь Аллахом, о Абу-ль-Хасан, ты совершил поступок, достойный мужей разумных и людей осмотрительных, ибо отложил половину своих денег и подумал о последствиях и о превращениях времени. Ты понял, что дни не проходят всегда одинаково, и сберег половину своего состояния, приобретя на эти деньги владения и поместья, а кроме того, бросил глупости и беспутство и раскаялся в своем мотовстве и расточительстве и пошел путем разума, мудрости и расчетливости. Да будет же слава Аллаху, о Абу-ль-Хасан, что ты не спустил по глупости и другую половину своих денег. Клянусь великим Аллахом, твое благоразумие мне нравится и я радуюсь на тебя, ибо ты молодой человек, но ты все же не поддался привычке мотать деньги на увеселения с твоими приятелями. Да защитит же тебя своим покровом Аллах великий, который вывел тебя, о Абу-ль-Хасан, на правый путь, так что ты образумился и раскаялся, и поистине тебя теперь ждет награда от Аллаха великого, ибо ты каждый день угощаешь чужеземца и, во-вторых, ты от этого стал еще счастливей — ты ведь каждый день видишь у себя в доме людей чуждого облика и учишься у них уму-разуму и вещам, которых ты не знал. Они рассказывают тебе про свою страну и, странствуя, прославляют тебя и благодарят за милости.

— О гость мой,— сказал Абу-ль-Хасан,— мы затаили разговор и забыли про нашу Диковинку. Поддай-ка чашу.

— Правильно! — воскликнул халиф,— мы даром потратили время без вина; пей же скорей и дай мне чашу.

— Клянусь Аллахом, о гость мой,— сказал Абу-ль-Хасан,— я не видывал такого весельчака, как ты. Про меня говорят: «Беспутный!» — но клянусь Аллахом великим, ты куда беспутней меня.

И халиф засмеялся, а Абу-ль-Хасан выпил и наполнил чашу и подал ее халифу. И они снова принялись пить и веселились, пока не настала полночь, и тогда халиф сделал вид, что устал после путешествия, и сказал Абу-ль-Хасану:

— О Абу-ль-Хасан, пришло время спать, но прежде чем лечь, я скажу тебе, что хочу встать завтра раненько, так что ты, может быть, будешь еще спать. Я не хочу тревожить твой сон и должен уже теперь поблагодарить тебя за милость и пожелать тебе всякого добра. Но послушай, Абу-ль-Хасан! Я всю жизнь, как и ты, воспитывался в достатке и роскоши и всегда водился со знатными людьми. Мы жили, словно братья, и если один из нас в чем-нибудь нуждался, то другой старался как мог исполнить его нужду, и если кто-нибудь из товарищей попадал в стесненное положение, то мы его поддерживали и не оставляли; наоборот, каждый отдавал все то, что послал ему Аллах, чтобы друг мог заткнуть прорехи и снова разбогатеть и проводить с нами время весело, не зная забот. И вот я хочу, Абу-ль-Хасан, чтобы ты сделал мне милость, и прежде чем я засну, рассказал мне, не скрывая, нет ли у тебя на душе желанья, которого ты не можешь осуществить, или какой-нибудь нужды. Ради Аллаха не таи от меня ничего, ибо рука моя в этом городе может сделать многое из того, чего ты хотел бы, но не можешь достигнуть. Расскажи мне об этом, ибо рука моя, как я тебе говорил, властна в этом городе на многое. Я хочу, чтобы ты рассказал мне, чего бы ты хотел, чтобы я мог сделать это для тебя и удостоился бы чести исполнить твое желанье за ту милость, добро и благодеяние, которые ты мне оказал сегодня ночью. Клянусь Аллахом, я полюбил тебя за твою любовь к чужеземцу!

И Абу-ль-Хасан отвечал ему:

— О мой добрый, счастливый гость, благодарю тебя за милость! Я убежден в твоей искренней любви ко мне, но я человек неприхотливый, довольный тем, что уделил мне

создатель — слава Аллаху за это! — и нет у меня никаких желаний, и я не хочу стать больше, чем я есть. Как бы то ни было, о гость мой, я благодарю тебя за благодеяние и милость, так как ты оказал мне почет и повеселился со мной сегодня ночью и отведал моей пищи, недостойной твоего сана и положения, и зашел в мой дом, слишком бедный для столь знатного гостя. Но ты заклинаешь меня, о мой гость, сказать, каково мое желание, и я скажу тебе об одном деле, на которое властен, однако, лишь Аллах.

— Знай, о гость, что, живя в нашем квартале, я устал от четырех сторожей. Эти проклятые старики — да поразит их гнев Аллаха! — никому не дают покоя из-за своего зла и нет у них день-деньской другого дела, как злобствовать и ссориться с жителями квартала — с одного деньги тянут, другого оскорбляют. И еще есть у нас имам * в квартальной мечети — проклятуший старик, паскудней его не найти на всей земле, и эти пятеро стариков по паскудству — одна шатия, и похожи друг на друга, словно навоз из одной кучи. Скажешь имаму: «Мир тебе!» — а он: «Чтоб тебе ослепнуть!» — одним словом, никудышный человек. Готов повздорить с собственнотенью и сам себе в бороду вцепиться! Вот он каков, этот проклятый, и рожа у него гадкая, противная, словно обезьянья морда.

И халиф рассмеялся и спросил:

— Что же ты хотел бы сделать с этими пятью проклятыми негодниками?

И Абу-ль-Хасан молвил:

— Ах мой гость, я прошу у Аллаха лишь одного, и, право, это не так уж много: дал бы он мне хоть денек побыть халифом вместо наместника Аллаха, повелителя правоверных Харуна ар-Рашида!

— Ну, а если бы ты, Абу-ль-Хасан, стал халифом вместо повелителя правоверных Харуна ар-Рашида, что бы ты сделал в этот день? — спросил халиф.

— Я вознаградил бы щедро и великодушно, который, как ты, оказывает достойным людям милость и благодеяние, — ответил Абу-ль-Хасан, — а потом тотчас же послал бы за имамом из квартальной мечети и всыпал бы ему четвереста плетей из слоновьего хвоста и показал бы этому проклятому все его паскудство. И еще послал бы за теми четверьмя стариками сторожами и им тоже влепил бы по четверста

плетей и велел бы им сидеть дома, не задевать никого из жителей квартала и не вмешиваться не в свое дело. Пусть себе сидят и читают Коран, а я уж дам им хлеба вдоволь.

И халиф, услышав слова Абу-ль-Хасана, остался доволен его суждением и справедливостью, так как тот пожелал стать халифом лишь для того, чтобы отомстить дурным людям, а Абу-ль-Хасан и все жители квартала действительно устали от этих пяти негодяев — четырех старых квартальных сторожей и имама в мечети.

— О Абу-ль-Хасан,— сказал халиф,— твое суждение поистине справедливо и правосудно, и Аллах великий может даровать тебе то, что ты желаешь, ибо, клянусь великим Аллахом, он был бы этим доволен. Возможно и вероятно, что когда повелитель правоверных узнает, что ты хотел бы стать халифом, чтобы отомстить за обиду, из любви к справедливости он сделает тебя на день своим заместителем. Мне не трудно, Абу-ль-Хасан, осведомить повелителя правоверных о твоём желании, ведь хотя я мосульский купец, у меня с халифом знакомство и дружба.

И Абу-ль-Хасан засмеялся и сказал:

— О гость, ты как будто шутишь и потешаешься надо мной и насмехаешься над моим слабым умом. Ведь если даже твои слова и правильны и ты пойдешь и скажешь об этом повелителю правоверных, он только посмеется над нами с тобой и над скудостью моего ума. Но правда, если бы халиф узнал об этих людях, он воздал бы им по заслугам.

— Нет, Абу-ль-Хасан,— возразил халиф,— не говори, что я над тобой смеюсь. И упаси боже, чтобы я смеялся над таким хорошим человеком и ответил бы неблагодарностью на милость. Да и халиф тоже не станет над тобою насмеяться, как ты подумал; совсем наоборот — это его только повеселит и позабавит. Однако хватит нам разговаривать, ведь ночь уже вся прошла.

— Ты совсем сонный и хочешь отдохнуть,— сказал Абу-ль-Хасан.— Правда, ты устал, но здесь, в бутылки, остается еще немного вина. Прикончим его, разделимся с ним, а потом поспим. Но сначала, о гость мой, я дам тебе наставление: когда утром выйдешь раньше меня, прошу тебя, закрой за собой дверь.

— Слушаю и повинуюсь, Абу-ль-Хасан,— ответил халиф.— Но я хочу сам налить тебе последнюю чашу.

И Абу-ль-Хасан воскликнул:

— С любовью и охотой, о гость мой!

И халиф взял бутылъ, налил себе и выпил, а потом он наполнил чашу Абу-ль-Хасана и положил в нее немного банджа * и подал ее Абу-ль-Хасану, говоря:

— Ты все время мне прислуживал, о Абу-ль-Хасан, и теперь мне следует послужить тебе.

Абу-ль-Хасан взял чашу, поблагодарил халифа и выпил ее всю. Вино и бандж закружились у него в голове, и он упал на землю и заснул как убитый, и халиф засмеялся.

А Масрур стоял перед халифом, и тот сказал ему:

— О Масрур, звали его на плечи и хорошенько запомни этот дом, чтобы, когда я тебе велю, принести его обратно.

— Слушаю и повинуюсь, о повелитель правоверных,— ответил Масрур.

И халиф вышел, а Масрур шел за ним следом, неся Абу-ль-Хасана. Они оставили дверь открытой и шли до тех пор, пока не дошли до дворца; и оказалось, что невольницы, рабы и евнухи еще не ложились. И халиф положил Абу-ль-Хасана во дворе и велел рабыням раздеть его и переодеть в платье, которое халиф надевает для сна; и Абу-ль-Хасана тотчас же одели в ночную одежду халифа и положили на его постель. А потом халиф созвал всех своих невольниц, наложниц, евнухов и вообще всех тех, кто обычно состоял при халифе, исполняя службу, и когда все собрались, сказал им:

— Завтра вообразите, что этот человек — я, халиф, и служите ему с таким же почтением и уважением, какое оказываете мне. Все, что вы делаете для меня, когда я встаю с постели, делайте и для него тоже, и я не хочу, чтобы хоть один из вас прислуживал мне — наоборот, все прислуживайте ему, точно он и есть халиф. И берегитесь, и еще раз берегитесь меня послушаться.

Потом халиф послал за Джафаром, своим везиром, и рассказал ему историю Абу-ль-Хасана и то, что у него с ним случилось, и затем молвил:

— Завтра утром приходи, как обычно в диван * с эмирами и вельможами царства. Абу-ль-Хасан выйдет к вам в диван, словно он халиф, а вы оказывайте ему необходимые почести, которые вы оказываете мне. Оповести об этом прочих эмиров и везиров и проявляй к нему почтение и уважение, и пусть всякий из вас делает вид, что он — это я, соб-

ственной особой. Берегитесь послушаться его в том, что он вам прикажет, и, наоборот, делайте все, даже если он растратит богатства всего государства и опустошит всю казну. Исполняйте все его повеления и берегитесь, берегитесь послушаться. Вот чего я хочу от вас.

И везир отвесил халифу поклон и сказал: «Слушаю и повинуюсь повелителю правоверных!» — и потом вышел от него, а халиф направился в свои покои, чтобы лечь спать, и позвал старшего евнуха и тоже наказал ему проявлять к Абу-ль-Хасану полное уважение, как будто это сам халиф, и добавил:

— Прежде чем разбудить его от сна, как вы делаете со мной, разбудите меня. Я войду и где-нибудь спрячусь и посмотрю, что он будет делать.

И главный евнух ответил: «Внимание и повиновение, о повелитель правоверных!» — и халиф проспал эту ночь, а под утро главный евнух поднял его. И халиф встал, вымыл лицо, совершил омовение * и помолился, а потом направился в ту комнату, где спал Абу-ль-Хасан, и спрятался в укромном месте, чтобы посмотреть, что тот станет делать.

И когда наступило утро, пришли все невольницы и рабыни и окружили Абу-ль-Хасана, и наложницы сели у него в головах, а евнухи стояли, скрестив руки. Они дали Абу-ль-Хасану чашу с питьем против банджа, и Абу-ль-Хасан поднял голову, но не мог сразу открыть глаз, до того она была у него тяжелая. И он стал раскрывать их мало-помалу и увидел, что лежит на шелковой перине, набитой страусовыми перьями, и покрывало сплошь заткано и расшито золотом, а комната, где он лежит, похищает разум и подобна райской обители.

И Абу-ль-Хасан принялся протирать глаза, чтобы они не слипались, и потом открыл их и увидел, что вокруг него стоят наложницы и невольницы, каждая из которых как бы говорит луне: «Спрячься, я займу твое место!» — и в руках у них музыкальные инструменты, а другие невольницы, черные, стоят, скрестив руки, и евнухи тоже.

И Абу-ль-Хасан опешил и стал ворочаться то направо, то налево, и его охватило изумление, и ум его был ошеломлен, и он воскликнул про себя: «Что за притча! Я, верно, сплю и вижу сон! Клянусь Аллахом великим, это всего вероятней, а иначе — что же это такое?»

И он поглядывал на невольниц и говорил: «Господи боже, что же это такое? Какой там сон, когда эти люди, и одежда, и чалма, что на мне,— халифские, а постель — постель халифов. Ясно — я стал халифом! Что же это, Абу-ль-Хасан? Ведь сейчас твой слуга скажет: «Мой господин рехнулся», — и тебя засадят в больницу. Ясно — я каждый день твержу: «Хочу стать халифом», — вот я и увидел такой сон. Правильно, это так и есть! Я вчера говорил об этом с мосульским купцом, которого угощал, и это, видно, мне и приснилось из-за болтовни и разговоров».

И он зажмурил глаза и хотел опять заснуть, говоря: «Это все от болтовни, парень», — но главный евнух подошел к нему и молвил:

— О повелитель правоверных, день взошел! Вставай же, соверши омовение и помолись.

И Абу-ль-Хасан, услышав эти слова, воскликнул:

— Что за история? Я сплю или не сплю? Спи, парень, чтобы не сказали, что ты спятил и потерял рассудок!

И он зажмурил глаза и прикинулся спящим, и главный евнух опять подошел к нему и сказал:

— О повелитель правоверных, не спи! Встань, соверши омовение и утреннюю молитву. Ведь солнце сейчас взойдет, а у твоего величества нет привычки пропускать утреннюю молитву.

— Господи боже,— воскликнул Абу-ль-Хасан,— что же это такое! Я все время сплю, но спящий никогда в жизни не слышит, а я-то ведь слышу, как кто-то меня зовет.

И он открыл глаза и увидел наложниц, невольниц, слуг и евнухов, которые стояли перед ним и ждали, и опять принялся тереть глаза, чтобы пробудиться от сна. Потом он открыл глаза и взгляделся, и убедился, и засмеялся, увидев себя халифом, и громко захохотал, а халиф украдкой смотрел на него и тоже смеялся.

И невольницы, наложницы и евнухи, увидев, что Абу-ль-Хасан открыл глаза и смотрит на них, все приблизились к нему и отвесили поклон, и пожелали ему славы и вечного благоденствия, и поцеловали перед ним землю. Одни принялись играть на лютне, другие — на цитре, иные — на гитаре и на прочих инструментах, и все подошли и пожелали Абу-ль-Хасану доброго утра и приветствовали его, как приветствуют халифов, а музыка все продолжала играть.

И Абу-ль-Хасан растерялся и опешил от этого и, закрыв глаза руками, закричал:

— Что со мной делается! Господи! Это халифский дворец, вот невольницы и рабыни! Что же это случилось? Ты так с ума спятишь, Абу-ль-Хасан! Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Что за притча! Я и вправду не сплю!

И он снова открыл глаза и увидел, что солнце уже сияет, и увидел также рабынь, каждая из которых своей красотой смущает восходящее солнце, и воскликнул:

— Интересно, с ума я сошел, или то, что я вижу, — истинная правда!

И когда Абу-ль-Хасан размышлял об этом и обращал к себе самому такие речи, вдруг подошел к нему главный евнух и отвесил ему поклон и поцеловал землю и сказал:

— О повелитель правоверных, не в обычае у твоего величества спать до такого часа, и ты ни одного дня не пропускал утренней молитвы. Видно, на тебя сегодня ночью напала бессонница, и возможно, что тебе нездоровится, но сейчас, о повелитель правоверных, пришло время открывать диван, и везиры, эмиры, вельможи и знатные люди царства ждут, когда ты выйдешь к ним в диван и станешь по обычаю творить суд и расправу.

И когда Абу-ль-Хасан услышал слова главного евнуха, его взяла оторопь, и он не мог понять, что случилось. Он убедился, что это все не во сне, а наяву, но совершенно растерялся и не знал, что говорить и что делать.

И он понизил голос и спросил главного евнуха:

— Что это значит? С кем ты разговариваешь и кому говоришь «повелитель правоверных?» Я тебя до сих пор ни разу в жизни не видел. Кого же это ты называешь повелителем правоверных?

А Абу-ль-Хасан совсем ошалел, и не понимал он, что с ним произошло и что это за история. И главный евнух, тот самый, которого халиф учил, как ему себя вести, подошел к нему и сказал:

— О повелитель правоверных, твое величество говорит со своим рабом не так, как обычно. Ты, видно, хочешь испытать меня такими словами. Это ты — мой владыка, повелитель правоверных, наместник Аллаха на земле его, Харун ар Рашид, пятый правитель из сынов аль-Аббаса *, власти-

тель земли от востока до запада и преемник пророка Аллаха, господина людей и джиннов * — да благословит его Аллах и да приветствует! — а я твой раб и слуга, и как могу я забыть своего владыку, когда я воспитался под сенью твоей милости? Уповаю, что ты, по своей кротости, будешь ко мне снисходителен, о повелитель правоверных! Очевидно, какой-то негодяй нашептал тебе на меня ложное, и поэтому твое величество говорит мне такие слова и не хочет меня знать. Ведь я в жизни не слышал от тебя подобных речей. А быть может, о повелитель правоверных, тебе привиделся ночью сон, который нарушил твой покой?

Услышав слова главного евнуха, Абу-ль-Хасан громко рассмеялся и так хохотал, что упал навзничь, и халиф, услышав хохот Абу-ль-Хасана, тоже схватился за бока от смеха. А нахохотавшись, Абу-ль-Хасан задумался и покрутил головой направо и налево и потом обратился к маленькому прислужнику, который стоял возле него, и спросил:

— Эй, мальчик, кто я такой?

— О господин, ты владыка наш, повелитель правоверных, наместник пророка — да благословит его Аллах и да приветствует! — и властитель земли на суше и на море, — ответил слуга, и Абу-ль-Хасан воскликнул:

— Врешь, проклятый! Ты хоть маленький, да лгун, и ты черней, чем дно котелка!

Потом он кликнул одну из невольниц и сказал ей:

— Подойди-ка ко мне, красotka! — и когда та подошла, протянул ей палец и приказал:

— Кусай меня за палец да посильней, чтобы я понял, грежу я или не сплю и бодрствую.

А невольница знала, что халиф устроил все это с Абу-ль-Хасаном, чтобы посмеяться над ним. Она взяла палец Абу-ль-Хасана, положила в рот и, впившись в него зубами, укусила его изо всех сил, а Абу-ль-Хасан взвыл и крикнул:

— Ай! Клянусь Аллахом, я несомненно бодрствую, а не сплю, и это все не во сне!

Потом он обратился к невольнице и сказал ей просительно:

— Заклинаю тебя Аллахом, о госпожа красавиц, скажи, кто я такой и не лги мне!

— О господин, — отвечала невольница, — ты владыка наш, повелитель правоверных, наместник посланника божь-

его — да благословит его Аллах и да приветствует! — повелитель всей земли от востока до запада.

— Господи боже мой, Абу-ль-Хасан, кто бы мог подумать, что ты станешь халифом! — воскликнул Абу-ль-Хасан. — Прав, видно, тот, кто сказал: «От вечера до утра каких чудес не бывает!» *. Но смотри, парень, голова у тебя тяжелая, и, может быть, эта проклятая тебе врет.

— Чтоб тебе пусто было проклятая, ты, оказывается, врунья, — сказал он невольнице. — Я-то ведь хорошо знаю, кто я такой.

Тут подошел к нему главный евнух и сказал:

— О владыка наш, повелитель правоверных, диван давно собрался, — и Абу-ль-Хасан решил вставать.

И главный евнух подошел, подхватил его под мышки и свел с постели, и все бывшие во дворце рабыни, наложницы, слуги и рабы в один голос закричали: «Доброго утра, о повелитель правоверных!» — и когда Абу-ль-Хасан услышал это и увидел себя в таком положении, то перестал сомневаться, что он халиф.

Но он удивился и растерялся, не понимая, как случилась эта история, и не знал он, почему это все произошло и воскликнул:

— Аллах, Аллах! О Абу-ль-Хасан, как быстро все изменилось! Еще вчера ты был Абу-ль-Хасаном, а сегодня стал повелителем правоверных, наместником Аллаха. Ей-богу, хорошо! Но тому, что судил Аллах, не приходится удивиться.

Потом невольницы и служанки одели Абу-ль-Хасана в платье халифа и вымыли ему лицо, а затем они чинно и торжественно пошли впереди него и вывели его из опочивальни и привели в диван. После этого невольницы вернулись обратно, передав Абу-ль-Хасана евнухам, а те ввели его в большой зал дивана и подвели к престолу халифа и подняли и усадили на престол. И слуги с невольниками поцеловали перед ним землю, желая ему величия и вечного благоденствия, и Абу-ль-Хасан осмотрелся в диване и увидел людей, и воинов, и евнухов, которые его охраняли.

А халиф еще раньше пришел в диван и сел в укромном месте, чтобы посмотреть, что же Абу-ль-Хасан будет делать, и увидел, что Абу-ль-Хасан величественно восседает на престоле и раздает милости тем, кто их достоин, словно он и вправду халиф.

Затем, через некоторое время, вошел везир Джафар и отнесся перед Абу-ль-Хасаном поклон, целуя землю, и пожелал ему славы и вечного благоденствия и молвил:

— О повелитель правоверных и податель благ, да погубит Аллах твоих врагов и да пошлет тебе над ними победу!

И тут Абу-ль-Хасан убедился, что действительно стал халифом, и сказал про себя: «Я просил у Аллаха власти на один день, а Аллах даровал мне ее на всю жизнь».

Потом он обратился к Джафари и молвил:

— Говори, что у тебя на уме, о Джафар, и если ты что-нибудь задумал, скажи об этом.

— О повелитель правоверных, везиры, вельможи царства, эмиры и знатные люди государства стоят у дверей и ожидают от твоего величества разрешения и предписания войти, чтобы узнать, что им надлежит исполнить для его величества повелителя правоверных,— ответил Джафар.

И Абу-ль-Хасан обратился к старшему внуку, который стоял перед ним, и приказал ему дать вельможам разрешение войти.

И вельможи вошли и поклонились и пожелали Абу-ль-Хасану величия и сказали:

— О повелитель правоверных и наместник господа, да дарует тебе Аллах победу и да погубит твоих врагов!

Они облобызали перед ним землю, и Абу-ль-Хасан приказал им сесть, и каждый из них сел на место, приличествующее его чину, а затем Джафар подошел к халифу и, встав с ним рядом, доложил ему близкие, отдаленные и необходимые дела, прочитал прочие письма и донесения, касающиеся управления государством, и Абу-ль-Хасан запрещал и повелевал, отнимал и награждал, словно он халиф, а Джафар почтительно стоял перед ним.

Потом Абу-ль-Хасан обернулся и увидел вали *, начальника стражников города — а он их узнал,— и сказал:

— О Джафар, у меня есть дело к вали и к его людям.

И когда вали услышал это, он быстро подошел со своими людьми к Абу-ль-Хасану, и те поцеловали перед ним землю и отвесили поклон и пожелали ему величия и вечного благоденствия и сказали:

— Приказывай, повелитель правоверных, мы внимаем и повинемся.

И Абу-ль-Хасан приказал им:

— Отправляйтесь в такой-то квартал и схватите четырех старых сторожей, которые там живут, а потом пойдите в тамошнюю мечеть, то есть в соборную мечеть квартала, и схватите имама. Дайте каждому из этих людей по четыреста ударов слоночьим хвостом, посадите каждого на верблюда, велите им держать верблюда за хвост и проведите их так по городу, и пусть глашатай идет перед ними и кричит: «Вот воздаяние, и наименьшее воздаяние, тому, кто суется в дела, которые его не касаются и к нему не относятся, и любит устраивать и сеять смуты и склоку между соседями!» — А когда вы их обесславите, прогоните их вон из города — пусть они никогда больше тут не живут и сюда не входят. Посадите их в какую-нибудь мечеть за воротами Багдада, и пусть люди отдохнут от их зла. А когда вы исполните то, что я приказал, возвращайтесь и расскажите мне. И остерегайся, о вали, меня послушаться! Клянусь моей головой, что если ты сделаешь иначе, я отрублю голову тебе.

И вали поцеловал землю перед Абу-ль-Хасаном и сказал:

— Слушаю и повинуюсь, о повелитель правоверных! — и тотчас вышел со своими людьми, чтобы выполнить его приказание, а Абу-ль-Хасан остался во дворце и продолжал заниматься с везирами делами государства.

А халиф, когда услышал приказ Абу-ль-Хасана вали, совсем обеспамятел от смеха и сказал про себя:

— Клянусь Аллахом, Абу-ль-Хасан не забыл про четырех сторожей и имама мечети, и клянусь Аллахом великим, он поступил правосудно и по справедливости, так как они этого заслужили! Именно этого он хотел и желал сделать, когда станет халифом.

И Абу-ль-Хасан до тех пор вершил в диване дела и выносил приговоры, пока вали не вернулся и не вошел в диван. Он отвесил Абу-ль-Хасану поклон, и тот спросил его:

— Сделал ты то, что я тебе велел?

— Да, повелитель правоверных, — ответил вали, — и в подтверждение того, что я выполнил твой приказ, вот свидетельство жителей квартала и его именитых обитателей. Все радуются твоему повелению и желают твоему величеству вечной славы.

И начальник вынул бумагу и подал ее Абу-ль-Хасану, и тот взял ее, прочитал и узнал почерк тех, кто давал свидетельство.

И обрадовался Абу-ль-Хасан великою радостью и сказал про себя: «Вот то, чего ты желал. Абу-ль-Хасан, и Аллах даровал тебе это, и ты достиг цели!» — а потом он обратился к везиру Джафару и приказал:

— Принеси сейчас же кошель с пятью сотнями динаров *, пойдя с ним в этот же самый квартал и спроси там старую женщину, которую зовут Умм Абу-ль-Хасан *. Сын этой женщины — человек известный на весь квартал, и его знают во всем городе, и когда вы о ней спросите, вас сейчас же к ней проведут, так что вы не ошибетесь. Так вот отдай ей этот кошель.

Когда халиф услышал это, он так засмеялся, что даже схватился за бока, а везир Джафар облобызал землю и сейчас же пошел в казну. Он взял кошель с пятью сотнями динаров и пошел к матери Абу-ль-Хасана и отдал ей кошель со словами: «Повелитель правоверных шлет тебе этот кошель», — и мать Абу-ль-Хасана взяла его, и ее охватило удивление из-за этой истории. Ведь она ровно ничего не знала о происшествии со своим сыном Абу-ль-Хасаном и о том, что с ним случилось.

Потом везир Джафар вернулся в диван, отвесил перед Абу-ль-Хасаном поклон и сказал:

— Я выполнил твой приказ, о повелитель правоверных.

А спустя короткое время главный евнух вошел в диван и подал везиру знак кончать диван, и вельможи тотчас же попросили у Абу-ль-Хасана разрешения удалиться и вышли, а главный евнух взял Абу-ль-Хасана за руку и увел его во дворец.

И Абу-ль-Хасан попросился сходить в «дом отдохновения», по нужде, и ему поднесли, по обычаю халифов, шелковые шлепанцы, вышитые золотом. И Абу-ль-Хасан положил их на колени, но вдруг ему до того приспичило, что он поспешно выбежал босиком, со шлепанцами в руках, а халиф так смеялся, что упал навзничь.

Потом Абу-ль-Хасан, удовлетворив нужду, вышел из «домика уединения», и все слуги и евнухи встретили его и пошли впереди и привели его в те покои, где ему приготовили обед.

И невольницы, рабы и наложницы встали перед Абу-ль-Хасаном — а у невольниц были в руках музыкальные инструменты — и начали бить по струнам и петь, и когда Абу-

ль-Хасан услышал удары по струнам, звуки музыки и пение и увидел, как красивы и прелестны невольницы, каждая из которых могла посрамить сияющее солнце, он смутился умом и растерялся и сказал про себя: «Как можно говорить, будто все, что я видел и теперь вижу,— сон! Вряд ли! Но как же все-таки: я знаю, что вчера я был Абу-ль-Хасаном, а сегодня вдруг сделался халифом... Клянусь Аллахом, это здорово! Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! О милостивый, о милосердый, защити меня от последствий этого сна! Но хорошо, Абу-ль-Хасан, неужели все это торжество, почет, великолепие и пышность, которые ты видишь,— только сон? Не думаю, чтобы это был сон. Но как же, однако, все-таки случилось такое дело? Ведь на весь мир есть только один халиф, а я вижу, что халиф — это я. Значит, другого халифа нет, раз несомненно, что халиф сегодня я. Ведь вижу же я это великое торжество и роскошный дворец и его убранство!»

Потом он бросил все эти размышления и уселся за столик и увидел на нем золотые блюда с тонкими кушаньями и роскошными яствами и перед собою — невольниц, каждая из которых могла посрамить луну в ночь полнолуния.

И Абу-ль-Хасан стал озираться направо и налево, глядя на самого себя, и всматривался во все эти вещи, крутя головой и хохоча, и затем он посадил возле себя нескольких невольниц, а другие стояли, держа в руках золотые опахала.

Он посмотрел на невольниц, которых посадил с собой рядом, и увидел, что ни одна ничего не ест, и принялся их угощать, а некоторых даже кормил своей рукой. Потом он стал спрашивать невольниц, как их зовут, и одна отвечала: «Мое имя Даурат аль-Камар»,— а другая сказала: «Меня зовут Шамс ан-Нахар»,— а третья ответила: «Суккаррия»,— а еще одна: «Малихат аль-Кадд»,— другая: «Будур»,— и третья: «Насим ас-Саба»,— и халиф все больше веселился и смеялся, видя, как Абу-ль-Хасан разглядывает невольниц и выспрашивает, как их зовут.

Когда же невольницы увидели, что Абу-ль-Хасан кончил есть и насытился, они крикнули главному евнуху: «Эй, ага *, повелитель правоверных покончил с едой!» — и главный евнух подошел и взял Абу-ль-Хасана за руку и поднял его и посадил на скамью. Он принес таз и кувшин и вымыл Абу-ль-Хасану руки, и одна рабыня держала для него кув-

шин, а другая несла полотенце, а третья — курильницу с алоэ и амброй.

И когда Абу-ль-Хасан вымыл руки, он поднялся, и главный евнух пошел впереди него, вместе с невольницами и рабынями. Его привели в другую комнату, не в ту, где он был прежде, и когда Абу-ль-Хасан вошел туда, у него помутилось в голове — такая это была красивая комната: разубранная, расписанная по стенам узорами и устланная роскошными коврами. И там он нашел множество невольниц, еще красивей, чем те, которых он уже видел, и каждая держала в руках какой-нибудь музыкальный инструмент, и когда Абу-ль-Хасан вошел к ним, все невольницы встали и разом пустились петь на один напев, ударяя по струнам, а любая из них своей красотой и прелестью могла превратить богомольца в безбожника. И Абу-ль-Хасан посмотрел и увидел, что столик уже поставлен и на нем плоды всех сортов и прозрачное вино, и кубки и чаши выстроились рядами, и яства лежат в золотой посуде, украшенной драгоценными камнями.

Потом главный евнух посадил Абу-ль-Хасана, а Абу-ль-Хасан позвал невольниц и усадил их возле себя, и стал всматриваться в этих девушек, и ум его был ошеломлен их красотой, и не знал он, какую больше любит. И он начал есть, и одну невольницу он кормил из своих рук, а другой сам клал куски в рот, угощая ее, и он совершенно оторопел от всех этих происшествий.

Потом он обратился к одной наложнице и сказал:

— О любимая, возьми кусочек этого яблока! Залечи мое сердце и сними бремя, которое ты возложила на меня с тех пор, как я тебя увидал, — и так брал у одной и давал другой, а халиф видел все это и слышал слова Абу-ль-Хасана.

Когда же Абу-ль-Хасан покончил с едой, его взяли и привели в третью комнату, великолепней, диковинней и чудесней других, и Абу-ль-Хасан все больше и больше удивлялся, особенно когда он и там увидал невольниц, да к тому же прекрасней и лучше тех, которых видел прежде. И в этой комнате тоже стоял столик, а на нем — сосуды из чистого золота, полные сластей и чистых прозрачных напитков.

После этого его привели в четвертую комнату, еще больше и роскошней прежних — а солнце было уже на закате, — и он увидел в этой комнате три золотых подсвечника, укра-

шенных драгоценными камнями, а в подсвечниках — камфарные свечи. И там тоже были невольницы, восхитительней всех, каких он видел, и каждая держала в руках какой-нибудь музыкальный инструмент, и когда Абу-ль-Хасан вошел к ним, они поднялись и ударили по струнам и завели напевы, ошеломляющие разум. И Абу-ль-Хасан посмотрел и вдруг видит: перед ним столик весь из чистого золота, над бассейном, тоже из чистейшего золота, а вокруг бассейна чаши и в чашах вместо воды — чистое вино.

И Абу-ль-Хасан обрадовался и возликовал. Он подошел к столику и сел, посадив невольниц возле себя, и принялся кормить и угощать их, и спрашивал, как их звать, и одна из них отвечала: «Мое имя Хабл аль-Лулу»¹.

— Твое имя — Хабл аль-Лулу? — воскликнул Абу-ль-Хасан. — Тебя следовало бы назвать не «нитка жемчуга», а «весь жемчуг, какой только есть на свете». Но раз уж тебя так называли, налей мне чашу, и я выпью ее из твоих рук за твоё здоровье.

А халиф слышал эти слова Абу-ль-Хасана и страшно хохотал.

Между тем невольница чинно и почтительно налила Абу-ль-Хасану чашу вина, и Абу-ль-Хасан сказал ей:

— О Хабл аль-Лулу, я сейчас выпью за твоё здоровье, но я хочу, чтобы ты налила еще одну и тоже выпила.

И когда Абу-ль-Хасан выпил чашу, девушка налила чашу, чтобы выпить, и потом взяла люгню и запела:

Ты коротка или долга, о ночь,
Не все ль равно — ведь мне уснуть невмочь.
Найти б мне луполицкую мою,
Тогда б я не стерег луну твою.

А Абу-ль-Хасан до того возликовал, что едва не потерял разум. Он принялся плясать без музыки, и ему казалось, что комната пляшет вместе с ним, и не понимал он, во сне это или наяву.

Потом он обратился к невольнице, сидевшей близ него, и спросил: — О любимая, как твоё имя? и та ответила: — Мое имя Наджмат ас-Субх², — и Абу-ль-Хасан восклик-

---

¹ Хабл аль-Лулу по-арабски «нитка жемчуга».

² Наджмат ас-Субх по-арабски «утренняя звезда».

нул: — Не нужно тебе такое имя, ибо, клянусь Аллахом, твое чело светит ярче утренней звезды! Будь добра, о любимая, налей мне чашу и напои меня.

И Наджмат ас-Субх налила чашу и протянула ее Абу-ль-Хасану, и тот взял чашу и выпил ее, а девушка налила себе и выпила, и ударила по струнам и запела, и Абу-ль-Хасану представилось, что комната пляшет вместе с ним.

И затем Абу-ль-Хасан обошелся так же с третьей невольницей, с четвертой и с прочими, пока не обошел их всех по очереди, а халиф смотрел, как ведет себя Абу-ль-Хасан, и смеялся над ним, особенно когда видел, как тот разговаривает с невольницами и спрашивает каждую, как ее зовут.

И когда Абу-ль-Хасан выпил сам и дал выпить невольницам, каждой по очереди, халиф послал приказ Хабл аль-Лулу, и та взяла чашу, наполнила ее вином и положила туда банджа. Она подала чашу Абу-ль-Хасану и сказала:

— О повелитель правоверных, твоя рабыня сложила сегодня красивую песню, и я хочу, чтобы твое величество выпило из моих рук эту чашу, а я спою тебе песню.

А Абу-ль-Хасан полюбил эту невольницу великой любовью, и он взял у нее чашу и молвил:

— Ты бесподобная красавица своего времени и моя любимая!

Потом он поднес чашу к губам, а Хабл аль-Лулу взяла лютню и спела Абу-ль-Хасану такую песенку:

Прохожий! Сколько мне ночей не спать?

О, сколько дней печаль мою скрывать?

Ты моему любимому шепни:

«Как смеют бесконечно длиться дни?»

И Абу-ль-Хасан пришел в восторг и восхитился невольницей и воскликнул:

— О душа моя, о жемчуга всего мира, о сердцевина моего сердца! Если я повелитель правоверных, повтори мне твою песенку еще раз!

И Хабл аль-Лулу повторила для него песню и еще раз спела ее, а когда она кончила, Абу-ль-Хасан поднес чашу ко рту и выпил ее и воскликнул: «Я выпил эту чашу за твои глаза!» — и не успело вино утвердиться у него в утробе, как он упал и заснул словно убитый.

И тут халиф вышел, не помня себя от смеха, и велел невольницам снять с Абу-ль-Хасана халифскую одежду и одеть

его в платье, которое было на нем, когда халиф принес его во дворец, а потом послал за рабом Масруром, который пригласил на себе Абу-ль-Хасана, и сказал ему:

— О Масрур, взвали его на спину, отнеси и положи на место, в ту комнату, из которой мы его взяли, и оставь дверь в комнату открытой.

— Внимание и повиновение, о повелитель правоверных,— ответил Масрур и взвалил Абу-ль-Хасана на спину и отнес его на место и положил. А халиф очень развеселился из-за Абу-ль-Хасана, и грудь его расправилась, и он воскликнул:

— Завтра он будет Абу-ль-Хасаном, а сегодня был халифом и отомстил своим врагам — имаму и четырем старым сторожам, что живут в его квартале!

А Абу-ль-Хасан проспал эту ночь и под утро проснулся, и глаза его были крепко сомкнуты под тяжестью банджа. И он позвал:

— О госпожа моя, Хабл аль-Лулу, о Наджмат ас-Субх, о Даурат аль-Камар, где вы? Пойдите сюда, сядьте со мной рядом! — и до тех пор кликал каждую из невольниц, называя их по имени, пока мать его не услышала этих воплей. Она встала и вошла к нему и спросила:

— О дитя мое, что с тобой делается? Ты, видно, грезишь?

И Абу-ль-Хасан открыл глаза и увидел перед собой какую-то старую каргу и крикнул:

— О проклятая, кто ты такая и кто тебя звал? Эй, евнух, возьми эту старуху и повесь ее, и чтобы я никогда больше лица ее не видел!

И он закрыл глаза, чтобы не видеть старуху, и мать сказала ему:

— О дитя мое, скажи: «Во имя Аллаха, милостивого, милосердного!» Имя Аллаха да будет над тобой! Что с тобой делается? Ты, видно, вчера вечером много выпил, что тебе привиделся такой сон и такие грезы. О сын мой, о Абу-ль-Хасан, ты забыл? Я твоя мать, твоя родительница. О любимый, какого это евнуха ты зовешь?

А Абу-ль-Хасан открыл глаза, а мать его продолжала:

— О дитя мое, вставай, погляди — сейчас будут звать к полуденной молитве.

И Абу-ль-Хасан закричал:

— Что ты мелешь, проклятая! Какой я тебе сын, старая Kochерыжка! Ты называешь меня Абу-ль-Хасан, старая потаскуха,— а я повелитель правоверных, наместник Аллаха.

— Эй, Масуд,— заорал он,— возьми эту старую шлюху и утопи ее в реке!

— Будет тебе орать и кричать, сынок,— сказала ему мать.— Ради Аллаха открой глаза! Услышат соседи, подумают, что ты бесноватый и засадят тебя в больницу, к сумасшедшим.

И Абу-ль-Хасан разозлился и сказал:

— Это ты бесноватая, о потаскуха, злосчастная старуха! Говорю тебе, я не Абу-ль-Хасан, а повелитель правоверных, уполномоченный пророка — да благословит его Аллах и да приветствует! — и мне покорны все люди, на суше и на море.

— О дитя мое,— воскликнула его мать,— какой это бес проклятый пришел к тебе сегодня ночью и взял тебя за голову и внушил тебе этакие слова? Помяни всемилостивого, о дитя мое, Абу-ль-Хасан, имя Аллаха охранит тебя от сетей, которые расставил тебе сатана сегодня ночью. Ты мой сын, Абу-ль-Хасан, а я твоя мать. Открой глаза и посмотри на свои палаты: где он, дворец, подобающий халифам? Здесь ты родился, сынок, и здесь вырос, и с малолетства и до сих пор не покидал этого дома. Подумай, разберись и прогони от себя сатану, который хочет поймать тебя в свои сети. Засадят тебя люди в больницу, словно сумасшедшего, коли услышат эти твои слова.

Когда Абу-ль-Хасан услышал речи своей матери, он немного образумился и открыл глаза. Он оглядел свою комнату и посмотрел на самого себя и сказал:

— Твоя правда, о матушка, кажется я Абу-ль-Хасан, а ты — моя мать. Верно ты говоришь, твоя правда! Возможно, что я Абу-ль-Хасан, как ты говоришь. Аллах да посрамит сатану!

И когда его мать увидела, что Абу-ль-Хасан немного очухался, она принялась весело болтать с ним, но потом Абу-ль-Хасан вдруг опять задумался и воскликнул:

— О колдунья, о шлюха, какой я тебе сын Абу-ль-Хасан! Говорю тебе, пошла с глаз моих. Ты хочешь своим колдовством превратить меня в твоего сына Абу-ль-Хасана! Да погубит тебя Аллах и да погубит с тобой твоего сына! Кля-

нужь Аллахом, я не кто иной, как повелитель правоверных и наместник господ мира!

— О дитя мое,— сказала ему мать,— заклинаю тебя Аллахом — помолись всемилостивому и помяни господ, чтобы эти слова не ввергли тебя в беду. Измени, о дитя мое, эти речи на другие. Вставай, дитя мое, и я тебе расскажу, что вчера случилось.

А мать Абу-ль-Хасана хотела отвлечь его, переменяя разговор, и Абу-ль-Хасан сказал ей:

— Ну, расскажи, что случилось.

И она молвила:

— Случилась целая история с имамом и с четырьмя стариками, сторожами в квартале: пришел вали, схватил их и надавал каждому по четыреста ударов слоночьим хвостом, а потом посадил каждого из них на верблюда и провез по всему городу, а затем выгнал их из города.

Едва Абу-ль-Хасан услышал от своей матери эти слова, он вскочил, страшно вытаращил на нее глаза и закричал:

— О старая греховодница, и ты еще говоришь, что я твой сын Абу-ль-Хасан! Когда я на самом деле повелитель правоверных, и это я отдал вали такой приказ! Теперь я все больше и больше убеждаюсь, что я не твой сын, которого, как ты говоришь, зовут Абу-ль-Хасан. Я повелитель правоверных! Я был очень рад, что наказал этих подлецов и мерзавцев, и ты теперь еще больше убедила меня, что я повелитель правоверных и что вали исполнил все, что я ему велел. Не говори мне, что я вижу сны или сплю. Нет, нет, я повелитель правоверных, уполномоченный пророка — да благословит его Аллах и да приветствует! — но кто принес меня сюда,— вот этого я не знаю. Хвала Аллаху, высокому, великому!

И мать Абу-ль-Хасана, услышав его слова, растерялась и не могла понять, что с ним делается, и решила, что ее сын лишился рассудка.

— О мой сын, о дитя мое,— сказала она,— помяни Аллаха, милостивого, милосердного. Величием Аллаха посрами сатану, о сын мой, и не говори таких слов, которые навлекут на тебя беду и всякие муки. Проси Аллаха великого — да будет он возвеличен и прославлен! — о снисхождении, чтобы он простил тебе грех, который ввергнул тебя в это несчастье. Владыка твой всепрощающ и милостив! Прошу его, пусть делает он тебя разумным и выведет на правый путь, о дитя

мос, чтобы ты не говорил так, как бесноватые, ибо у стен ведь есть уши. Опомнись, о сын мой!

Но Абу-ль-Хасан не успокаивался и не хотел выкинуть все это из головы.

— О скверная старуха, — воскликнул он, — говорю тебе, пошла прочь с моих глаз! Клянусь Аллахом, я повелитель правоверных, наместник господ мира! А если ты еще будешь мне перечить, я встану и так тебя отделаю, что жизнь покажется тебе сегодня горше смолы.

И когда мать Абу-ль-Хасана увидела, что тот все больше расходится и продолжает твердить: «Я повелитель правоверных, я халиф!» — она заплакала и заголосила и стала бить себя по лицу, крича: «Спаси тебя Аллах от этого беса! Сохрани тебя Аллах! Ты ведь умный! Что с тобой случилось, что ты потерял разум, о обладатель разума! Ахи, ахи, ахи!»

И когда Абу-ль-Хасан увидал, что его мать в таком состоянии, он, вместо того чтобы ее пожалеть, еще больше взбесился и схватил палку и стал колотить мать, приговаривая: «А ну, говори, проклятая старуха, кто я такой? Так я Абу-ль-Хасан, твой сынок? Аллах погуби тебя вместе с твоим сыном! О проклятая, кто такой Абу-ль-Хасан?»

— О дитя мое, — молвила она, — не может мать забыть сына, которого она родила! Ты мой сын, дитя мое, ты — Абу-ль-Хасан, сынок! И как это ты говоришь про себя, что ты повелитель правоверных и наместник господ мира, когда это звание Харуна ар-Рашида, пятого из потомков аль-Аббаса. Вчерашний день он прислал мне кошель с пятью сотнями динаров, да сохранит нам его Аллах на веки!

Услышав слова своей матери, Абу-ль-Хасан еще пуще взбесился, и его ярость усилилась.

— О кочерыжка, о проклятая! — закричал он, — и ты еще говоришь мне, что я твой сын! Ты все еще уверяешь, что я вру, а кто же тебе послал кошель? Как же я не повелитель правоверных, когда я послал его тебе с моим везиром Джафаром?

— О дитя мое, помяни Аллаха! — ответила ему мать.

И Абу-ль-Хасан еще больше рассердился и стал осыпать ее ударами, приговаривая: «Как меня зовут? Говори, а не то я излуплю тебя до смерти. Как меня зовут? Повелитель правоверных? Смотри не говори больше, что я твой сын

Абу-ль-Хасан! Я же тебе сказал, распроклятая, что я повелитель правоверных Харун ар-Рашид!»

И когда мать Абу-ль-Хасана увидела, что он все в таком же состоянии и не отступает от своих слов, она убедилась, что ее сын потерял разум и одержим бесом, а Абу-ль-Хасан все пуще бил ее по бокам и орал: «Скажи, что я повелитель правоверных, и больше ничего!»

И Умм Хасан от такой жестокой порки стала кричать, призывая людей и соседок, чтобы те пришли и вырвали ее из рук сына, и соседи пришли и вызволили ее и сказали:

— Что это такое, Абу-ль-Хасан? Ты лишился рассудка и потерял страх божий и сгубил свою душу. Какой человек поднимает руку на мать? А ты ведь к тому же сын почтенных людей, как же ты покушаешься на свою мать, когда она так тебя любит, что и описать нельзя?

И Абу-ль-Хасан, увидев, что все соседи собрались и ругают его и говорят ему такие слова, обернулся к ним и сказал:

— Кто вы такие и кто Абу-ль-Хасан? С кем вы сейчас разговариваете и кто это такой ваш Абу-ль-Хасан? Аллах погуби вас вместе с Абу-ль-Хасаном! Скажите мне, кто такой Абу-ль-Хасан?

— Боже великий! Абу-ль-Хасан, ты забыл своих соседей и товарищей, с которыми воспитывался, и эту женщину — твою родительницу! Что с тобой сегодня делается? — говорили соседи. А Абу-ль-Хасан кричал им в ответ:

— Свидетельствую, что нет бога, кроме Аллаха! Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! О слепцы, о коровы! Так значит мое имя Абу-ль-Хасан? Я — повелитель правоверных халиф Харун ар-Рашид, и если вы этого не знаете, я вам такое покажу, что вы научитесь уму-разуму и убедитесь, что я повелитель правоверных, о сводницы!

И когда соседи увидели, в каком Абу-ль-Хасан состоянии, они решили, что он потерял рассудок, сошел с ума. Его схватили, скрутили ему руки, чтобы он больше не бил мать, и послали сообщить об этом начальнику больницы, в которой сидят сумасшедшие, и тот сейчас же явился вместе со своими людьми, которые несли фалаку *, железные оковы и воловьши жилы.

И Абу-аль-Хасан, увидев этих людей, сейчас же узнал их и воскликнул:

— Разве дозволяет вам Аллах делать из вашего халифа, повелителя правоверных, бесноватого? Над повелителем правоверных вы делаете такое!

— Мы ничего не делаем с повелителем правоверных, а только с бесноватым Абу-ль-Хасаном. Пусть откажется от своих безумств. А с халифом мы ничего не делаем,— сказали те, и Абу-ль-Хасан вскричал:

— Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Горе вам, клянусь Аллахом великим, я повелитель правоверных, я халиф! Бог с вами, о люди, ослепли вы что ли! О люди, я повелитель правоверных!

И когда начальник и люди из больницы услышали слова Абу-ль-Хасана, они убедились в его безумии. Ему наложили на ноги и на руки железные цепи и забрали его в больницу, а когда его привели туда, начальник приказал его бить, и его били воловьими жилами, пока пот не превратился у него в кровь, а он кричал: «О люди, образумьтесь! Вы бьете вашего халифа! Я повелитель правоверных! Смотрите, не ошибитесь!»

Потом Абу-ль-Хасана посадили в какой-то комнате на цепь и оставили там, и каждый день давали ему по пятьдесят плетей, утром и вечером, пока совершенно не истерзали ему бока и плечи. И Абу-ль-Хасан лишился покоя, и его так истязали, что из-за множества ран он не мог лежать ни на котором боку.

И каждый день его спрашивали: «Ты кто?» — а он отвечал: «О люди, я вовсе не бесноватый и не лишился рассудка! Мои слова не изменятся, и они все те же, как прежде, так и теперь: я наместник Аллаха, повелитель правоверных».

И его стали наказывать день ото дня все сильнее, а его мать каждый день приходила к нему и упрасивала его и уговаривала образумиться и отказаться от своих слов. И вот однажды она пришла и увидела, что он в самом плачевном положении: все тело его разбито в лепешку и кровь непрерывно льется у него из боков, и от отсутствия покоя и страшных истязаний он сделался похож на черную палку. И мать его стала над ним плакать, и слезы струились у нее по ще-

Бам, как вода в канаве, а потом она решила посмотреть, образумится он или нет, и молвила:

— О дитя мое Абу-ль-Хасан, как ты поживаешь?

И ее сын, услышав, что она зовет его Абу-ль-Хасаном, чуть не лопнул от ярости и сильного гнева и сказал:

— Пошла, о треклятая, с моих глаз, прокляни Аллах тебя и твоего сына! Я повелитель правоверных!

И усилилась скорбь матери Абу-ль-Хасана и ее плач, ибо она увидела, что ее сын все в том же положении, и она молвила:

— О дитя мое любимое, откажись от такого мнения. Может быть, тебе привиделся сон, а ты думаешь, что это правда. Посмотри, в каком ты состоянии, и пожалей самого себя! Как может быть, чтобы ты был повелителем правоверных, а тебя посадили в такое место, к бесноватым, и каждый день пытаются? Как это так — ты халиф, а с тобой делают такие вещи — бьют без жалости и истязают без меры. Пожалей самого себя и взгляни на свое тело, ведь на нем нет живого места от ран. Сжался над самим собой и вернись к разуму, чтобы не умереть под пыткой.

И каждый день мать Абу-ль-Хасана ходила его проводить и говорила ему такие слова, а потом возвращалась опечаленная, со слезами на щеках от горя, а Абу-ль-Хасан все время воображал в уме, как он надел одежду халифа и сел на халифский престол и как он сидел в диване, а везиры, эмиры и вельможи царства стояли, ожидая от него приказаний, и вспоминал комнаты, которые видел, и окружавших его рабынь, наложниц и слуг и все прочие дивные вещи.

Но наконец от сильных побоев и великих пыток он обратился к разуму и задумался и сказал про себя: «Будь это правда, то, что я думаю, я бы не оказался той ночью, пробудившись от сна, в своем доме и не нашел бы себя одетым в платье Абу-ль-Хасана; нет, я увидел бы, что одет в платье халифа. Не иначе, эта старушка, которая каждый день приходит ко мне, правду говорит, что она мне мать и что я — Абу-ль-Хасан, ее сын, и что это все мне привиделось в сонных грезах. Ведь если я халиф, то где же везир и где евнухи? Как может быть, что я повелитель правоверных, Харун ар-Рашид, а меня оставили здесь и подвергли этим безжалостным пыткам? Но все это лишь уступка по принуждению, и я далеко не убежден, и выяснить истину может толь-

ко одна вещь, а именно история с имамом и с четырьмя старыми квартальными сторожами».

Потом Абу-ль-Хасан кликнул сторожа, приставленного к нему, и попросил его сходить и сказать начальнику, чтобы тот пришел поговорить с ним, и сторож сходил. И начальник пришел и спросил Абу-ль-Хасана «Что тебе надо?» И Абу-ль-Хасан молвил:

— Я хочу спросить, твое превосходительство, одну вещь, и это мне разъяснит, был ли я халифом или не был, и все это случилось со мной во сне. За один день до того, как ты меня привел в это место, я велел моему везиру Джафару дать одной старухе, которую зовут Умм Абу-ль-Хасан, кошель с пятью сотнями динаров, а также приказал вали, правителю города, всыпать имаму, что в мечети, и четверем старикам сторожам квартала, каждому по четыреста плетей, и потом провезти их по городу и выгнать...

И начальник, услышав от Абу-ль-Хасана такие речи и слова «Я велел моему везиру Джафару», увидел, что Абу-ль-Хасан все в таком же состоянии и по-прежнему говорит про себя, что он повелитель правоверных, и тотчас же приказал своим людям дать ему сто ударов воловьей жилой, и Абу-ль-Хасана так отхлестали, что он обеспамятел от побоев, а через некоторое время он пришел в себя и стал плакать и говорить:

— Что я такое сделал людям, что меня так пытаются? Почему меня низложили и я больше не халиф? Что произошло из-за меня в городе?

И когда начальник услышал эти слова, он приказал прибавить Абу-ль-Хасану еще плетей, и Абу-ль-Хасану всыпали вторую сотню, так что переломали ему кости и он совсем лишился здоровья, и тогда он подумал: «Смотри, парень, не умри. Пусть ты и вправду был халифом, но сейчас покорись им и избавься от этих истязаний. Скажи: „Я видел сон“, — и освободись. Хватит с тебя этих невыносимых пыток!»

И когда Абу-ль-Хасан размышлял об этом, его мать вдруг пришла его навестить и нашла его в полумертвом состоянии от побоев и пыток. И она так заплакала, что у нее высохла глаза, а потом подошла к сыну и поздоровалась с ним, чтобы посмотреть, в прежнем ли он состоянии, и Абу-ль-Хасан ответил ей на привет не так, как обычно, и мать его обра-

довалась и спросила, как он поживает, а Абу-ль-Хасан молвил:

— О матушка, мне очень перед тобой стыдно, ведь я тебя побил и оскорбил, а раньше я никогда не поступал с тобою так. Я прошу у тебя прощения, а ты попроси за меня прощения у соседей, перед которыми я тебя унизил. О матушка, я увидел сон — пусть Аллах проклянет такие сны! — и мне представилось, что все это правда — да отгонит Аллах от нас сатану! Матушка, я твой сын Абу-ль-Хасан, клянусь Аллахом, но сновидение, которое мне пригрезилось... Клянусь жизнью, матушка, я был уверен, что это правда, а не сон. Не знаю... У меня все спуталось в голове от этой истории, но что должно быть, то будет неизбежно и обязательно. Я говорю: «Это сон, и я не повелитель правоверных, а Абу-ль-Хасан, твой сын, всегда обязанный тебя почитать, и раньше и теперь».

И когда мать Абу-ль-Хасана услышала от него эти слова, ее охватила великая радость, и она молвила:

— О сынок, великая радость охватила меня, ибо Аллах великий из-за моих немощей пожаловал тебе исцеление, о дитя мое, после всех истязаний и унижений, которые ты претерпел. Как мне тебя жаль! Но благодари Аллаха, дитя мое, за избавление от козней сатаны, посрами его Аллах! Напомню тебе, сынок: то, что с тобой произошло, — проделки сатаны. Ведь купец-чужеземец, что ночевал у тебя в ту ночь, когда это все с тобой случилось — ты наказывал ему, как он будет выходить, запереть за собой дверь, — а он ушел и оставил дверь открытой. Вот сатана, Аллахом посрамленный, и вошел к тебе и стал тебя искушать и вверг в беду, — прокляни его Аллах! — из-за моего злосчастья.

— Матушка, — ответил Абу-ль-Хасан, — ты теперь нашла объяснение и правда на твоей стороне. Да, клянусь Аллахом, причина моей болезни и расстройства ума исходят от купца, который оставил дверь открытой, хотя я ему и наказывал запереть ее, когда он будет выходить. Это у нас в Багдаде дело проверенное: сатана чаще всего приходит в Багдад из Мосула. Только увидит, что дверь в доме спящего открыта — шасть и вошел в этот дом и вверг его жителей в беду, как он вверг меня, прокляни его Аллах! Теперь я наверняка знаю, что я Абу-ль-Хасан, ты — моя мать, и я — кусочек твоей печени. Прошу тебя, ради великого Аллаха, о

матушка, сжался надо мной, пожалей меня и избавь от этих пыток! Ведь если я пробуду в этом месте до завтра, то несомненно умру и ты лишишься меня. Умоляю тебя, матушка, вызволи меня отсюда сейчас же.

И когда мать Абу-ль-Хасана услышала эти слова, она от радости вылетела из сетей рассудка, ибо увидела, что ее сын образумился и говорит с ней, не беснуясь. Она сейчас же пошла к управителю больницы и рассказала ему, что ее сын пришел в себя и избавился от прежнего помешательства. И управитель больницы сам пошел и обследовал Абу-ль-Хасана и нашел, что тот вправду вернулся к разуму, и тогда он выпустил Абу-ль-Хасана из темницы и отдал его его матери, и та забрала его и ушла.

И Абу-ль-Хасан вернулся домой и провел некоторое время никуда не выходя: во-первых, от стыда и смущения, а во-вторых, пока не поправился и к нему не возвратилось здоровье.

И прошло после этого еще несколько дней, и у Абу-ль-Хасана стеснилась грудь, и ему опротивело и надоело днем и вечером сидеть дома одному. Он задумал вернуться к прежней привычке и каждый день приглашать к себе какого-нибудь чужеземца, чтобы развлечься с ним, и стал снова выходить из дому и возвращаться.

И в первый день он убрал комнату, поставил столик, приготовил тонкие кушанья, разложил рядами плоды и цветы и процедил вино и вышел, чтобы присмотреть себе товарища-иноземца и попить с ним в эту ночь. Он дошел до городских ворот и сел там, ожидая, пока пройдет чужеземец, и по воле судьбы случилось так, что халиф, перерядившись по своему обычаю, как раз в это время входил в ворота.

И когда Абу-ль-Хасан увидел его, он сказал про себя: «Мои опасения справедливы — вот он, тот проклятый купец, который околдовал меня!» А халиф, заметив Абу-ль-Хасана, подошел к нему. Он слышал про Абу-ль-Хасана, что тот в больнице и помешался, и знал об всем, что с ним случилось — как его поместили среди сумасшедших и истязали, по так как халиф Харун-ар-Рашид любил шутки, беспутства и остроумие, то, увидев Абу-ль-Хасана, он приблизился к нему.

И Абу-ль-Хасан поднялся и хотел скрыться, а халиф последовал за ним и воскликнул:

— Боже мой! Мир вам! Это ты, Абу-ль-Хасан, брат мой? Заклинаю тебя великим Аллахом, постой немного — я с тобой поздороваюсь и поцелую тебя, я ведь давным-давно тебя не видел, мой дорогой, и, клянусь Аллахом, здорово по тебе соскучился.

И Абу-ль-Хасан насупился и сказал:

— Да, я Абу-ль-Хасан, но какая мне в тебе надобность? Ступай своей дорогой! Не нужен мне ни ты сам, ни твой привет.

— Абу-ль-Хасан, мой любимый,— сказал халиф,— хвала Аллаху, ты человек приличный, а так скоро меня забыл! Я тот, кого ты принимал у себя, и ты оказал мне столько милостей и благодеяний, что я постоянно благодарю тебя. Где же наша бывшая дружба? Уж не завел ли ты себе другого приятеля?

— Проходи, проходи,— я тебя не знаю, и ты не должен меня знать,— проворчал Абу-ль-Хасан, и халиф не рассердился из-за этих слов, тем более что знал, как Абу-ль-Хасан дал клятву в жизни не угощать иноземца дважды.

— Дорогой мой Абу-ль-Хасан,— сказал ему халиф,— я не думал, что ты сейчас же меня забудешь, хотя мы не так уж давно расстались. Но с тобой, мой друг и товарищ, наверняка что-нибудь случилось, раз ты от меня прячешься и отрицаешь, что мы с тобой знакомы. А ведь я люблю тебя больше глаза и всячески выражал тебе любовь! Я ведь предлагал твоей милости: если у тебя есть желание или дело, или надобность, которую тебе не удастся исполнить, удостоить меня чести услужить тебе,— я ничего не упустил по отношению к тебе, а ты меня укоряешь и бранишь.

— Брось ты — «твоя милость», «моя милость!» — закричал Абу-ль-Хасан.— Я тебе говорю: проваливай и иди своей дорогой! Я тебя не знаю, и ты меня не знаешь! Никаких ты мне не оказал милостей и благодеяний, и нет между нами ни дружбы, ни любви, ибо на самом деле ты сын греха. Ты позволил людям забрать меня в больницу как бесноватого, и меня там заперли вместе с сумасшедшими. Ступай-ка своей дорогой ради Аллаха, высокого, великого, и не расстраивай меня: не заставляй меня вспоминать, что со мной случилось из-за тебя.

— О брат мой Абу-ль-Хасан,— сказал халиф,— не думал я, что у тебя такое черствое сердце. Я знал, что ты человек хороший, сердце у тебя ясное, твоя дружба и любовь — вечные и душа твоя чиста, и мы расстались с тобою добром и приязненно.

И халиф ускорил шаги и остановился перед Абу-ль-Хасаном, а затем подошел к нему, поцеловал его и воскликнул:

— Клянусь Аллахом, нет у меня настоящего искреннего друга, кроме тебя! Прошу тебя, будь великодушен и дай мне сегодня вечером насладиться твоей приязнью, чтобы мы могли вместе попить и повеселиться! Клянусь Аллахом, о Абу-ль-Хасан, лицемерие тебя рассеивает мои заботы, и я очень по тебе стосковался, так как уже давно не видел тебя, душа моя! И раз уже Аллах оказал мне милость и я сейчас с тобой повстречался, так будь же и ты великодушен и позволишь насладиться твоим видом сегодня ночью. Ведь как бы то ни было, я пришел из своего города только для того, чтобы на тебя поглядеть.

— Клянусь Аллахом,— воскликнул Абу-ль-Хасан,— мало того, что со мною из-за тебя случилось, я еще должен приглашать тебя на сегодняшнюю ночь! Говорит пословица: «Бей в свой барабан и дуди в свою собственную дудку!» * Уйди от меня и ступай своей дорогой! Я не сумасшедший, хватит с меня того, что я оказался из-за тебя бесноватым один раз, второй раз я с ума не сойду! Что мне до тебя и что тебе до меня? Иди себе!

Но халиф молвил:

— Дорогой мой, друг мой, брат, любимый Абу-ль-Хасан, не ожидал я, что ты меня прогонишь и обманешь мои надежды. За что ты ругаешь меня такими горькими словами? Не думал я, клянусь великим Аллахом, что ты со мной обойдешься таким образом... Ведь я твой друг, не ожидал я от тебя этого. Ради Аллаха расскажи, что с тобою из-за меня случилось? Расскажи, чтобы я знал, коли я вправду согрешил, ведь я во всяком случае заслуживаю прощения. Ты же знаешь, что я люблю тебя и желаю тебе великого блага.

А сердце у Абу-ль-Хасана было чистое, без всякой мути, и он проявил дружелюбие и сказал:

— О друг мой, так как ты иноземец, то я тебя прощаю, но сядь со мной рядом, и я тебе расскажу, что со мною из-за

тебя произошло. Тогда ты узнаешь, есть ли у меня великое право на тебя сердиться или нет.

И он рассказал халифу обо всем, что с ним было — как он стал халифом и сидел на престоле халифата и как увидел себя потом в своем доме, — и продолжал:

— И после этого сна стало у меня в уме истиной, что я сделался халифом, и люди говорили мне: «О Абу-ль-Хасан», — а я отвечал: «Я не Абу-ль-Хасан, я повелитель правоверных!» — и тогда мне скрутили руки, как бесноватому, и забрали меня в больницу, и безжалостно истязали меня великими муками.

А халиф слушал его слова и смеялся тому, что с ним случилось, и он хохотал даже сильнее, чем в день халифства Абу-ль-Хасана.

И Абу-ль-Хасан сказал ему:

— Вот что со мной случилось, и все из-за тебя, так как ты утром вышел и оставил дверь открытой, хотя я тебе наказывал: «Если выйдешь раньше меня, замкни за собой дверь». А ты оставил ее открытой, и сатана вошел и сделал меня халифом и набил мне голову сновидениями и призраками, и когда я утром проснулся таким, как был, я стал звать невольниц, которых видел во сне. Ты, выходит, виновник всего этого, и ты сотворил мой грех, так как я был уверен, что я халиф.

— И мать стала наставлять меня, а я рассердился, схватил палку и начал ее бить, и я даже хотел лишить ее жизни, так как рассердился, слыша, как она говорит мне: «Дитя мое, Абу-ль-Хасан», — ведь я был убежден, что я повелитель правоверных, наместник Аллаха. И если бы не вошли соседи и не оторвали меня от нее, не вырвали ее, я бы наверняка ее убил. И помимо этого, ты был причиной того, что я обругал своих соседей, с которыми живу всю жизнь в дружбе и любви.

И Абу-ль-Хасан рассказал халифу обо всем, что случилось с ним, от начала до конца, и халиф, услышав эти слова, не мог удержаться от смеха, а Абу-ль-Хасан молвил:

— Мало того, что со мной из-за тебя случилось, ты еще смеешься надо мной прямо в лицо! — Ты, видно, думаешь, что я шучу. Посмотри, в каком я состоянии, и убедись, сколь правдивы мои слова и сколько мерзостей ты со мною сделал.

И он обнажил свои бока и живот и показал халифу следы ран от побоев и пыток, которые перенес в больнице, и когда халиф увидел это, из глаз его упала слезинка от печали об Абу-ль-Хасане и он понял, что причинил этому человеку вред, ибо шутка, которую он с ним сделал, ввергла его в беду.

И халиф обнял Абу-ль-Хасана и поцеловал его и воскликнул:

— Слава Аллаху, о Абу-ль-Хасан, брат мой, что ты остался цел! Я не знал, что все это случится с тобой из-за открытой двери! Аллах да посрамит сатану, который сделал так, что я забыл ее запереть. Пойдем к тебе домой, мой любимый, и если даст мне на это власть творец, да возвысится его имя, я помогу тебе забыть все беды, которые случились с тобой из-за меня.

А сердце у Абу-ль-Хасана, как мы говорили, было чистое, и когда он увидел, что халиф так упрощает простить его, он уступил, и хотя давал клятву не угощать чужеземца два раза, но из-за мягких речей халифа и своей чистой души сказал:

— Слушай, приятель, я угощу тебя сегодня вечером, но с одним условием: утром, когда ты выйдешь, затвори дверь, чтобы сатана ко мне не вернулся и не сделал со мной то же, что в прошлый раз. Ведь он вошел ко мне только через дверь!

И халиф обещал и дал клятву, что, когда выйдет, запрет за собой дверь и сделает так, как сказал Абу-ль-Хасан, и не ослушается.

— Будь спокоен на этот счет, о Абу-ль-Хасан, — сказал он. — Клянусь великим Аллахом, ты увидишь от меня лишь хорошее и забудешь все беды, случившиеся с тобою из-за меня.

— Да умножит Аллах для тебя благо, — ответил Абу-ль-Хасан. — Я ничего у тебя не прошу, закрой только за собой дверь, когда выйдешь утром раньше меня. Я уже тебе говорил, что ты причина всего того, что со мной случилось, так как ты оставил дверь открытой и не запер ее. А у меня, приятель, еще до сих пор в сердце вкус побоев и пыток, а на коже — знаки от них, которые ты видел, и я навлек на себя великий позор в глазах родных и соседей. Но теперь я простил тебе все, что ты со мной сделал, и от всего сердца отпускаю тебе твой грех. Я с полной приятностью посижу с то-

бой сегодня вечером и предложу твоей милости мяса, вина и хлеба, но только не обмани меня утром и не вздумай оставить дверь открытой.

И Абу-ль-Хасан пошел к себе домой, а халиф в обличье мосульского купца последовал за ним, и халиф видел, что Абу-ль-Хасан все время думает о том, что с ним случилось, и постоянно об этом печалится.

И они шли, пока не приблизились к дому, а Масрур следовал за халифом, и когда они пришли, оказалось, что бедняжка мать Абу-ль-Хасана уже принесла камфарную свечу и зажгла ее. И Абу-ль-Хасан, халиф и Масрур, раб, вошли, и Абу-ль-Хасан с халифом сели и стали беседовать, и разговаривали до тех пор, пока перед ними не поставили столик и не подали ужин. И они принялись за еду и ели досыта, пока не насытились, а Абу-ль-Хасан, глотая кусок, каждый раз оглядывался на дверь.

— Что это ты, Абу-ль-Хасан, все оборачиваешься к двери? — спросил халиф.

— Я все время боюсь того, что со мной случилось, — ответил Абу-ль-Хасан, и халиф молвил:

— Помяни всемиловитого, милосердного, вручи свое дело Аллаху и не бойся.

Потом, когда они вдоволь поели, мать Абу-ль-Хасана убрала столик и подала плоды, сласти, бутылъ с вином, чаши и кубки, и Абу-ль-Хасан наполнил и выпил чашу, а потом наполнил ее вторично и подал халифу. И они пили таким манером, пока вино не заиграло у них в головах и Абу-ль-Хасан захмелел, и когда халиф заметил, что у его приятеля зашумело в голове, он спросил:

— Скажи, Абу-ль-Хасан, неужели ты в жизни не влюблялся ни в одну девушку или женщину?

— Клянусь Аллахом, мой гость, — ответил Абу-ль-Хасан, — я ни разу в жизни не подумал о женщинах. Я только искал, где бы хорошо поесть и попить и повеселиться с добрыми людьми, которые, как и я, любят пошутить и не прочь опростать бутылку. Клянусь Аллахом, о гость мой, это я больше всего люблю, и вот она — моя возлюбленная, а женщины — что в них проку? Бросим лучше этот разговор, чтобы он не мешал нам заниматься вином.

Потом Абу-ль-Хасан наполнил чашу и выпил ее и напол-

нил второй раз и поднес халифу, говоря: «Возьми, выпей, повеселимся за этой бутылью»,— и халиф молвил:

— О Абу-ль-Хасан, в моих словах нет ничего зазорного, ибо это вещь естественная. Ведь мужчину всегда тянет к женщине, и если, когда он пирует и развлекается, возле него сидит красивая девушка, ему еще приятней и веселей. Заключив тебя жизнью, скажи мне, неужели ты никогда ни в кого не влюблялся и не любил ни одной женщины?

— Клянусь Аллахом, о гость, я не таюсь от тебя,— ответил Абу-ль-Хасан.— У меня в жизни не было к этому охоты, и я никогда об этом не думал. Но когда со мной случилось это событие и сатана сделал меня халифом, я видел возле себя много наложниц, и клянусь Аллахом и еще раз клянусь Аллахом, о гость мой, я заметил среди них одну девушку, красота и прелесть которой ошеломляет умы. Она играла на лютне и пела, и клянусь великим Аллахом, она отняла у меня разум. Конечно, все это сны и грезы, но если бы эта девушка досталась мне, я бы на ней женился и считал бы, что достиг высшего блаженства. О гость мой, если бы ты только услышал ее голос и посмотрел на ее лицо, ты бы еще больше обезумел, чем я! Не думаю, чтобы во всем мире нашлась подобная ей красавица, а если, допустим, и найдется, то подобную ей можно только сыскать в доме халифа или у такого человека, как Джафар, его везир, или еще кто-нибудь из вельмож царства, у которого не счесть золота и серебра. У таких людей, может быть, и отыщешь подобную девушку, а мне, ничтожному забулдыге, где ее взять? Но зато у меня есть эта бутыл, моя подруга и возлюбленная, и клянусь Аллахом, я ее никому не уступлю. А раздобыть ее — самое легкое дело. Оставим, однако, этот разговор и не будем попусту тратить время. Давай лучше выпьем!

И Абу-ль-Хасан налил чашу и выпил, а потом опять налил и предложил халифу, и халиф молвил:

— Клянусь Аллахом, о друг мой Абу-ль-Хасан, жаль мне тебя! Пропадает твоя молодость. Живешь ты так, без молодой жены, и прозябаешь, словно дервиш.

— О гость мой,— ответил Абу-ль-Хасан,— лучше всего жить спокойно и безмятежно. Ты видишь, как я ладно живу и дружу с этой бутылью. Разве лучше взять жену, которая мне не понравится или окажется злой нравной и взбалмошной, с дурным характером? Ведь я тогда начну каяться, и

охватит меня печаль и горсть, но ничто уже мне не поможет.

И Абу-ль-Хасан с халифом пировали и беседовали о подобных вещах до полуночи, а когда халиф увидел, что Абу-ль-Хасану пришло время спать, он молвил:

— Поскольку ты человек совершенный и сын достойных людей и хочешь взять девушку красивую с приятными качествами, то ты в твоих словах прав. Но дай срок, если захочет Аллах, я женю тебя по своему разумению, лучше, чем ты сам хочешь. Если пожелает того Аллах, я сделаю одну вещь, которая тебе понравится и превысит твои желания.

Потом халиф взял бутылку с вином, наполнил чашу, подложил в нее банджа и подал ее Абу-ль-Хасану, говоря:

— О брат мой Абу-ль-Хасан, возьми, выпей эту чашу на здоровье, за любовь к той, которую ты увидел во сне и полюбил. Аллах пусть пошлет ее тебе, и ты проведешь с ней жизнь в полном счастье и веселье.

А Абу-ль-Хасан взял чашу и молвил:

— Раз ты так говоришь, я выпью за ее здоровье, о гость мой, ибо я, клянусь твоей жизнью, очень ее полюбил, хотя жил до сих пор и без нее. Но если уж таково твое желание, мой дорогой, я из уважения к тебе выпью за любовь к ней.

Потом Абу-ль-Хасан поднял чашу, выпил ее и заснул как убитый. А халиф велел своему рабу Масруру взвалить его на спину и Масрур сделал это, и тогда халиф вышел, запер дверь и направился во дворец, Масрур же следовал за ним, неся Абу-ль-Хасана на спине, пока они не дошли до места, и Масрур положил его в той самой комнате, где Абу-ль-Хасан выпил чашу с банджем, когда был халифом.

И халиф приказал снять с Абу-ль-Хасана одежду и одеть его в халифское платье, и невольницы и рабыни раздели его, облачили в одежду халифа и уложили в постель, а халиф наказал всем невольницам и наложницам, евнухам и слугам встать утром и служить Абу-ль-Хасану, как и в первый раз, словно он и есть халиф, и велел также всем, кто был во дворце, прислуживать Абу-ль-Хасану, как в прошлый раз, и все сказали: «Внимание и повиновение твоему приказу, о повелитель правверных».

А потом халиф приказал главному евнуху:

— Утром тебе прежде всего следует разбудить меня,

раньше чем вы что-нибудь сделаете, и до того, как проснет-ся Абу-ль-Хасан.

И он пошел и лег спать, и все во дворце проспало эту ночь, а утром, когда занялась заря, все встали и начали спаряжаться, чтобы служить Абу-ль-Хасану. Главный евнух поспешил разбудить халифа и одел его в его облачение, и халиф встал, вымыл лицо, совершил омовение и помолился, и рабыни, наложницы, евнухи и челядинцы все собрались у изголовья Абу-ль-Хасана, и даже невольницы с бубнами и музыкальными инструментами и певицы с прекрасными головами тоже уселись вокруг Абу-ль-Хасана. И халиф вошел и научил их, как им говорить с Абу-ль-Хасаном, величая его халифом, и велел служить ему, как и в прошлый раз, с полным уважением, и после этого спрятался в укромном месте, чтобы посмотреть, что скажет Абу-ль-Хасан.

А Абу-ль-Хасан, спустя недолгое время, проснулся и чихнул, так как ему дали чашу с противоядием от банджа, и в тот же миг заиграла музыка и запели певицы, и Абу-ль-Хасан оторопел, слыша эти звуки, и открыл глаза и увидел невольниц и наложниц, которых видел раньше. Он узнал их и стал озираться в комнате, в которой он находился, и тоже узнал ее и сказал:

— Клянусь Аллахом, это та комната, где я ужинал, когда был халифом.

Он начал вглядываться в рабов, невольниц и евнухов, озираясь направо и налево и повторяя про себя: «Что за притча!» — и увидел, что слуги, евнухи, рабы и наложницы все стоят перед ним с полным почтением и уважением, готовые ему служить, и вскрикнул от ужаса и так укусил себя за пальцы, что чуть не отхватил их. И он закричал таким громким голосом, что халиф поклатился навзничь со смеху, а невольницы продолжали стоять перед ним с полным вежеством и пристойностью.

И Абу-ль-Хасан воскликнул:

— Нет мощи и силы кроме, как у Аллаха, высокого, великого! Мы вернулись к тому, что было прежде! Остается только мне возвратиться в больницу, чтобы меня снова посадили к бесноватым. Клянусь Аллахом, придет ко мне сегодня начальник и хозяин больницы со своими людьми и принесет свои приспособления и воловью жилу, и станет этот проклятый меня терзать, как терзал раньше. Поистине мы

принадлежим Аллаху и к нему возвращаемся! Защити, о владыка, и спаси от этого бедствия! Я ведь еще не оправился от ран после пыток и побоев, которые перенес в больнице! Но причина всего — тот проклятый купец-мосулец. Обещал ведь он, проклятуший, запереть дверь и не иначе как оставил ее открытой, и вошел ко мне сатана и сделал со мной то же самое, что в прошлом месяце. Он хочет забраться ко мне в голову и смутить мой рассудок! О мосулец, треклятый! Прикидываешься, будто ты из Мосула и приходишь ко мне в Багдад в облике купца, а сам ты сатана и сын сатаны. Ты ведь у нас известен, ибо сатана приходит в Багдад не иначе как из Мосула, чтобы испортить людям рассудок своими проклятыми снами. Посрами, Аллах, проклятого купца, что был у меня! Клянусь Аллахом, ты не кто иной, как сам сатана! Прошу против тебя помощи у Аллаха. Клянешься, о мерзейший из тварей, клянешься, что запрешь дверь, а сам уходишь и оставляешь ее открытой! Ты действительно сатана, ибо сатана в жизни не говорит правду, и у нас проверено, что сатана — враг Аллаха и постоянно дает ложные клятвы. Вчера вечером ты клялся мне именем Аллаха, что запрешь дверь, и не запер. Правду, значит, сказала моя мать: все, что со мной случилось в прошедшем месяце, — из-за этого проклятущего купца.

А халиф слышал, как Абу-ль-Хасан разговаривает сам с собой, и хохотал над ним: ведь именно этого он и хотел.

Потом Абу-ль-Хасан принялся озираться направо и налево, оглядывая толпу наложниц, рабынь и слуг, которые все выстроились, чтобы служить ему. Он стал всматриваться в девушек, которые с ним ужинали, и узнал их, и лучше всех узнал девушку, которую полюбил и о которой говорил халифу. И узнав ее, он помянул имя все милостивого и воскликнул:

— Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Клянусь Аллахом, проклятый, я буду лежать под одеялом, пока ты не уйдешь, прокляни тебя Аллах, сатана!

Потом он накрыл голову одеялом, говоря: «Этот проклятый ко мне вернулся, так как я вижу теперь то же самое, что видел в тот раз!» — и зажмурил глаза и сказал:

— У Аллаха власть и помощь! К нему прибегаю против этого бедствия, — но невольницы не дали ему спать, и одна

из них, которую звали Якутат аль-Кальб, подошла к нему и села возле него и сказала, понизив голос:

— О владыка наш, повелитель правоверных и наместник господ мира, не спи больше, ибо время позднее. Встань, соверши омовение и помолись, по твоему обычаю.

— Врешь проклятая! — воскликнул Абу-ль-Хасан. — Да посрамит тебя Аллах, сатана! Мое имя не повелитель правоверных, мое имя Абу-ль-Хасан, и я не халиф. Убирайся от меня! Прибегаю к Аллаху великому, за помощью против тебя, сатана! Я теперь знаю, что ты врешь. Я Абу-ль-Хасан, о проклятый! Ты хочешь второй раз отправить меня в больницу!

А халиф так хохотал, что лишился чувств.

Потом, немного спустя, Абу-ль-Хасан поднял голову и увидел невольницу Якутат аль-Кальб, которая пела ему прошлый раз песню, и она повторила те же слова и сказала:

— О повелитель правоверных, заставь себя встать и не засни еще раз, так как солнце уже сияет.

— Кого ты называешь «повелитель правоверных»? — спросил ее Абу-ль-Хасан, и она ответила:

— Твое величество, повелитель правоверных. А что? Разве есть, кроме тебя, наместник господ мира? Я — твоя невольница Якутат аль-Кальб, и моя обязанность поднять твое величество от сна, ибо у тебя не в обычае задерживаться и спать до сей поры.

— Ради Аллаха, о владычица красавиц, скажи мне, кому ты говоришь «Повелитель правоверных»? — спросил ее Абу-ль-Хасан и она сказала:

— Я говорю «повелитель правоверных» твоему величеству, ибо ты наместник посланника Аллаха — да благословит его Аллах и да приветствует! — владыка мира от Востока до Запада и опекун мусульман. Мы, твои невольницы, ожидаем, когда твое величество встанет от сна, чтобы пожелать тебе доброго утра.

— Ты несомненно ошибаешься, — сказал Абу-ль-Хасан, и невольница воскликнула:

— Опомнись, о повелитель правоверных! Как же это я ошибаюсь! Кто же, кроме тебя, халиф?

— Спаси нас боже! Мое имя Абу-ль-Хасан! Я не повелитель правоверных! — закричал Абу-ль-Хасан.

— О наместник Аллаха, ты, видно, грезишь или ты шутишь, чтобы над нами посмеяться, — сказала невольница. —

Открой глаза и взгляни на твоих рабов, невольниц и наложниц. Все мы служим тебе и готовы исполнять твои повеления. Не удивляйся, что ты вчера заснул в этом месте, так как вчера вечером тебя одолел сон в этой комнате и ты заснул, а нам не хотелось поднимать тебя и тревожить, чтобы уложить тебя в твою постель, и мы все решили спать у тебя в ногах.

И невольница Якутат аль-Кальб продолжала говорить Абу-ль-Хасану такие слова и объяснять ему, что случилось, а он все воображал, что это сон.

Наконец Абу-ль-Хасан открыл глаза и посмотрел на рабынь, рабов и невольниц и узнал их всех, и девушка Якутат аль-Кальб молвила:

— О повелитель правоверных и наместник господ мира, мы надеемся на твое прощение, не сердись же на нас, ибо мы хотим, чтобы ты встал, так как время уже позднее. Если твоей душе угодно, то встань от сна.

— Ты обманщица,— закричал Абу-ль-Хасан,— и все это неправда! Я вижу, я знаю про себя, что я Абу-ль-Хасан, и вовсе я не халиф и не повелитель правоверных. Я не могу поверить этим словам и не дам больше себя обмануть. Не пойду я еще раз в больницу! Я Абу-ль-Хасан, я Абу-ль-Хасан!

— Кто Абу-ль-Хасан, о повелитель правоверных? — сказала невольница.— Что это за Абу-ль-Хасан, о наместник господ миров? Ты гредишь! Ты повелитель правоверных Харун ар-Рашид, наместник Аллаха. Кто такой Абу-ль-Хасан? Ты наш владыка и наш халиф. Очевидно, что ты сейчас во сне.

И Абу-ль-Хасан принялся тереть глаза, озираясь направо и налево, и увидел, что он в той комнате, где пил и веселился с невольницами и наложницами, и ум его был ошеломлен, и он не знал, что думать. Однако он все-таки вообразил, что все это неправда и наваждение сатаны, и сказал себе:

— Не иначе как сатана — посрами его Аллах! — вошел через дверь и схватил меня за голову, как в тот раз, чтобы лишить меня рассудка. Но я призываю Аллаха на помощь против него! Аллах сильнее его и на Аллаха я уповаю.

А халиф слушал слова Абу-ль-Хасана и смеялся.

Потом Абу-ль-Хасан зажмурил глаза и прикинулся спящим и девушка Якутат сказала ему:

— О повелитель правоверных, поскольку твое величество не желает вставать, то мы выполнили нашу обязанность. Однако диван полон везиров, эмиров и вельмож царства, и все они ждут, пока твое величество выйдет и вынесет приговор о всяком деле, относящемся к управлению государством! А этим, как известно, занимается только твое величество, ибо никто не может занять место повелителя правоверных.

И невольница не отставала от Абу-ль-Хасана, пока не подняла его. Она взяла его за руку, а остальные наложницы подпирали его с боков, и все они, помогая друг другу, спустили его с ложа. Они посадили его в комнате на скамеечку с подушкой из страусовых перьев и принялись, как обычно, плясать и петь, ударяя по струнам инструментов.

И Абу-ль-Хасана охватила оторопь, и он не знал, что с ним происходит, но в конце концов сказал про себя: «Думаю, что все это так, и что я халиф, повелитель правоверных».

Он хотел поговорить с невольницами и расспросить их, но звуки музыки и пения были до того громки, что никто не слышал его слов, и тогда он сделал знак Хабл аль-Лулу и Наджмат ас-Субх, так как те сидели от него близко, почти рядом, и пляску прекратили, и невольницы подошли к нему, и Абу-ль-Хасан молвил:

— Ради Аллаха не врите мне и говорите правду! Скажите, кто я такой?

И Наджмат ас-Субх ответила:

— О повелитель правоверных и наместник господи миров, ты явно смеешься над нами, задавая этот вопрос. Наши умы смущены таким вопросом. Что, разве твое величество не знает, что ты повелитель правоверных, повелитель мира на Востоке и Западе? Но просим прощения, о повелитель правоверных! Если ты не смеешься над нами, спрашивая это, значит ты видишь сон, ибо ты спал этой ночью больше обычного и стал теперь говорить слова, которые не уместаются в уме человека. Но ты все-таки над нами смеешься! Вспомни, что вчерашний день, когда ты вошел в диван, ты приказал вали помучить имама и четырех стариков, сторожей в таком-то квартале, а также велел твоему везиру Джафару

взять кошель с пятью сотнями динаров и пойти отдать его одной старухе из этого квартала, которую зовут Умм Абу-ль-Хасан.

И Наджмат ас-Субх рассказала ему обо всем, что было с ним в тот раз во дворце — о еде, питье, плясках и о прочем, — и наконец молвила:

— А ты забыл, повелитель правоверных, как ты вчера вечером сел за столик и посадил нас возле себя и пил вино из наших рук и всех нас поил, а потом, повелитель правоверных, ты заснул в этой комнате, и за всю твою жизнь, повелитель правоверных, не случилось тебе спать таким крепким сном, как ты спал сегодня ночью. Посмотри: у тебя не хватает даже сил открыть глаза.

Потом Хабл аль-Дуду и остальные наложницы все принялись подтверждать то, что рассказала Наджмат ас-Субх, и главный евнух тоже пришел и сказал:

— О повелитель правоверных, у твоего величества не в обычае спать до сей поры, и если наместник Аллаха соизволит, то уже пришло время молитвы.

А Абу-ль-Хасан только качал головой и размышлял вслух и говорил:

— О да, вы правы, я повелитель правоверных. Ну уж нет, клянусь Аллахом, я больше не пойду в больницу! Да, господин мой, ваша правда, я повелитель правоверных! Клянусь Аллахом, враки все это! Не уверяйте и не воображайте, что я вам поверю! Я-то знаю про себя, кто я такой, а вы все врете! Да, я действительно заснул в тот день, и мне все это пришло, но я был уверен, что это правда, и побил мою мать, и из меня сделали сумасшедшего, и забрали меня в больницу и заперли с бесноватыми, и истязали меня утром и вечером — каждый раз давали по сто плетей из воловьего хвоста по ребрам, так что меня всего переломали, и я до сих пор этого не забыл! А вы хотите опять сделать меня сумасшедшим, как в тот раз! Я знаю, что все это грезы и сновидения, а не на самом деле было, а вы вруны и обманщики. Но мне тяжело за вас, — как это вы, при такой благородной наружности и такой красоте и прелести...

— Если бы вы только слышали, что со мной в тот раз случилось и как меня оскорбляли и ругали! Меня посадили в помещение для бесноватых и каждый день били — по сто плетей из воловьего хвоста!..

И Наджмат ас-Субх сказала ему:

— Клянусь Аллахом, о повелитель правоверных, ты поверг нас в смущение этими словами. Ведь ты со вчерашнего вечера не выходил из этого помещения, но, против своего обычая, спал крепким сном, и это заставило тебя грезить и видеть такие сны. Ты думаешь, что эти сны правда, а на самом деле это сновидения и грезы. Мы все клянемся и уверяем твое величество, что ты со вчерашнего вечера не выходил из своих покоев.

И Абу-ль-Хасан, услышав слова Наджмат ас-Субх и клятвы всех невольниц, что он не выходил из дворца, задумался и смутился, не зная, чему больше верить — невольницам или следам на своих боках или тому, что он видит в эту минуту. И он принялся звать на помощь пророков и праведников и кричать:

— О друзья Аллаха, выручите меня в этой беде! Если я Абу-ль-Хасан, скажите мне это, а если я халиф — не скрывайте этого от меня.

Потом он встал и обнажил свое тело и увидел знаки и следы от побоев воловьей жилой, которые он перенес, когда был в больнице, и сказал невольницам:

— Посмотрите, о создания Аллаха! Вы говорите: «Это случилось с тобой во сне, так как ты крепко спал», — но взгляните на мою кожу! Я не повелитель правоверных, я Абу-ль-Хасан! Посмотрите, вот следы пыток, которые я перенес в больнице, и я до сих пор чувствую от них боль. Поэтому, уж не взыщите, о люди, я обвиняю вас во лжи! А если это случилось со мной во сне — так это уж чудо из чудес, тем более, что я прекрасно знаю: это произошло наяву, а не во сне, как вы говорите.

И Абу-ль-Хасан впал в недоумение, не зная, кому больше верить, и не понимал он, правда или нет, то что с ним случилось, и правда или нет, то что он сейчас видит. Он смотрел на свою кожу и видел, что она покрыта следами побоев, и удивлялся, а потом смотрел на себя и видел, что он халиф и ему прислуживают рабыни, невольницы, рабы и евнухи, и еще больше недоумевал и говорил:

— Скажу: «Это сон» — чепуха, не сон — я хорошо вижу всю эту великую пышность; скажу: «Пребывание в больнице, ссора с соседями и побори начальника больницы — неправда!» — вздор: вот у меня на коже следы побоев и пыток!

И он смутился и расстроился и воскликнул: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого!» — и потом крикнул маленькому слуге, который стоял возле него:

— Укуси меня за ухо, да посильней, чтобы я посмотрел, сплю я или не сплю и бодрствую!

И мальчик взял его ухо в зубы и так сдавил, что Абу-ль-Хасан от сильной боли завопил громким голосом и все, кто был во дворце, слышали его крик. Тут невольницы ударили по струнам, запели и заплясали, и Абу-ль-Хасан совсем ошалел, обалдел и растерялся. Он хлопнул рукой по халифскому тюрбану, скинул его с головы, сбросил с себя одежду халифов, оставшись в одной рубашке и подштанниках, и пустился плясать с Наджмат ас-Субх, Якутат аль-Кальб и Хабл аль-Лулу, которых он полюбил.

И когда халиф увидел Абу-ль-Хасана в таком виде, он так захохотал, что обеспамятел и упал навзничь. Потом он приподнял занавеску, чтобы снова посмотреть на Абу-ль-Хасана, но испугался, как бы с ним не приключилась от смеха какая-нибудь болезнь, и высунул голову из-за занавески и крикнул Абу-ль-Хасану, продолжая смеяться:

— Абу-ль-Хасан, Абу-ль-Хасан, ты хочешь убить меня смехом!

И когда невольницы слышали голос халифа, они перестали петь, играть и плясать и все замолчали и остановились, сложив на груди руки и соблюдая полную пристойность, и Абу-ль-Хасан тоже замолчал, чтобы посмотреть, чей это голос. Он обернулся и увидел халифа и сообразил, что это халиф и что это он прикинулся купцом из Мосула и провел у него ночь. И тогда Абу-ль-Хасан понял, что он не спит, и убедился, что все, что с ним раньше случилось — истинная правда, и что это не сон, а проделки халифа, чтобы над ним посмеяться. И он обернулся к халифу и сказал:

— Так это, значит, ты — мосульский купец! Ты теперь говоришь, что я хочу уморить тебя от смеха, а оказывается это ты виновник того, что я поднял руку на свою родительницу, а если бы не соседи, то, пожалуй, лишил бы ее жизни. Это ты виноват, что меня засадили в больницу и пытали безжалостным образом, так что я до сих пор чувствую на зубах вкус боли. Ты сегодня хотел, чтобы я опять испытал в больнице эти мучения, и это ты, а не я истязал имама и четырех стариков в моем квартале, так что я не отвечаю за этот грех

и не совершил ошибки. Это ты лишил меня рассудка и сделал меня одним из бесноватых в больнице и устроил так, что я поссорился со своими соседями и покрыл себя великим позором.

И тут халиф сел возле Абу-ль-Хасана и молвил:

— Да, Абу-ль-Хасан, твои слова — истина. Это я причинил тебе все эти несчастья, но — призываю в свидетели Аллаха великого — я так вознагражу тебя, что ты все забудешь. Требуй же от меня, чего хочешь, и все, что ты ни потребуешь, тотчас же будет твое.

Потом халиф заключил Абу-ль-Хасана в объятия и воскликнул:

— О Абу-ль-Хасан, мое уважение и почтение к тебе выше всякого описания!

Он приказал выдать ему почетную одежду, соответствующую его достоинству, и велел невольницам облачить его в нее, и невольницы надели это платье на Абу-ль-Хасана, и было это одеяние драгоценное.

И потом халиф молвил:

— О Абу-ль-Хасан, требуй от меня, чего хочешь и желаешь, — и Абу-ль-Хасан сказал:

— О повелитель правоверных, заклинаю тебя великим Аллахом, скажи мне, чем я грешен перед тобой, что ты испортил мне разум и задурил мне голову? Скажи, по какой причине ты меня так запутал в отношении того, кто я такой: день — халиф, месяц — бесноватый, два дня — Абу-ль-Хасан? Скажи, почему ты со мной так поступил, — и это немножко вправит мне мозги.

И халиф засмеялся, услышав его слова, и сказал ему:

— Знай, о Абу-ль-Хасан, что у меня есть такая привычка: время от времени я переряжаюсь и хожу, особенно по ночам, чтобы поглядеть, как идут дела в Багдаде и что там устраивают старшины кварталов, а в первый день каждого месяца я выхожу за город поглядеть, как живут обитатели пригородов. В тот день, когда ты мне повстречался у ворот, я прогуливался за городом, и ты пригласил меня к себе поужинать и переночевать в твоём доме, и когда мы поужинали, я спросил тебя, чего бы ты хотел и желал, и ты сказал, что тебе хотелось бы стать халифом на один день, не больше, чтобы отомстить имаму и четырем старым сторожам квартала. Я счел справедливой причину, ради которой

ты хотел стать халифом, и решил позабавиться и даровать тебе то, что ты просил, а по велению судьбы у меня в это время оказался при себе бандж, и я положил его тебе в чашу, и ты выпил его и заснул. И я приказал своему рабу Масруру тебя нести, и он принес тебя сюда. А когда ты провел день, будучи халифом, и отомстил своим врагам, невольница дала тебе чашу с банджем, и ты заснул и мой раб отнес тебя обратно, и я наказал ему оставить твою дверь открытой. Когда же я прошел мимо тебя второй раз и поздоровался с тобой, и ты рассказал мне, что с тобой случилось, я огорчился, увидев у тебя на теле следы ударов, и решил воздать тебе благом, чтобы ты забыл о постигших тебя мучениях. Проси же теперь, о Абу-ль-Хасан, всего, чего ты только желаешь.

— О повелитель правоверных, — молвил Абу-ль-Хасан, — клянусь твоей милостью, мои страдания и все, что со мной случилось, как они ни невыносимы, теперь изгладились из моей памяти, раз я знаю, что наш владыка, повелитель правоверных, сделал все это, чтобы надо мной посмеяться и чтобы расправилась его грудь. А в отношении даров и разрешения просить всего, чего пожелаю, то у меня нет сомнения, что каждый, кто пребывает под сенью покровительства владыки нашего, повелителя правоверных, не обманется в своих надеждах и в жизни не увидит нужды. Богатство и алчность, о повелитель правоверных, никогда не были мне привычны, но раз уж твое величество милостиво разрешило мне просить всего, чего я хочу, то я не желаю ни денег, ни богатства, а хотел бы только чести быть вблизи от владыки нашего, повелителя правоверных, служа ему и присутствуя на его собраниях, как сотрапезник и собутыльник. Вот и все мои желания.

— Клянусь великим Аллахом, о Абу-ль-Хасан, — воскликнул халиф, — если твоя просьба такова, то твое достоинство теперь еще более увеличилось в моих глазах и любовь к тебе стала сильнее, чем прежде!

Потом он приказал отвести для Абу-ль-Хасана поместье во дворце, сплошь устланное бархатом и расшитым атласом, украшенное с пышностью, какой ни найти нигде, кроме халифских дворцов, а что же касается денег на расходы, то халиф сказал ему так:

— О Абу-ль-Хасан, мне нужно назначить тебе жалованье, но я не хочу, чтобы выдавал его тебе казначей. Нет, я

сам буду его тебе выдавать из своих рук, как отец дает сыну.

И Абу-ль-Хасан облобызал землю и пожелал халифу долгой жизни и вечной славы. Потом халиф встал и пошел в диван, а что касается Абу-ль-Хасана, то он воспользовался минутой и пошел к своей родительнице. Он рассказал ей обо всем, что с ним случилось и объяснил, что это был не сон, не сновидение и не сатана, а все это было на самом деле. И собрались у него соседи, и он рассказал им, как было дело, добавив, что халиф рассказал ему обо всем, что устроил с ним, и в заключение сказал:

— Видите, мои слова — правда, а вы сделали из меня бесноватого и так меня мучили. Вы совершили надо мной великий грех.

И распространился среди людей рассказ об Абу-ль-Хасане и о том, как он стал халифом, как халиф оказал ему милость и сыграл с ним шутку и посадил его на престол халифа, и Абу-ль-Хасан все рассказал им и сообщил, что халиф, в довершение всего, оказал ему благодеяние и поселил его у себя во дворце и сделал своим собутыльником и дал ему власть над всеми, кто входит во дворец и выходит, поставив его выше других.

Потом Абу-ль-Хасан возвратился во дворец и стал жить подле халифа, и халиф полюбил его великой любовью, ибо Абу-ль-Хасан был весельчак и остряк и мог рассмешить даже скалу. И с каждым днем увеличивалась любовь к нему и приязнь, особенно со стороны халифа, который от великой привязанности стал брать его с собой на все собрания; даже когда он находился у Ситт Зубейды, дочери своего дяди *, он посылал за Абу-ль-Хасаном, чтобы тот сидел с ним.

А халиф рассказал Ситт Зубейде, дочери своего дяди, обо всем, что произошло с Абу-ль-Хасаном и случилось с ним: как тот стал халифом, а потом попал в бесноватые и претерпел в больнице великие мучения, и когда Ситт Зубейда услышала, что произошло с Абу-ль-Хасаном, она много смеялась. И каждый раз, как халиф отправлялся к Ситт Зубейде, он брал Абу-ль-Хасана с собой.

И в один из дней Ситт Зубейда — а она очень полюбила Абу-ль-Хасана, как и халиф — сказала халифу:

— О повелитель правоверных, ты, видно, не смотришь на Абу-ль-Хасана. Каждый раз, как он ко мне входит, он не

спускает глаз с моей невольницы Наджмат ас-Субх. Я думаю, он отдал ей свое сердце и хочет на ней жениться.

— Возможно, что ты не далека от истины в том, что говоришь,— молвил халиф,— и он в своем праве, так как я обещал отдать за него эту девушку или одну из тех, что ему понравились, когда он увидел их в вечер своего халифства. Когда я его спрашивал, будучи у него в гостях, после того как он был халифом и видел всех моих невольниц, он мне сказал: «Я хотел бы, чтобы была мне женой одна из девушек, которых я видел во сне и которые мне понравились, когда я грезил и видел себя халифом». И я обещал ему ту из них, что придется ему по сердцу, и обязательно должен исполнить обещание и отвести его к девушке, которую он хочет и которая ему нравится. Но ты оказала мне великое благо и напомнила, что его надо женить. Не знаю, как это я забыл это дело, ведь я прежде всего должен был его женить. Однако теперь, когда я понял, что его любовь — Наджмат ас-Субх, я женю его на этой девушке. Но нам следует посмотреть, что у него на сердце и есть ли у нее влечение к нему. Ведь оба они, слава Аллаху, живут не далеко от нас.

А эта беседа халифа с Ситт Зубейдой происходила в присутствии Абу-ль-Хасана, который сидел и слушал весь разговор. И когда халиф кончил говорить с Ситт Зубейдой, Абу-ль-Хасан поднялся, отвесил им поклон, поцеловал перед ними землю и поблагодарил их за милость. Он восхвалял халифа и произнес хвалу Ситт Зубейде за ее приязнь к нему и молвил:

— Раз уже повелитель правоверных оказал мне милость и Ситт Зубейда уступает мне свою невольницу Наджмат ас-Субх, то я скажу, что люблю ее всем сердцем и жажду, чтобы она стала мне женой, но я не знаю, есть у нее ко мне влечение или нет.

А рассказывают, что Наджмат ас-Субх любила Абу-ль-Хасана, так как ее госпожа Ситт Зубейда любила его, и очень желала, чтобы ее госпожа выдала ее замуж за Абу-ль-Хасана.

И когда Абу-ль-Хасан кончил говорить и высказал халифу и Ситт Зубейде свое желание жениться на Наджмат ас-Субх, они послали за девушкой и спросили ее, угоден ей Абу-ль-Хасан или нет. И девушка не дала им ответа, а только улыбнулась и засмеялась, и лицо ее так зарделось от смущения,

что стало алым, как кровь, и халиф с Ситт Зубейдой поняли, что Абу-ль-Хасан ей угоден. Тогда халиф велел готовиться к свадьбе, и так и сделали, и состоялись во дворце свадьба и великолепное торжество. Ситт Зубейда с избытком одарила Наджмат ас-Субх и пожаловала ей много золота и драгоценностей из уважения к халифу, который так любил Абу-ль-Хасана, и халиф тоже подарил и пожаловал Абу-ль-Хасану много драгоценностей и денег выше всякого описания, — из уважения к Ситт Зубейде, которая так любила Наджмат ас-Субх, свою невольницу. И служанки собрались и взяли Наджмат ас-Субх и обрядили ее и украсили и отвели в покои Абу-ль-Хасана в пышном шествии с пением, музыкой и плясками, под звуки инструментов, со всеми прочими забавами и увеселениями. Свадьбу Абу-ль-Хасана играли в течение месяца, и халиф с Ситт Зубейдой каждый день одарили их чем-нибудь новым, а потом Абу-ль-Хасан вошел к Наджмат ас-Субх и взял ее девственность, и она тоже полюбила его и была ему рада. И они зажили вместе приятнейшей жизнью, веселые и довольные, и невольницы прислуживали им, и им приносили из покоев халифа тончайшие кушанья и самые сладкие напитки.

И не было у них недостатка ни в чем — ни в увеселениях, ни в развлечениях, и Наджмат ас-Субх, поужинав со своим мужем Абу-ль-Хасаном, брала лютню и пела и веселилась, и Абу-ль-Хасан тоже веселился, и оба они едва не улетали от радости, глядя друг на друга, так сильно они любили один другого.

И так они прожили некоторое время, производя большие расходы, не думая о последствиях и тратя без счета, пока не кончились все их деньги. И вот в один из дней явился к ним ювелир и потребовал плату за драгоценности, которые Наджмат ас-Субх у него купила в день своей свадьбы, и они опустили руку в копилку с деньгами, и оказалось, что там осталось только немного — как раз столько, чтобы отдать ювелиру его деньги. Они заплатили ювелиру, сколько следовало, и остались сидеть с пустыми руками без единого гроша, и огорчились и опечалились из-за этого случая, и положение их могло вызвать только жалость.

Тут Абу-ль-Хасан вспомнил, что халиф говорил ему: «Я буду давать тебе на расходы из своих рук», — и счел было правильным пойти к нему попросить, но потом обра-

тился к своему разуму и сказала себе: «Может быть, халиф вспомнит, как много он дал мне денег, и ему станет тяжело из-за моего великого мотовства».

А при их бракосочетании и после него халиф с Ситт Зубейдой дали им много денег, но они, по великой расточительности, спустили эти деньги в самое короткое время, так что Абу-ль-Хасан побоялся и постыдился пойти к халифу и попросить его, и Наджмат ас-Субх тоже было стыдно просить чего-нибудь у своей госпожи Ситт Зубейды.

И Абу-ль-Хасан сказал Наджмат ас-Субх:

— О Звездочка, я не могу просить денег у халифа, и ты тоже не можешь просить у Ситт Зубейды. Правда, Звездочка, халиф говорил мне: «Приходи каждый раз, как тебе понадобятся деньги и не проси у казначея, а проси у меня»,— но мне стыдно, и я боюсь, как бы он не подумал: «За короткое время я дал ему много денег, и он уже успел их истратить».

— И мне тоже пришла та же самая мысль, я боюсь, что если я пойду к Ситт Зубейде, она скажет: «Ты уже успела истратить все деньги, которые я тебе дала»,— и у меня, любимый, такие же опасения, как у тебя,— ответила Наджмат ас-Субх, и Абу-ль-Хасан молвил:

— Раз нам трудно обратиться к ним с просьбой и мы боимся, что нас спросят: «Куда вы девали деньги, которые мы вам дали»,— то я придумал хорошую хитрость, забавную штуку, которая поможет нам добыть у них денег без стыда и смущения. Но дело это должно исходить от меня и от тебя, и необходимо, чтобы ты мне помогла.

— Я к твоим услугам, о Абу-ль-Хасан, упаси боже, чтобы я тебя в чем-нибудь ослушалась, и моя душа — выкуп за тебя,— сказала Наджмат ас-Субх, и Абу-ль-Хасан воскликнул:

— Очень хорошо, Аллах да продлит твой род, о дочь благородных! Я уверен в твоей любви ко мне! Посмотри, какую штуку я намерен устроить: умри сначала ты, а потом я тоже умру, и каждый из нас будет умирать по очереди, смешным и забавным способом. Такая проделка повеселит халифа и Ситт Зубейду, а мы раздобудем денег.

— Послушай, Абу-ль-Хасан,— сказала Наджмат ас-Субх,— я повинуюсь тебе во всем, но что касается смерти, то это вещь невозможная. Если ты хочешь умереть — уми-

рай, хоть это и будет мне очень тяжело, а что до меня, то я умирать не хочу.

— Поистине, ты с ума сошла! — воскликнул Абу-ль-Хасан. — Ум у тебя женский, а все вы повреждены в уме, и я тебя не упрекаю. Горе тебе, как же это мы умрем! Ты думаешь, каждый из нас сам себя убьет и умрет? Как можно! Это вещь противоестественная! Хитрость, которую я придумал, не в том, что я убью себя и умру или ты убьешь себя и умрешь! Послушай-ка, как я намерен устроить эту значную шутку и забавную хитрость.

— Раз это игра, в которой нет смерти, то я к твоим услугам во всем, что захочешь, — сказала Наджмат ас-Субх. — Ты знаешь, что жизнь всем дорога, и не думай, будто я отказалась умереть потому, что я лучше тебя! Упаси боже! Но как я тебе сказала, жизнь дорога, и мне стало тяжело, когда я услышала, что ты хочешь умереть.

— Нам нет нужды много разговаривать, и теперь не такое время, чтобы болтать попусту, — молвил Абу-ль-Хасан. — Я расскажу тебе, что собираюсь делать. Я лягу здесь, посреди комнаты, а ты принеси большое одеяло, заверни меня в него, опусти тюрбан мне на лицо и поверни меня в сторону кыблы *, точно я мертвый, а когда покончишь со всем этим, надень какую-нибудь из своих вещей, старую, ветхую, и пойди к Ситт Зубейде с плачем, и бей себя по лицу и рви на себе одежду. Скажи ей, что я умер, и я уверен, что, когда она это услышит, она даст тебе много денег на погребение и подарит отрез шитой золотом материи, чтобы положить его на носилки с моим телом. Тогда мы добудем и денежки и прекрасную одежду взамен старой, которую ты на себе разорвешь.

— Слушаю и повинуюсь, — воскликнула Наджмат ас-Субх. — Клянусь Аллахом, Абу-ль-Хасан, это ловкая проделка!

Потом Абу-ль-Хасан растянулся посреди комнаты и прикинулся мертвым, а Наджмат ас-Субх закутала его в одеяло и сделала так, как он ее научил: спустила тюрбан ему на глаза, и повернула его лицом к кыбле. Потом она надела одежды печали, распустила волосы, разорвала на себе платье и принялась плакать и стонать. Она отправилась в таком виде к своей госпоже Ситт Зубейде, рыдая и хлопая себя по щекам, и когда она вошла и Ситт Зубейда увидела, в каком она состоянии, та оторопела, и у нее помутилось в голове.

— О горе, о Наджмат ас-Субх,— воскликнула она.— Что случилось и что с тобой творится? Расскажи мне!

— Ах, увы, горе мне, госпожа!— закричала Наджмат ас-Субх.— Ах Абу-ль-Хасан, мой любимый... Только что я на тебя радовалась, а ты умер и оставил меня, горемычную! Как же это ты умер, когда ты только что радовался на меня...

И Наджмат ас-Субх принялась рыдать и плакать, хлопая себя по щекам и повторяя перед Ситт Зубейдой подобные слова, и когда Ситт Зубейда услышала такие речи, то поняла, что Абу-ль-Хасан умер. И она опечалилась великой печалью и стала плакать по Абу-ль-Хасане, так как очень его любила: во-первых, из любви к своей служанке Наджмат ас-Субх, и во-вторых, из-за любви к нему халифа. Потом Ситт Зубейда принялась утешать Наджмат ас-Субх и сказала:

— О дочка, что пользы плакать? Кто умер, тот уже не вернется! Клянусь Аллахом, тяжело мне потерять Абу-ль-Хасана. Он, бедный, не успел на тебя нарадоваться, и ты не успела нарадоваться на него. А какой это был хороший человек — простодушный, забавник, весельчак, остряк! И особенно я печалюсь о нем из-за тебя: ты, бедняжка, тоже не успела с ним насладиться — ведь свадьбу вашу как будто только вчера сыграли. Но так было суждено и записано, о дочка, и от этого не спасешься и тут не схитришь. Будет же тебе плакать!

И потом Ситт Зубейда приказала своей казначейше выдать Наджмат ас-Субх тысячу золотых на расходы по погребению Абу-ль-Хасана и на устройство похоронных торжеств, и дала ей отрез шелковой материи, чтобы накрыть его носилки, и Наджмат ас-Субх схватила деньги, забрала отрез материи и ушла, радуясь проделке, которую придумал Абу-ль-Хасан.

А придя к мужу, она рассказала ему обо всем, что произошло, и Абу-ль-Хасан встал, довольный, и сказал:

— Ну, теперь твой черед! Ложись, как я, и притворись мертвой.

И Наджмат ас-Субх легла, и Абу-ль-Хасан завернул ее в одеяло, повернул лицом к кыбле и обрядил так, как обрядуют умерших, и потом взял в руки платок и пошел к халифу.

А у халифа в это время сидел везир Джафар, и когда Абу-ль-Хасан вошел, плача, рыдая и хлопая себя по лицу —

а одежду свою он разорвал уже раньше,— халиф удивился его состоянию и воскликнул:

— Абу-ль-Хасан, что случилось? Расскажи мне, что с тобой происходит?

— О повелитель правоверных,— ответил Абу-ль-Хасан,— что может со мной случиться хуже того, что случилось? Да продлится твоя жизнь после Наджмат ас-Субх, о повелитель правоверных! Ах Наджмат ас-Субх, душа моя, не успел я вдоволь насладиться с тобою счастьем! О повелитель правоверных, не знаю, что с ней случилось — сейчас умерла!

И он стал плакать и бить себя по щекам, а халиф, услышав это, очень огорчился и опечалился из-за такой вести: во-первых, из-за своей любви к Абу-ль-Хасану и, во-вторых, потому что Наджмат ас-Субх была Ситт Зубейде дороже всех невольниц.

И халиф начал утешать Абу-ль-Хасана, и везир Джафар тоже, и они говорили:

— Что пользы, Абу-ль-Хасан, плакать и печалиться. Ведь нет сомнения, тот, кто умер, никогда не вернется... Так было суждено и записано, а от того, что записано в книге судеб, никуда не убежишь.

Но Абу-ль-Хасан только сильнее плакал и рыдал, ловко разыгрывая свою шутку.

— О Абу-ль-Хасан,— спросил халиф,— ты, может быть, сделал ей что-нибудь неподобающее? Но ты ведь хороший человек, и я не могу этому поверить.

— О повелитель правоверных! — воскликнул Абу-ль-Хасан,— клянусь твоей жизнью,— ты знаешь, что Наджмат ас-Субх была мне дороже моих глаз не только из-за своей красоты, прелести, образованности, благоразумия и знаний, но еще и потому, что она была Ситт Зубейде милей всех невольниц, да и ты, о повелитель правоверных, тоже очень любил ее. И поэтому, повелитель правоверных, клянусь великим Аллахом, я берег ее пуще глаза.

И Абу-ль-Хасан, говоря эти слова, плакал и бил себя по щекам, ничего не упуская в искусстве хитрости и обмана, а халиф очень огорчился и опечалился и приказал выдать ему кошель с тысячей динаров, чтобы он мог устроить своей жене торжественные похороны и великолепное погребение, и дал

ему также кошель с тысячей динаров в утешение и отрезшитой золотом материи, чтобы завернуть покойницу.

И Абу-ль-Хасан поцеловал землю и помолился за халифа. Он забрал деньги и отрез и ушел к себе домой, радостный, а придя рассказал своей молодой жене Наджмат ас-Субх обо всем, что случилось, и воскликнул:

— Видишь теперь, каковы мои проделки!

И они оба обрадовались, и потом Абу-ль-Хасан сказал:

— Слушай, Наджмат ас-Субх, игра еще не кончилась! Подожди, я тебе покажу еще кое-что.

А халиф, из-за любви к Ситт Зубейде, дочери его дяди, когда Абу-ль-Хасан вышел от него, обратился к своему везиру Джафару и сказал:

— О Джафар, Ситт Зубейда любила свою служанку Наджмат ас-Субх великой любовью, и теперь она наверно узнала о ее смерти и плачет и рыдает по ней. А ты знаешь, что Ситт Зубейда очень мне дорога.

— Да, повелитель правоверных,— ответил Джафар, и халиф продолжал:

— Поэтому нам следует сейчас пойти к ней и утешить ее, и ты тоже пойдешь со мной. Ты скажешь словечко, и я скажу словечко, и, может, мы ее успокоим и утешим, и разгоним ее печаль.

— Слушаю и повинуюсь, повелитель правоверных,— ответил Джафар халифу,— но только диван открылся, и люди ждут, когда твое величество выйдет к ним.

— Иди, распусти диван,— сказал халиф.— Скажи им: «У халифа есть дело во дворце и дивана сегодня не будет».

И везир Джафар вышел и распустил людей, извинившись тем, что у халифа есть сегодня во дворце дело, а потом вернулся и сообщил об этом халифу. И тогда халиф приказал своему слуге Масруру осведомиться, свободна ли Ситт Зубейда, и после этого поднялся с везиром Джафаром и вошел к ней. И, войдя, он увидел, что Ситт Зубейда сидит печальная и плачет и слезы катятся у нее по щекам, и сказал:

— О Ситт Зубейда, я осведомлен о причине охватившей тебя печали и поэтому я пришел и привел с собой Джафара, моего везира, чтобы нам тебя успокоить и утешить. Клянусь Аллахом, Ситт Зубейда, мне очень тяжело за тебя, так как ты любила эту девушку, Наджмат ас-Субх, и она была для тебя дороже всех невольниц; и она — помилуй ее Аллах ве-

ликий! — была всеми любима и приятна по облику и очень привязана к тебе. А во-вторых, клянусь Аллахом, я печалюсь о ней из-за бедного Абу-ль-Хасана, который не порадовался на нее вдоволь и не успел насладиться с нею счастьем, как подобает людям. Он плачет по ней, словно маленький ребенок, и он сейчас приходил ко мне, и рыдал и бил себя по щекам, и состояние его самое горестное. Мы с везиром Джафаром даже сами заплакали, глядя на него, и я его утешал, а после его ухода я подумал, что ты тоже, может быть, горюешь о ней и пришел тебя утешить и успокоить. Что пользы, Ситт Зубейда, плакать и горевать? Кто умер, тот уж не вернется, и эта чаша обходит всех. От того, что на роду написано, никуда не убежишь, и нам всем не избежать смерти. Боюсь, как бы ты не повредила от горя или с тобой чего-нибудь не случилось, я хотел бы, чтобы ты развлекалась и утешилась и перестала бы горевать.

И когда Ситт Зубейда услышала от халифа эти слова, она пожелала ему блага и поблагодарила его за соболезнование, но такие речи удивили ее, и она молвила:

— О повелитель правоверных, ты сбил меня такими словами с толку. Аллах великий да продлит твою жизнь, повелитель правоверных! Ты говоришь про мою служанку: «Помилуй ее Аллах», словно она умерла и ты скорбишь из-за моей печали по ней. А ведь я горюю об Абу-ль-Хасане, так как ты его очень любил и это ты познакомил меня с ним. А он, бедный, помилуй его Аллах великий, был хороший, веселый человек и забавник, и мы много часов развлекались и смеялись с ним, и его шутки веселили нам сердце. Я опасалась за твое величество из-за печали по нем и ожидала, пока главный евнух Масрур, придет ко мне, чтобы спросить его о тебе. Я хорошо знала, как ты любишь Абу-ль-Хасана, и я говорила себе: «Наверное, повелитель правоверных сидит и печалится о нем». Да будет твоя жизнь вечной, о повелитель правоверных! Это ведь не служанка моя умерла! Возможно, твое величество ошибается, так как ты говоришь, что умерла моя невольница, а в действительности дело обстоит не так и, напротив, умер Абу-ль-Хасан.

И когда повелитель правоверных услышал слова Ситт Зубейды, он, хоть и был огорчен, так расхохотался, что упал на спину.

— О повелитель правоверных,— сказала Ситт Зубейда,— ты, значит, пришел, чтобы надо мной посмеяться? Ведь, клянусь Аллахом великим, умер-то на самом деле Абу-ль-Хасан.

— Говорит пословица: «Ум у женщин невелик», и истине в этом нет сомнения! — воскликнул халиф.— Что ты скажешь, о Джафар? Разве не видел ты своими глазами, что Абу-ль-Хасан пришел ко мне, плача и хлопая себя по щекам, в самом горестном состоянии, и когда мы его спросили о причине, он сказал: «Моя жена Наджмат ас-Субх умерла».

— Да,— ответил Джафар, и халиф продолжал:

— Ты неправа, Ситт Зубейда, это твоя служанка умерла, а не Абу-ль-Хасан. Он сейчас ко мне приходил, и я дал ему две тысячи динаров и отрез шелка, чтобы завернуть в него покойницу. Тебе следует плакать по твоей невольнице, которая умерла, так как ты ее очень любила, и во-вторых, клянусь великим Аллахом, ты имеешь право плакать о ней, так как воспитывала ее, словно родную дочь. Что же касается Абу-ль-Хасана, то не плачь о нем, ибо он здоров и благополучен.

— О повелитель правоверных,— молвила Ситт Зубейда,— ты, видно, продолжаешь надо мной шутить. Ведь ты имеешь верные сведения, что я, клянусь великим Аллахом, оплакиваю Абу-ль-Хасана, и я тоже хорошо знаю, что ты огорчен и только хочешь себя утешить подобными речами. И мы заслуживаем утешения, а Абу-ль-Хасан заслуживает, чтобы мы о нем плакали, ибо он нас развлекал и веселил наше сердце, и его присутствие было нам приятно.

— О Ситт Зубейда,— сказал халиф,— клянусь твоей жизнью — а ты знаешь, как твоя жизнь мне дорога,— это не Абу-ль-Хасан умер. Я не шучу с тобой и говорю тебе правду: это твоя невольница Наджмат ас-Субх умерла.

И Ситт Зубейда обиделась на халифа и на его слова и молвила:

— Клянусь великим Аллахом, о повелитель правоверных, что умерла не моя невольница Наджмат ас-Субх. Если бы ты немного задержался и не пришел ко мне, я бы сама послала к тебе кого-нибудь от себя, чтобы утешить тебя после смерти Абу-ль-Хасана. Я знаю, ты его очень любил, и я также. Это он умер, а моя служанка не умерла, и это подтверждается тем, что Наджмат ас-Субх, моя невольница, сейчас была у меня. Она пришла печальная, грустная, плача и хлопая

себя по щекам, так что мы с невольницами даже заплакали из-за нее, видя ее горе. И волосы у нее были распущены, падали на плечи, и она была одета в одежды скорби из-за смерти ее мужа Абу-ль-Хасана. Я посочувствовала ей и дала кошель с тысячей динаров — в утешение и на торжественные похороны Абу-ль-Хасана и его погребение. Вот и все невольницы подтвердят мои слова, так как они все присутствовали, и моя печаль, которую ты заметил, — из-за смерти Абу-ль-Хасана.

И халиф обиделся на слова Ситт Зубейды и сказал ей:

— Ситт Зубейда, ты ни разу в жизни так не упрямилась и не обвиняла меня во лжи, кроме сегодняшнего дня. В самом деле: я тебе говорю, что Абу-ль-Хасан сейчас от меня ушел, и везир Абу-Джафар присутствовал при этом, а ты мне говоришь: «Это Абу-ль-Хасан умер!»

— Пусть не думает твое величество, что я удовлетворюсь такими словами и поверю, что моя служанка Наджмат ас-Субх умерла! — воскликнула Зубейда. — Наоборот, клянусь Аллахом, высоким и великим, это Абу-ль-Хасан умер! Сохрани, Аллах, мою невольницу! Почему ты хочешь ее умерить насильно?

И гнев халифа на Ситт Зубейду от таких слов усилился, и он тотчас же крикнул евнуха Масрура и сказал ему:

— Сходи поскорей во дворец Абу-ль-Хасана и принеси сведения, кто из них умер — Абу-ль-Хасан или Наджмат ас-Субх, его жена. Правда, я наверное знаю, что умерла невольница, но пусть Ситт Зубейда посмотрит и удовлетворится и бросит упрямиться, ибо я в жизни не видывал такого упрямства.

— А я наверное знаю, что это Абу-ль-Хасан умер, — возразила Ситт Зубейда, и халиф вскричал:

— Если твои слова окажутся правдой, я дам тебе все, что ты потребуешь, пусть это даже будет полцарства! Бьюсь с тобой об заклад, что Абу-ль-Хасан здоров и благополучен и что умерла твоя невольница Наджмат ас-Субх.

— И я тоже бьюсь об заклад на все, что имею, что моя служанка Наджмат ас-Субх здорова и благополучна, и что это Абу-ль-Хасан умер! — воскликнула Ситт Зубейда, и халиф молвил:

— Давай спорить: если мои слова правильны и Абу-ль-Хасан здоров, а твоя невольница умерла, то я возьму у тебя

твой большой дворец, а если окажется, что твои слова правильны и умер Абу-ль-Хасан, а невольница здорова и благополучна, то я подарю тебе дворец в саду Бустан аль-Хульд*.

И халиф с Ситт Зубейдой заключили условие и согласились об этом, и оба дали клятвы и обеты на этот счет, а Абу-ль-Хасан слышал из своего дворца все, что между ними происходило. Потом халиф послал евнуха Масрура выяснить дело, и когда Абу-ль-Хасан увидел его, он тотчас же поспешил положить невольницу посреди комнаты, закутал ее в одеяло, повернул лицом к кыбле и принялся плакать над ней и бить себя по щекам.

Тут Масрур подошел и вошел к Абу-ль-Хасану и увидел, что тот плачет и рыдает над своей женой и бьет себя по щекам и состояние его самое горестное. И евнух огорчился из-за него и из-за смерти Наджмат ас-Субх и принялся плакать заодно с ним, а потом произнес:

— Поистине, нет ничего хуже козней женщин и их упрямства!

— О Масрур, почему ты говоришь такие слова? — спросил Абу-ль-Хасан, и евнух молвил:

— На Ситт Зубейду что-то нашло, и она спорит с повелителем правоверных и перечит ему и говорит, что это ты умер, а Наджмат ас-Субх здорова, а мой господин, халиф, говорит ей: «Будет тебе упрячиться! Сейчас у меня был Абу-ль-Хасан, и он бил себя по щекам и оплакивал свою жену, и я выразил ему соболезнование и утешил его», — а она ему: — «Нет, моя служанка во здравии и в благополучии, и это Абу-ль-Хасан, вот кто умер!» И когда повелитель правоверных обиделся на ее упрямство, меня послали выяснить дело и посмотреть, кто из вас умер.

— О Масрур, как я хотел бы умереть вместо нее, — воскликнул Абу-ль-Хасан, и потом он снова начал плакать, и Масрур молвил:

— О брат мой Абу-ль-Хасан, утешься, ибо все мы подлежим смерти, и кто умер, тот уж не вернется, брат!

Потом Масрур вернулся к халифу и Ситт Зубейде и рассказал им обо всем, что видел и наблюдал: что это невольница Наджмат ас-Субх умерла, а Абу-ль-Хасан сидит у нее в головах и плачет по ней, хлопая себя по щекам, и пребывает в самом жалостном положении.

И халиф упал навзничь от хохота, смеясь над Ситт Зубейдой, и сказал евнуху:

— О Масрур, слава Аллаху, мы выиграли у твоей госпожи ее большой дворец, и он стал моей собственностью, ибо мы побились об заклад, что если мои слова правильны и Абу-ль-Хасан здоров и это невольница умерла, я возьму у нее большой дворец, а если окажется, что ее слова — правда и что умер Абу-ль-Хасан, а невольница здорова, я подарю ей дворец в саду Бустан аль-Хульд. А раз ты видел, что это невольница умерла, то, слава Аллаху, ее большой дворец стал моим. Ну, что скажешь, Ситт Зубейда? Будешь еще возражать и говорить: «Абу-ль-Хасан умер, а моя невольница невинна?» Видишь, мои слова правильны. Ну что, ты теперь довольна? Ведь твой большой дворец стал моим, как мы договорились.

— О повелитель правоверных,— отвечала Ситт Зубейда,— ты думаешь, что выиграл заклад и обыграл меня, по свидетельству проклятого раба и лгуна? Как это я поверю ему, а сама себе не поверю! Я только что видела свою невольницу вот этими глазами.

И евнух Масрур воскликнул:

— Госпожа, смилуйся надо мной! Клянусь жизнью моего господина, повелителя правоверных, и твоей жизнью, госпожа,— а ты знаешь, что твоя жизнь мне дороже всего на свете,— это невольница Наджмат ас-Субх умерла, а Абу-ль-Хасан сидит и плачет над ней, и состояние его самое горестное.

— О проклятый, о дно котла, о лгун,— закричала Ситт Зубейда,— так значит ты правдивей меня! Но погоди, урод толстогубый, я сейчас тебя осрамлю!

И она захлопала в ладоши, и явились все ее невольницы, которые присутствовали, когда пришла Наджмат ас-Субх, плача, и сообщила, что умер Абу-ль-Хасан, и Ситт Зубейда сказала им:

— О мои служанки, дочки, заклинаю вас жизнью вашего господина, повелителя правоверных, и моей жизнью, скажите, кого я утешала и кто умер?

И все невольницы отвечали:

— Госпожа, мы видели, как приходила твоя служанка наша сестра, Наджмат ас-Субх, плача и ударяя себя по щекам, и говорила, что ее муж, Абу-ль-Хасан, умер, и ты ее

утешала и успокаивала, и подарила ей кошель, полный золота, и отрез шитой золотом материи, чтобы она справила поминки по Абу-ль-Хасане и разлучилась с его душой.

И Ситт Зубейда обернулась к внуху Масруру и сказала ему:

— О проклятый, вот как ты умеешь отличать мертвого от живого! Смотри и слушай — вот сколько девушек облачают тебя во лжи!

И Ситт Зубейда принялась ругать Масрура, и когда халиф увидел, как Ситт Зубейда гневается на его раба и бранит его, он принялся над ней смеяться и воскликнул:

— Клянусь Аллахом, разум у женщин то пропадает, то появляется!

Потом он обратился к Ситт Зубейде и молвил:

— Ситт Зубейда, этот раб сейчас пришел от Абу-ль-Хасана и видел, что это невольница умерла. Он поклялся моей и твоей жизнью, а ведь он знает, что если бы он дал клятву ложно, я отрубил бы ему голову. И все-таки ты упрямисься и говоришь, что умер Абу-ль-Хасан!

— О повелитель правоверных, — воскликнула Ситт Зубейда, — ты не иначе как сговорился с твоим рабом дразнить меня и мне возражать! Но клянусь великим Аллахом, я не могу вам в этом уступить и не могу поверить, что умерла моя невольница, ибо незадолго до того, как ты ко мне пришел, она была у меня и говорила, что ее муж, Абу-ль-Хасан, умер. Чтобы посрамить этого проклятого, лживого раба, я пошлю кого-нибудь из моих надежных служанок.

И Ситт Зубейда позвала одну из своих старших невольниц, старую домоправительницу, и сказала ей:

— Сходи во дворец Абу-ль-Хасана и посмотри, кто из них умер — моя служанка Наджмат ас-Субх или Абу-ль-Хасан, и поскорее возвращайся, принеси мне весть.

А Абу-ль-Хасан слышал все, что происходило между халифом и Ситт Зубейдой, и слышал, как она послала одну из своих служанок выяснить истинную суть дела, и когда он увидел, что старая служанка идет, чтобы посмотреть, кто из них умер, он тотчас же поспешил притвориться мертвым, а Наджмат ас-Субх принялась плакать о нем и бить себя по щекам. И когда она так сидела, старая служанка вошла и увидела, что Абу-ль-Хасан мертв, а его молодая жена Надж-

мат ас-Субх сидит у него в головах и плачет, и бьет себя по щекам.

Увидев Наджмат ас-Субх в таком состоянии, старуха припала к ее утешать и жалеть, и сказала:

— О доченька, всем нам не избежать смерти. Но прокляни, Аллах, евнуха Масрура!

— Почему? — спросила Наджмат ас-Субх, и старуха ответила:

— Потому, что он пошел и сказал халифу, что это ты умерла, а Абу-ль-Хасан здоров. И между повелителем правоверных и Ситт Зубейдой возник спор, причиной которого был этот проклятый лгун, и халиф говорил, что это ты умерла, а Абу-ль-Хасан здоров, а Ситт Зубейда говорила им противоположное, и они послали Масрура выяснить правду в этой истории, и он пошел и вернулся и сказал, что Абу-ль-Хасан здоров и что это ты скончалась и преставилась к милости Аллаха. И между халифом и Ситт Зубейдой началась перепалка, и они послали меня раскрыть истину в этом деле.

— Ах, если бы я умерла вместо моего возлюбленного Абу-ль-Хасана! Будь это так, ты не видела бы меня в столь горестном состоянии! — воскликнула Наджмат ас-Субх, и старая служанка быстро вышла, радостная, чтобы сообщить обо всем своей госпоже Ситт Зубейде, и думала она, что раздобыла верные вести.

И она вошла к халифу и Ситт Зубейде, радостно смеясь, и Ситт Зубейда сказала ей:

— Ну, рассказывай, что ты видела! Кто из них умер?

— Клянусь твоей жизнью, о госпожа, я видела, что Абу-ль-Хасан мертв и лежит на земле с лицом, повернутым к кыбле, и тюрбан спущен у него на глаза, а твоя служанка Наджмат ас-Субх сидит и плачет над ним и бьет себя по щекам, и состояние ее самое горестное, — ответила старуха, и Ситт Зубейда крикнула ей, смеясь:

— Горе тебе, говори нам правду!

— Клянусь жизнью повелителя правоверных, — воскликнула старуха, — если я лгу, говоря эти слова, пусть он отрежет мне голову.

А Масрур ожидал, что старая служанка принесет весть, что, как он сам видел, Наджмат ас-Субх умерла, а Абу-ль-Хасан жив, и он оправдывается перед Ситт Зубейдой. Когда же старуха пришла и рассказала, что она видела, и поклялась

жизнью повелителя правоверных, Ситт Зубейда обернулась к Масруру и сказала:

— О проклятый, ты научился лгать, чтобы угодить твоему господину. Смотри, как ты теперь осрамился!

Масрур не мог стерпеть такого унижения от Ситт Зубейды, после того как он своими глазами видел, что Абу-ль-Хасан здоров, а Наджмат ас-Субх мертвая. Услышав, как старая невольница поклялась жизнью повелителя правоверных, что Абу-ль-Хасан умер, а Наджмат ас-Субх здорова, он вышел из себя и закричал:

— Старая греховодница, я своими глазами видел, что Абу-ль-Хасан здоров, и наш владыка, повелитель правоверных, тоже его видел. Значит, мы оба лжецы? Ха-ха, проклятая!

И он обернулся к халифу и сказал:

— Клянусь жизнью твоей, о господин, эта проклятая врет, и она заслуживает того, чтобы ей отрезали нос. У нее зубов нет, чтобы есть хлеб, где же у нее смекалка, чтобы отличить живого от мертвого?

И халиф засмеялся его словам, а старуха, услышав речи Масрура и его поношения, не могла их стерпеть, так как своими глазами видела, что Абу-ль-Хасан мертвый, а служанка Наджмат ас-Субх здорова и сидит и плачет над ним.

— О злополучный раб, тебе нет упрека, так как тебе залепили клеем губы и они не дают тебе говорить правду, — закричала она. А Ситт Зубейда с халифом стали смеяться над старой служанкой и рабом Масруром, и когда Масрур услышал, как его бранит старая служанка, он огорчился и заплакал и обернулся к халифу и сказал:

Зачем мне страшиться обиды, покуда над всем твоя власть,
Ты лев, так посмеют ли мошки на слуг твоих верных напасть?
Беспомощных ты охраняешь и поншь ты жаждущих всласть.
Ты — дождь животворный. Могу ли от жажды мучительной
пасть?

И тут халифа взял гнев на старуху, но из уважения к Ситт Зубейде и в угоду ей он сдержался и велел своему слуге Масруру замолчать. Он оторопел из-за всей этой истории, и ум его был ошеломлен, так как он своими глазами видел Абу-ль-Хасана здоровым и тот пришел к нему, плача о смерти своей жены Наджмат ас-Субх. А Ситт Зубейда со

своими невольницами видела всю эту историю иначе, и Наджмат ас-Субх приходила к ней, плача и говорила, что ее муж Абу-ль-Хасан умер. Масрур ходил и видел, что невольница Наджмат ас-Субх умерла, а старая служанка ходила и видела своими глазами, что умер Абу-ль-Хасан, и халиф не знал, где правда во всей этой истории.

И он обратился к Ситт Зубейде и молвил:

— О Ситт Зубейда, пусть мы все — лжецы. Нам остается только пойти всем вместе и выяснить правду в этом деле, так как я видел Абу-ль-Хасана здоровым, и раб Масрур видел его, а ты видела Наджмат ас-Субх здоровой, и старая служанка тоже говорит так. Лучше нам всем пойти и посмотреть, как в действительности обстоит дело.

— Вот оно, правильное решение! — воскликнула Ситт Зубейда. — Пойдем посмотрим, в чем истина!

И они пошли, и Масрур шел впереди всех, так как он горел огнем и ему не терпелось открыть им двери и показать, что он говорил правду. И пока они шли, усилилась перепалка между старой служанкой и Масруром, и они побились об заклад, что если ее слова окажутся правдой и умер именно Абу-ль-Хасан, Масрур даст ей отрез ткани, шитой золотом, а если выйдет наоборот, то старуха даст ему такой отрез.

— И пусть мой господин отрежет тебе голову, после того как я получу с тебя отрез, скверная старуха, — добавил Масрур.

А Абу-ль-Хасан все это слышал, и когда они увидели, что все — халиф, Ситт Зубейда, везир Джафар, евнух Масрур и старая служанка — идут к нему, то Наджмат ас-Субх обратилась к нему и молвила:

— Ты сделал нас лжецами перед халифом, о Абу-ль-Хасан! Аллах, спаси нас от этой беды!

— Не бойся и будь спокойна, — сказал Абу-ль-Хасан. — Кто сумел поднять осла на минарет, тот сумеет и спустить его вниз *. Ты только слушай и делай все, что я тебе скажу.

— Внимание и повиновение тебе, Абу-ль-Хасан, я покорна тебе и послушна, только вызволи нас из этой беды, — отвечала ему жена, и он сказал:

— Будь спокойна.

И Абу-ль-Хасан, увидев, что халиф и Ситт Зубейда идут, чтобы выяснить в чем дело, быстро, как молния, притворился мертвым и сказал Наджмат ас-Субх:

— Ты тоже, как я, прикинься мертвой и ложись со мной рядом обратив лицо к кыбле, и как я буду делать, так делай и ты.

И оба они притворились мертвыми, и когда халиф, Ситт Зубейда и те, кто был с ними, подошли, Масрур, выступив вперед, открыл дверь в дом, и все вошли и посмотрели и увидели, что умерли оба — и Абу-ль-Хасан, и Наджмат ас-Субх, его жена.

И их взяла оторопь от этого случая, и они растерялись, и Ситт Зубейда вышла вперед и закричала от горя по своей служанке и заплакала и сказала:

— Вы не переставая пророчили моей служанке плохое, пока не уморили ее! Бедняжка, она умерла от великой печали по своему мужу Абу-ль-Хасану.

И халиф сказал ей:

— Клянусь великим Аллахом, о Ситт Зубейда, это неправда! Как это ты говоришь такие слова! Это Абу-ль-Хасан умер после — от печали по твоей служанке Наджмат ас-Субх! Клянусь Аллахом великим, я выиграл у тебя твой большой дворец, согласно тому, как мы бились об заклад.

— Клянусь Аллахом, повелитель правоверных, — возразила Ситт Зубейда, — твои слова ложны и правда не на твоей стороне, так как Абу-ль-Хасан умер раньше, а моя бедная служанка потом — от горя и плача по муже.

И между халифом и Ситт Зубейдой возник спор о том, кто умер раньше, и такая же перепалка началась у Масрура со старой служанкой, и если бы не присутствие халифа и Ситт Зубейды, они, наверное, подрались бы.

И все продолжали спорить и препираться, и каждый твердил свое, и они не могли договориться, и наконец халиф подумал, что Ситт Зубейда имеет право говорить, что Абу-ль-Хасан умер раньше, так как она собственными глазами видела свою служанку Наджмат ас-Субх и та сообщила ей, что ее муж умер, но и он, халиф, тоже прав, так как он своими глазами видел Абу-ль-Хасана и тот рассказал ему, что служанка Наджмат ас-Субх умерла.

И халиф рассердился, и усилился его гнев, и поднялась в нем ярость, и он вспыл и воскликнул:

— Клянусь величайшим именем Аллаха и могилою аль-Аббаса *, если найдется человек, который скажет мне сейчас

правду — кто из них умер раньше, я дам ему в награду две тысячи динаров!

И едва Абу-ль-Хасан услышал слова халифа, он одним прыжком вскочил на ноги, сбросил с себя саван и крикнул:

— Давай, повелитель правоверных, две тысячи динаров! Я умер первым, клянусь великим Аллахом, но давай же подарок — две тысячи динаров — раз я тебе сказал, кто из нас умер раньше.

И жена Абу-ль-Хасана, Наджмат ас-Субх, тоже вскочила на ноги и поспешно подбежала к своей госпоже Ситт Зубейде, и бросилась ей в объятия, и когда Ситт Зубейда увидела, что ее служанка здорова, благополучна и не умерла, она страшно обрадовалась и воскликнула:

— О злостная, ты так меня огорчила и опечалила! Но хвала Аллаху, что ты не умерла.

А халиф, когда увидал, что оба поднялись после смерти и Абу-ль-Хасан протягивает руку, требуя две тысячи динаров, повалился от смеха на спину, а потом обратился к Абу-ль-Хасану и сказал ему:

— О Абу-ль-Хасан, ты хочешь убить меня со смеху своими проделками! Мало тебе того, что случилось со мной от смеха во время твоего халифства, когда я едва не умер, — ты еще устроил со мной эту штуку!

Ситт Зубейда тоже обеспамятела и покинула мир от смеха, когда Абу-ль-Хасан сказал халифу: «Я умер первый».

А потом Абу-ль-Хасан сказал халифу:

— О повелитель правоверных, кротость и снисходительность — качества благородных. Вот причина, заставившая меня устроить эту шутку: ты знаешь, что в моем естестве преобладает любовь к веселью, наслаждениям и развлечениям, а твое величество отдало мне в жены Наджмат ас-Субх, которая любит веселиться и развлекаться еще больше меня. Мы жили таким образом, предаваясь расточительству и мотовству, а твое величество знает, что на развлечения нужны деньги, и вот сегодня я сунул руку в карман, и она вышла оттуда пустой — я не нашел там ни единого дирхема. Моя жена Наджмат ас-Субх истратила все, какие были у нее деньги, которые ей дала ее госпожа Ситт Зубейда, и у меня тоже не осталось ни дирхема из тех денег, что ты дал мне.

— И когда мы увидели, что у нас нет ни единого дирхема, нас охватила печаль, и мы не знали, что делать, и я

сказал ей: «Наджмат ас-Субх, можешь ты попросить денег у твоей госпожи Ситт Зубейды?» — и она отвечала: «Мне стыдно, так как она дала мне много и я все промотала, и нет у меня теперь смелости просить у нее еще». И я тоже подумал, о повелитель правоверных, что если я приду и попрошу у тебя немного денег, как бы ты не сказал мне: «Бог с тобой, о Абу-ль-Хасан, я дал тебе на свадьбу много денег, а ты их все спустил! Ты, видно, человек расточительный, и я вижу, что у тебя в обычае мотать деньги».

— И я побоялся этого и решил выкинуть эту штуку, думая, во-первых, вас посмешить и повеселить ваши сердца и, во-вторых, раздобыть немного денег без просьбы, не смущаясь.

И когда халиф с Ситт Зубейдой выслушали рассказ Абу-ль-Хасана, они так засмеялись, что обеспамятели, а потом халиф сказал:

— Вставайте, пойдем со мной,— и дал Абу-ль-Хасану две тысячи динаров, которые он поклялся дать тому, кто скажет об умершем раньше, а затем назначил ему по тысяче динаров на каждый месяц.

И Ситт Зубейда тоже дала своей служанке Наджмат ас-Субх тысячу динаров в награду, и они жили наиприятнейшей и самой сладостной жизнью, пока не пришла к ним Разрушительница наслаждений и Разлучница собраний — смерть.

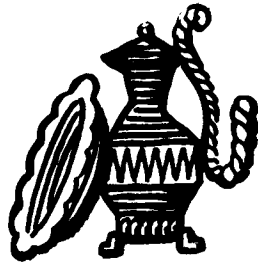

КАЗКА
О ЗЕЙН АМЬ-АСНАМЕ,
СЫНЕ
СУЛТАНА
БАСРЫ

ассказывают, будто был в городе Басре один великий султан. И был он очень богат, но не было у него сына, и султан был печален из-за этого, так как ему очень хотелось иметь сына, чтобы тот стал его преемником. И принялся этот султан просить у Аллаха, чтобы наделил его Аллах сыном, и начал оделять и одарять бедных и убогих, и Аллах внял его просьбе, и султанша забеременела. Царя охватила великая радость, и когда пришло время

родов, он велел привести ученых и звездочетов и сказал им:

— Я желаю, чтобы вы мне рассказали, будет ли новорожденный мальчиком или девочкой, что случится с ним в жизни и что с ним станется.

Ученые и звездочеты составили гороскоп, посмотрели в свои таблицы и сказали:

— О царь времени, младенец, который родится у царицы, будет мужского пола и тебе следует назвать его Зейн аль-Аснамом. Он вырастет доблестным мужем, но ему предстоит в жизни некоторые превратности и тяготы, и если он после этого соберется с духом и укрепит свое сердце, то станет богаче всех царей своего времени.

— Если он вырастет доблестным мужем,— молвил царь,— то меня не тревожат тяготы, которые с ним случатся, ибо сыновья владык учатся на несчастьях.

И потом царица родила мальчика, дивно прекрасного, и царь назвал его Зейн аль-Аснамом, и был он таков, как сказали описывающие, говоря о нем:

Велик по праву тот, чья мощь твой дивный лик могла создать!
Когда явился ты на свет, воскликнул я: «Хвала творцу!»
Ты всем красавцам властелин, твоя держава велика?
Не счесть прекрасных,— но тебя судьба над ними вознесла.

И мальчик развивался и рос, пока не стало ему пять лет жизни, и тогда отец отдал его учителю, знающему, сметливому и искусному, и учитель начал его учить благопристойности, наукам, философии, чтению и письму, и стал мальчик учение его самого и превзошел всех ученых своего века и времени. И Аллах предопределил его отцу заболеть, и стала эта болезнь тяжелой, и понял тот, что приходит к нему смерть. Он призвал к себе своего сына Зейн аль-Аснама и всех своих везиров и вельмож и принялся поучать его перед ними и сказал:

— О дитя мое, остерегайся обидеть бедняка и будь справедлив и правосуден по мере возможности. Смотри, не верь всем словам, которые слышишь, и всегда преклоняй ухо к голосу подданных; но берегись, как бы кто-нибудь не обманул тебя своими речами!

Потом царь обратился к везирам и взял с них клятву в пользу своего сына, и тут окончился его срок и он умер. Его

обмыли и похоронили, сначала помолившись над ним, и Зейн аль-Аснам шесть дней носил по отцу одежды печали, а потом вышел и сел на престол царства и устроил диван, и собралась там большая толпа везиров, эмиров и вельмож государства, и они выразили Зейн аль-Аснаму соболезнование об отце и поздравили его с царской властью, желая ему величия и долгой жизни.

И Зейн аль-Аснам провел таким образом несколько дней, а потом посмотрел и увидел, сколь велика его слава и обильно богатство — а он ведь был еще молод и юн годами и любил мотать деньги, веселиться и развлекаться. И подобрал он себе десять юношей, таких же как он, и тратил на товарищей и на развлечения великие богатства и перестал сидеть в диване и управлять своим царством, а мать увещевала его и страдала, чтобы не поднялись на него подданные и не низложили его, но Зейн аль-Аснам не слушал ее слов. И через малое время подданные стали роптать от жестокостей и обид, причиняемых вельможами, ибо не было никого, чтобы удержать их, и хотели подняться и низложить султана, но мать его была женщина умная и распорядительная, и стала она вести дела по своему разуму и усмотрению и удержала подданных от их намерения.

Она призвала своего сына Зейн аль-Аснама и сказала ему:

— О сын мой, не говорила ли я тебе, что ты лишишься царства, если будешь вечно кутить и мотать деньги не думая об обстоятельствах страны, и постоянно крутиться и вертеться с юнцами и глупцами, развлекаясь и веселясь? Очнись, дитя мое, чтобы тебя не убили и не отняли у тебя царство.

Тут Зейн аль-Аснам немного образумился и назначил управлять государством нескольких умных старцев, но только он сделал это уже после разорения Басры. Затем он отказался от неразумия и посмотрел на себя, и оказалось, что он промотал все свои деньги и деньги государства и все растратил на увеселения.

И раскаялся он великим раскаянием и стал печалиться и скорбеть о своем положении, и лишился сладости сна, горюя о себе. И вот в одну из ночей явился ему во сне человек, старик, и молвил:

— О Зейн аль-Аснам, не горюй, ибо после горя бывает только радость, и нет тягости, за которой не следовало бы облегчение. Вставай же и отправляйся в Египет — там ты найдешь много сокровищниц с деньгами.

Когда Зейн аль-Аснам встал от сна, он рассказал своей матери об этом сневидении, и та стала над ним смеяться и сказала:

— Это дурные мечтания, дитя мое!

— Мне непременно надо отправиться в Египет, — возразил Зейн аль-Аснам, а его мать молвила:

— Это бредни, которым не верят.

Но Зейн аль-Аснам воскликнул:

— Нет, это не сон, и тот, кого я видел, не лжец. Это человек, чей облик полон достоинства, и это, я думаю, посланник Аллаха, да благословит его Аллах и да приветствует! Когда он увидел мою печаль, то явился мне и подал мне благой совет, и я обязательно отправлюсь в Египет. Я чувствую доверие к этому человеку, которого я увидел, и слова его, по-моему, правдивы.

Потом Зейн аль-Аснам оставил свое царство и выехал однажды ночью и вступил на дорогу в Египет. Он путешествовал дни и ночи, пока не достиг Египта, вошел туда и остановился в одной из мечетей, изнемогая от усталости, потом купил себе кое-что на ужин и от сильного утомления положил голову на землю и заснул.

И не успел он сомкнуть глаза, как тот старик явился ему во второй раз и сказал:

— О Зейн аль-Аснам, ты послушался меня и сделал так, как я тебе говорил. Я тебя испытал, чтобы посмотреть, смельчак ты или нет, и раз я узнал, что ты именно таков, поднимайся теперь и возвращайся в свой город, и я сделаю тебя богаче всех царей в мире.

И Зейн аль-Аснам пробудился от сна и воскликнул:

— Во имя Аллаха, милостивого, милосердного! Что это за старик, который сделал меня несчастным, когда я ему верил и думал, что это посланник Аллаха, да благословит его Аллах и да приветствует! Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Я, клянусь Аллахом, хорошо сделал, что никому не рассказал о своем отъезде в путешествие. Но как бы то ни было, мое доверие к этому старику не уменьшилось.

Потом, когда наступило утро, Зейн аль-Аснам сел на своего коня и вернулся в Басру. Он вошел ночью к своей матери и та, увидев сына, приветствовала его и спросила:

— Добыл ли ты что-нибудь?

И Зейн аль-Аснам рассказал ей обо всем, что он видел, и мать его молвила:

— Не огорчайся и не печалься, дитя мое! Если тебе и вправду предназначена доля, ты получишь ее без усилий. Но я хочу, чтобы ты был разумен и оставил все эти вещи, которые довели тебя до такого положения — кутежи с юнцами, развлечения и мотовство. Это все, сын мой, дело беспутных парней, а не таких, как ты.

И Зейн аль-Аснам поклялся матери, что бросил эти дела и опамятуется, а потом он лег в постель и заснул, и тот старик явился ему во сне и сказал:

— О Зейн аль-Аснам, я хочу исполнить свое обещание. Когда встанешь от сна, возьми заступ и отправляйся к такому-то месту под дворцом твоего отца. Покопай там и найдешь то, что тебя обогатит.

Пробудившись от сна, Зейн аль-Аснам радостный поспешил все рассказать матери, и мать посмеялась над ним и молвила:

— О дитя мое, этот старик над тобой смеется.

Но Зейн аль-Аснам возразил:

— Я ему верю, и он говорит правду.

— Пойди туда и сделай так, как ты хочешь, — сказала ему мать. — Во всяком случае это дело не трудное. Но я думаю, что, когда ты покопаешь землю, ты вернешься ко мне и скажешь: «О матушка, я увидел, что твои слова истина».

Тогда Зейн аль-Аснам встал, взял заступ, пошел ко дворцу своего отца и стал под ним копать, и когда он немного покопал, показалось кольцо. Посмотрел он и видит, что кольцо вделано в мраморную плиту. Поднял плиту — увидел лестницу и спустился и увидел пещеру, сплошь облицованную мрамором, а войдя туда, оказался в огромной комнате, в которой было семь кувшинов с самоцветами и похищающее разное множество золота и драгоценных металлов.

И он взял в руку немного самоцветов и пошел к своей матери, и рассказал ей об этом случае, восклицая: «Видела, матушка!» И увидав эти драгоценности, она удивилась и молвила:

— Берегись, о дитя мое, промотать и эти деньги, как те, что ты растратил по своей глупости!

И Зейн аль-Аснам поклялся, что никогда больше не вернется к своим глупостям, и молвил:

— О матушка, твоя душа будет теперь только спокойной, и я хочу, чтобы ты всегда была мной довольна.

Потом мать Зейн аль-Аснама спустилась с ним в пещеру и нашла там вещи, смущающие разум и ошеломляющие мысль, и увидела также кувшины с золотом, и когда они ходили и любовались, то вдруг заметили кувшин из яшмы. Зейн аль-Аснам подошел к кувшину и открыл его и нашел в нем золотой ключ, а мать сказала ему:

— О дитя мое, раз есть ключ, то обязательно должно быть и помещение, которое он открывает.

И они начали искать и нашли в стене пещеры запертый замок, и Зейн аль-Аснам вставил в замок ключ и отпер его, и перед ним распахнулась дверь в огромную комнату, величественнее первой, полную света и сияния, похищающего взор. Они стали вглядываться, откуда этот свет, и увидели семь фигур из драгоценного камня, и каждая была высечена из целого куска камня.

И Зейн аль-Аснам оторопел и воскликнул:

— Откуда раздобыл это мой отец?

И они продолжали смотреть и любоваться, и мать его увидела шелковую занавеску, на которой было написано: «О сын мой, не дивись на величину этих богатств, ибо я раздобыл их после великих трудов, но в мире, сын мой, существует еще один человек из драгоценного камня, который стоит всех этих истуканов. Если ты хочешь раздобыть его и владеть им, отправляйся в Египет к одному негру, по имени Мубарак. Это мой раб, и первый же человек, которого ты увидишь, проведет тебя к нему, ибо он известен всякому».

Когда Зейн аль-Аснам прочитал надпись, он сказал своей матери:

— Я хочу отправиться в Египет, чтобы раздобыть этого истукана. Скажи-ка опять, что это сон!

— О дитя мое,— отвечала ему мать,— раз я убедилась в истинности твоего сна и ты веришь, что это посланник Аллаха — да благословит его Аллах и да приветствует! — то я поручаю тебя его покровительству. Поезжай и не бойся, а

мы с твоим везиром будем управлять государством в твое отсутствие, пока ты не вернешься.

И Зейн аль-Аснам тотчас же снарядился и ехал до тех пор, пока не достиг Египта. Он спросил, где дом Мубарака, и ему указали, и он шел до тех пор, пока не дошел до самого дома, и тогда он постучался в ворота, и один из рабов Мубарака вышел к нему и спросил:

— Кто ты и чего ты хочешь?

— Я человек чужеземный из далекой страны,— ответил Зейн аль-Аснам.— Я слышал про Мубарака, вашего господина, которого восхваляют за великодушие и щедрость, и пришел, чтобы стать его гостем.

И раб вошел в дом и уведомил своего господина, а потом воротился и сказал Зейн аль-Аснаму:

— Мой господин говорит тебе: «Благодать сошла на нас с твоим прибытием». Пожалуй, мой господин Мубарак ожидает тебя.

И Зейн аль-Аснам вошел в огромный двор, весь в деревьях и в цветах, с бассейнами и фонтанами, а потом его ввели в покои Мубарака, и Мубарак тотчас же поднялся ему навстречу и приветствовал его и сказал:

— Снизшла на нас благодать! Откуда ты, о юноша, и куда направляешься?

— Я пришел, направляясь к Мубараку, рабу султана Басры, который умер, и я его сын,— сказал Зейн аль-Аснам, и Мубарак воскликнул:

— Что ты говоришь! Я и не знал, что султан Басры оставил после себя сына! Но сколько тебе лет жизни?

— Продолжительность моей жизни — двадцать лет,— ответил Зейн аль-Аснам.— А ты сколько времени, как ушел от моего отца?

— Восемнадцать лет,— ответил Мубарак,— но Зейн аль-Аснам, дитя мое, где доказательство, которым ты подтвердишь мне, что ты и есть сын моего господина, царя Басры?

— Ты знаешь,— молвил Зейн аль-Аснам,— что мой отец устроил под своим дворцом пещеру и поставил туда сорок кувшинов из яшмы, полных самоцветами, а внутри пещеры он построил комнату, куда поставил семь человеческих фигур из благородных камней, причем каждая фигура — из целого драгоценного камня и возвышается на золотом престоле. И заметил я там шелковую занавеску с надписью и

прочитал эту надпись и увидел, что в ней написано, чтобы я пришел к тебе, а ты мне укажешь восьмого человека, и он достанется мне, и мой отец говорит, что восьмой человек стоит больше, чем те семь, что находятся во дворце.

Когда Мубарак услышал эти слова, он тотчас же упал к ногам юноши и стал целовать ему руки, говоря:

— Ты действительно сын моего господина и владыки! О господин,— продолжал он,— я как раз даю пир для всех знатных и высоких людей Египта. Желает ли ты оказать мне честь и присутствовать на нем?

— Недурно,— молвил Зейн аль-Аснам.

И Мубарак тотчас же встал, взял Зейн аль-Аснама и вошел с ним в комнату, где собрались люди. Он посадил Зейн аль-Аснама на почетное место и приказал поставить столик, и вельможи Египта сели, и Зейн аль-Аснам тоже сел, а Мубарак стоял, скрестив руки на груди, и прислуживал ему. И знатные люди Египта удивились этому делу, так как в Египте не было человека больше Мубарака, и говорили про себя:

— Как это Мубарак, вельможа Египта, прислуживает этому юноше!

И пришли они от этого в великое изумление и не знали, откуда этот юноша.

Когда они поели, попили и повеселились, Мубарак сказал им:

— О вельможи Египта, не удивляйтесь, что я прислуживаю этому юноше, ибо это сын моего господина, султана Басры. Когда его отец умер, я все еще был его рабом и не освободился, так что я его раб, и он купил меня за свои деньги, и теперь я обязан служить его сыну. Он — мой владыка, и все мои богатства и владения, как и то, что вы у меня видите, принадлежит ему, и ничто из этого не мое.

Услышав это, вельможи Египта встали и приветствовали Зейн аль-Аснама и оказали ему подобающий почет, и Зейн аль-Аснам молвил:

— О собрание благих, я говорю перед вами и вы все тому свидетели, что Мубарак теперь человек вольный, и он освобожден со всеми нашими богатствами и владениями, которые ныне у него. И что бы ты у меня ни потребовал, о Мубарак, тоже будет твое.

И Мубарак, услышав это, встал, поцеловал у Зейн аль-Аснама руку и поблагодарил его за милость и молвил:

— О владыка, я хочу лишь одного, чтобы ты был здоров, ибо деньги, которые есть у меня, очень обильны.

Потом Зейн аль-Аснам провел у Мубарака три-четыре дня, пока не отдохнул, и затем он сказал Мубараку:

— О Мубарак, время кажется мне долгим, — и Мубарак ответил:

— О мой владыка, ты знаешь, что то, зачем ты пришел и чего ищешь, весьма драгоценно и сопряжено с великой опасностью. Не знаю, сможешь ли ты достигнуть этого, или тобой овладеет страх.

Потом он велел своим рабам снаряжаться для путешествия, и они снарядились. И Мубарак с Зейн аль-Аснамом ехали до тех пор, пока не достигли огромной пустыни, и каждый день они были свидетелями вещей и дел, смущающих ум и повергающих в смятение, ибо они за всю жизнь ни разу не видели подобных вещей. А приблизившись к нужному месту, они сошли с коней, и Мубарак велел своим рабам оставаться с лошадьми и сказал:

— Ждите нас, пока мы не вернемся, — и затем Мубарак с Зейн аль-Аснамом пошли вперед, и Мубарак молвил:

— О господин мой Зейн аль-Аснам, тебе необходимо укрепить свое сердце, так как ты на той земле, где находится истукан, которого ты хочешь найти.

И они шли не переставая, пока не дошли до широкого озера с водой, и тогда Мубарак сказал:

— Знай, о владыка, что сейчас к нам подойдет маленькое судно с зеленым флагом, и мачты на нем будут из сандала и камарийского * алоэ. На этом судне будет кормчий, гребец, с необычной внешностью, и я наказываю тебе: берегись и еще раз берегись что-нибудь проговорить, чтобы судно с нами не утонуло, ибо вся эта местность принадлежит царю джиннов, и все, что ты увидишь, — дело джиннов.

И едва они подошли к озеру, как видят — судно, доски которого из сандала и камарийского алоэ, и на судне — кормчего с головой, как у слона, и телом, как у дикого зверя. И когда судно приблизилось к ним, кормчий обвинил их обоих хоботом, положил на судно и греб до тех пор, пока они не пересекли озеро и не оказались у другого берега. Они вышли на землю и пошли и увидели деревья амбры,

камфары, алоэ и сандала, а также гвоздику и другие цветы, запах которых расширяет грудь, и слышали голоса птиц, распевавших на разные лады, радуя печальное сердце.

И Мубарак спросил Зейн аль-Аснама:

— Как ты смотришь на это место?

И Зейн аль-Аснам ответил:

— Я думаю, это и есть рай, который господь наш обещал нам.

Потом они прошли еще немного вперед и увидели огромный дворец, в котором все камни были изумруды и яхонты, а двери — из золота, и перед дворцом был мост длиной в сто пятьдесят локтей и шириной в пятьдесят локтей, и был этот мост сделан из ребра рыбы. А в конце моста стояли воины из джиннов, вооруженные булатными копьями.

И Мубарак сказал Зейн аль-Аснаму:

— Дальше мы не пойдем, — и остановился.

Потом он вынул из-за пазухи кусок желтой шелковой ткани и подпоясался им, а другой такой же кусок положил себе на плечи, и то же самое сделал для Зейн аль-Аснама, а затем разостлал перед ними обоими по поясу из белого шелка, вынул из-за пазухи благородные камни, самоцветы, амбру и алоэ и положил все это перед ними, и каждый сел на свой пояс.

И Мубарак сказал Зейн аль-Аснаму:

— Говори за мной: «О господин мой, царь джиннов, мы сегодня под твоим покровительством», — и продолжал:

— Послушай, господин мой Зейн аль-Аснам, мы подвергаемся опасности. Знай, что если царь джиннов захочет встретить нас без вреда, он придет к нам в образе человека дивной красоты, а если у него нет желания видеть нас, он придет в облике безобразном. Так вот, если ты увидишь его в образе прекрасном, то сейчас же встань и приветствуй его, во избежание сойти с пояса, на котором ты сидишь.

И Зейн аль-Аснам сказал: «Слушаю и повинуюсь», — а Мубарак продолжал:

— И приветствие твое пусть будет такое: «О господин мой, царь джиннов и владыка земли, привет тебе! Отца моего, султана Басры, взял к себе ангел смерти, и тебе ведомо, что он умер. Поскольку ты взял моего отца под свое покровительство, то я пришел к тебе, чтобы быть под твоим покровительством».

И Мубарак научил Зейн аль-Аснама, как приветствовать царя джиннов и что ему говорить, и потом сказал:

— Может быть, он тебе скажет: «Требуй от меня, чего хочешь»,— и тогда ты тотчас скажи ему: «Господин мой, я хочу от твоего величества восьмого человека, и ты обещаешь моему отцу отдать его мне».

Потом Мубарак принялся жечь куренья и произносить заклятия и заклинания, и через короткое время загредел гром, засверкала молния, в мире наступила глубокая тьма и мрак, и земля затряслась. Зейн аль-Аснам испугался и устранился, и Мубарак сказал ему:

— Не бойся, о владыка, ибо к тому, чего ты испугался, мы и стремимся, и это признак блага.

И рассказывают, что потом, через небольшое время, мир успокоился и осветился, и повеяло приятными, благовонными запахами, и явился царь джиннов в образе прекрасного человека, которому нет равного по красоте. Он посмотрел на них приветливо, и Зейн аль-Аснам тотчас поцеловал перед ним землю и выразил ему благие пожелания, и царь джиннов сказал ему, улыбаясь:

— О Зейн аль-Аснам, я любил твоего отца, султана Басры, и всякий раз, когда он приходил ко мне, я давал ему одного из тех истуканов, которых ты видел. Ты тоже можешь радоваться, ибо будешь у меня в таком же почете, как твой отец, и даже еще больше. Это я, прежде чем твой отец скончался и преставился к милости Аллаха великого, заставил его написать надпись, которую ты видел на шелковой занавеске, и еще я обещал ему взять тебя под свое покровительство, так же как взял под покровительство его. Я подарю тебе восьмого человека, который стоит всех статуй, виденных тобой, и, если захочет Аллах, буду покровительствовать тебе, чтобы исполнить обещание, которое я дал твоему отцу. Что же касается старца, которого ты видел во сне, то это я, и это я приказал тебе копать в том месте, где ты нашел кувшины и изваяния из драгоценных камней. Я знаю, зачем ты сюда пришел, и подарю тебе то, чего ты ищешь, но только если ты мне дашь великую клятву и исполнишь ее: ты должен пойти и привести мне девушку пятнадцати лет, не имеющую подобия по красоте и прелести, чистую, никогда в жизни не пожелавшую мужчины, и смотри, берегись обмануть меня с ней по дороге.

И Зейн аль-Аснам поклялся царю джиннов так, как тот требовал, и сказал:

— О царь, ты оказал мне честь, попросив о такой услуге, но это вещь, на которую неспособен человек. Допустим, я увижу девушку, не имеющую подобия по красоте, но откуда я могу знать, что она чиста и в жизни никогда не пожелала мужнины?

— Ты прав,— отвечал царь джиннов,— потомки Адама не способны на это. Но я дам тебе зеркало, и когда ты найдешь девушку, красота которой тебе понравится, взгляни в это зеркало, и если увидишь, что оно чистое, не замутившееся, то знай, что девушка чиста, а если дело обстоит не так — ты найдешь зеркало мутным и покрытым пылью, тогда знай, что девушка не чистая. Так вот, если ты увидишь, что девушка такова, как я сказал,— красивая бесподобно и чистая, привези ее с собою ко мне, но береги ее по дороге, а также и себя, чтобы меня не обмануть — иначе я тебя погублю и лишу тебя жизни. Соблюдай же обет, который ты мне дал, ибо сыновья царей никогда не нарушают обетов.

Потом султан джиннов дал Зейн аль-Аснаму зеркало и сказал ему:

— Дитя мое, вот то зеркало, про которое я тебе говорил. Поднимайся же теперь и поезжай, без задержки.

И раб Мубарак с Зейн аль-Аснамом тотчас же простились с султаном джиннов и возвратились к озеру. Они нашли там судно, в котором сидело существо с головой, как у слона, и этот кормчий взял их и стал грести и доставил на другой берег.

И они вернулись в Египет, и Зейн аль-Аснам оставался у Мубарака недолгое время, пока не отдохнул, а потом он сказал Мубараку:

— О Мубарак, поедem с нами в город Багдад и поищем для царя джиннов девушку, которую он просил,— но Мубарак сказал ему:

— О владыка, мы в Каире, а это мать городов и чудо света, и нигде нет больше девушек, чем в Каире. Мы обязательно найдем здесь девушку, соответствующую его желанию, так что нам не нужно путешествовать в далекие города.

— Ты прав, Мубарак,— ответил Зейн аль-Аснам,— но

каков план для того, чтобы раздобыть такую девушку, и кто станет ходить и искать ее для нас?

— Не думай об этом деле, о владыка, — молвил Мубарак. — У меня есть одна старуха, достойная проклятия, мастерица на плутни, козни и обманы, и такое дело ее не затруднит.

И Мубарак тотчас же послал за старухой и осведомил ее о том, что ему требуется.

— Тебе будет от меня большой бахшиш *, если ты приложишь старания в этом деле, — сказал он.

И старуха молвила:

— Слушаю и повинуюсь, господин, будь спокоен. Не успеешь ты оглянуться, как твое желание будет исполнено, ибо у меня под рукой такие девушки, что нет лучше по красоте и по прелести, и все они — дочери знатных людей.

Но старуха ничего не знала о зеркале, которое дал им султан, и она отправилась в город, стараясь исполнить желание Мубарака. Она искала и нашла множество девушек — превосходных по красоте и прелести, и приводила их одну за другой, и всякий раз, как она приводила одну из них, Зейн аль-Аснам доставал зеркало и находил его черным, как кусок угля, и не увидал он в Каире ни одной чистой девушки.

И решил он отправиться в Багдад после того как перевидал всех каирских девушек, и Мубарак тоже поднялся и снарядился и поехал с ним в Багдад. Они наняли в городе большой дом и поселились там, и все вельможи и знатные люди квартала то и дело входили туда и выходили оттуда. И Зейн аль-Аснам с Мубараком постоянно держали дом открытым и накрывали столы приходящих и уходящих, так что всякий бедняк и чужеземец, придя в мечеть и услышав про их дары и щедроты, являлся к ним и жил от их щедрот, и распространилась о них в Багдаде великая слава, и никто не говорил про них ничего, кроме хорошего.

Но случилось так, что в мечети, находившейся в их квартале, был имам — проклятый, грязный, скверный, завистливый, нет и в геенне никого сквернее! — и жилище его находилось вблизи того дома, где жили Мубарак с Зейн аль-Аснамом. И вот, когда имам увидел, что они так богаты и осыпают щедростью входящего и выходящего, его ударила зависть, и он стал придумывать хитрость, чтобы ввергнуть

Зейн аль-Аснама в беду и лишить его благоденствия, которым тот наслаждался — ведь завидуют только людям милостивым, великодушным и добрым.

И когда этот имам в какой-то день стоял посреди мечети на послеполуденной молитве и все обитатели квартала собрались, чтобы помолиться, он, окончив проповедь, сказал:

— Братья наши, мусульмане, верующие в Аллаха единого — велик он! — знайте, что в нашем квартале обитает один человек, чужеземец, с которым вы, быть может, общались. Он, как я вижу, предается теперь чрезмерным тратам и великому расточительству, хотя неизвестно, в чем его доход. Полагаю, вернее всего, что это грабитель-чужеземец, и то, что он ворует в своей стране, он привозит сюда и здесь расходует. Предостерегаю вас во имя Аллаха и его посланника — берегитесь этого проклятого, ибо, может быть, через некоторое время о нем проведает халиф, и вы попадете в беду заодно с ним. Я умываю руки в этом деле, ибо я поставил вас и предостерег. Делайте же теперь, что хотите, да выведет вас Аллах великий на правый путь.

И прихожане сказали:

— О владыка наш Абу-Бекр, мы принимаем твое наставление, да воздаст тебе Аллах благом! — и когда имам увидел это, он схватил перо и чернильницу и написал халифу письмо, что к ним в квартал прибыл один разбойник, и он так хулил Зейн аль-Аснама, как Малик хулил вино*.

А по воле судьбы случилось, что Мубарак в это время был в мечети, среди прочих присутствующих, и слышал речь имама и узнал об его намерении написать письмо. И Мубарак не поленился вернуться к себе домой, взял мешочек с сотней динаров, связал в узел платье, легкое весом и дорогое ценой и отправился с этим в дом имама. Имам с гневом спросил:

— Что тебе надо? — и Мубарак отвечал ему:

— О владыка наш Абу-Бекр, я пришел к тебе от моего господина Зейн аль-Аснама. Он прослышал о вашем благочестии и великих знаниях и пожелал с вами познакомиться, и прислал со мной это платье и мешочек, и просит извинения, так как знает, что по вашему сану этого мало.

И когда Абу-Бекр увидел желтизну и чекан монет, он сказал Мубараку:

— Прошу прощения у эмира, твоего господина! Клянусь

Аллахом, мне тяжело, что он уже столько времени здесь, а я не оказал ему необходимого уважения. Ты будешь ходатаем за меня, чтобы он меня извинил, а завтра, если захочет Аллах, я приду ему служить.

— Предел желаний моего господина — иметь честь лицезреть тебя и приобщиться через тебя к благодати, — молвил Мубарак, и потом он поцеловал имаму руку, сказал «Помолись за меня!» — и вышел.

А когда наступило утро, Абу-Бекр поднялся и пошел в мечеть и встал посреди мечети и сказал:

— Братья мусульмане, знайте, что зависть направлена только против людей милостивых и великодушных. Чужеземец, про которого я вам вчера говорил... Завистливые люди болтали, что это разбойник, но я произвел расследование и установил, что это один из величайших людей, благороднейших по происхождению и личным достоинствам. Остерегайтесь же, и пусть ни один из вас не говорит о нем так, как мы говорили вчера, — вы и меня свергнете и сами попадете в великую беду со стороны повелителя правоверных, ибо невозможно, чтобы такой человек, как он, столь великий сано́м, проживал в нашем городе Багдаде, не будучи знаком с повелителем.

И имам, закончив свою речь, вышел из мечети и вернулся домой. Он надел фарджию *, сделав полы потяжелей, а рукава подлинней и отправился в дом Зейн аль-Аснама, и когда он вошел туда и Зейн аль-Аснам его увидел — а Зейн аль-Аснам был благочестив и любил ученых и законоведов и искал у них благодати, — то встретил его с полным почтением и уважением. Он встал ему навстречу и посадил его на скамеечку с собой рядом и велел подать завтрак, и когда его подали, сел и стал есть вместе с имамом, а когда они кончили есть, Абу-Бекр принялся развлекать Зейн аль-Аснама беседой и разговоривать с ним и спросил:

— О дитя мое, Зейн аль-Аснам, какова цель твоего пребывания в этом городе? Если у тебя есть желание, которое я могу удовлетворить, то я хочу служить твоему превосходительству.

И Зейн аль-Аснам сказал ему:

— Моя цель — жепиться, и я хочу найти девушку пятнадцати лет, которой нет равной по красоте, и чтобы она была чистая и ни разу в жизни не думала о мужчине.

И имам ответил:

— Это, дитя мое, тяжело найти! Я знаю девушку пятнадцати лет, превосходную по красоте, отец которой был везиром и сам ушел со своей должности, и теперь он живет в своем дворце. Он очень печется о воспитании дочери, и я думаю, что девушка подойдет твоему превосходительству.

— Если пожелает Аллах, мы сочтем ее подходящей и исполнение нашего желания произойдет при твоей помощи,— ответил Зейн аль-Аснам,— но только, о мой владыка, мне прежде всего следует посмотреть, целомудренна она или нет. Что касается ее красоты, то я в ней убедился по твоим словам, также и насчет возраста, а вот целомудрие и чистота — я не думаю, чтобы вы это проверяли.

— А как же можно, дитя мое, узнать по лицу, чиста девушка или нет? — спросил имам.— Видно, ваше превосходительство понимает в науке о звездах! Но не беда! Если хочешь, пойдем к ней во дворец, и я познакомлю тебя с ее отцом, а отец приведет девушку к вам, и вы на нее посмотрите.

И Зейн аль-Аснам поднялся, и они пошли вместе в дом везира, отца девушки, и когда они вошли, везир из уважения к ним встал и приветствовал Зейн аль-Аснама, узнав, что это эмир и что он хочет жениться на его дочери.

И везир тотчас же позвал свою дочь, и ее привели к Зейн аль-Аснаму и откинули покрывало с ее лица, и когда Зейн аль-Аснам увидал девушку, он был ошеломлен ее красотой и прелестью и сказал про себя: «Знать бы, добуду ли я такую девушку для себя самого!»

Потом он вынул из-за пазухи зеркало и посмотрел и увидел, что хрусталь его ясен и прозрачен, словно чистое серебро, и тотчас же договорился с отцом девушки, и они послали за кади * и за свидетелями, и написали запись и заключили условия.

И Зейн аль-Аснам взял новобрачную к себе в дом, и отец ее поднес ему драгоценные дары и подарки, а Зейн аль-Аснам устроил великолепное торжество и приглашал к себе всех жителей города восемь дней, а Абу-Бекра наградил и одарил многими подарками.

И затем, после этого, Мубарак сказал Зейн аль-Аснаму:

— О господин мой, поднимайся, поедem и не будем терять времени,— и Зейн аль-Аснам отвечал:

— Слушаю и повинуюсь!

И Мубарак принялся собирать все нужное для путешествия, сделал для девушки носилки, и они попрощались с везиром, отцом девушки, и поехали.

А Зейн аль-Аснама охватила любовь к девушке, и Мубарак узнал это и сказал ему:

— О господин мой Зейн аль-Аснам, следи за собой, чтобы исполнить клятву, которую ты дал султану джиннов.

И Зейн аль-Аснам воскликнул:

— О Мубарак, если бы ты знал, как сильна страсть, охватившая меня к этой девушке! Я постоянно думаю взять ее и отправиться с ней в свой город Басру и жениться на ней и войти к ней.

— Остерегайся, господин, такого дела, чтобы не подвергнуться гибели, после которой уже ничего нет,— сказал Мубарак.— Не обманывай доверия — ты погубишь и свою жизнь и жизнь девушки! Берегись такого дела и подумай о клятве, которую ты дал султану джиннов, и не позволяй страсти одолеть твой разум — ты погубишь свою жизнь и честь и потеряешь все, что приобрел.

— О Мубарак, оберегай ее от меня и никогда не давай мне смотреть на ее лицо,— сказал Зейн аль-Аснам.

И Мубарак приставил к девушке своих сторожей и отгородил ее, чтобы Зейн аль-Аснам на нее не смотрел, и они пошли по дороге к острову царя джиннов.

И когда девушка увидела, что путешествие затянулось и она за все это время ни разу не взглянула на своего мужа, она спросила Мубарака:

— Заклинаю тебя жизнью твоего господина, о Мубарак, далек ли еще путь до земли моего мужа Зейн аль-Аснама?

— Ах, госпожа, мне тяжело, но я открою тебе истину. Эмир Зейн аль-Аснам, царь Басры, не твой муж, и запись с тобою, которую он написал, сделана ради твоих родных. А ты теперь едешь как жена к царю джиннов, который попросил тебя у Зейн аль-Аснама,— ответил ей Мубарак.

И девушка, услышав эти слова, опечалилась и начала плакать и сказала:

— Нет у вас ни милосердия, ни жалости, и не бойтесь вы Аллаха! Вы подвергаете меня такой беде, и это с вашей стороны обман.

И она заплакала, и Зейн аль-Аснам услышал это и заплакал еще сильнее ее.

И они ехали без остановки, пока не прибыли к царю джиннов, и к нему привели девушку, и когда он ее увидел, она ему понравилась.

И он обратился к Зейн аль-Аснаму и сказал ему:

— Девушка, которую ты привез, выше всяких описаний, но твоя прекрасная верность клятве милее мне самой девушки. Возвращайся теперь в свой город, а восьмого истукана, которого ты у меня просил, ты найдешь вместе с остальными семьей. Я послал его с одним из своих рабов.

И Зейн аль-Аснам поцеловал землю и пожелал царю блага и вернулся тем же путем в Каир с Мубараком. От сильного желания овладеть восьмым истуканом он не захотел долго оставаться у Мубарака, и при этом он все время горевал о девушке и печалился и вздыхал по ее красоте и прелести, восклицая: «О как печальна моя судьба, что я тебя потерял, лишился тебя, единственная по красоте и прелести! Я взял тебя из объятий твоих родителей и привел к царю джиннов! О как велика моя печаль по тебе, душа моя!»

И Зейн аль-Аснам начал ругать себя за то, что обманул отца и мать девушки и отвез ее к царю джиннов, а потом он отправился в путь и вернулся в Басру. Он приветствовал свою мать и рассказал ей об всем, что случилось, и мать его молвила:

— О дитя мое, спустимся и посмотрим на истукана, про которого тебе говорил царь джиннов. Клянусь Аллахом, я ему очень рада!

И Зейн аль-Аснам встал и спустился с нею в пещеру. Они вошли в комнату, где находились истуканы, посмотрели и вгляделись, и вместо того чтобы найти истукана, про которого говорил Зейн аль-Аснаму царь джиннов, увидели девушку, подобную сияющему солнцу. И Зейн аль-Аснам всмотрелся в нее и увидел, что это та самая девушка, которую он привел царю джиннов, и обрадовался ей, а девушка молвила:

— Не удивляйся, что ты нашел меня здесь вместо того, о чем ты просил. Ты, я думаю, не будешь жалеть, что получил меня взамен желаемого и просимого.

— Клянусь Аллахом, о любимая,— воскликнул Зейн

аль-Аснам, — ты — предел моих желаний и чаяний, и я не променяю тебя на все драгоценные камни в мире! Если бы ты знала, какая печаль и горесть охватили меня, когда я увидел, что обманул тебя и обманул твоих родителей и мне пришлось отдать тебя царю джиннов!

И не успел Зейн аль-Аснам кончить говорить, как вдруг послышался страшный голос, разрушающий горы и сотрясающий землю, и мать Зейн аль-Аснама, царица, утрашилась и испугалась, а спустя короткое время появился царь джиннов и сказал матери Зейн аль-Аснама:

— О госпожа, не бойся совершенно, ибо я охраняю твоего сына, и я полюбил его великой любовью, подобной любви к нему отца, и это я явился ему во сне и хотел этим испытать его смелость и проверить его доблесть — может ли он одолеть самого себя или нет. Красота этой девушки его обманула, и он не смог соблюсти свой обет и клятву мне в точности и пожелал, чтобы она стала его женой. Но для меня несомненна слабость людского естества, и я считаю великим, что он уберег ее и сохранил от себя и отгородился от нее. Я дивлюсь подобному целомудрию и дарю ему эту девушку, и пусть она станет его женой. Она и есть та восьмая статуя, которую я ему обещал и которая лучше семи фигур из драгоценных камней, ибо поистине в мире не найти ей подобия.

Потом царь джиннов обратился к Зейн аль-Аснаму и сказал ему:

— О Зейн аль-Аснам, вот твоя жена! Возьми же ее и войди к ней, но с условием, что ты будешь ее любить и не возьмешь второй жены. Я ручаюсь и отвечаю тебе за ее верность и целомудрие.

Потом царь джиннов, сказав им эти слова, исчез, а Зейн аль-Аснам вышел с девушкой, улетая от радости из сетей разума. Он устроил свадьбу и торжество во всем царстве и вошел к девушке и полюбил ее великой любовью, и достались ему от нее дети, и они с нею жили вместе, проводя время в радости и веселье, пока не пришла к ним Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний.

РАССКАЗ
О ЮНОШЕ
ИЗ
СУМАСШЕДШЕГО
ДОМА

ассказывают, что халиф Харун ар-Рашид однажды сказал своему везиру Джафару:

— О Джафар, грудь у меня сегодня стеснена от тоски. Поднимайся, давай перерядимся, походим и поглядим, как живут мои подданные. Мы проверим их дела, узнаем, кто обидчик, а кто обиженный, и увидим, каково положение в этом городе и как поступают его правители.

— Внимание и повиновение Аллаху и тебе, о повелитель правоверных,— ответил Джафар, и потом оба поднялись, и

Масрур-евнух вместе с ними, и переменяли одежду и стали кружить по улицам города.

И они бродили с места на место, пока не дошли до бимаристана * — помещения для сумасшедших, и тогда халиф спросил Джафара:

— О Джафар, что это за дом?

— О повелитель правоверных, это бимаристан для сумасшедших, повредившихся в уме, и в нем также есть помещение для других больных,— ответил Джафар, и халиф молвил:

— Надо нам войти туда, чтобы поглядеть на больных и сумасшедших и посмотреть, хорошо ли за ними ходят, и не проедают ли смотрители деньги вакфа *, пренебрегая обслуживанием этих несчастных.

И халиф, везир Джафар и Масрур-евнух вошли в бимаристан, и прежде всего зашли к больным. Они увидели, что служители смотрят за больными добросовестно, в помещении чисто и возле каждого больного стоит еда, питье и лекарства, потребные при его болезни, и халиф обрадовался, а потом они вышли оттуда и перешли в помещение для сумасшедших.

— Джафар, пойдем туда и посмотрим, как живет этот несчастный, ибо они заслуживают того, чтобы их навестили,— предложил халиф, и они вошли, и когда они входили, халиф сказал:

— О Джафар, пусть каждый из нас выберет себе сумасшедшего, подойдет к нему и спросит, что с ним такое, и я тоже выберу сумасшедшего и пойду к нему. Словом, каждый из нас пусть выберет себе одного.

— Внимание и повинование,— ответили Джафар и Масрур, и первым, кто выбрал сумасшедшего и подошел к нему, был Масрур-евнух.

И когда Масрур вошел к сумасшедшему, которого выбрал, он увидел, что тот рвет на себе одежду и выкликает во весь голос: «Сладки и прекрасны плоды Ирака!» Масрур подошел к нему и спросил:

— Про какие это плоды ты кричишь, говоря, что они сладки и прекрасны? Продай-ка их мне, чтобы я их посл и угостил своих товарищей.

— Слушаю и повинуюсь, о господин, подойди поближе и я дам тебе то, что ты просишь,— ответил сумасшедший,

и когда Масрур подошел к нему, сумасшедший схватил его за ворот, а другую руку сунул себе между бедрами, набрал нечистот и вымазал ими лицо Масрура.

И Масрур закричал и обеспамятел и повалился на землю, а халиф с Джафаром так смеялись над Масруром, что упали навзничь.

Потом Масрур с большим трудом вырвался от сумасшедшего, со всех ног помчался к водоему бимаристана, вымыл себе лицо и бороду и вернулся к халифу, и халиф спросил его:

— Ну, как ты находишь, Масрур, плоды Ирака?

И они опять стали смеяться, а потом халиф обратился к Джафару и молвил:

— Пойдем теперь, Джафар, к твоему сумасшедшему, которого ты себе выбрал.

И Джафар вошел к сумасшедшему, которого выбрал, и увидел, что тот сидит, и сказал ему:

— Мир с тобою, о брат мой!

И сумасшедший ответил:

— И с тобою мир и милость Аллаха и благословения его!

— По тебе видно, что ты человек разумный и обладаешь знаниями и сметливостью. Почему же ты сидишь в этом месте, то есть в помещении для сумасшедших? — спросил его Джафар, и сумасшедший молвил:

— Причина, почему меня привели в это место и заточили в нем, — та, что однажды я сказал своим родным, друзьям и домочадцам: «Я — пророк, присланный к вам от Аллаха», — но они мне не поверили, а поднялись, схватили меня и привели в это место и заточили в нем.

И когда Джафар услышал такие слова, он опроретью бросился прочь и убежал от сумасшедшего и, подойдя к халифу, осведомил его об этом и молвил:

— О повелитель правоверных, я убежал от него, ибо увидел, что он совершил великое кощунство, о котором я даже не могу сказать твоему величеству.

— В чем же его кощунство? — спросил халиф, и Джафар ответил:

— Он говорит про себя, будто он пророк, посланный от Аллаха. Я спросил его: «По какой причине ты присутствуешь в этом месте и сидишь здесь, когда ты, как я вижу, че-

ловек разумный?» И он ответил: «Потому что я сказал своим людям: „о люди мои и домочадцы, я — пророк, посланный к вам от Аллаха“, — и они мне не поверили и схватили меня и посадили в это помещение».

И Халиф сказал:

— Нет в этом кощунства, о Джафар, ибо Аллах великий сотворил много пророков. Сколько пророков пришло после Мусы! * Может быть, он пророк, и нам следует оказывать ему уважение. Вернись к нему и скажи: «У каждого пророка должно быть чудо, свидетельствующее о его пророческом сане. А ты — какое чудо ты сотворишь, чтобы мы поверили в твой пророческий сан? Ведь если ты совершишь перед людьми чудо, все люди засвидетельствуют, что ты пророк, а если ты совершишь чудо и они тебе не поверят, то правота будет на твоей стороне. Ты только покажи его нам, и мы тебе поверим».

И Джафар вернулся к сумасшедшему и задал ему этот вопрос, и сумасшедший ответил:

— Если ты хочешь видеть мое чудо, я сейчас же сотворю его для тебя, чтобы ты поверил, что я пророк, посланный великим Аллахом.

— Сотвори, чтобы мы видели твое чудо и знамение, — молвил Джафар, и сумасшедший сказал ему:

— Встань, поднимись на эту высокую крышу и кинься с нее вниз. При этом у тебя сломается шея и ты умрешь, и я тотчас же крикну над тобой: «Встань!» — и ты встанешь здоровым и невредимым.

И Джафар рассмеялся и молвил:

— Поистине ты пророк, и я в тебя уверовал и поверил тебе. Нет сомнения, что ты один из великих пророков, и я верю тебе просто на слово, и мне не требуется видеть твое чудо.

И когда халиф услышал это, он покатился со смеху и сказал:

— О Джафар, человека уважают или презирают по испытанию. Поднимайся, испробуй этого пророка и кинься с крыши.

— Господин мой, — ответил Джафар, — моя вера не зависит от того, увижу ли я это чудо, ибо я, и не видев чуда, уже уверовал в него и поверил, что он пророк и что его пророческий сан — истина. Мне не нужно его испытывать, так

как я в нем не сомневаюсь, испытывать должен тот, кто сомневается и не верит в его пророческий сан.

И халиф засмеялся словам Джафара, а потом сказал ему:

— Теперь, значит, остается мне войти к моему сумасшедшему.

И халиф вошел к третьему сумасшедшему, которого он избрал, и увидел, что это красивый юноша, с прекрасной внешностью, нарядный и чистый, и ему примерно лет восемнадцать, и перед ним лежит список Корана, а он сидит и читает его нараспев.

И халиф обратил к нему пожелание мира, и юноша ответил ему наилучшим образом, чинно и с полной вежливостью, и сказал:

— И над тобой мир и милость Аллаха и благословения, о благой дервиш! — а халиф спросил его:

— Почему ты сидишь здесь, юноша, хотя ты, как я вижу, человек разумный и обладаешь сметливостью и знаниями? Какова причина твоего пребывания в таком месте и кто привел тебя сюда? Ты не заслуживаешь того, чтобы быть в этом доме, ибо это помещение для сумасшедших, тронувшихся в уме, а с тобой ничего такого нет.

А халиф был очень удивлен и говорил про себя: «Человек, тронувшийся в уме, не читает и не произносит нараспев стихи Корана, так как в нем нет разумности, побуждающей к этому. Наверное, с этим юношей случилась какая-нибудь история — как может быть, чтобы разумного заточили как сумасшедшего в это место, когда он в полном расудке и в нем нет никакого безумия?»

И халиф еще раз обратился к юноше и попросил его:

— Расскажи мне, о молодец, почему ты сидишь в этом месте. Откуда ты и чей ты сын?

Юноша вздохнул из глубины сожженного тоской сердца и сказал:

— Ах, благой дервиш, ты сказал правду, что я разумен и нет во мне никакого сумасшествия. Но я попал в беду, и день и ночь прошу Аллаха, чтобы он оказал мне милость и пришел бы сюда халиф Харун ар-Рашид, чтобы мне рассказать ему о своей беде и об истории, в которую я попал. А если не сам халиф, то пусть это будет разумный человек, как твоя милость, благой дервиш, и я расскажу ему про свою беду. Может быть, он сделает мне добро — встретится с ха-

лифом и передаст ему весть об мне, ибо никто не может меня избавить от беды и напасти, кроме повелителя правоверных, если он услышит о моем деле и хорошенько разберется в нем.

— О юноша, — сказал халиф, — расскажи мне о своем деле. Я часто встречаюсь с халифом и вчера я обедал с ним. Между нами великая любовь, и если ты мне расскажешь о своем деле, то для меня нет ничего легче как сообщить о нем халифу сегодня же, в самое ближайшее время. Это для меня вещь очень легкая и ты избавишься от своей беды, если правда за тобой. Я же, как только выйду от тебя, пойду к халифу.

— Раз ты человек благой и твоя цель — получить награду от Аллаха великого, то войди ко мне и посиди со мной немного, а я расскажу тебе о своем деле, — сказал юноша. — Умоляю тебя, сделай мне такую милость, отец, и доведи поскорей мое дело до повелителя правоверных, ибо меня обидели.

И халиф тотчас вошел к сумасшедшему юноше и сел и сказал:

— Расскажи мне о своем деле и о своей беде, — и юноша молвил:

— Прежде всего, о благой дервиш, я прошу Аллаха великого оказать тебе милость, чтобы был хороший исход твоих дел. И пусть он сделает так, чтобы халиф взыскал за меня со своего везира Джафара.

И когда Джафар, везир, услышал эти слова, он удивился и сказал про себя: «Что я сделал этому юноше, и откуда он меня знает, когда я, клянусь Аллахом великим, в жизни его не видывал? Но ведь он сумасшедший, а на сумасшедших нет греха за то, что они делают, и тем более за то, что они говорят. Это сумасшедший, пусть себе сбивает молоко, пока оно не свернется*».

А юноша начал рассказывать халифу о своей беде и о том, что с ним случилось, и сказал:

— Послушай, благой дервиш, о моем деле. Знай, что я сын начальника купцов Багдада. В какой-то день мой отец пригласил всех больших купцов и накрыл для них великолепный стол, и, когда купцы явились, то каждый, у кого был сын, привел его с собой. И вот все сели, и слуги расставили столы и поставили кушанья, и купцы сидели, ели, пили и

веселились, а покончив с этим, стали разговаривать и беседовать. И когда очередь дошла до одного из купеческих сыновей, он сказал: «Отец, я желаю, чтобы ты отправил меня с товарами в такой-то город», — а другой сказал своему отцу: «Хочу от тебя, отец, чтобы ты открыл для меня лавку», — и они продолжали говорить так, и каждый из сыновей просил у отца того, чего хотел и желал.

Что до меня, господин мой дервиш, то я сидел и слушал все их слова, и охватила меня тут великая ревность, и я сказал своему родителю: «О отец, ты слышал, как каждый из купеческих сыновей просил у отца того, что он желал и хотел: изделий, товаров и путешествий. А ты до сих пор оставляешь меня без ничего». — «Сын мой, — отвечал мне отец, — если у других людей все капиталы у должников, то у нас, хвала Аллаху, капиталы в мошне. Если захочет создатель, я завтра же открою для тебя лавку, положу туда капитал и научу тебя продавать и покупать».

Так оно и случилось, и когда засветил Аллах утро, и оно засияло светом и заблестало, отец мой поднялся и пошел на рынок и взял для меня лавку в рядах торговцев и сложил в нее товаров тысячи на три динаров, и все это были дорогие, тонкие ткани.

И я отправился в лавку и стал получать, отдавать, продавать и покупать, отмерять и отрезать, радуясь самому себе, и соседи пришли ко мне и поздравили меня и пожелали мне благодати.

И каждый день, с раннего утра, встав от сна, я шел в лавку, отпирал ее и садился продавать, покупать и наживать деньги, и охватила меня радость неопишуемая оттого, что я имел прибыль и доход от купли и продажи.

И так я провел месяца четыре, и время мое было безоблачно, я познакомился с людьми и познакомилась со мной люди, и большинство людей любили меня и на меня радовались, особенно те, что были знакомы с моим отцом и водили с ним дружбу. Отец тоже радовался мне, а что касается моей матери, то ее радость была выше всякого описания. И в общем я пребывал в самых благословенных обстоятельствах, и мне казалось, что весь мир улыбается мне в лицо и на меня радуется.

Но вот в один из дней после этих четырех месяцев, о благой дервиш, сижу я у себя в лавке и торгую, и толпятся

вкруг покупателя. И я даже не заметил, как подошла ко мне компания женщин, невольниц, и была среди них красивая девушка, смущающая солнце, при восходе его. И когда люди, сидевшие у меня, увидали их, то они проявили вежливость и ушли и оставили меня, говоря: «Мы скоро к тебе вернемся, когда ты покончишь дело с этими госпожами, ибо это обязательно».

И я сказал им: «Благослови вас Аллах!» — и они расстались со мной, а потом подошла ко мне та красивая девушка с невольницами, и они сели на скамью возле лавки и сказали: «Мы хотим купить у тебя тканей, и пусть они будут дивные, красивые, не имеющие подобия в Багдаде, хотя бы за самую дорогую цену — а всего на пятьсот динаров».

И я показал им все великолепные ткани, какие у меня были, и они выбрали то, что им понравилось, на пятьсот динаров, и я сделал расчет по этой продаже и увидел, что нажил на ней сто динаров, и прославил создателя. Девушки взяли ткани и завернули их в узел, а я положил перед ними счет, чтобы они дали мне деньги, и та девушка сказала мне: «О Си-Хасан, мы, дорогой мой, ведем с людьми большие дела, и у нас сейчас нет денег, чтобы тебе отдать, но твоя милость потерпит, и через несколько дней мы вернемся к тебе и отдадим деньги. Может быть, нам потребуются к тому времени еще ткани, и мы возьмем их и станем твоими покупателями в долг, а ты запишешь деньги на наше имя».

И одна старуха из невольниц сказала ей: «О госпожа, что это? Ты разве не знаешь этого красивого молодого щеголя — чей он сын? Это Си-Хасан, сын нашего господина, начальника багдадских купцов, — да отвратит от него наш владыка дурной глаз! Почему ты думаешь, что он простой человек и скажет тебе: „Не дам материи без денег?“. Послушай, госпожа, разве тебя не знают среди купцов и вельмож?!»

И не успел я опомниться, о благой дервиш, как они забрали матерью и сказали: «Прощай, Си-Хасан», — и я ответил им: «С миром!» — и они ушли своей дорогой, а я сидел как дурак. И овладел мной стыд и охватило меня смущение, и я не мог попросить у них денег из-за слов старой невольницы и от крайнего смущения, так что мне невозможно было спросить: «Вы кто, и откуда, и где ваш дом?» В общем, я

не сказал им ни слова и совершенно ни о чем у них не спросил.

Но вскоре после того как они ушли, я одумался, и охватило меня раскаяние, что я не спросил их, и я рассердился на свои руки, которые дали им взять ткани и уйти, и говорил себе: «Вот прекрасно! Вот хорошо! Ты бы хоть по крайней мере спросил их: „Кто вы и как ваше имя и где ваш дом?“»

И я огорчился и опечалился и воскликнул: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого!» — а потом я обратился к своему разуму и сказал в душе: «Величайшее горе — каяться в том, что прошло, когда раскаяние уже не приносит пользы».

И я ждал девушек весь день, но никто не пришел ко мне, а к вечеру я поднялся и запер лавку, и был я печален, горестен и удручен, и говорил про себя: «О если бы я им не продал, о если бы ты, сумасшедший, по крайней мере спросил их, где их дом!» И еще я говорил: «Если бы я нажил половину прибыли и они бы дали мне деньги, все было бы лучше, или хоть бы без прибыли, господин мой! Если бы я хоть свой капитал получил с них, и то было бы лучше».

Потом я вспомнил, что потерпел убыток в пятьсот динаров и сказал себе: «Этих женщин я больше никогда не увижу — ведь кто их знает, откуда они взялись! Может быть, это какие-нибудь мошенницы — сыграли со мной такую шутку, взяли матерью без денег и ушли!»

И я очень огорчился, и это происшествие показалось мне важным, и я до чрезвычайности опечалился. И кроме того, я боялся, что отец узнает об этом деле, и стал думать, какой я дам ему ответ, если он узнает и спросит, и не видел для себя ответа, и еще я боялся также и матери — как бы она не провела и не раскрылось ей это дело. Но я уже не мог владеть собой от сильного горя, которое меня охватило, и когда я пришел домой, мать увидела, что я в печальном состоянии и очень озабочен и вообще не такой, как обычно.

И она спросила меня о причине моей печали и заботы и молвила: «О дитя мое, Ся-Хасан, ты сегодня вечером не такой, как всегда. Каждый вечер ты приходишь из лавки радостный и веселый и смеешься, а сегодня я вижу, что ты

не такой: лицо у тебя нахмуренное, и на нем видны признаки горя и печали. Ты, видно, сегодня ничего не продал.

И я стал говорить про себя: «О если бы я ничего не продал! Это было бы лучше, чем та проклятая продажа, при которой я потерял и прибыль, и капитал», — а мать не отставала и заклинала меня, и говорила: «Ради Аллаха и ради моей жизни, Расскажи мне, дитя мое, о причине твоей печали. Что с тобой случилось, чем ты так огорчен и удручен и какова причина этой необычной озабоченности». Я стал приводить какие-то живые отговорки, но мать не верила мне и продолжала выпытывать, и наконец сильное горе и великая забота заставили меня рассказать ей обо всем, что случилось у меня в тот день с женщинами, которые взяли у меня тканей на пятьсот динаров и ушли, не дав мне в уплату ничего, только пообещали, а я постыдился у них потребовать.

«О сынок, ты никогда в жизни не видел тех женщин, кроме как в этот раз?» — спросила меня мать, и я отвечал: «Я в жизни не видел их».

И моя мать спросила: «И ты не узнал, кто они и откуда?» — и я огорчился из-за ее вопроса и не видел для себя другого ответа, кроме как рассказать ей всю правду. «Клянусь Аллахом, матушка, я не знаю их», — сказал я; и моя мать немного оторопела от этого и спросила: «Каково их обличье и какой у них вид и одяние?» — «Такой-то и такой-то, — ответил я. — Их было несколько невольниц и с ними красивая девушка».

И мать сказала мне: «О сынок, купец подобен ростовщику — если он не идет на опасность, то никогда ничего не наживет. Ты только вредишь самому себе, сынок, выкинь же из головы печаль и заботу, которая одолевает тебя. Я думаю, что скорей всего они вернутся к тебе и отдадут твои деньги. Не бойся же, не увеличивай своего горя и брось печалиться. А если они не вернутся и не отдадут тебе денег, я дам тебе эти пятьсот динаров. Пусть только твой отец ничего не знает: развеселись же и будь спокоен душой и сердцем: ведь если отец увидит, что ты озабочен, он догадается об этом деле и рассердится на тебя. Но только берегись, сынок, и другой раз не попадайся. А сейчас ободрись и развесели свое сердце, раньше чем придет отец, чтобы он не увидел тебя в таком печальном состоянии и не узнал обо всем. Ему будет

тяжело, а нам попадет от него за наши дурные дела. Говорю тебе: если те женщины не вернут деньги, я сама отдам тебе эти пятьсот динаров. Будь же спокоен и развеселись и отбрось от себя заботу».

И мать сказала мне в утешение еще много всяких слов, но я, о благой дервиш, нисколько не утешился этим из-за своего крайнего огорчения и провел ночь, печалюсь и тоскую от великого горя, и даже не ужинал и совсем ничего не ел. Меня волновали всякие мысли, и я оставался в таком состоянии, пока не настало утро, а утром я, как всегда, поднялся, пошел на рынок, открыл свою лавку и просидел там до вечера, и был я как будто в другом мире, занятый мыслями об этой истории.

Я ждал до вечера, но никто ко мне не пришел, и моя печаль и горесть усилились. Я поднялся, запер лавку и пришел домой грустный, ругая себя за это дело, и когда моя родительница увидела, что мое состояние стало еще печальней, чем раньше, она сказала: «Заклинаю тебя Аллахом, высоким, великим, сынок, брось так горевать и грустить. Выкинь из головы эти мысли, о дитя мое,— я боюсь, что от великого горя ты заболеешь и я лишусь тебя».

И мать принялась утешать меня, говоря: «Не бойся, сынок! Человек учится уму-разуму только за свой счет, а за счет другого он не научится, и пока с ним не случатся такие происшествия, он ничего не будет знать и не станет умнее».

И она продолжала меня утешать и уговаривать, но мысли, раскаяние и горе сделали мои уши глухими, и как же мне было утешиться!

И я пребывал в таком горестном положении, а на четвертый день, о благой дервиш, я поднялся утром, как обычно, отправился на рынок, отпер лавку и сел там, и не прошло надо мной и часу, как увидел: идут те самые невольницы и среди них та красивая девушка!

И они обратились ко мне с приветом и пожелали мне доброго утра, а я, увидев их и узнав, почувствовал себя так, как будто я был в могиле и меня оттуда вынули.

И когда девушки пожелали мне доброго утра и приветствовали меня, я поднялся им навстречу и ответил на их привет с полным почтением и уважением, и та девушка сказала мне: «Давай расписку, Си-Хасан, и получай деньги!»

И я отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» — и пошел и принес расписку, а они отсчитали мне пятьсот динаров, и я получил их и убрал в сундук.

«Нам нужны от тебя еще ткани», — сказали они, и я молвил: «Во имя Аллаха с удовольствием!» — и пошел и вынес им ткани, и они выбрали то, что выбрали, положили ткани в свою кошелку, попрощались со мной и ушли.

Я подождал до вечера, а потом запер лавку и пошел домой, радостный и веселый сердцем и душой, и когда моя мать увидела, что я вхожу веселый и довольный, она спросила меня: «По воле Аллаха твои должники пришли и ты получил свои деньги?» — «Да, матушка, они пришли и отдали мне все деньги», — ответил я, и моя мать воскликнула: «Не говорила ли я тебе: „не бойся, сынок, они к тебе вернуться и отдадут тебе деньги. В торговле всегда так!“»

И матушка моя очень обрадовалась из-за моей радости, а потом, о благой дервиш, та девушка стала приходить ко мне каждые несколько дней, и я продавал ей, а она мне не платила, так что за ними осталось тысяч десять динаров с лишком моих денег.

И вот однажды пришла ко мне какая-то старуха, когда я сидел в лавке, и приветствовала меня, и я отвечал ей на привет с полным почтением и уважением и спросил: «Добрые вести, бабушка? Тебе нужна какая-нибудь услуга? Скажи только, ибо снизошла на меня с твоим приходом великая благодать». — «О сынок, — отвечала старуха — я желаю одного — твоего благополучия, но я пришла к тебе послом». — «Приют и уют! — молвил я. — От кого ты, кто тебя послал, и в чем состоит твое посольство?»

И старуха сказала: «О сынок, та девушка, твоя покупательница, которая приходит к тебе каждые несколько дней и покупает у тебя ткани — та самая, за которой остались десять тысяч динаров твоих денег, — о дитя мое, не думай, что этой девушке нужны ткани. Она приходит к тебе и покупает материи, но делает их предлогом, чтобы прийти к тебе и посмотреть на тебя, ибо она тебя очень любит и желает стать твоей женой, чтобы ты был ей мужем. А те десять тысяч динаров, что за ней остаются, она принимает от тебя как приданое, и ты можешь порадоваться и насладиться с девушкой, подобной большеглазым гуриям, которой нет равной. Если хочешь, пойдем со мной к ней, и она к тебе явит-

ся. Ты посмотришь на нее, и если она тебе понравится, — бери ее, а если она тебе не понравится, ты получишь свои деньги и уйдешь под охраной и защитой великого Аллаха).

И я согласился на это, о благой дервиш, но только я испугался старухи и ее речей и подумал: «Как бы она не захотела сыграть со мной шутку!» Но потом я обратился к своему разуму и решил, что, может быть, ее слова истина и она говорит правду — ведь это дело не такое уж невозможное.

«Эй, парень, следуй за лжецом до самых дверей» *, — подумал я. — Ведь говорила мне мать: «Кто не идет на опасность, тот не наживется».

А старуха сказала мне: «Что это ты так задумался? Укрепи свое сердце, не бойся и не считай, что это невозможно. Затяни пояс, встань и пойдем со мной. Ты скоро увидишь такое, чего в жизни не видел, и убедишься, что дело будет лучше, чем ты хочешь, и прекрасней, чем ты в душе мечтаешь, а мне останется получить с тебя бахшиш * и подарок».

«Хорошо, добрая старушка, веди нас к месту», — сказал я ей и подумал: «Чего только не бывает с женщиной! Я не девочка и не женщина, что мне бояться и стыдиться. Я — мужчина, один из багдадских молодых, — и стану бороться старухи!»

И я поднялся, о благой дервиш, запер лавку и положил ключ за пояс, и старуха пошла впереди, и я последовал за нею.

И старуха, дойдя со мной до половины пути, остановилась и молвила: «О дитя мое, кто не думает о последствиях, тому судьба не друг!» — «Добро, если хочет того Аллах, бабушка», — сказал я; и она продолжала: «О дитя мое, возможно, что ты пойдешь в дом и посмотришь невесту и она тебе не понравится. Таков уж наш мир! Естество у людей разное и любовь — от Аллаха. Может быть, твою кровь не потянет к ее крови, и она тебе не понравится, и ты уйдешь, а ты еще молод, юн годами, и мы боимся, как бы ты не опозорил нас в городе. Лучше всего будет, сынок, если я завяжу тебе глаза и потом поведу тебя, как будто у тебя в глазах воспаление, а я твоя мать. Я доведу тебя до дому, и ты войдешь, и я сниму с твоих глаз повязку, и ты поглядишь на свою невесту, и если она тебе понравится — будет

благо, а если не поправится — я завяжу тебе глаза, как раньше, и выведу тебя. Это самый лучший способ, дитя мое: ты не будешь знать, где наше жилище, кто мы и куда ты входил и откуда выходил, и чей это дом».

И когда я увидел, о благой дервиш, что старуха хочет завязать мне глаза, я сказал в уме: «Вот так история! Попал ты в беду, Хасан, с этой проклятой! Она явно хочет тебя обмануть и устроить с тобой какую-то проделку! Клянусь Аллахом великим, я думаю, мои опасения насчет нее правильны! Это одна из проклятых старых мошенниц, а со мною к тому же нет оружия, чтобы по крайней мере защитить себя, если со мной что-нибудь случится».

Но потом я обратился к своей душе и подумал: «А что может эта старуха со мной сделать?» — и сказал себе: «Эй, парень, пойди на опасность, даже на смерть, чтобы выяснить это дело и посмотреть, правду ли говорит эта старуха, ибо она не чужда плутней! Прошу Аллаха дать мне возможность раскрыть обман этой проклятой, а потом я вернусь и расскажу обо всем повелителю правоверных».

А ведь я, о благой дервиш, не часто водился с людьми и не имел с ними дружбы и близости и поэтому боялся их. И я делал тысячу всяких предположений, и от страха вылетела у меня из головы та девушка, к которой я шел, и стал я думать: «Что со мной будет из-за этой проклятой старухи», — так как она очень меня испугала, когда сказала: «Я завяжу тебе глаза».

И я размышлял не переставая и, наконец, согласился и сказал ей: «О бабушка, здесь перекресток и прохожие ходят и туда и сюда. Если ты станешь завязывать мне глаза, что скажут люди, когда увидят нас? Отойдем по крайней мере в сторону, в какой-нибудь глухой, безлюдный проулок, а там ты сделаешь, что желаешь». — «Очень хорошо», — сказала старуха и пошла впереди, а я шел за ней. И она дошла со мной до прохода, близ которого был проулок, завела меня туда и завязала мне глаза, а потом взяла меня за руку и повела, а я шел за нею.

И старуха шла до тех пор, пока мы не достигли желаемого места и не оказались у ворот большого дома, и она подошла и постучалась, и ворота раскрылись перед нами. Старуха вошла и довела меня до середины двора, и тогда ворота закрылись, и она сняла повязку у меня с глаз, и ко-

гда я открыл глаза и посмотрел, то увидел перед собой двух невольниц, каждая из которых была лучше другой. И они провели меня через семь дверей, и когда я дошел, то посмотрел и увидел четырнадцать невольниц, каждая из которых как бы говорила луне: «Скройся», — настолько они были превосходны по красоте.

Меня ввели в огромную комнату, полную роскошных украшений и царственной утвари — не иначе, как в одну из сокровищниц господина нашего Сулеймана *, мир над ним! — и когда я увидел, о благой дервиш, эту комнату и всю эту роскошь, я подумал, что я во сне и в сонных грезах, и сказал про себя: «Если это вещь истинная и хозяйка этой комнаты выйдет за меня, я стану богаче и счастливее всех богачей, которые есть на свете!»

Потом старуха ушла и ненадолго скрылась и вернулась с двумя невольницами, совершенными по красоте и прелести, и они несли на головах серебряные блюда с баклавой *, халвой, пирожками и прочим, а также много старого, светлого вина. Они поставили все это передо мной, и я подошел и сел и стал есть, а невольницы наливали мне вина и поили меня, пока я не поел и не попил вдоволь. Потом мне принесли плодов и великолепного яблочного питья, и я вкусил этого сколько мог.

А после всего этого старуха вошла ко мне и сказала: «Вставай, пожалуй в баню!» — и я встал и последовал за ней и увидел серебряные светильники и золотые подсвечники, которые смущали умы и взоры, и во всех них горели лучшие белые камфарные свечи. Потом старуха привела меня в царскую баню, где пол был весь мраморный, а стены сплошь разрисованы диковинными узорами и чудесными изображениями различных животных и всевозможных птиц, деревьев и цветов, а после этого вошли ко мне восемь девушек — слава тому, кто проявил себя и создал их! — облаченные в великолепнейшую одежду красоты и прелести, и подошли по приказанию старухи и сняли с меня платье. А после меня они тоже сбросили одежду и вошли со мной в баню, и все стали мне служить — одна мыла, другая разминала, третья растирала — а я от всего того, что видел, стал думать, уж не во сне ли я, и не знал я, чем кончатся мои дела с этими людьми.

Потом, владыка мой дервиш, меня купали, мыли, душили благовониями и приводили в порядок, пока со всем этим не покончили, и тогда меня вывели из бани и посадили на скамью, покрытую вышитыми шелковыми подушками, набитыми перьями страусов. И я увидел там двадцать невольниц, каждая из которых похищает разум благочестивого своей красотой и прелестью, и все они почтительно стояли передо мной, и одни держали в руках золотые курильницы, наполненные алоэ и амброй, другие — благовония и ароматные цветы, а у третьих были в руках чаши и кубки с вином и сахаром, разведенным в розовой воде, и они ждали, чтобы напоить меня. В общем мы покончили со всем этим, благой дервиш, меня привели в другую комнату, тоже огромную, и там находилось двадцать девушек, которые все держали в руках музыкальные инструменты.

И они принялись играть и петь, и от великой радости и веселья я едва не улетел, благой дервиш, и воскликнул про себя: «Прошу прощения у Аллаха, высокого, великого, за грех, который я совершил по отношению к этой бедной старушке! Я ведь сомневался и не доверял ей и думал, что она врет, и ни в чем ей не верил...»

Потом, спустя недолгое время, старуха пришла и сказала: «Аллах да благословит того, кто говорит жениху: „поздравляю!“ — и все невольницы поднялись и стояли, готовые мне служить.

И меня взяли и вывели из помещения бани и привели в огромный покой, и я не могу, благой дервиш, описать тебе все его великолепие и роскошь и всю красоту его устройства, убранства, утвари и росписей; в общем это был покой, веселящий душу и радующий сердце, так что я даже подумал, может, это сад блаженства, который нам обещан.

И я вошел в эту комнату и сел, и не успел я усесться, благой дервиш, как распахнулась другая дверь и вошли еще невольницы, около двадцати, бесконечно красивые и прелестные, украшенные роскошнейшими одеждами и драгоценными камнями, и с ними — та девушка, подобная сияющему солнцу. И была она среди невольниц, словно луна среди звезд, и я сказал про себя: «Вот она настоящая жизнь и счастье!» — а невольницы шли перед девушкой и несли камфарные свечи.

Потом ко мне подошли двадцать невольниц, которые тоже несли свечи, и повели меня встречать невесту, и я поднялся и встретил ее, и мы все сошлись и вошли в другую комнату, больше и диковинней первой. И невольницы возвели меня на ложе из слоновой кости и потом возвели на него девушку и посадили ее рядом со мною, а затем подошла та старуха, неся золотой поднос, уставленный всевозможными изысканными сладостями, и поставила его перед нами. После этого она обратилась к невольницам и отпустила их всех и увела и закрыла двери, так что остались только я да невеста, и больше никого, и я хотел было, о благой дервиш, после ухода невольниц заговорить с нею, но она опередила меня и сказала: «О мой любимый!» И я воскликнул: «Да, о возлюбленная сердца и возлюбленная души, говори!» — и она молвила: «Я должна сказать тебе об одном условии». — «Что же это за условие? Я принимаю и согласен на все, что ты потребуешь и обусловишь», — сказал я; и она ответила: «Это условие относится не только к тебе, но также и ко мне». — «С любовью и удовольствием! Каково оно?» — спросил я; и девушка сказала: «Если ты примешь условие, то будешь мне дороже глаз и станешь венцом моей голове, а если не согласишься — считай и полагай, что то, что случилось — не случилось, и уходи так же, как пришел». — «Говори мне условие, — в чем оно!» — воскликнул я; и девушка сказала: «Наши ворота открываются только раз в году. Согласен ты на это условие?» — «Да, о любимая, я согласен превыше всякого согласия», — ответил я; и девушка продолжала: «Я ревнивая, и у меня много невольниц. В тот день, когда я увижу, что ты сказал которой-нибудь из них хоть слово без необходимости, я тебя побую». — «Я принимаю это условие», — сказал я; и девушка молвила: «И я тоже: как увидишь, что я сказала какому-нибудь мужчине, кроме тебя, хоть одно слово без необходимости, тотчас же сделай со мной, что пожелаешь».

И кроме того, о благой дервиш, я забежал в рассказе вперед и забыл сказать тебе, что когда та старуха привела меня в первую комнату, она ненадолго скрылась и потом вернулась с мешком в руках и сказала: «Возьми, получи свои деньги и будь с этой стороны спокоен! Не взыщи с нашей госпожи, что она не пришла к тебе — ей очень стыдно встретиться с тобой, раньше чем будет написана брачная

запись, а стыд, дитя мое, происходит от веры. Теперь же мы заключим условие и напишем запись с благословения Аллаха великого, и она станет как бы твоей невольницей. Это истина и одна из тайн Аллаха великого, ведь женщины — это вклад, отданный Аллахом великим на хранение честным людям...»

И не успела она договорить своих слов, как я вижу: входит эфенди *, а с ним десять его слуг. Я почтительно встал, из уважения к нему, а эфенди пожелал нам мира, и я сказал: «Мир с тобой и милость великого Аллаха и благословение его!» — и усадил эфенди с собою рядом, а старуха сказала ему: «О эфенди, твое превосходительство — уполномоченный невесты». — «Слушаю и повинуюсь», — отвечал эфенди и записал свидетельства присутствующих, а потом спросил старуху: «Ты уполномочиваешь меня заключить этот брак?» — «Да, я тебя уполномочиваю», — отвечала старуха, и эфенди записал, что он уполномоченный, а потом я подошел к нему, и он вложил свою руку в мою руку и спросил: «Ты согласен?»

— «Да, я согласен», — отвечал я; и эфенди написал запись, и договор состоялся, и был этот договор законный, согласно установлениям Аллаха великого и его посланника.

Потом перед эфенди и его людьми поставили сласти и печенья, и они поели, порадовались и повеселились до предела, а затем эфенди принесли узел с платьями, стоившими сто динаров, и эфенди отдал узел своим слугам, чтобы те его несли, поблагодарил хозяев дома, поднялся, простился с нами и ушел своей дорогой.

И я тоже поднялся, чтобы уходить, и старуха спросила меня: «А ты куда идешь?» — и я отвечал: «Я иду домой», — и старуха молвила: «Ты, видно, еще маленький! Разве ты не знаешь, что после того, как заключили условие и написали запись, со свадьбой не задерживаются? Сегодня вечером ты войдешь к жене».

И я отвечал: «Во имя Аллаха, о бабушка! Против этого я перечить не буду», — и после этого меня сводили в баню и случилось то, что случилось, так как я рассказывал тебе раньше, о благой дервиш.

И мы просидели до вечера, а потом расставили столы и мы сели за ужин, и я ел, пока не насытился, и мне подали вина, и я выпил, и вот, благой дервиш, что происходило в

отношении условий и написания записи, а теперь вернемся к рассказу обо мне с девушкой.

После изложения условий между мною и ею — а уже пришло время сна — она сказала мне: «Ну вставай, о любимый, и давай ложиться в постель!» — и я поднялся и проспал с ней эту ночь до утра, и, ах дервиш, эта ночь была для меня приятнее и счастливей всех ночей!

А наутро мы встали вместе и пошли в баню и выкупались и помылись и вышли, и невольницы прислуживали нам лучше, чем можно желать, в отношении курений, духов, питья, благовоний, ароматов, игры на музыкальных инструментах, пения и прочего, и поистине, благой дервиш, такой день можно считать за целую жизнь, ибо был это день счастья и радости, и я не могу его описать.

И я провел так с женой семь дней, занятый едой, питьем, увеселениями и развлечениями, а потом любовь к родителям заставила меня вспомнить о моей матери, что нет у нее, кроме меня, никого и она не может заснуть, если я не сплю подле нее, и нет у нее силы со мной расстаться.

И я опечалился и стал плакать, и слезы катились у меня по щекам, и усилилась моя тоска по матери, и жена увидела, что я плачу и рыдаю от сильного горя, и спросила: «О чем ты плачешь, о мой любимый?» — «Из-за разлуки с моей матерью, — ответил я. — У нее нет, кроме меня, никого, и она так сильно меня любит, что не может прожить без меня и одного часа, а теперь я с ней в разлуке уже семь дней. Каково же сейчас ее состояние, раз она не засыпала, не усыпив меня в своих объятиях?» — «А как же с условием, которое состоялось между нами — что наши ворота открываются всего раз в год, не иначе?» — спросила она; и я ответил: «Да, это так, любимая, но разлука с родителями тяжела, и это естественно, и только сын греха не думает об отце и матери. Я хочу посмотреть на мою мать, и чтобы она посмотрела на меня — один день, не больше. Что случится, если я пойду к ней и увидаюсь с ней в этот день и сейчас же к тебе вернусь?» — «Пусть будет твое сердце спокойно на этот счет», — сказала она; и я воскликнул: «Да благословит тебя Аллах, любимая, пусть даст он жизнь твоему роду, о дочь благородных!» — «Пойди и увидай твою мать, — молвила она, — но только с условием: возьми с собой гу старуху, чтобы она завязала тебе глаза, как тогда, когда

ты пришел». — «Я под повиновением тебе и не буду тебе ни в чем перечить», — ответил я; и моя жена молвила: «Раз ты таков, то иди домой и живи у матери целую неделю, семь дней, чтобы она насытилась твоим видом, а через семь дней я пришло за тобой старуху, и ты с ней вернешься, но с условием, что она завяжет тебе глаза».

Я поблагодарил жену за это, и она тотчас же обратилась к старухе и сказала ей: «Отведи Сиди Хасана завтрашним утром к его родителям, чтобы он повидал их и они увидали его».

Вот как было дело, благой дервиш, в отношении моей свадьбы; послушай теперь, что произошло с моей матерью.

В тот день, когда я ее покинул, наступило время послеполуденной молитвы, и мой отец пришел домой и не увидел меня и спросил мою мать: «Где Хасан? Он до сих пор не пришел?» — «Нет, он не приходил», — ответила моя мать, — и он, я вижу, сегодня очень задержался, против обыкновения. Если хочешь, я пошлю невольника к нему в лавку, посмотреть что с ним». — «Хорошо, пошли к нему невольника», — сказал отец; и мать послала невольника ко мне в лавку, но тот обнаружил, что лавка заперта и там никого нет. И невольник вернулся и рассказал об этом, и меня принялись разыскивать, обходя дома родных и близких и дома знакомых, друзей и соседей, но не нашли. И меня не переставая искали, пока не пришел вечер, и родители мои в эту ночь не спали от горя, а утром отец послал людей искать меня за городом, в садах, и в общем, благой дервиш, они не оставили места или помещения, которого бы не обыскали, но не услышали обо мне вестей. И поисков не прекращали три дня, а когда отчаялись, мать устроила по мне поминки и стала плакать, рыдать, кричать и бить себя по щекам, и невольницы, близкие и знакомые — также, и моя мать продолжала это делать.

Что же касается меня, то я переночевал восьмую ночь у жены, а под утро старуха встала, завязала мне глаза и вела меня до тех пор, пока не дошла до половины пути. Тогда она сняла платок с моих глаз, простилась со мною и сказала: «Иди под охраною Аллаха!» — и вернулась обратно, а я шел по дороге, пока не оказался вблизи от своего дома.

И я увидел множество женщин, которые ходили туда и назад, и увидев меня, они спросили: «Кто ты?» — и я от-

ветил: «Я Хасан, сын начальника купцов», — и некоторые из них меня обняли, а другие начали целовать меня и плакать и говорили: «О сынок, мы идем к твоей матери, чтобы быть на поминках, которые твои родные устраивают по тебе вот уже четыре или пять дней».

Потом одна женщина быстро пустилась бежать, чтобы сообщить моим родным и порадовать мать вестью о моем благополучии, и, войдя в наш дом, она начала петь и вопить от радости. А моя мать сидела, плача и ударяя себя по щекам, и когда та женщина вошла, издавая радостные крики, люди сочли ее за помешанную и сказали: «О такая-то, ты сумасшедшая!» — «Я не сумасшедшая, это вы сумасшедшие, — устраиваете поминки вместо праздника. Вот он, Си-Хасан, входит, и мне следует с его родителей подарок за радостную весть!»

И людей взяла оторопь, а больше всех — мою мать, и она воскликнула: «Что ты говоришь?» — а эта женщина была моя тетка, и она ответила: «Мне с тебя следует подарок, ибо, клянусь великим Аллахом, мои слова — правда и твой сын сейчас придет. Я видела его на дороге и поздоровалась с ним, но я пришла поскорей, чтобы вас обрадовать и получить свой подарок».

И моя мать вышла посмотреть, правду она говорит или нет, и встретила меня, когда я шел от ворот к дому, и, увидев меня, она упала мне на грудь, обеспамятев от радости, и обняла меня; и поднялось тут веселье и пение и радостные крики, а вскоре пришел и мой отец и подошел и обнял меня, и он тоже стал плакать от великой радости, и поминки превратились в праздник на весь квартал.

Потом отец и мать спросили меня: «Где ты был, сынок, в эти семь дней?» — и я ответил: «Я женился и был у своей жены». И они сказали: «А чья дочь та девушка, на которой ты женился?» — «Я женился на очень красивой девушке, которая может, клянусь Аллахом, посрамить солнце своей великой красотой. Глаза у нее томные, щеки гладкие, бедра тяжелые, а стан тонкий, уста ее слаще меда и вкуснее джулаба *, осанкой она прямой тростинки, тело ее мягче шелка и свежей весеннего цветка, а речь — нежней и приятней утреннего ветерка, но я не знаю, чья она дочь», — ответил я. И один из присутствующих сказал: «Не допрашивайте его! Посмотрите, какая на нем одежда — ни у кого в Багдаде

пи за что не найти такой, и это несомненно работа джиннов. Они взяли его и женили у себя и одели, и он не знает, на ком он женился и чья это дочь».

И все замолчали, и никто больше не задавал мне ни одного вопроса.

И я пробыл у родителей один день, и второй, и третий, и потом сказал моему отцу: «Хочу пойти на рынок и открыть свою лавку»,— и он молвил: «Пойди»,— и я пошел с утра в свою лавку и открыл ее. И всякий, кто проходил мимо лавки, останавливался и смотрел на меня и долго в меня всматривался, а потом отворачивался и говорил: «Это тот, кого забрали джинны и женили у себя, и теперь он пришел от них». И каждый день люди все время ходили мимо и рассматривали меня.

И я провел таким образом семь дней, а на седьмой день сижу я в лавке — и вдруг идет старуха. Она остановилась передо мной, вдалеке, и я тотчас же поднялся и запер лавку, и старуха пошла впереди, а я шел сзади за нею следом, пока она не довела меня до какого-то проулка. Тут она завязала мне глаза платком и взяла меня за руку и вела, а я был как слепой, пока не привела к дому, и тогда она ввела меня в ворота и заперла их и сняла платок с моих глаз.

И я открыл глаза и посмотрел и увидел перед собой свою жену, а она поздоровалась и обняла меня, а я рассказал ей обо всем, что случилось с моими родными и моей матерью — как они устроили по мне поминки,— и моя жена посмелась.

После этого я провел у нее десять дней и затем попросился: «Схожу к родным»,— и моя жена сказала: «Возьми с собой старуху, чтобы она завязала тебе глаза».

И я взял с собою старуху, и та завязала мне глаза и вела меня, пока не довела до половины дороги, и тогда она сняла платок с моих глаз, попрощалась со мной и вернулась обратно, а я пришел домой и вошел к матери.

И когда мать меня увидела, она обняла меня и поцеловала, и пришли все мои родные и близкие и приветствовали меня, и я стал каждый день ходить в лавку, как обычно.

И так я проводил несколько дней с матерью и несколько дней с женой. И вот однажды, о благой дервиш, сижу я у себя в лавке и вдруг идет мимо маклер и несет курильницу, очень дорогую, и была она золотая, выложенная драгоцен-

ными камнями, — и я сказал себе: «Поистине, такая курильница годится для моей жены».

Я услышал, что маклер предлагает ее за тысячу динаров, и подошел маклера и, когда он подошел, сказал ему: «Я желаю купить эту курильницу», — и спросил, кто ее владелец.

И маклер отвечал: «О господин мой, владелица этой курильницы — женщина», — и я попросил: «Кликни ее, чтобы она ко мне подошла».

И маклер сказал: «Слушаю и повинуюсь!» — и ушел, ненадолго скрылся, а потом вернулся с женщиной среднего возраста, девушкой, не очень больших лет, и девушка поздоровалась со мной, а я ответил: «Добро пожаловать!» — и посадил ее с собой рядом и спросил: «О госпожа, ты ли владелица этой курильницы?» — «Да», — отвечала она; и я сказал: «Желаешь ли ты продать ее мне?» — «Да, я хочу ее продать», — отвечала девушка; и я спросил: «А сколько ты хочешь получить с меня за нее?» — и девушка не дала мне ответа. Она обернулась к маклеру, вручила ему десять динаров и сказала: «Ступай своей дорогой!» И маклер ушел, куда хотел, а я остался с девушкой и спросил ее: «О госпожа, почему ты даешь маклеру его вознаграждение раньше, чем между нами состоялась сделка?» — «О Си-Хасан, — ответила девушка, — я не возьму от тебя курильницу и пусть погибнет тот, кто взял бы ее, кроме тебя, о мои глаза!» — «Вот расписка, возьми с меня деньги», — сказал я; и девушка молвила: «Деньги уже поступили ко мне с избытком». — «Что это ты говоришь?» — сказал я; и девушка отвечала: «О Сиди Хасан, любимый, я уже долгое время очарована любовью к тебе и похищена страстью, и клянусь Аллахом, я не сплю ночей от великой тоски и от любви. Дай мне всего один поцелуй и я уйду и не потребую с тебя ничего больше, а эта курильница — подарок тебе от меня с любовью и удовольствием, — а глаза твои всегда со мной. Клянусь Аллахом великим, я извелась от любви к тебе, душа моя! Не отказывай же в моей просьбе и не поскупись для меня на поцелуй, а платой за него пусть будет курильница. Что ты на это скажешь, любимый?» — «Почему ты не берешь платы за курильницу?» — спросил я; и девушка молвила: «Плата за нее поступила ко мне целиком и полностью, дай мне только поцеловать тебя в щеку, о душа моя».

И я воскликнул про себя: «Вот как тебя любят, о Хасан! Эта женщина от сильной любви дает тебе такую ценную курильницу за один поцелуй!» — а потом я обратился к женщине и сказал ей: «Раз уже таково твое желание и просьба, то подойди ко мне и получи свой поцелуй, чтобы у тебя не осталось в душе на меня обиды, и спи эту ночь спокойная сердцем и душой!» А я, о мой владыка дервиш, не мог ведь знать сокровенное и не догадывался, какова ее цель.

И я только подставил той женщине щеку, а она подошла ко мне, коснулась щеки губами и так сильно укусила, что вырвала кусок величиной с зернышко перца, и потом оставила меня и ушла. А я от сильной боли после укуса заплакал, и слезы покатались у меня по щекам, а потом я завязал себе щеку и немного посидел, и вдруг подошла та старуха, благой дервиш.

А я ведь завязал себе щеку, и старуха спросила: «Что это у тебя щека завязана?» — и я отвечал ей: «Ранен», — и она снова спросила: «А кто же тебя ранил?» — «Сам, своей рукой», — ответил я; и старуха спросила: «Как?» — и я молвил: «Веревка в лавке выскользнула из рук и попала мне по щеке и ранила ее, и Аллах защитил меня от большей опасности, и веревка не попала мне в глаз». — «Зачем ты сам открывашь свою лавку, когда у тебя есть невольники», — сказала старуха. — «Почему не прикажешь невольнику отпереть лавку?» — «Так уже вышло, но Аллах защитил, и дело прошло», — ответил я; и потом я поднялся, и старуха шла впереди меня, а я шел за нею, пока она не дошла до того проулка, и тогда она завязала мне глаза и вела меня до тех пор, пока не привела к дому. Она ввела меня в ворота и заперла их, и невольницы увидели меня, и я заметил, что некоторые из них горюют и вздыхают, а другие принялись плакать, и все они закрывают себе лицо.

А я ничего не знал и вошел к своей жене, и она спросила: «Почему у тебя завязана щека?» — «Ранен», — ответил я. — «А кто тебя поранил?» — спросила она; и я сказал: «Веревка в лавке выскользнула из рук и попала мне по щеке и поранила ее». — «А что это у тебя в руках?» — спросила моя жена. — «Курильница. Я купил ее для тебя», — ответил я; и жена спросила, сколько она стоит, и я сказал: «Почему ты задаешь мне такой вопрос?» — «Просто так, чтобы знать», — отвечала моя жена, и я сказал ей: «Это куриль-

нища в тысячу динаров». — «А если ты лжешь?» — сказала моя жена. «В тысячу динаров, правда, клянусь твоей жизнью!» — воскликнул я, и моя жена молвила: «Почему ты не говоришь мне правду — что ты дал поцеловать себя в щеку в уплату за курильницу!»

И потом она посмотрела на меня гневным взглядом и воскликнула: «Ах! О худородный, как это ты, сын знатных людей и мужчина в полном расцвете, подставляешь женщине щеку, чтобы она тебя целовала! Горе тебе, уходи с моих глаз, обманщик! Эй, Марджан, скинь голову с плеч этому проклятому обманщику, нарушающему свои обеты, который ложно клянется величайшим именем Аллаха!»

И раб подошел ко мне и схватил меня, чтобы отсечь мне голову, и вдруг вошла та старуха, которую я считал за проклятую, и это она, о благой дервиш, избавила меня от смерти. Когда она вошла и увидела, что раб хватает меня, чтобы отсечь мне голову, она остановила его и упала к ногам моей жены и стала что-то потихоньку ей говорить и, наконец, сказала: «О госпожа, ради Аллаха, не делай этого, чтобы потом не раскаиваться! Такое дело тебе не дозволено ни Аллахом, ни людьми, и когда ты будешь каяться, раскаивие тебе уж не поможет. Лучше и правильней проучить его немного, ибо наказание лучше, чем небытие, тем более, что этот юноша — единственный сын в семье, и ты причинишь горе его отцу и матери, а они, доченька, люди знатные. Берегись же сделать нечто подобное, это запрещено для тебя. Побойся Аллаха в пору своей юности!»

И моя жена сказала ей: «Я прощаю его и не пролью его кровь из уважения к тебе, но я желаю пытать его своей рукой», — и обратилась к рабам, которые держали меня, и сказала им: «Разложите этого неверного пса и задайте ему порку, да посильней, и побейте его побольней!»

И рабы поспешно разложили меня и стали бить без сожаления, а моя жена говорила: «Прибавьте еще этому скверному псу-обманщику! О обманщик, ты — мужчина, а подставляешь женщинам щеку, чтобы они ее целовали...»

И потом она произнесла такие стихи:

Другую мой любимый предпочел.
Решила я: пускай уходит к ней!
Душа моя, погибни от любви!
Делить любовь — что может быть глупей?

И рабы задали мне такую порку, что меня унесло беспамятство и я исчез из мира от сильных ударов, а потом, после этого, моя жена отдала приказ, и меня вынесли и бросили в переулке.

А в мире была ночь, и люди наткнулись на меня и всмотрелись и увидели, что я лежу в переулке, словно убитый или умерший.

И они решили, что я пьян, и некоторые пинали меня ногами и говорили: «И не стыдно тебе, собака! Ты в полном уме, а все повесничаешь и доходишь в пьянстве до такой степени!» — а другие останавливались и смотрели на меня, брошенного посреди дороги.

И по предопределению великого Аллаха, один человек взгляделся в меня как следует и проверил, хорошо ли он видит, и сказал людям: «О создания Аллаха, побойтесь бога! Этот юноша не пьян, он избит, и его убили, без сомнения. Взгляните и посмотрите на его ноги — как они распухли от сильных ударов, и поглядите — вот следы веревки от фалаки * — как она впилась ему в мясо. О люди, удалитесь от него и не усиливайте боли страждущего».

А потом один человек внимательно всмотрелся в меня и узнал меня и поспешно пошел к моему отцу и сообщил ему о случившемся, и сказал: «Твой сын Хасан, о хаваджа *, валается на дороге избитый, без сознания».

И когда мой отец услышал это, ум улетел у него из головы. Он поднялся и поспешно пришел ко мне, а придя и увидев меня в таком положении, закричал и стал бить себя по щекам, рыдать и плакать. Он созвал людей, и меня подняли и принесли домой, и когда моя мать увидела мое состояние, она начала вопить и бить себя по щекам и плакать надо мной.

Потом мой отец собрался с духом и поспешил к врачам и к костоправам, и меня лечили и пользовали в течение сорока дней, пока я не выздоровел и не оправился от всех своих болезней.

И тогда мой отец пришел ко мне и спросил: «О дитя мое, скажи мне, кто тот обидчик, который так жестоко и безжалостно тебя избил? Скажи, дитя мое, кто это, и я пойду к повелителю правоверных и осведомлю его, чтобы он взыскал с него должное и сделал бы с этим проклятым то, чего требует справедливость. Ибо, поистине, дитя мое, это жесто-

кость невыразимая, и тот, кто так тебя избил, хотел убить тебя, сын мой». — «О отец, не спрашивай, кто меня избил, ибо, если я тебе скажу, ты, я думаю, не поверишь, — отвечал я, и отец спросил: «А почему же я тебе не поверю?» — и я воскликнул: «Нет, невозможно, чтобы ты поверил мне, и нет возможности, чтобы мой рассказ проник в твой ум или в ум кого-нибудь другого, если я расскажу тебе». — «Зачем ты сидишь и убиваешь меня такими словами и не говоришь мне правду, — сказал мой отец. — Расскажи мне все и скажи правду, чтобы я успокоился и узнал, сын мой, как мне поступить в таком важном деле, как это». — «О батюшка, — молвил я, — я изъясню тебе свое дело в виде притчи, и ты узнаешь из этой притчи, кто меня избил. Посмотри сам, проникнут ли мои слова в твой ум или нет». — «Хорошо, говори!» — воскликнул мой отец, и я сказал: «Допустим, что какого-нибудь юношу увидела однажды красивая девушка, совершенного телосложения, прекрасная и прелестная, и когда она его увидела, любовь к нему поселилась в ее сердце, и она послала к нему кого-нибудь, говоря: „О такой-то, я хочу, чтобы ты стал моим мужем согласно установлениям посланника Аллаха, да благословит его Аллах и да приветствует!“ А юноша тоже полюбил ее, и согласился. Скажи мне, отец, разве не произошло это от великой любви между юношей и девушкой?» — «Да, это так», — сказал мой отец, и я продолжал: «И затем, отец, разделили доли приданого, и последовало соглашение между сторонами, и оба любящих поженились согласно установлениям Аллаха и закону его пророка — наилучшие благословения и приветы да почиют над ним! — и после этого муж стал делать все, что приказывала ему жена, без прекословия и ослушания, и всегда был покорен ей и послушен во всех делах. Скажи мне, отец, не происходило это от великой любви мужа к своей жене?» — «Да, это так, клянусь Аллахом, сын мой», — воскликнул мой отец, и я продолжал: «Так вот, поймет ли ум человека и уместится ли в разуме человеческого существа мысль, что такой муж питает к своей жене такую любовь, а жена любит его вдвое больше, чем он любит ее, и после такой любви жена дойдет до того, что совершит подобную жестокость и подвергнет своего мужа избиению, не зная жалости? Возможно ли, отец, чтобы такие слова проникли в человеческий разум, и можешь ли ты поверить, услышав от меня такие слова?»

Как сказано в этой притче, о отец, так со мной и случилось». — «О сынок, разъясни мне как следует эту твою историю и расскажи, кто тебя побил», — воскликнул мой отец, и я сказал: «Я изложил тебе свое дело в этой притче, чтобы ты понял, кто меня побил, и сам увидел это, так как мне стыдно сказать, что именно моя жена, на которой я женился и которая любит меня выше всякого описания, побила меня и подвергла столь жестоким истязаниям, не зная жалости».

Тут мой отец понял, что девушка, на которой я женился, и есть та, кто меня избил, и молвил: «О сын мой, я хочу знать, чья дочь эта девушка, чтобы посмотреть, почему она смеет поднимать руку на своего мужа, ибо это, о сын мой, противно справедливости, и не примирится с этим повелитель правоверных, защитник стран и рабов божиих. Как же можно, дитя мое, чтобы сына начальника купцов в Багдаде, столице халифа, так избилла какая-то женщина! Больше всего мне хочется, сынок, узнать про нее. Расскажи же мне, кто она и дочь каких людей».

И я не переставал, о благой дервиш, уклоняться, а отец приставал и спрашивал, чья она дочь, пока я, наконец, не сказал ему: «Я не знаю, отец, чья это дочь». — «А ты не знаешь, где она живет — в каком квартале Багдада и в каком доме? Скажи мне, дитя мое», — спросил меня отец; и я отвечал: «Не знаю, чья она дочь, и не знаю, где она живет и откуда она».

И отец страшно удивился этому делу и стал меня утешать, увидев, что я так опечален. Он принялся меня уговаривать и сказал: «О сын мой, все имеет конец, и скрытое обязательно должно стать явным. Но только, сын мой, ты должен отбросить от себя горе и заботу, утешиться, собраться с духом и набраться терпения. Поднимайся, дитя мое, и пойдем в баню».

И он взял меня с собой в баню, и мы выкупались, вымылись и вернулись домой, и я стал каждый день ходить в лавку, как обычно, и всякий из моих друзей и знакомых, проходя мимо, подсаживался ко мне и утешал меня и развлекал, а это делалось по приказу моего отца, и когда наступал вечер, я запираю свою лавку и возвращался к маме домой.

Но разлука с моей женой, о благой дервиш, которая до смерти меня любила, все же была мне очень тяжела, и от того, что я ее не видал, я сделался словно сумасшедший,

ибо я, как я тебе говорил, любил ее превыше всего. И я постоянно был грустен и печален, и когда я возвращался домой, все домашние дела были мне противны и ничто мне не нравилось. Душа моя была очень беспокойна, и мне надоела жизнь из-за разлуки с женой, и нрав у меня стал нетерпеливый, и я либо колотил невольниц, либо ругал и бранил слуг, и все в жизни меня раздражало.

И вот как-то пришла невольница и поставила передо мной столик для обеда. И я зачерпнул ложкой немного мясного супа — а он был очень горячий, но невольница не сказала мне, что он так горяч — и положил ложку в рот и так обжег себе язык горячим супом, что у меня заслезились глаза.

«О проклятая,— крикнул я невольнице,— отчего ты мне не сказала, что суп такой горячий! Ты бы хоть остудила его немного по крайней мере!»

И я схватил чашку с супом и запустил ею невольнице в голову, и чашка разбила ей голову. И невольница закричала, и моя мать услышала и пришла посмотреть, в чем дело, и увидев, что я сделал с невольницей, она сказала мне: «Почему ты так поступил с невольницей и пробил ей голову?» Но я не дал матери ответа, и она спросила меня: «Что с тобой такое? Все, что мы делаем, тебе не нравится, и все, что у нас есть, тебе не по сердцу; ни невольницы, ни слуги, ни еда, ни питье, ничем ты не доволен. Удивительно! Что с тобой происходит, расскажи нам. Это совсем нехорошо: ты только и делаешь, что одного бьешь, на другого замахваешься, одного ругаешь, другой пробиваешь голову — и вообще, ты ведешь себя, как непутевый».

И меня охватил гнев, о благой дервиш — а я был удручен, и на сердце у меня было тесно из-за того, что со мной случилось, и особенно вследствие разлуки с женой, — и я подошел к матери и принялся ее ругать. И мать прикрикнула на меня, и тогда я поднял на нее руку и ударил ее, и по определенному велению в эту самую минуту пришел отец и вошел в дом. Он увидел все эти происшествия, и увидел, что у невольницы пробита голова, и мать плачет от ударов, и вся посуда раскидана со столика по сторонам, и сказал мне: «Что это за штуки ты выкидываешь? Так поступают сумасшедшие, а не разумные. Если ты сумасшедший, скажи, и я отправлю тебя в маристан *, в сумасшедший дом». — «Отвяжись ты от меня, ради великого Аллаха, отец,— отвечал я.— Довольно,

не прибавляя печалей к моим печалям, и если ты от меня не отстанешь, я и тебя тоже поколочу».

Услышав эти слова, мой отец рассердился и воскликнул: «Что это ты такое говоришь! Ты меня побьешь? Меня?» — и когда я услышал это, огонь во мне разгорелся еще сильнее, и я не дал отцу договорить и схватил со стола еще одну чашку и пустил ее отцу в голову, и голова у него тотчас же треснула, и кровь потекла по его лицу и по бороде.

И он крикнул рабам и приказал им: «Хватайте этого сумасшедшего!» — и рабы собрались вокруг меня и схватили меня и скрутили мне руки, а потом меня отвели в суд и засвидетельствовали, что я сумасшедший, и меня отправили в эту темницу и заковали мне ноги и руки в железо, как всем сумасшедшим в маристане. Но родительская нежность не покинула меня и здесь, и отец мой послал к управителю маристана, и тот снял мне оковы с рук и ног, и еще отец прислал мне постель и одеяло, а также этот священный список Корана, чтобы я читал его себе в утешение. Вот, о благой дервиш, моя история и то, что со мной случилось.

А я, о дервиш, всю жизнь слышу — и не только я, все твари Аллаха слышат — о справедливости повелителя правоверных, заместника господа миров, и о познаниях и сметливости Джафара, его везира, ибо это он — правитель государства и руководитель подданных. Почему он не посоветует халифу, повелителю правоверных, проверить тайком, что делается в его городе, и посмотреть, кто обидчик, а кто обиженный, и оказать ему справедливость. И пусть также придет в маристан и проведает сумасшедших, и спросит, каково положение этих людей, и посмотрит, как их дела и каковы их обстоятельства. А я, благой дервиш, я давно уже ослаб и прошу Аллаха великого оказать мне милость и внушить халифу, чтобы он пришел сюда и я мог бы рассказать ему свою историю и пожаловаться на свое положение. И затем прошу тебя, благой дервиш, пожелай получить от великого Аллаха награду в моем деле, и когда встретишься с повелителем правоверных, вспомни о моем положении и расскажи ему мою историю. Иначе я буду просить Аллаха великого, чтобы он внушил халифу мысль прийти сюда, и я изложу ему свое дело.

— Клянусь великим Аллахом, сын мой, — воскликнул халиф, — поистине, твоя история — дивное диво! Я прошу

Аллаха великого, пусть приведет халифа к тебе, в этот дом, и ты расскажешь ему о своем деле, чтобы он взыскал за тебя должное и ты избавился бы от этой беды. А я, если позволит творец и я повстречаюсь с халифом, клянусь великим Аллахом, расскажу ему твою историю.

Потом халиф попросился с юношей и вышел от него вместе с Джафаром и Масруром, и когда они оказались вне маристана, он обратился к своему везиру Джафару и спросил его:

— О Джафар, что ты скажешь о рассказе этого юноши, моего сумасшедшего?

— О повелитель правоверных, — ответил Джафар, — ведь он сумасшедший, а с сумасшедших нет вопроса.

— О Джафар, его речи — речи разумного, а не сумасшедшего, — возразил халиф, и Джафар молвил:

— О повелитель правоверных, не вредно было бы тебе обратить взоры на дело этого юноши и взяться за него, и посмотреть, как мы, по-твоему, должны действовать, чтобы проверить, правдивы его слова или нет и сумасшедший он или нет. Я тоже, о повелитель правоверных, смотрю на поведение этого юноши, как на поведение разумного, но с ним случилась такая история, и он из-за нее пострадал.

Потом халиф, возвратившись во дворец, сказал Джафару:

— О Джафар, подумай, как тебе вести дело этого юноши, — и Джафар молвил:

— О повелитель правоверных, у нас есть только один способ, чтобы проверить, сумасшедший этот молодец или нет и правдивы его слова или лживы, и этот способ таков: пошли, повелитель правоверных, за этим юношей, вели привести его к себе и скажи: «Дервиш, который был сегодня у тебя в маристане, рассказал мне кое-какие обстоятельства, относящиеся к твоей истории и к тому, что с тобой случилось. Я хочу, чтобы ты все рассказал мне, с начала до конца, а я послушаю и посмотрю, так ли было, как рассказывал мне дервиш». И если, повелитель правоверных, юноша расскажет тебе свое дело так же, как он рассказывал его нам впервые, значит этот бедняга не сумасшедший, а разумный человек, и слова его — истина, а если ты увидишь, что слова его расходятся с тем, что он нам рассказывал в маристане, то тогда он сумасшедший, и ты ему не верь. Ведь если он станет говорить слова опровергающие и опровергнутые, значит он не-

сомненно сумасшедший, и мы опять вернем его на место, то есть в этот сумасшедший дом.

Услышав мнение Джафара, халиф одобрил его и сказал:

— Клянусь Аллахом, Джафар, ты дал хороший совет, и ты только так и можешь сделать!

Потом халиф немедленно послал к управителю маристана и приказал прислать того юношу, и юноша тотчас же, во мгновение ока, явился и, представ перед халифом, отвесил поклон, поцеловал землю и пожелал ему величия и вечной жизни.

— О юноша,— сказал ему халиф,— я слышал кое-что о твоей истории и о том, что с тобой произошло, от одного дервиша, который мне говорил, что он сегодня был у тебя в маристане, и мне захотелось услышать ее от тебя, так как я ему не поверил. И вот я желаю, чтобы ты рассказал мне все по правде, с начала до конца.

И юноша, облобызав сначала землю, сказал:

— Слушаю и повинуюсь, о повелитель правоверных и наместник господа миров! — и начал рассказывать обо всем, что с ним случилось, с начала до конца, не прибавляя и не убавляя ничего сравнительно со своим первым рассказом.

И когда халиф услышал его историю, он обратился к Джафару и сказал:

— О Джафар, вот они, слова юноши; они не расходятся, а наоборот, совпадают с тем, что он рассказывал в маристане в первый раз, и он ничего не прибавил и не убавил. Как же следует поступить в этом деле? Каково твое мнение? Я хочу узнать, кто обидчик этого юноши, и нам следует, Джафар, проявить в этом деле рвение и оказать справедливость этому обиженному и несчастному.

— О повелитель правоверных,— ответил Джафар,— у нас есть всего один путь в ведении этого дела, и мы должны сделать одну вещь, чтобы раскрыть то, что скрыто в этой истории, а потом, если нам не удастся достигнуть желаемого таким способом, мы с твоим величеством придумаем что-нибудь другое.

— Какой же это путь? — спросил халиф.— Скажи мне, а я посмотрю, правилен ли он, и мы это сделаем.

— О повелитель правоверных,— отвечал Джафар,— мы только это и можем сделать. Верни юношу обратно в маристан и позови к себе его отца. Прикажи ему сходить в ма-

ристан и взять оттуда своего сына, и пусть он его утешает и развлекает и обращается с ним поласковой, так как это не сумасшедший. А потом, когда это будет сделано, пусть юноша, как обычно, вернется к себе в лавку и откроет ее, а мы пошлем с ним сторожей, которые будут сидеть у входа в лавку. Я думаю, та старуха обязательно придет к нему. и когда старуха придет, юноша даст знак сторожам, и они ее схватят и приведут к тебе. Она сейчас же нам обо всем расскажет, и я думаю, мы узнаем ее, когда увидим, а ты проведешь таким путем, кто обидчик. Как только ты сочтешь это необходимым, я все это сделаю.

И халиф сказал, услышав слова Джафара:

— Ты правильно посоветовал! Клянусь Аллахом, только такой, как ты, должен управлять государством и быть везиром у халифов! — а потом он немедленно приказал возвратить юношу на место в маристан.

Затем халиф призвал отца юноши, начальника багдадских купцов, и велел ему пойти и освободить своего сына из маристана, взять его домой и оказывать ему уважение, утешая и развлекаая его и говорить ему: «Если захочет Аллах, ты в самом скором времени достигнешь того, что хочешь и желаешь».

И халиф рассказал отцу юноши, что он сам проверял обстоятельства его сына и нашел, что тот человек разумный, а не сумасшедший, но сердце его исстрадалось из-за того, что с ним случилось.

— А когда ты возьмешь его из маристана и утетишь и развеселишь и он отдохнет несколько дней дома, пусть идет, открывает свою лавку и сидит в ней, как обычно, — сказал халиф, — и начальник купцов ответил:

— Слушаю и повинуюсь, о повелитель правоверных.

И он тотчас же отправился в маристан, освободил сына, увел его домой, и там оказывал ему уважение и увеселял и утешал его и водил в сады и в бани.

Так прошло три или четыре дня, и юноша отдохнул, а потом он отправился к себе в лавку, отпер ее и, как обычно, сел там, а халиф прислал к юноше сторожей, которые спрятались и сидели вокруг лавки, и каждый день они приходили и окружали лавку, ожидая старуху, как приказал халиф.

Вот что было с Хасаном, сыном начальника купцов. Что же касается его жены, то после того как она побила своего

мужа и велела рабам выбросить его в переулок, как мы уже рассказывали, она полностью раскаялась в том, что сделала, и думала: «Как это я могла его так мучить и бить жестоким боем!»

И каждый день она плакала о нем и рыдала, ударяя себя по щекам и пропоевая такие стихи:

Молю я солнце по утрам: «Где милый? Правду изреки!»
«Где милый?» — молниям кричу, когда сверкают их клинки.
Сжимают по ночам меня ладони жесткие тоски,
Но я не сетую на них, молчу, хоть муки нележки.
О как велик разлуки срок, как мы с тобою далеки!
Я без тебя, любимый мой, и рвется сердце на куски.
О дай же мне узреть тебя всем расстояньем вопреки!
Я верю, встреча все решит, ведь мы с тобою так близки.
Поверь, не нужен мне никто, а подозрения горьки.
Не в силах я двоих любить — твою до гробовой доски.
Молю я: сжался надо мной, мой мученья пресеки,
С тобой давно в разлуке мы, и рвется сердце на куски.

И так она пребывала долгое время, рыдая, плача и стелая, и каждый день все больше страдала от страсти и тоски, а когда терпение ее истощилось и стойкость кончилась, она крикнула ту старуху и сказала ей:

— Я хочу, чтобы ты помирила меня с моим мужем и возлюбленным Хасаном.

И старуха воскликнула:

— Видишь! Я тебе говорила, что ты будешь раскаиваться! Я тебе сказала: «Проучи его только!» — а ты прибавила и умножила наказание и избила его до смерти, немилосердно. Если бы ты побила его немного и посердилась и выказала бы гнев, как делаю между собой влюбленные, и оставила бы его у себя, во дворце, ничего такого не случилось бы. А теперь — как я могу смотреть ему в лицо и каким языком буду я с ним говорить, после того как ты ему все кости переломала и содрала с них побоями все мясо? Каким способом я его с тобой помирю, после того как он принял такие мучения и лютую смерть, да и кто знает, доченька, здоров ли он или умер. Он ведь единственный ребенок в семье и сын больших людей, Аллах да утешит его родителей! Если с ним что-нибудь случилось, это ты виновата, это ты совершила грех по отношению к ним и к нему. Горе ему и его молодости! Разве он привык к порке, разве может такой цыпленочек выносить удары палкой! А во-вторых, я не знаю, что сейчас

происходит. Тебе ведь известно, что повелитель правоверных Харун ар-Рашид находится в Багдаде и постоянно расследует, кто обидчик, а кто обиженный, и одному воздаст по справедливости, а с другого взыскивает должное... Аллах, спаси нас, доченька!

— Хватит с меня моей печали, раскаяния и горя из-за того, что я сделала с моим любимым, кусочком моего сердца, а ты еще прибавляешь мне страданий,— молвила женщина.

И старуха сказала:

— Допустим, доченька, я пойду к нему и увижу, что он жив и не умер, но что же я ему скажу? Не знаю, доченька, поверит ли он мне еще раз или нет и отважится ли пойти со мной. А все это из-за тебя, и ты всему причиной. Что это с тобой стряслось, с чего ты вздумала его испытывать: подослала к нему девушку с курильницей, и подучила ее взять с него поцелуй и отдать курильницу без денег? А он ведь, доченька, юноша, а не пророк и не какой-нибудь святой, чтобы знать сокровенное. Увидал — идет по дороге женщина и несет курильницу ценой в тысячу динаров, и спросил: «Сколько она стоит?» — а женщина и ответила: «Я возьму с тебя за нее всего один поцелуй в щеку», — и он подумал про себя: «Невелика цена один поцелуй!» Как ты ее научила, так она и сказала — женщины ведь хитрые! — а он и поверил по своей простоте — глазки мои, до чего он хорош! — и дал ей поцелуй, а грех — от тебя, дочка, и ты неправа!

— Я знаю, бабушка, что тебе совсем не трудно нас помирить! — воскликнула молодая женщина и начала плакать. — Ты же знаешь, бабушка, что дом без мужчины ничего не стоит, — сказала она.

И старуха ответила:

— Ты права! Женщины без мужчин ничто, ибо мужчины это краса женщин.

— Ты — старуха, — сказала молодая женщина, — и над тобой пронеслось много таких событий и случаев. Так неужели же ты окажешься здесь слабой и не сможешь склонить ко мне его разум лаской и мягкими речами и постараться помирить его со мной? Я под твоим покровительством, о бабушка, о мать великодушия! Нет мне покоя, когда я не вижу его подле себя! Если ты его уговоришь и приведешь ко мне, я сделаю тебе платье из самой лучшей мате-

рин — самой роскошной, какую ты выберешь, и, кроме того, дам тебе бахшиш в сто динаров и прибавлю жалованья.

И старуха поднялась и пошла к Си-Хасану, чтобы его повидать и заключить с ним мировую, и, подходя к его дому, начала еще издали о нем спрашивать то одного, то другого, и некоторые говорили ей, что он болен, другие говорили, что он сошел с ума и его посадили в маристан, а третьи рассказывали, что он выздоровел и поправился и пошел в свою лавку и торгует.

И старуха вернулась и сообщила молодой женщине, что Си-Хасан у себя в лавке, как обычно, и та воскликнула:

— Ступай и немедленно приведи его ко мне!

И старуха отправилась в лавку и остановилась поодаль перед ней, и юноша увидел ее. Он узнал старуху и подошел к ней, и старуха поздоровалась с ним и сказала:

— Клянусь жизнью, сыночек, я устраивала с тобой ради нее всякие проделки, но все, что она с тобой сделала, обернулось против нее бедой.

— Я ее не виню, о бабушка, — сказал юноша, а потом он подмигнул сторожам, которых прислал халиф, и те сейчас же, в ту же минуту, схватили старуху и взяли с собой Си-Хасана и пошли с ним и с нею во дворец.

Когда они пришли и вошли туда, Джафар, везир, увидал их и спросил:

— Какие новости?

И они ответили:

— Вот она, та старуха, и вот он, сын начальника купцов.

— Подайте их сюда, приведите ко мне, — сказал Джафар, и когда они вошли и Джафар увидал старуху, он всмотрелся в нее и узнал ее и спросил:

— Чья дочь, та женщина, которая устроила с этим юношей все эти проделки?

— Она твоя дочь, — ответила старуха; и Джафар еще раз хорошенько посмотрел на нее и утвердился во мнении, что это домоправительница его дочери, а ему нельзя было откладывать это дело, так как халиф ждал и считал минуты, желая узнать, кто обидчик.

И Джафар снова задал старухе вопрос и сказал:

— Говори правду: чья дочь эта женщина?

И старуха ответила:

— Говорю тебе, она твоя дочь!

И везир приставил к ней стражу, а сам пошел к халифу и сообщил ему, что Хасан, сын начальника купцов, пришел и старуха — с ним, и сказал:

— Однако, повелитель правоверных, женщина сделала с ним то, что сделала, с полным правом. Как может настоящий мужчина, женатый на одной женщине, подставлять щеку для поцелуя другой? Это противоречит законам брака, и такой мужчина подлежит осуждению и поношению, ибо право на стороне его жены. Всякая жена будет права в таком деле в отношении своего мужа.

— Я не спрашиваю о таких делах, я только хочу знать, кто эта женщина, — сказал халиф, и Джафар молвил:

— Это моя дочь, но клянусь жизнью твоей головы, все это случилось, а я совершенно ничего не знал.

— Ха, ха, Джафар, — засмеялся халиф, — так вот почему этот юноша подлежит осуждению и поношению! Ты так рассудил, потому что она твоя дочь, но ведь это противоречит законам, чтобы жена подняла руку на мужа! Слушай, Джафар, раз Джелаль ад-Дин-эфенди написал их запись, то твою дочь нельзя упрекать за замужество с этим юношей, так как она выполнила установления Аллаха и его посланника, да благословит его Аллах и да приветствует! Но юноша прав, ибо это твоя дочь пожелала, чтобы он стал ее мужем, а не он пожелал на ней жениться, и во-вторых, что бы муж ни сделал, жена не имеет над ним такой власти, и это противно законам ислама. Кровь жены дозволена ее мужу, даже если бы он ее убил собственной рукой после того, как она совершит такой грех, и этому юноше дозволено теперь пролить кровь твоей дочери. Если он захочет ее простить, это будет с его стороны великодушие, и что бы он ни пожелал с ней сделать, никто не может его осудить и никто не имеет права принуждать его в этом деле.

Потом халиф призвал к себе юношу и сказал ему:

— Требуя для этой женщины всего, чего хочешь и желаешь. Угодно тебе ее простить или убить ее?

— О повелитель правоверных, — отвечал юноша, — раз она дочь нашего владыки везира Джафара, то я не требую ничего. Но я обращаюсь к твоему величеству с просьбой взять меня к себе, как раба и помирить с моей женой.

И халиф отдал приказ своему везиру Джафару и сказал ему:

— Раз этот молодец такой добрый и прощает твою дочь, хотя имеет над нею полную власть, то тебе следует помиловать их и устроить ему новую свадьбу и праздник. Возьми все, чего это будет стоить, из моей казны и введи его к твоей дочери наново, после самой пышной свадьбы и торжества!

Потом халиф пожаловал Си-Хасану десять тысяч динаров, а после этого обратился к своему везиру Джафару и сказал:

— О Джафар, не думай, что ты взял себе в зятя кого-нибудь из простых людей! Это ведь сын начальника купцов нашего города, и у нас нет другого такого богача, а лавка и все прочее — это хитрость со стороны его отца и его матери. Так неужели же столь приятный юноша заслуживает того, чтобы какая-нибудь тварь вроде твоей дочери устраивала с ним такие проделки! Что это в самом деле за поступки — завязывать человеку глаза, когда он приходит, завязывать ему глаза, когда он уходит! Ну, ладно, выкинь такие дела из головы, я просто говорить о них не могу!

— Слушаю и повинуюсь, о повелитель правоверных, всему, что ты приказал,— ответил Джафар, а потом везир взял Хасана и старуху, и они пошли в дом его дочери.

И когда они пришли и вошли туда, молодая женщина увидела их и тотчас же встала из уважения к отцу, но ей было стыдно перед ним и неловко из-за того, что случилось из-за нее с ее мужем.

— Что это за поступки ты совершила? — сказал ей Джафар, и она не могла дать ему ответ от великого смущения, и везир принялся ругать ее, и когда Хасан увидел, что она смущена и огорчена упреками отца, он сказал:

— О мой владыка везир, не это тебе велел повелитель правоверных, и власть над нею принадлежит мне. А я не хочу, чтобы ты ее ругал и стыдил, и если она потребует от меня моей души, то вот я — перед нею, ибо я люблю ее больше моих глаз.

И везир ушел к себе во дворец и оставил их, и когда ее отец вышел, женщина быстро бросилась к Хасану, своему мужу, и принялась его обнимать и целовать. От великой радости беспомощность унесло ее, и старуха брызгала ей в лицо розовой водой, пока она не очнулась, и тогда она стала плакать, обнимая и целуя своего мужа и прося у него прощения за то, что она сделала, и Си-Хасан, ее муж, тоже стал ее це-

ловать и плакать, а когда они помирились, отец ее, везир, отдал приказание, и им наново справили свадьбу и устроили празднества.

После этого Джафар послал за эфенди Джелаль ад-Динном и спросил его:

— Как могли заключить этот брак без моего приказа? — и эфенди ответил:

— Условие заключено правильно, и я заключил условие на основании этого письма.

И везир взял письмо у него из рук и стал его читать, и вдруг видит, в письме написано:

«Мир и привет и уважение его милости, владыке нашему Джелаль ад-Дину-эфенди!

А после того: я желаю, чтобы ты затруднил свою благородную особу и явился ко мне, дабы заключить условие о моем браке с Си-Хасаном-шелеби *, сыном начальника купцов Багдада, в качестве моего уполномоченного. И приведи с собой свидетелей, чтобы они, во-первых, засвидетельствовали твои полномочия и затем засвидетельствовали заключение брака. Если ты явишься — любовь и уважение, а буде поступишь иначе — пеняй на себя, если что-нибудь случится».

И когда везир прочитал эту записку, Джелаль ад-Динн сказал ему:

— О наш владыка везир, после этой записки я убоялся превратностей судьбы — ведь качества женщин такие скверные! — и поднялся и пришел и получил с нее деньги, а потом я приказал людям засвидетельствовать, что она наделила меня законным полномочием, и потом заключил условие, правильное и законное. Я думаю, что если бы твоя светлость присутствовала при этом, ты бы сам меня уполномочил. Хвала Аллаху за это — так лучше, нежели иначе, а девушка достигла совершеннолетия и выбрала наилучший способ действий, ибо любовь покоряет даже львов. Твоя дочь, при наличии любви, которая у нее так усилилась, сделала все по-умному и вышла замуж согласно установлениям посланника Аллаха — да благословит его Аллах и да приветствует! — а будь на ее месте другая, она бы сделала то, что сделала, и очернила бы белизну тюрбана своего отца. Кто может упрекать человека, поступающего согласно установлениям посланника Аллаха, и это дело случилось больше

всего из страха перед тобой, — ведь никто не может попросить ее у тебя в жены, ибо все опасаются неудачи.

— Раз это ты, эфенди, заключил их договор, то я принимаю и согласен от всей души, а ты — пусть будет твое сердце совсем спокойно, — сказал Джафар, а затем велел выдать эфенди от себя узел носильного платья и сто динаров.

Потом муж и жена снова справили свадебные торжества и Си-Хасан стал зятем везира Джафара, и везир полюбил его великой любовью и взял вместо сына, так как у Джафара не было детей, кроме той молодой женщины, и стал Си-Хасан то и дело входить и выходить от везира и всем распорядиться у него во дворце. Халиф назначил его у себя мир-ахуром * и тоже очень полюбил его, и все они жили в радости, счастье и веселье, пока не пришла к ним Разлучительница наслаждений и Разлучительница собраний.

РАССКАЗ

ПРО

АМА АД-ДИНА

И ЗАКОЛДОВАННЫЙ

СВЕТИЛЬНИК

оворот, о счастливый царь, будто был в одном городе из городов Китая портной, живший в бедности, и был у него сын по имени Ала ад-Дин. И был этот сын шалый, непутевый с самого малолетства, и когда исполнилось ему десять лет, отец захотел научить его ремеслу. Но так как жил он в бедности, то не мог отдать сына какому-нибудь мастеру, чтобы тот научил его ремеслу, ибо это потребовало бы расходов на учителя, и он взял маль-

чика в свою лавку, с целью обучить его портняжному делу. А Ала ад-Дин был непутевый мальчишка, он привык целый день шляться с уличными ребятами, такими же беспутными, как он сам, и не мог ни часа, ни минутки высидеть в лавке; он только и ждал, когда отец уйдет к какому-нибудь заказчику, и сейчас же бросал лавку и уходил играть с другими озорниками.

Вот каковы были его привычки, и нельзя было его заставить слушаться отца и сидеть в лавке и учиться ремеслу. Отец выбился из сил, наставляя его, но ничего не мог с ним поделать, и от великой печали и огорчения он заболел тяжёлой болезнью и умер. А Ала ад-Дин продолжал вести себя, как шалопай, и когда мать Ала ад-Дина увидела, что ее муж преставился к милости великого Аллаха, а сын повесничает и не знает ни ремесла, ни другого какого дела, которым можно было бы добыть пропитание, она продала все, что было у мужа в лавке, и стала прясть хлопок и кормилась трудами рук своих и кормила своего сына, непутевого Ала ад-Дина.

А Ала ад-Дин, увидев, что он избавился от сурового своего отца, стал еще больше озорничать и повесничать и приходил домой только в час еды, тогда как его бедная мать пряла и трудилась сверх сил, чтобы добыть пропитание для себя и для сына, и жила она так, пока не стало ее сыну Ала ад-Дину пятнадцать лет.

И вот однажды, когда Ала ад-Дин играл на улице с другими непутевыми мальчишками, вдруг остановился неподалеку от них какой-то человек, чужеземец, и стал смотреть на Ала ад-Дина и наблюдать за ним, не обращая внимания ни на кого из его товарищей. А этот человек был магрибинской * породы, колдун, который учинял своим колдовством одну хитрость за другой, и знал он всякие философии и все науки, и хорошо разбирался в науке о положении звезд. И когда он бросил взгляд на Ала ад-Дина и хорошо всмотрелся в него, он сказал про себя: «Поистине, этот мальчишка — тот, кто мне нужен, и ради того я ушел из своей страны, чтобы его сыскать!»

Он отвел одного из мальчишек подальше и начал его спрашивать про Ала ад-Дина — чей он сын, как зовут его отца, и выспросил обо всех его обстоятельствах, а потом подошел к Ала ад-Дину, отвел его в сторону и спросил:

— Мальчик, ты такой-то, сын такого-то портного?

— Да, господин паломник, — отвечал Ала ад-Дин, — по мой отец уже давно мертвый.

И когда магрибинец услышал это, он тотчас же бросился Ала ад-Дину на шею, обнял его и стал целовать, а сам плакал, а Ала ад-Дин, увидав, что магрибинец в таком состоянии, очень удивился.

— По какой причине ты плачешь и откуда ты знаешь про моего отца? — спросил он.

И магрибинец ответил слабым, печальным голосом:

— О дитя мое, как ты можешь мне задавать такой вопрос? Я плачу потому, что ты сказал о смерти твоего отца, а ведь он мне брат по матери и отцу. Я утомился, идя из далеких стран, но радовался, надеясь его увидеть и повеселить мои взоры лицезрением его, а ты, племянник, говоришь, что он умер! Потому я о нем и плачу, и еще я плачу о своей злой судьбе — ведь он умер раньше, чем я его повидал. И едва я увидел тебя, дитя мое, от меня не укрылось, клянусь Аллахом, что ты сын моего брата, и я узнал тебя среди мальчиков, с которыми ты играл, а ведь мой брат, твой отец, когда мы расстались, еще не женился. И клянусь Аллахом, дитя мое, мне лучше бы повидать брата и умереть вместо него, ибо я надеялся после долгих скитаний еще раз взглянуть на него, но поразила меня разлука. От того, что будет, не убежишь, и нет ухищрения против власти Аллаха над его тварями, но ты, сынок, заменишь мне его, поскольку ты его сын, и я буду утешаться тобою: кто оставил подобного тебе, тот не умер.

Потом магрибинец сунул руку в карман, вынул десять динаров *, протянул их Ала ад-Дину и сказал:

— О дитя мое, где вы живете и где твоя мать, жена моего брата?

И Ала ад-Дин взял магрибинца за руку и провел его к их дому, и магрибинец сказал ему:

— Возьми, сынок, эти деньги, отнеси их матери, передай ей от меня привет и скажи: «Мой дядя, брат моего отца, вернулся с чужбины». А я, если позволит Аллах, завтрашний день приду к вам, чтобы поздороваться с твоей матерью, и посмотрю на тот дом, где жил мой брат, и погляжу на его могилу.

И потом маггрибинец поцеловал Ала ад-Дина и оставил его и пошел своей дорогой, а Ала ад-Дин, радуясь деньгам, побежал поскорей домой. Он пришел в необычное время, так как обыкновенно заходил домой только в час обеда и ужина, и, полный радости, вбежал в комнату и закричал:

— Матушка, я тебя порадую: мой дядя, брат отца, вернулся с чужбины и передает тебе множество приветов!

— Ты как будто смеешься надо мной, сынок! Где у тебя дядя и откуда ему взяться? Нет у тебя никакого дяди! — сказала ему мать.

И Ала ад-Дин воскликнул:

— Как это ты, матушка, говоришь, что у меня нет дяди и нет в живых никаких родственников, когда я только что видел своего дядю и он меня обнимал и целовал, а сам плакал! Он узнал меня, и он знает всю нашу семью, а если ты не веришь, посмотри: вот десять динаров. Он мне их дал и сказал: «Отнеси их матери», — и если позволит Аллах, он завтрашний день придет к нам, чтобы с тобой поздороваться. И он велел тебе передать эти слова.

— Да, сынок, — сказала мать Ала ад-Дина, — я знаю, что у тебя был дядя, но он умер задолго до твоего отца, а другого твоего дяди я не знаю.

И она всю ночь раздумывала об этом событии, а колдун-магрибинец, когда настало утро, поднялся, надел свою одежду и отправился на ту улицу искать Ала ад-Дина, потому что его душа не терпела разлуки с мальчиком. Он до тех пор искал его, пока не нашел, а Ала ад-Дин, как всегда, играл с детьми. Магрибинец подошел к Ала ад-Дину, обнял его и поцеловал, потом вынул из кошелька два динара и сказал:

— Возьми их, сынок, отдай твоей матери и скажи: «Мой дядя хочет прийти к нам сегодня вечером и поужинать у нас; возьми эти деньги и сделай на них хороший ужин». Но прежде чем мы расстанемся, проведи меня еще раз к твоему дому, чтобы я не ошибся и нашел его.

— Слушаюсь! — сказал Ала ад-Дин и пошел впереди маггрибинца и привел его к своему дому, и тогда маггрибинец оставил его и ушел куда хотел, а Ала ад-Дин вбежал к матери, передал ей слова своего дяди и отдал те два динара и сказал:

— Мой дядя хочет сегодня вечером у нас поужинать.

И мать Ала ад-Дина пошла на рынок, купила всего, что

ей было нужно, и вернулась домой и стала готовить ужин, а блюда и другую посуду она заняла у соседей. Когда же пришло время ужина, она сказала своему сыну:

— Сыночек, ужин готов. Может быть, твой дядя не знает дорогу к нашему дому, пойди, встреть его!

— Слушаю и повинуюсь! — ответил Ала ад-Дин, и когда он выходил из дома, в ворота вдруг постучали. Он тотчас же вышел и открыл ворота, и оказалось, что это магрибинский колдун, и с ним раб, который несет кувшин с набизом *, плоды, сласти и прочее.

И Ала ад-Дин взял все это у раба, и раб ушел своей дорогой, а Ала ад-Дин пошел впереди магрибинца, и когда они оказались посреди комнаты, магрибинец выступил вперед и поздоровался, плача, с матерью мальчика и спросил ее, где обычно сидел его брат. Она показала магрибинцу место ее мужа, и магрибинец подошел и начал целовать там землю, восклицая: «Увы, как печальна моя судьба! Как это я лишился тебя, о брат мой, о слезинка моего глаза, о мой любимый!»

И он до тех пор говорил такие слова, плакал и причитал, хлопая себя по щекам, пока мать Ала ад-Дина не испугалась, что ему станет дурно от столь большого усердия. Она подошла к магрибинцу, взяла его за руку, подняла его и сказала:

— Что толку, о деверь, от всего этого! Ты только сам себя убиваешь!

Она усадила магрибинца и принялась его утешать, и когда магрибинец пришел в себя, он начал с ней разговаривать и сказал:

— О жена моего брата, не удивляйся, что ты меня не знаешь и что при жизни моего брата ты меня ни разу не видела. Это потому, что я покинул наш город и расстался с братом сорок лет назад, и я обошел Хинд *, Синд * и все города Магриба, и вступил в Каир, и жил я в светозарной Медине — да пребудут над ее господином наилучшие благословения и приветы Аллаха! Оттуда я отправился в страны нечестивых и пробыл там четырнадцать лет, а потом, после этого, о жена моего брата, я стал думать в один из дней о моем брате, моем городе и родной земле, и поднялись во мне тоска и желание увидеть брата. И начал я плакать, и непрестанно побуждала меня тоска направиться сюда

в этот город, чтобы взглянуть на брата, и наконец я сказал себе:

— О человек, сколько времени ты на чужбине, вдали от родной страны! Есть у тебя один единственный брат и никого больше, пойди же, посмотри на него. Кто знает, каковы удары судьбы и превратности времени? Великая печаль будет, если ты умрешь, не повидав брата. Ведь ты, слава Аллаху, обладаешь богатствами и обильными благами, и у тебя много денег, а твой брат, может быть, живет стесненною жизнью. Пойди же и взгляни на него, и если увидишь, что он пребывает в бедности, — помоги ему.

— И я подумал, обо всем этом, и когда наступило утро, собрался в путешествие. Я пошел на пятничную молитву *, а потом сел на своего чистокровного коня и пустился в дорогу и претерпел много трудностей и страшных опасностей, но Аллах судил мне благополучие, и я прибыл в ваш город. И когда я ходил по его улицам, я увидел твоего сына Ала ад-Дина, который играл с уличными мальчишками, и клянусь великим Аллахом, о жена моего брата, с той минуты, как я его увидел, мое сердце раскрылось для него — кровь ведь стремится к родной крови — и я узнал его по наружности. И забыл я, когда увидел его, все тяготы и заботы, которые перенес и испытал, и велика стала моя радость. Но Ала ад-Дин рассказал мне, что мой покойный брат умер, и увы, о жена моего брата, когда я услышал это, я опечалился, и может быть Ала ад-Дин тебе говорил, какая великая скорбь и горесть охватили меня. Но я утешаюсь Ала ад-Дином и надеюсь, что по воле Аллаха он мне заменит покойного, а кто оставил себе замену, тот не умер.

Потом он посмотрел и увидел, что мать Ала ад-Дина стала плакать от таких слов, и обратился к Ала ад-Дину, чтобы тот подтвердил, что он действительно брат ее мужа и утешил ее, и чтобы удались его хитрость и обман.

— О дитя мое, — спросил он, — каким ремеслам ты научился? Скажи мне, научился ли ты ремеслу, на которое ты бы мог жить вместе с матерью?

Ала ад-Дин застыдился, смутился, повесил голову и уставился в землю, а мать его сказала:

— Откуда у него ремесло! Нет у него ремесла! Он только и знает, что озорничает целый день и шляется с уличными мальчишками. Ведь отец его — отчего умер, бедняга?..

Оттого он умер, что из-за него заболел, а я, горе мне, день и ночь тружусь и пряду хлопок, чтобы заработать на две лепешки хлеба, которыми мы живем целый день. Вот он какой, деверь, а у меня не осталось силы, чтобы содержать такого взрослого парня, и я едва могу добыть пропитание. Мне самой нужен кто-нибудь, чтобы меня содержать.

И тут магрибинец обратился к Ала ад-Дину и сказал ему:

— Почему это ты, племянник, все беспутничаешь? Стыдись, так не годится! Ты стал мужчиной и умным человеком, и к тому же ты сын добрых людей. Стыдно тебе, что твоя мать, женщина, вдова, бьется, чтобы тебя прокормить, а ты, мужчина, бездельничаешь. Нужно тебе научиться ремеслу, чтобы добывать пропитание себе и матери. Погляди, сынок: у вас в городе много всяких мастеров. Посмотри, какое ремесло тебе нравится, и я определю тебя к мастеру, чтобы ты у него учился, и чтобы у тебя, когда вырастешь, было ремесло, на которое можно прожить. Может быть, тебе не любо ремесло твоего отца? Так выбери ремесло, которое тебе нравится, и скажи мне, а я помогу тебе всем, чем могу.

Но магрибинец увидел, что Ала ад-Дин молчит и не отвечает, и понял, что мальчику это неприятно, и что он не желает учиться никакому ремеслу, ибо он так воспитан, что привык бездельничать.

— О сын моего брата,— сказал магрибинец,— не печалься из-за меня. Если ты не согласен учиться ремеслу, я открою для тебя купеческую лавку и наполню ее самыми дорогими тканями. Ты узнаешь людей и будешь торговать с ними и станешь купцом, известным в городе.

Услышав слова магрибинца и обещание, что он станет купцом, Ала ад-Дин обрадовался, так как был уверен, что купцы всегда ходят в чистой и нарядной одежде, и что все они — большие люди. Он посмотрел на магрибинца и засмеялся и закивал головой, показывая, что он согласен, и магрибинец понял, что мальчику хочется стать купцом.

— О сын моего брата,— сказал он,— будь только мужчиной, и я завтра утром возьму тебя с собой на рынок и скрою тебе нарядную одежду, а потом я присмотрю для тебя у купцов лавку и положу туда всяких дорогих тканей, и ты будешь там сидеть, продавать и покупать.

И когда мать Ала ад-Дина услышала эти слова — а она все еще была в сомнении насчет магрибинца, — она твердо решила про себя, что магрибинец и вправду брат ее мужа — ведь невозможно, чтобы чужой человек все это сделал для ее сына! — и принялась наставлять и учить мальчика, чтобы он выбросил глупости из головы и всегда слушался дядю, никогда не прекословя ему, ведь дядя ему все равно что отец. Пора ему наверстать то время, которое прошло в шалостях!

Потом мать Ала ад-Дина, дав сыну такие наставления, поднялась и подала ужин, и все сели за трапезу, и ели, пока не насытились, а затем вымыли руки и сидели, беседуя о торговых делах, о купле, продаже и прочем.

И Ала ад-Дин всю ночь не спал и словно летал от радости, а магрибинец, увидев, что ночь дошла до половины, встал и ушел к себе домой, обещая, что к утру придет и возьмет Ала ад-Дина с собой на рынок. Когда наступило утро, магрибинец постучался в ворота, и мать Ала ад-Дина встала и открыла ему, но он не захотел войти и потребовал Ала ад-Дина, чтобы взять его с собой, и Ала ад-Дин тотчас же, быстрее молнии, оделся и вышел. Он пожелал магрибинцу доброго утра и поцеловал ему руку, а магрибинец взял его за руку и пошел с ним на рынок. Там он вошел в лавку одного из больших торговцев и потребовал перемену платья — разноцветного, нарядного, дорогого, и торговец принес ему то, что он хотел: роскошные, полные, перемены платья, уже все сшитые.

— О сын моего брата, — сказал магрибинец, — выбирай то, что тебе нравится, — и мальчик обрадовался и развеселился, видя, что магрибинец дает ему выбрать самому. Он выбрал нарядную перемену платья, себе по душе, и магрибинец отдал торговцу за нее плату и вышел из лавки вместе с Ала ад-Дином. Он отвел его в баню, и они выкупались, вымылись и надушились, а выйдя из воды, попили сладкого питья, и Ала ад-Дин оделся в свое новое платье, и ум его улетел от радости. Он подошел к магрибинцу, поцеловал ему руку и сказал:

— Да сохранил мне тебя Аллах, о дядюшка! — и потом они вышли из бани, и магрибинец повел его на рынок торговцев и погулял с ним по рынку и показал ему, как производится купля и продажа.

— О племянник, — сказал он, — тебе следует глядеть на

купцов — как они продают и покупают, чтобы научиться разбираться в вещах и товарах, — это ведь будет твое ремесло.

Потом он повел Ала ад-Дина по городу и показал ему городские мечети, постоянные дворы и странноприимные дома, а затем они зашли к великолепному повару, и тот подал им роскошный обед на серебряной посуде, и они пообедали и насладились и выпили. Затем магрибинец стал показывать Ала ад-Дину местности для прогулок и для развлечений и игр и показал ему дворец султана, а потом пошел с ним на постоянный двор для чужеземцев, в то помещение, в котором он жил. А магрибинец пригласил к себе некоторых купцов, своих соседей, и когда те пришли, он поставил перед ними столик с кушаньями и рассказал им, что этот мальчик — сын его брата.

Потом, когда все поели, попили и насытились, магрибинец поднялся, взял Ала ад-Дина за руку и доставил его домой. Он привел мальчика к матери, и когда мать увидела его в такой одежде, в роскошном наряде — а он был похож на какого-нибудь царевича, — она чуть не улетела от радости и принялась благодарить магрибинца.

— О деверь, — воскликнула она, — клянусь Аллахом, мои мысли все спутались, и я не знаю, каким языком мне благодарить тебя за твою милости и как тебя восхвалять за добро и благодеяние, которое ты сделал моему сыну!

— О жена моего брата, — отвечал магрибинец, — никакого я не сделал благодеяния! Ведь Ала ад-Дин — сын моего брата, а значит и мой сын, и я обязан заменить ему отца. Будь же спокойна.

— Прошу Аллаха именем его святых и пророков, пусть сохранит и оставит тебя в живых и продлит тебе жизнь, чтобы был ты этому мальчику покровителем! — воскликнула мать Ала ад-Дина. — А он всегда будет тебе повиноваться и никогда не ослушается тебя.

— О жена моего брата, не думай об этом, — сказал магрибинец. — Ала ад-Дин — умный мужчина, и я надеюсь, что с соизволения великого Аллаха он заменит тебе своего отца и порадуются на него твои глаза, и если захочет Аллах, он станет величайшим купцом в этом городе. Мне тяжело, что завтра день пятницы и я не могу открыть для него лавку, так как все купцы после молитвы уйдут в сады и на про-

гулки, но в субботу, если пожелает Аллах, я сделаю так, как хочется Ала ад-Дину, и открою для него лавку, а завтра я приду к вам и возьму его с собой и покажу ему сады и места для прогулок за городом — может быть, он их еще не видал. Завтра там будут все купцы, и я хочу, чтобы он познакомился с ними, а они познакомились с ним.

Потом магрибинец попрощался и ушел в свое жилище, а утром он пришел и постучался в ворота. А Ала ад-Дин всю ночь не спал от радости, и лишь только зачирикали воробьи и наступил день, он поднялся, надел свою одежду и сидел, ожидая дядю. И когда постучали в ворота, он, словно искра огня, быстро поднялся и отпер ворота и увидел магрибинца. Он подошел и поцеловал ему руку, и магрибинец взял его и пошел с ним.

— Сегодня, о сын моего брата, — сказал магрибинец, — я покажу тебе кое-что такое, чего ты никогда в жизни не видал.

Он ласково разговаривал и беседовал с мальчиком, пока они не вышли из города, и они шли по загородным садам, и магрибинец показывал Ала ад-Дину находившиеся там дворцы и замки, и всякий раз, когда они подходили к какому-нибудь саду, замку или дворцу, магрибинец останавливался и показывал его Ала ад-Дину и спрашивал: «Нравится тебе этот сад — я куплю его для тебя? Нравится ли тебе этот дворец?» — А Ала ад-Дин был ведь маленький мальчик и, слыша ласковые слова магрибинца, верил ему, и ум его улетал от радости.

И так они шли, пока не устали, и тогда зашли они в великолепный сад, от вида которого расширилось сердце и светлело в глазах, и фонтаны поливали там цветы водой, извергавшейся из пасти медных львов. Они сели отдохнуть у пруда с водой, и сердце Ала ад-Дина расширилось, и магрибинец начал с ним шутить и беседовать, словно он и вправду был ему дядей. Потом он поднялся и вынул из-за пояса кулек с разной снедью и плодами и сказал:

— Ты, наверно, проголодался, о сын моего брата, садись, поешь!

И магрибинец с Ала ад-Дином ели, пока не насытились, и потом магрибинец сказал:

— Если ты отдохнул, вставай, походим и посмотрим еще немного.

И Ала ад-Дин встал, и они ходили из сада в сад, пока не обошли все сады и не пришли к одной высокой горе. А Ала ад-Дин в жизни не выходил из города и не ходил столько, и он прямо умирал от усталости.

— О дядя, а куда мы идем? — спросил он магрибинца. — Мы оставили сады позади и пришли к этой горе, и если путь еще долгий, то я не могу идти, так как я умираю от усталости. Дальше уже нет больше садов, вернемся же в город!

— Нет, племянник, — ответил магрибинец, — эта дорога ведет в роскошные сады. Идем, я покажу тебе такой сад, какого не видывал ни один царь. Соберись же с силами и пойдем! Ты ведь мужчина!

И магрибинец принялся улащать Ала ад-Дина и развлекать его и шел с ним рядом, рассказывая всякие истории, лживые и правдивые, пока они не дошли до того места, к которому стремился магрибинский колдун и ради которого он пришел из земель внутреннего Китая.

И когда они пришли, магрибинец сказал Ала ад-Дину:

— Садись, отдохни, о сын моего брата, вот то место, куда мы направляемся. Если захочет Аллах, племянник, я покажу тебе такие чудеса, каких никто не видел, и никто не любовался тем, на что ты полюбишься. Но после того как ты отдохнешь, встань и поищи нам немного хвороста, кусков дерева, высохших древесных корней и прочего: я хочу развести огонь и показать тебе эту диковинную вещь.

Когда Ала ад-Дин услышал это, ему так захотелось посмотреть, что хочет сделать дядя, что он забыл усталость и утомление и принялся искать и собирать мелкий хворост. Он собирал его до тех пор, пока магрибинец не сказал «Хватит!» — и тогда колдун тотчас же встал, вынул из-за пазухи кремень и огниво и запалил бывшую при нем серную лучинку. Потом он вынул из-за пазухи свечу и зажег ее, а Ала ад-Дин пододвинул к нему собранную им кучку хвороста, и магрибинец разжег в ней огонь. Он подождал, пока хворост перестал пылать, сунул руку за пазуху, вынул коробочку, открыл ее, взял оттуда немного порошку и бросил его в огонь, и из огня пошел дым, а магрибинец начал колдовать, произносить заклинания и говорить непонятные слова.

И вдруг мир потемнел, и загремел гром, и земля затряслась и разверзлась; и Ала ад-Дин испугался и утрашился и хотел убежать. И когда магрибинец увидел, что мальчик хочет бежать, он пришел в великую ярость, так как он видел в своем гороскопе, что из его дела без Ала ад-Дина не будет проку: ведь он хотел добыть сокровище, которое не откроется иначе, как при помощи Ала ад-Дина. И вот, увидав, что тот намерен бежать, он поднял руку и так ударил Ала ад-Дина по щеке, что едва не вышиб у него изо рта все зубы, и Ала ад-Дин упал без сознания, и немного пролежал на земле вниз лицом, а потом очнулся и спросил:

— Дядя, что я тебе сделал и чем заслужил от тебя это?

И магрибинец принялся его уговаривать и сказал:

— О дитя мое, я хочу, чтобы ты стал мужчиной! Не прекословь мне, я ведь тебе дядя, взамен отца, и, если захочет Аллах, ты скоро забудешь все эти тяготы, так как увидишь диковинную вещь.

А когда земля разверзлась, из-под нее показался мраморный камень, в котором было кольцо из меди, и магрибинец сказал Ала ад-Дину:

— О сын моего брата, если ты сделаешь так, как я тебе скажу, ты станешь богаче всех царей в мире, и по этой причине я и ударил тебя. В этом месте лежит огромное сокровище, и оно положено на твое имя, а ты хотел бежать и упустить его. Но теперь одумайся и посмотри, как я заставил землю раздвинуться своими заклинаниями и заклятьями, и послушай слова, которые я скажу. Взгляни на этот камень с кольцом — под ним то сокровище, о котором я тебе говорил. Возьмись рукой за кольцо и приподними его, и мраморная плита поднимется. Никто, кроме тебя, дитя мое, не может ее поднять и никто, кроме тебя, не может ступить ногой в эту сокровищницу, так как клад охраняется твоим именем. Но ты должен слушаться того, что я говорю, и не отступать от этого ни на одну букву: это все для твоего блага, так как здесь лежит великое сокровище; все цари мира не добыли даже части его, и оно твое и мое.

Услышав эти слова, Ала ад-Дин забыл про боль, усталость и тяготы, и охватило его удивление от слов магрибнца: как это он станет богатым до такой степени, что даже цари мира будут не богаче его!

— О дядя,— сказал он магрибнцу,— скажи мне, чего

ты хочешь. Я покорен твоему приказанию и никогда не стану прекословить тебе,— и магрибинец промолвил:

— О дитя мое, Ала ад-Дин, я хочу для тебя всякого блага, и нет у меня наследников, кроме тебя одного. Ты — мой наследник и преемник.

И он подошел к Ала ад-Дину, поцеловал его между глаз и сказал:

— Ведь все мои труды — для кого они? Все эти труды — для тебя, чтобы сделать тебя богатым до такой степени. Не перечь же мне в том, что я тебе говорю: подойди к этому кольцу и подними его, как я уже говорил:

— О дядя,— сказал Ала ад-Дин,— эта плита тяжелая, и я один не смогу ее поднять. Нужно, чтобы ты подошел и помог мне поднять ее — я ведь маленький.

— О дитя мое,— молвил магрибинец,— я не могу к ней прикасаться, но положи руку на кольцо, и плита сейчас же поднимется. Я же тебе говорил, что никто не может ее коснуться, кроме тебя. А когда будешь ее поднимать, назови свое имя, имя твоего отца и отца твоего отца, а также имя твоей матери и отца твоей матери.

И тогда Ала ад-Дин выступил вперед и сделал так, как научил его магрибинец. Он потянул плиту — и плита поднялась с полной легкостью, когда он назвал свое имя, имя своего отца и матери и другие имена, о которых говорил магрибинец, и он сдвинул плиту с места и отбросил в сторону, и когда он поднял плиту, под ней оказалось подземелье, с лестницей в двенадцать ступенек.

— О Ала ад-Дин,— сказал магрибинец,— соберись с мыслями, сын моего брата, прислушайся к моим словам и сделай все, что я тебе скажу, ничего не упуская. Спустись со всей осторожностью в это подземелье, и когда ты достигнешь его дна, то найдешь там помещение, разделенное на четыре четверти. В каждой четверти ты найдешь четыре кувшина с червонным золотом, серебром, золотыми слитками и другими драгоценностями, но берегись, о дитя мое, дотронуться до которого-нибудь из них и не приближайся к ним и не бери ничего. Иди вперед, пока не дойдешь до четвертой, последней четверти помещения, и, проходя мимо каждой четверти, ты увидишь, что она подобна целому дому и найдешь в ней, как и в первой четверти, кувшины с золотом, серебром, золотыми слитками и другими драгоценно-

стями. Но иди мимо всего этого и не давай твоей одежде или подола коснуться какого-нибудь кувшина или даже стен — иначе ты погибнешь. Берегись и еще раз берегись, дитя мое, и не давай твоей одежде коснуться чего-нибудь в этом помещении. Входи туда побыстрее и остерегайся останавливаться, чтобы посмотреть; берегись и еще раз берегись задержаться хоть на одной ступеньке! Если ты сделаешь не так, как я говорю, то будешь сейчас же заколдован и превратишься в кусок черного камня.

— А когда ты достигнешь четвертого помещения, то увидишь там дверь. Положи руку на дверь и назови твое имя и имя твоего отца, как ты только что называл их над плитой, — и дверь тотчас же откроется. Из этой двери ты пройдешь в сад и увидишь, что он весь украшен деревьями и плодами; выйди через сад на дорогу, которую ты увидишь перед собой, и пройди по ней расстояние в пятьдесят локтей; ты увидишь там портик с лестницей — около тридцати ступенек — и увидишь, что вверху портика висит зажженный светильник. Поднимись по лестнице, возьми светильник, погаси его и вылей масло, которое в нем есть, а потом положи светильник за пазуху и не бойся и не опасайся, что масло запачкает тебе платье. А когда будешь возвращаться, не страшись сорвать с дерева что-нибудь, что тебе понравится, ибо все, что есть в саду, и в сокровищнице станет твое, раз светильник в твоих руках.

Потом колдун-магрибинец, окончив говорить, снял с пальца перстень, надел его на палец Ала ад-Дину и сказал:

— О дитя мое, этот перстень избавит тебя от всякого вреда или бедствия, которое сможет тебя поразить, при условии, если ты запомнишь все то, что я тебе сказал. Вставай же теперь и спускайся вниз. Наберись храбрости и не бойся ничего и будь человеком с сильным, смелым сердцем, ты ведь не малый ребенок, ты мужчина. И если ты сделаешь все, что я тебе сказал, то через короткое время добудешь огромное богатство, так что не будет в мире никого богаче тебя.

И тогда Ала ад-Дин встал и спустился по лестнице в подземелье, и увидел там помещение, разделенное на четыре четверти, и в каждой четверти стояло четыре кувшина, полных золота, серебра и других драгоценностей, как и говорил ему магрибинец.

И он подобрал полы одежды и прошел по этому помещению со всей осторожностью, чтобы его одежда не коснулась степ или чего-нибудь другого, что было там, и миновал все прочие комнаты и оказался посреди сада, а из сада он прошел к портику и увидел подвешенный светильник. Тогда он поднялся по ступенькам, взял светильник и вылил из него масло, а потом положил светильник за пазуху, спустился в сад и начал рассматривать находившиеся там деревья и птиц, прославлявших единого, всепокоряющего, на которых и не взглянул, когда входил в сад. Он принялся ходить среди деревьев, а они все были обременены плодами из драгоценных камней, и на каждом дереве камни были иной окраски, чем на другом, и были они всех цветов — белые, зеленые, желтые, красные, лиловые и всякого другого цвета, и блеск их побеждал лучи солнца, и по величине каждый камень превосходил всякое описание. Не найдется ни одного такого у величайшего царя в мире, и нет у него даже камня величиной в половину малейшего из них!

И Ала ад-Дин стоял среди деревьев, уставившись на них, и любовался этими диковинками, исполнившись удивления, ибо он видел, что деревья вместо съедобных плодов несут на себе драгоценные камни, отнимающие у человека рассудок — жемчуга, изумруды, алмазы, яхонты, топазы и другие ценные самоцветы, повергающие умы в смятение. И он стоял и смотрел на эти вещи, которых в жизни никогда не видал, и не знал он, что такое драгоценные камни, как их продают и какая им цена, ибо он, во-первых, был маленький, и, во-вторых, сын бедных людей. И он принялся их рассматривать и дивился на них и думал, как бы ему нарвать всего этого — винограда, винных ягод и прочих плодов, которые он принимал за настоящие и съедобные — так ведь обычно думают дети, которые не знают драгоценных камней и не ведают, какая им цена и что это такое.

Но когда Ала ад-Дин сорвал немного этих плодов и увидел, что они сухие и несъедобные, твердые как камень, он решил, что это стекляшки. Он нарвал камней каждого сорта и положил их за пазуху, набив ими все свои карманы, потом снял с себя пояс, наполнил его камнями и снова затянул, и в общем набрал уйму этих плодов, сколько мог снести, думая про себя: «Я украшу этими стекляшками наш дом и буду играть в них с мальчишками».

Потом он вышел из сада и пошел, поспешая, так как боялся своего дяди-магрибинца. Он миновал все четыре отделения и, проходя по ним, даже и не взглянул на кувшины с золотом, которые увидел, когда вошел, и достиг лестницы и поднялся по ней, пока не дошел доверху, и ему осталось только взойти на последнюю ступеньку, но она была высокая, выше остальных, и Ала ад-Дин не мог на нее подняться из-за тяжести ноши, которую нес.

И он сказал магрибину:

— О дядя, дай мне руку и помоги взойти на эту ступеньку,— и магрибинец ответил:

— Дай мне сначала светильник, сынок, чтобы я мог облегчить тебя — может быть, это он тебя обременяет.

— Светильник ничуть меня не обременяет! — сказал Ала ад-Дин.— Дай мне только руку, чтобы я мог подняться на ступеньку, а когда я поднимусь, я отдам тебе светильник.

А у магрибинца не было другой цели и нужды, кроме светильника, и он начал приставать и настаивать, чтобы Ала ад-Дин отдал ему светильник раньше, чем выйдет из подземелья, но так как Ала ад-Дин положил светильник в карман, а потом набил все свои карманы драгоценностями, он не мог до него добраться. К тому же всемиловитый вразумил его, и он не соглашался отдать магрибинуцу светильник и хотел посмотреть, какие у того намерения и почему тот не дает руку раньше, чем Ала ад-Дин отдаст ему светильник.

— О дядя,— сказал он магрибину,— дай мне руки и вытащи меня, а потом бери светильник.

И магрибинец рассердился, и начал приставать, чтобы Ала ад-Дин сначала отдал ему светильник, но Ала ад-Дин не мог передать ему светильник, так как он находился в глубине кармана. И когда магрибинец увидел, что у Ала ад-Дина нет желания отдать ему светильник и он обещает это сделать только после того, как выйдет из подземелья, его гнев усилился. А Ала ад-Дин обещал ему это без дурного намерения — он и вправду не мог достать светильник, как мы уже говорили.

Что же касается магрибинца, то, когда он увидел, что Ала ад-Дин его не слушается и отказывается дать ему светильник, ум улетел у него из головы от досады, и усилилась его ярость. Он тотчас же начал колдовать и произносить заклинанья и зашептал какие-то слова и бросил в огонь не-

много порошку, и тогда земля затряслась и подземелье закрылось, как было, и плита легла на него, а Ала ад-Дин остался под землей, внутри подземелья, и не мог выйти, и не было для него прохода, чтобы оттуда выбраться.

А этот магрибинец, колдун, увидел, читая по звездам, что именем Ала ад-Дина заколдовано сокровище, и ложно прикинулся его дядей, чтобы добыть желаемое. Он учился наукам в своей стране, в стране Ифрикии *, и среди прочих указаний, увидел, что в некоей земле, а именно в городе Калкасе *, хранится огромный клад и в нем — светильник, и кто добудет этот светильник, тот станет страшно богат, богаче всех царей земли. И он обнаружил, гадая на песке, что эта сокровищница откроется только через мальчика, имя которому Ала ад-Дин, происходящего из дома бедных людей, и тогда он еще раз рассыпал песок и вывел гороскоп мальчика и проверял и уточнял, пока не узнал, каков образ Ала ад-Дина и какова его внешность.

И тогда магрибинец снарядился и направился в китайские земли, как мы уже говорили. Он хитростью сошелся с Ала ад-Дином и надеялся получить желаемое, но когда Ала ад-Дин отказался отдать ему светильник, чаяния его пошли прахом и надежды пресеклись, и пропали все труды его даром. И тут он захотел убить Ала ад-Дина и закрыл над ним землю, чтобы ни он, ни светильник не могли выйти, и пустился в дорогу, удрученный, и вернулся в свою страну. Вот что было с магрибинцем.

Что же касается Ала ад-Дина, то когда он увидел, что подземелье над ним закрылось, он принялся кричать: «Дядя, дядя!» — но никто не дал ему ответа, и он понял, какое коварство учинил с ним магрибинец и догадался, что это вовсе не его дядя.

И Ала ад-Дин потерял надежду жить и убедился, что нет ему выхода из-под земли, и начал рыдать и плакать из-за того, что с ним случилось, а потом он поднялся, чтобы посмотреть, не найдется ли прохода из подземелья, через который он мог бы выйти. Он повернулся направо и налево, но ничего не увидел, кроме глубокой тьмы и четырех стен, ибо магрибинец замкнул своим колдовством все двери, которые были в подземелье, и даже дверь в сад, чтобы Ала ад-Дин поскорее умер.

И когда Ала ад-Дин увидел это, рассудок его исчез от сильного горя. Он вернулся к лестнице, ведущей в подземелье, и сел там, плача о своем положении, но великий Аллах — да возвысится величие его! — когда он чего-нибудь захочет, говорит: «будь!», и это бывает, и по сокрытой своей благодати судил он Ала ад-Дину спасение.

И Ала ад-Дин сидел на лестнице, плача, рыдая и ударяя себя по щекам, и усилилась его печаль, и просил он Аллаха о милости и спасении. А раньше мы говорили, что магрибинец, спуская Ала ад-Дина в подземелье, дал ему перстень и надел его мальчику на палец и сказал: «Этот перстень вызовет тебя из всякой беды, в которую ты попадешь», — и вот, когда Ала ад-Дин плакал и бил себя по щекам от горя, он начал потирать себе руки и, потирая их, задел за тот перстень. И тотчас же вырос перед ним марида *, один из рабов господина нашего Сулеймана * — да почнут над ним благословения Аллаха! — и воскликнул:

— К твоим услугам, к твоим услугам! Твой раб перед тобой! Требуй от меня, чего хочешь, ибо я покорный раб того, в чьих руках находится этот перстень.

Тут Ала ад-Дин задрожал и испугался образа этого марида, но когда он увидел, что марида обращается с ним дружелюбно и говорит: «Требуй от меня, чего хочешь, ибо я твой раб», он успокоился и вспомнил, что сказал магрибинец, когда давал ему перстень, а он сказал: «Этот перстень вызовет тебя из всякой беды, которая тебя поразит».

И Ала ад-Дин страшно обрадовался и укрепил свое сердце и сказал марида:

— О раб владыки перстня, я хочу от тебя, чтобы ты меня вывел на лицо земли, — и не окончил еще Ала ад-Дин говорить, как земля задрожала и разверзлась, и он увидел себя на поверхности земли, у входа в подземелье.

И когда Ала ад-Дин нашел себя на лице земли после того, как провел два дня под землей, в темноте, внутри сокровищницы, он открыл глаза, но не мог ими смотреть из-за света дня и лучей солнца. Он принялся закрывать глаза и мало-помалу открывать их, и когда глаза его окрепли, он открыл их совсем и посмотрел на мир, и оказалось, что он у входа в сокровищницу, в которую он спускался, и земля ровная и нет в этом месте и признака того, что земля раздвигалась или сдвигалась.

И подивился Ала ад-Дин на колдовство магрибинца и прославил великого Аллаха, который избавил его от зла, а потом он обернулся направо и налево и увидел сады и узнал дорогу, по которой он пришел с магрибинцем.

И Ала ад-Дин обрадовался, что жив, так как был уверен в своей гибели, и пошел по дороге, и шел до тех пор, пока не достиг города. Он вошел в свой дом, улетая от радости, что остался жив, и, войдя, упал на землю и лишился чувств от сильного голода, страха и огорчения, которые ему пришлось испытать, а также от охватившей его в это время великой радости.

И мать Ала ад-Дина поспешила к нему и, принеся от соседей немножко розовой воды, побрызгала ему на лицо. А она с тех пор, как рассталась с сыном, ни на минуту не расставалась со слезами о нем, так как он был у нее единственный, и когда он вошел и мать его увидела, она обрадовалась, но когда он упал на землю без чувств, горе ее усилилось, и она непрерывно брызгала ему в лицо розовой воды и давала ему нюхать благовония, пока он не очнулся и не попросил поесть.

— Дай мне, матушка, чего-нибудь поесть, я уже два дня без еды,— сказал он.

И мать подала ему то, что у нее было, и молвила:

— Иди, сынок, поешь в свое удовольствие, а когда ты отдохнешь, я хочу, чтобы ты мне рассказал, где ты был и что с тобой случилось и какое несчастье поразило тебя. Я не спрашиваю тебя сейчас, о дитя мое, так как ты устал.

И Ала ад-Дин сел за еду и ел и пил, пока не насытился, а отдохнув и оправившись, он обернулся к своей матери и сказал:

— О матушка, на тебе великий грех! Ты отдала меня этому проклятому, который хотел убить меня и погубить! Клянусь Аллахом, матушка, я из-за него своими глазами видел смерть, а мы-то с тобой думали, что он и вправду мой дядя! Но слава Аллаху, который спас меня от его зла! Мы дали ему себя обмануть, так как он обещал сделать нам столько добра. Ах, матушка, если бы ты знала, какой это скверный, проклятый магрибинский колдун! Проклятие Аллаха да почиет на нем во всяком непосланном писании! Посмотри, о матушка, что он со мной сделал!

И Ала ад-Дин стал рассказывать матери, что с ним случилось, а сам плакал от великой радости, что избежался от зла магрибинца. Он рассказал, что с ним было с тех пор, как он с ней расстался и пока они не дошли до входа в подземелье, и как магрибинец колдовал и дымил, как он расколол гору и разверзлась земля, и продолжал:

— И я испугался сотрясения, начавшегося в эту минуту, и хотел бежать, но он выругал меня и побил, и хотя сокровище открылось, он не мог спуститься вниз, ибо этот клад положен на мое имя, и тот проклятый узнал по своему песку, что он откроется только моей рукой. И после того как он меня ударил и выбранил, он решил со мной помириться, чтобы получить желаемое.

И Ала ад-Дин продолжал рассказывать матери эту историю и говорил:

— Когда магрибинец спустил меня в сокровищницу, он дал мне перстень и надел его мне на палец, и когда я оказался посреди подземелья, я увидел четыре комнаты, все полные золота, серебра и прочего, но магрибинец не велел мне ничего брать. И после того я вошел в огромный сад, весь поросший деревьями, а плоды на них — это вещь, отнимающая взор своими лучами — я думаю, они, наверно, из хрустала всякого вида и цвета. И я подошел к огромному портику и поднялся туда по лестнице, чтоб взять тот светильник, который проклятый магрибинец велел ему принести, и взял светильник и погасил его и вылил то, что в нем было, и положил за пазуху, и вышел, и потом я сорвал с деревьев немного тех плодов и положил их за пазуху и в карманы. Я подошел к двери в сокровищницу и закричал: «Дядя, протяни мне руку, я несу тяжелые вещи и не могу взойти на последнюю ступеньку, так как она высокая», — но магрибинец не захотел дать мне руку и вывести меня и сказал: «Дай мне сначала светильник, который ты несешь, а потом я дам тебе руку и выведу тебя». А я, матушка, положил светильник в карман и набил себе карманы плодами с деревьев из сада и потому не мог достать светильник и дать его магрибинцу. Я сказал: «Дядя, когда я поднимусь, я дам тебе светильник, а ты дай мне руку, чтобы я взобрался на эту высокую ступеньку», — но тот проклятый не хотел дать мне руку и вывести меня из подземелья; наоборот, у него был умысел, цель и желание получить и забрать у меня

светильник и потом закрыть надо мною землю своим колдовством, чтобы я погиб и умер, как он и сделал со мной в конце концов. Вот, матушка, что у меня было с этим грязным, проклятым магрибинским колдуном.

И Ала ад-Дин рассказал своей матери обо всем, что случилось у него с магрибинцем с начала до конца, а кончив рассказывать, принял, от сильного гнева и горячего сердца, ругать и проклинать магрибинца и говорил: «Кто же он, этот проклятый, грязный, скверный колдун и обманщик?»

И когда мать Ала ад-Дина услышала слова своего сына, и узнала, как поступил с ним магрибинец, она сказала:

— Правда сынок, клянусь великим Аллахом, едва я его увидела, мое сердце почуяло дурное, и я испугалась за тебя, сынок, ибо у него на лице написано, что он скверный обманщик и колдун, который губит людей своим колдовством. Но слава Аллаху, сыночек, за то, что он тебя вызволил из сетей зла этого магрибинца! Я в нем обманулась и думала, что это и вправду твой дядя.

А Ала ад-Дин вот уже два дня совершенно не вкушал сна и почувствовал себя сонным и вялым, и захотелось ему спать, и он заснул крепким сном, от которого пробудился только на следующий день к полудню. А проснувшись, он попросил у матери чего-нибудь поесть, так как чувствовал себя очень голодным, и мать сказала ему:

— О сынок, мне нечего тебе дать, все, что у меня было, ты уже съел вчера. Но потерпи, у меня есть немного пряжи, я пойду на рынок, продам ее и куплю тебе на эти деньги чего-нибудь поесть.

— Оставь твою пряжу при себе, матушка,— сказал Ала ад-Дин,— и подай мне светильник, который я принес. Я пойду и продам его и куплю на эти деньги чего-нибудь поесть. Я думаю, он нам принесет больше денег, чем пряжа.

И мать Ала ад-Дина пошла и принесла светильник, но увидела, что он грязный, и сказала:

— О сынок, вот он, твой светильник, но только, сынок, разве ты продашь его таким грязным? Может быть, если я его тебе ототру и начищу, ты продашь его за более дорогую цену.

И мать Ала ад-Дина взяла в руки немного песка, но не успела она разок потереть кувшин, как вдруг появился перед ней джинн * огромного роста, грозный и страшный ви-

дом, с перевернутым лицом, точно один из фараоновых великанов *, и сказал:

— К твоим услугам! Я твой раб! Чего ты от меня хочешь? Я покорен и послушен тому, в чьих руках этот светильник, и не я один, но и все рабы светильника послушны и покорны ему.

И когда мать Ала ад-Дина увидела это страшное зрелище, ее охватил испуг, и язык у нее отнялся при виде такого образа, ибо она не привыкла видеть таких ужасных чудовищ. Она упала на землю без чувств от ужаса, а что до Ала ад-Дина, который уже видел джинна, когда был в сокровищнице, то увидав, что случилось с его матерью, он быстро встал, взял из рук матери светильник и сказал рабу-джинну:

— Я голодный! Хочу, чтобы ты принес мне чего-нибудь поесть, и пусть эта еда будет выше всех желаний!

И джинн в одно мгновение исчез и скрылся ненадолго, и принес роскошный, драгоценный, весь серебряный столик, а на столике стояло двенадцать блюд с разными кушаньями, две серебряные чаши, две фляги со светлым, старым вином и хлеб белее снега.

Джинн поставил все это перед Ала ад-Дином и скрылся, а Ала ад-Дин встал, поднял свою мать, и побрызгал ей в лицо розовой водой, и когда она очнулась, сказал ей:

— О матушка, пойдй, поешь этих кушаний, которые послал нам Алах великий.

И мать его посмотрела и увидела перед собой столик, весь серебряный, и удивилась этому происшествию и спросила:

— Сынок, кто тот щедрый, который прислал нам эти обильные дары? Не иначе, султан проведаль о нашем положении и прислал нам свою трапезу — ведь это трапеза царская.

— Матушка, — ответил Ала ад-Дин, — теперь не время разговаривать и спрашивать. Пойди сюда и давай поедим, мы ведь очень голодны.

И мать его подошла и села за столик, и они ели, пока не насытились, и его мать удивлялась и дивилась на эти роскошные кушанья. От них осталось столько, что даже хватило на ужин на другой день; и когда мать с сыном вымыли руки и уселись, она сказала:

— О сынок, расскажи мне, что было с этим рабом-джинпом, после того как я лишилась чувств и упала вниз лицом. Слава Аллаху, что мы поели и насытились, и ты теперь не можешь говорить: «Я голодный!»

И Ала ад-Дин рассказал ей обо всем, что произошло у него с рабом-джинном с тех пор, как она обеспамятела и пока не очнулась, и его мать страшно удивилась этим словам и сказала:

— О сынок, значит джинны и вправду являются к потомкам Адама! Я в жизни их до сих пор не видывала! Я думаю, сынок, это тот самый джинн, что вывел тебя из-под земли, когда проклятый магрибинец закрыл над тобой сокровищницу.

— Нет,— ответил Ала ад-Дин,— это не тот джинн, который явился мне в сокровищнице и вывел меня на поверхность мира. Это джинн другой породы, чем тот, ибо тот связан с перстнем, а этот, которого ты видела, связан со светильником, который был у тебя в руке.

Услышав слова Ала ад-Дина, его мать сказала:

— Так, значит, джинн, которого я видела — проклятый раб светильника? Разрази его господь, какой он безобразный! Я так его испугалась, что чуть не умерла! Но только, сынок, закликаю тебя молоком, которым я тебя вспоила, выброси светильник и перстень, причинившие нам такой ужас и страх. Нет у меня, сынок, силы смотреть на джиннов, и пророк — да благословит его Аллах и да приветствует! — предостерегал нас от них.

— О матушка,— отвечал Ала ад-Дин,— то, что ты говоришь — для меня приказ, но что касается твоих слов «выброси светильник и перстень», то это невозможно, и я их не продам и не выброшу. Смотри, какое добро сделал нам раб светильника: мы умирали с голоду — и он пошел и принес нам трапезу, которую ты видела. Знай, матушка, что когда проклятый магрибинец спускал меня в сокровищницу, он не велел мне принести ни золота, ни серебра, а приказал принести один лишь светильник, ничего больше, ибо он знал, какая великая от него польза. Если бы он не знал великой ценности этого светильника, то не стал бы так мучиться и трудиться. Он не пришел бы ради светильника из своей страны и не закрыл бы надо мной двери в сокровищницу, потеряв надежду его добыть. Нам следует, матушка, его беречь,

ибо от него наше пропитание и в нем наше богатство, и мы никому его не покажем. Что же касается перстня, то я не могу снять его с пальца, ибо если бы не этот перстень, о ма-тушка, ты не видела бы меня в живых и я погиб бы в глуби-не сокровищницы. Как же я сниму его с руки? Кто знает, какие еще произойдут со мной обстоятельства, беды, пре-вратности и нехорошие случайности, и я не могу снять его с пальца. А светильник я скрою от твоих глаз, чтобы ты его не видела и не боялась.

Услышав слова Ала ад-Дина, и сочтя их верными и пра-вильными, мать его сказала:

— Делай как хочешь, сынок, а что до меня, то я не до-тронусь ни до перстня, ни до светильника, и я не хочу еще раз видеть то страшное, устрашающее зрелище, которое видела.

На следующий день они встали и поели того, что оста-лось от трапезы, которую принес джинн, и тогда у них не оказалось никакой пищи. И Ала ад-Дин поднялся и взял одно из блюд, которые принес джинн, и пошел на рынок, и попался ему навстречу один еврей, сквернейший из всех оби-тателей земли. И Ала ад-Дин дал ему это блюдо, и еврей от-вел его в сторону, чтобы никто их не видел, и посмотрел на блюдо, и распознал, что серебро блюда — чистое, несмешан-ное, но он не знал, сведущий человек Ала ад-Дин или он в подобных делах несведущ.

— Эй мальчик, сколько ты просишь в уплату за это блюдо? — спросил он.

И Ала ад-Дин отвечал:

— Тебе лучше знать, сколько оно стоит.

И еврей растерялся, не зная сколько дать, ибо, хотя Ала ад-Дин и был малосведущ, но ответ его был ответом людей понимающих. Он было решил дать ему мало, но побоялся, что Ала ад-Дин знает цену и стоимость блюда, а если дать много, то может Ала ад-Дин человек неопытный и не знает, сколько стоит блюдо.

В конце концов еврей вынул из кармана динар и подал его Ала ад-Дину, и когда Ала ад-Дин увидел динар, он зажал его в руке и пустился бежать, и тогда еврей понял, что Ала ад-Дин простачок и что он не знает цены и стоимости блюда, и пожалел, что дал ему динар, хотя этот проклятый не дал ему и одного кирата * из сотни.

А Ала ад-Дин не стал раздумывать, и поскорее пошел к хлебнику, и разменял у него динар, и купил хлеба, а потом он пошел домой к матери, отдал ей сдачу с динара и сказал:

— Матушка, пойди и купи всего, что нам нужно,— и мать его пошла на рынок, купила того, что нужно, и вернулась и они поели и насладились. И каждый раз как кончались деньги за одно блюдо, Ала ад-Дин нес к еврею другое, и так как еврей в первый раз дал ему за блюдо динар, то уже не мог дать меньше, чтобы Ала ад-Дин не пошел к кому-нибудь другому.

И Ала ад-Дин делал так до тех пор, пока не продал еврею все блюда, и остался у них только столик, на котором стояли блюда, и был он большой и очень тяжелый. И когда Ала ад-Дин принес столик к еврею и тот увидал, что это за столик и какой он большой, он дал за него Ала ад-Дину десять динаров, и Ала ад-Дин с матерью тратили его стоимость, пока все деньги не вышли. И тогда Ала ад-Дин сказал:

— У нас ничего нет, я потру светильник,— и его мать испугалась, и затряслась, и убежала. Что же касается Ала ад-Дина, то он потерял светильник, и перед ним появился раб и воскликнул:

— К твоим услугам! Я твой раб и раб того, у кого этот светильник! Требуя, чего ты хочешь.

— Я желаю,— сказал Ала ад-Дин,— чтобы ты принес мне столик с роскошными кушаньями, и пусть он будет такой, какой ты мне принес в тот день. Я голодный!

И не прошло мгновения ока, как раб исчез и вернулся с таким же столиком, какой он приносил раньше, и на столике стояло двенадцать серебряных блюд, полных роскошных кушаний, и бутылки со старым, светлым вином и чистый белый хлеб.

А мать Ала ад-Дина, когда узнала, что Ала ад-Дин хочет потерять светильник, вышла, боясь, что ей придется опять смотреть на джиннов, и вернувшись, она увидела столик, полный кушаний, на котором стояло двенадцать серебряных блюд, и благоухание роскошных яств разносилось и наполняло дом. Она обрадовалась и удивилась, а Ала ад-Дин сказал:

— Видишь, матушка, как полезен этот светильник! А ты еще говорила: «Выброси его!»

— Да умножит Аллах благо этого раба, но я все-таки не хочу его видеть,— ответила мать Ала ад-Дина, а потом они сели за столик, и ели, и пили, пока не насытились, а то, что осталось, убрали до следующего дня.

Когда же еда у них кончилась, Ала ад-Дин спрятал под полой платья одно из блюд, стоявших на столике, и пошел искать того проклятого еврея, чтобы продать ему блюдо. И судьба привела его к лавке одного ювелира, мусульманина, престарелого старца, боявшегося Аллаха, и этот старец, увидев Ала ад-Дина, спросил его:

— Что тебе нужно, сынок? Я много раз видел, как ты проходил мимо моей лавки и имел дело с одним евреем. Я видел, что ты давал ему какие-то вещи, и думаю, что и теперь у тебя есть вещь и ты ходишь и ищешь еврея, чтобы продать ему эту вещь. Но разве не знаешь ты, сынок, что эти проклятые евреи считают дозволенным присваивать деньги мусульман, верующих в единого Аллаха, и не могут не обманывать народ Мухаммеда — да благословит его Аллах и да приветствует! — особенно тот проклятый еврей Мордухай, с которым ты имел дело. О сынок, если у тебя есть вещь, которую ты хочешь продать, покажи ее мне и ничего не бойся — я отвечу тебе ее стоимость по закону великого Аллаха.

Услышав эти слова, Ала ад-Дин вынул серебряное блюдо и подал его старцу, и старец взял блюдо, взвесил его и спросил:

— Сколько давал тебе еврей, и такое ли это блюдо, как те, что ты ему продавал?

— Да,— ответил Ала ад-Дин,— это точно такое же блюдо, и за каждое блюдо он давал мне динар,— и услышав, что проклятый еврей в уплату за каждое блюдо давал ему динар, старец вышел из себя и воскликнул:

— Видишь, сынок, мои слова оправдались! Какой разбойник этот проклятый еврей, обманывающий рабов Аллаха! Он тебя обманул и посмеялся над тобой, так как твое блюдо сделано из чистого серебра и весит оно столько-то, а цена ему семьдесят динаров. Если хочешь, я отчитаю тебе его стоимость.

И старец считал до тех пор, пока не отсчитал Ала ад-Дину семьдесят динаров, и Ала ад-Дин взял их и поблагода-

рил старца за милость и наставление, позволившее ему узнать про обман еврея.

И всякий раз, когда кончались деньги за одно блюдо, Ала ад-Дин приносил и продавал старцу другое, и стали Ала ад-Дин с матерью богатыми, но они не изменили той жизни, к которой привыкли, и жили средне, без большой пышности и значительных расходов. Ала ад-Дин изменил свою природу и перестал водиться с беспутными мальчишками, и общался только с людьми совершенными, и каждый день он ходил на рынок купцов, чтобы познакомиться с ними и водил дружбу с большими и с малыми, расспрашивая о разных вещах, товарах, торговле и прочем. Ходил он также на базар ювелиров и торговцев драгоценностями и смотрел там, как продают и покупают камни, и когда он стал хорошо осведомлен в этом, то узнал, что плоды, которые он принес из сокровищницы, это не стекляшки и не хрусталь, как он думал, а драгоценные камни, стоимости которых не сочтешь. И понял он тогда, что добыл большое богатство, которого не добыл никто из царей, и не видел он на рынке драгоценностей ни одного самого большого камня, который был бы похож на мельчайший из его камешков.

И каждый день он ходил на рынок, знакомился с людьми и водил с ними дружбу. И расспрашивал, как купцы продают и покупают, берут и отдают, и осведомлялся, что дорого, а что дешево. И в один из дней, после завтрака, он вышел из дома и, по обычаю, отправился на рынок, и, проходя по рынку, услышал, что глашатай кричит:

— Согласно приказу царя времени и владыки веков и столетий, пусть все люди закроют свои лавки и склады, ибо госпожа Бадр аль-Будур, дочь султана, направляется в баню, и пусть никто не выходит из своего дома, не открывает лавку и не глядит из окна! Опасайтесь ослушаться повеления султана.

Услышав это провозглашение, Ала ад-Дин стал думать, как бы ему ухитриться и посмотреть на дочь султана, и говорил про себя: «Все люди толкуют о ее красоте и прелести, и предел моих желаний — посмотреть на нее».

И он стал придумывать хитрость, чтобы увидеть дочь султана, госпожу Бадр аль-Будур, и ему понравилась мысль пойти и спрятаться за дверями бани и поглядеть на царевну, когда она будет входить. И он пошел и встал за дверями

бани, в таком месте, где его не мог увидеть никто; а тем временем дочь султана спустилась в город, проехала по рынкам и площадям и подъехала к бане. И когда царевна вошла в баню, она подняла покрывало с лица, и оно засияло и заблестало ярче света солнца, и была царская дочь такова, как сказал один из описывающих ее в таких словах:

Что за очи! Их чье колдовство насурмило?
Розы этих ланит! — чья рука их взрастила?
Эти кудри, как мрака густые чернила,
Где чело это светит, там ночь отступила.

И рассказывают, что когда Ала ад-Дин увидал этот благородный образ, он сказал про себя: «Поистине, это творение всемилостивого! Слава тому, кто ее создал и украсил такой красотой и наделил столь совершенною прелестью!»

Его ум был пленен этой девушкой, и любовь к ней ошеломила его; страсть к ней захватила все его сердце, и он вернулся домой и вошел к своей матери, ошеломленный, потеряв рассудок. Мать стала с ним разговаривать, а он сидел точно истукан, не отвечал и не откликался. И она поставила перед ним обед, а он все еще был в таком состоянии, и тогда мать спросила его:

— О сынок, что с тобой случилось? Болит у тебя что-нибудь? Что с тобой делается, расскажи мне? Я вижу, что ты сегодня не такой, как всегда: я с тобой разговариваю, а ты мне не отвечаешь.

А Ала ад-Дин думал, что все женщины такие, как его мать — некрасивые старухи. Правда, он слышал, как люди говорили о красоте и прелесть дочери султана, но не знал, что это такое — прелесть и красота.

И мать стала к нему приставать, чтобы он подошел и съел кусочек, и Ала ад-Дин подошел и поел немного, а потом он лег на постель и всю ночь проворочался с боку на бок, повторяя: «О живой, вечносущий!» — и не смыкал глаз от любви к дочери султана. А утром, когда он встал, положение его стало и того хуже из-за любви и страсти, и мать его, увидев, что он в таком состоянии, растерялась и не могла понять, что же с ним случилось.

Она подумала, что Ала ад-Дин болен и сказала:

— О дитя мое, если ты нездоров и чувствуешь боль или еще что-нибудь, я схожу и приведу лекаря — пускай он тебя

посмотрит. В нашем городе живет лекарь, чужестранец, за которым послал султан, и ходят слухи, что это большой искусник. Если ты болен, сынок, я пойду и приведу его — пусть он посмотрит, что за болезнь у тебя, и пропишет тебе что-нибудь.

Но Ала ад-Дин, услышав, что мать хочет привести лекаря, сказал:

— О матушка, я не болен, но я думал, что все женщины такие, как ты, а вчера я увидел дочь султана, когда она шла в баню. Дело в том, что я услышал, как глашатай кричал, чтобы никто не открывал лавку и не стоял на дороге, пока госпожа Бадр аль-Будур не проследует в баню, и пошел и спрятался за дверями бани, и когда царица подошла к дверям, она подняла с лица покрывало, и я рассмотрел ее и увидел ее благородный образ — слава тому, кто ее украсил такой красотой и прелестью! И ах, матушка, я почувствовал такую любовь и страсть к этой девушке, что не могу ее описать, и великой стала моя любовь, и я всю прошлую ночь не сомкнул глаз. Любовь к ней вошла в глубь моего сердца, и мне невозможно не получить ее в жены, и я решил попросить ее у отца ее, султана, согласно закону великого Аллаха.

Услышав слова своего сына, мать Ала ад-Дина сочла его ум скудным и сказала:

— Имя Аллаха да будет над тобой, дитя мое! Ясно, что ты потерял рассудок! Сын мой, Ала ад-Дин, ты сошел с ума! Ты посватаешь дочь султана?!

— О матушка,— ответил Ала ад-Дин,— я не лишился рассудка и не сошел с ума. Не думай, что эти твои слова изменят мое намерение. Я непременно добуду Бадр аль-Будур, кровь моего сердца, и я намерен послать сватов к султану, ее отцу, и посвататься к ней.

— Заклинаю тебя жизнью, сын мой,— воскликнула мать Ала ад-Дина,— не говори таких слов, чтобы кто-нибудь тебя не услышал и не сказал, что ты сошел с ума! Брось такие речи, сынок! Кто может сделать такое дело и попросить у султана его дочь? Ты не вельможа и не эмир, и кто пойдет просить ее для тебя у султана?

— О матушка,— ответил Ала ад-Дин,— для такой просьбы годишься только ты! Раз ты здесь, то кто же пойдет про-

сить у султана царевну, кроме тебя? Я хочу, матушка, чтобы ты пошла сама и обратилась к султану с такой просьбой.

— Да отвратит меня от этого Аллах! — воскликнула мать Ала ад-Дина. — С ума я что ли сошла, как ты? Выброси эту мысль из головы, дитя мое, и подумай про себя: кто ты и чей ты сын, чтобы просить за себя дочь султана? Ты сын портного и больше ничего, и вдобавок — ничтожнейшего портного. Ведь твой отец был самым бедным из тех, кто занимается его ремеслом в этом городе, да и я, твоя мать, кто я такая? Мои родные беднее всех в городе. Так как же ты посмеешь просить за себя дочь султана, отец которой согласится выдать ее только за сына царя или султана, да и то лишь за равного ему по сану, благородству и знатности. А если он будет чуть-чуть ниже, то это вещь невозможная.

И Ала ад-Дин выслушал свою мать, и когда та кончила говорить, ответил:

— О матушка, я сам думал обо всем, что ты говоришь, и я хорошо знаю, что я сын бедняка. Но все это, о матушка, меня не удержит и не изменит намерения сделать то, что я задумал. Надеюсь, о матушка, что раз я твой сын, ты окажешь мне это благодеяние, а иначе я умру и ты лишишься меня. Избавь же меня от смерти — ведь, как бы то ни было, я твой сын.

Услышав слова Ала ад-Дина, его мать совсем растерялась и молвила:

— Да, дитя мое, я тебе мать, а ты мне сын, и ты кровь моего сердца, и нет у меня никого, кроме тебя. Я больше всего хотела бы на тебя порадоваться и тебя женить, но когда я пожелаю найти тебе невесту, это будет дочь людей, равных нам и схожих с нами. Ведь когда я стану искать ее, меня тоже спросят, есть ли у тебя ремесло, или земля, или сад, а если я потеряюсь, отвечая бедным людям, таким, как я, то как осмелюсь я и попрошу тебе в жены дочь султана у ее отца, владыки Китая, выше которого никого нет и не будет? Я отдаю это дело на твой суд, — подумай же хорошенько и вернись к разуму. Да если бы я, допустим, и пошла к султану, с твоей просьбой, чтобы угодить тебе, это принесло бы нам лишь беду и несчастье, ибо это дело очень опасное, и, может быть, в нем таится для нас страшная смерть. Ведь в таком деле скрыта великая опасность! Как

хватит у меня духа осмелиться на столь великую дерзость и попросить у султана его дочь, и каким путем это сделать, и как я смогу войти к нему? А если даже это удастся и меня поставят перед ним, что я скажу, и когда меня спросят, что отвечу? Допустим, я укреплю свое сердце и скажу им о твоей просьбе — ведь они, наверное, подумают, что я сумасшедшая. Но, положим, я и пройду к султану — какой же подарок я возьму для него с собой? Ведь это, сынок, такой султан, что к нему не пойдешь без подношения. Правда, султан кроток и ласков, и он не прогонит человека, который пойдет и встанет перед ним, требуя справедливости при обиде или тяжбе, и если кто-нибудь придет, ища у него защиты и прося милости, он дарует ему просимое, ибо он великодушен и щедр, и тот, кому он окажет милость, заслуживает награды. Ведь никто не станет чего-нибудь просить, если, во-первых, не заслужил награды и, во-вторых, не имеет причины просить милости, например заслуг перед султаном или перед страной или какого-нибудь другого повода. А ты — скажи, что ты сделал для султана и для страны, чтобы заслужить от него милости, да еще такой милости, какой ты от него ждешь? Не под стать тебе такая милость, сынок, и не жалуется султан никому таких наград! И кроме того, сынок, я тебе уже говорила, что никто не пойдет к султану с просьбой, не взяв с собой драгоценного подарка, соответствующего его сану. Как же я подвергну себя опасности, о дитя мое, и потребую у султана его дочь?

Услышав от своей родительницы эти слова, Ала ад-Дин понял, что она говорит разумные речи, и ответил:

— О матушка, все, что ты сказала, правильно, и мысли твои — верные и справедливые, и мне самому следовало обо всем этом подумать, но любовь к госпоже Бадр аль-Будур вошла в глубь моего сердца, и не будет мне покоя, если я ее не добуду. Ты напомнила мне, о матушка, одну вещь, о которой я не подумал и которую я забыл, и теперь, когда я о ней вспомнил, это придало мне смелости и укрепило мое намерение послать тебя к султану и посвататься от меня к его дочери. А что касается до того, какой подарок и подношение мы, по обычаю, предложим его величеству султану, отцу царевны, то у меня есть, о матушка, такой дар и приношение, лучше которого, я думаю, нет ни у кого из царей, и ни у кого, я тебе скажу, нет ему подобного. Это плоды

с деревьев, которые я принес из сокровищницы. Я думал, что это простые стекляшки, но теперь я проверил и увидел, что это самоцветы, и цари всей земли не владеют даже одним из них. Я имел дело с торговцами драгоценными камнями, и часто ходил к ним, и узнал, что эти плоды — ценнейшие камни, стоимости которых не счесть. Послушай же, матушка, что я тебе скажу: у нас есть фарфоровое блюдо, принеси же его, я тебе насыплю на него с верхом этих драгоценных камней, а ты отнесешь их и предложишь в подарок султану. Я уверен, что этот подарок будет хорошим предложением и султан примет тебя приветливо и выслушает все, что ты ему скажешь. О матушка, если ты постараться в деле с этой госпожой, дочерью султана, то спасешь мне жизнь, и я буду жить для тебя, а если нет — я непременно умру от великой моей страсти. Не сомневайся, матушка, насчет этого подарка — поверь, я много раз носил камни на рынок ювелиров, но не хотел никому их показывать: я видел, что торговцы продают камни за тысячи динаров, но то, что они продавали, не стоит и кирата в сравнении с моими камнями. Пойди же, о матушка, принеси мне фарфоровое блюдо, про которое я тебе говорил, — я наполню его камнями, и ты увидишь, как это будет красиво и как их блеск ошеломит разум.

И мать Ала ад-Дина пошла и принесла блюдо, чтобы проверить, правду ли говорит ее сын об этих камнях, и Ала ад-Дин взял блюдо и отобрал самые большие, красивые камни и клал их на блюдо, пока не наполнил его доверху.

И мать его взглянула на блюдо, полное камней, и замуригла глаза от сильного блеска, который от них распространялся. Она дивилась их красоте и сиянию, и всматривалась в них, но все же не была уверена, такова ли их стоимость, как говорит ее сын, или нет.

И Ала ад-Дин сказал ей:

— О матушка, видишь, какой это красивый и роскошный подарок! Клянусь Аллахом, никакой царь не может добыть ни одного такого камня. Я уверен, что ты удостоишься у султана великого почета, и когда он увидит такой подарок, то примет тебя с полным уважением. Возьми же на себя этот труд — забери блюдо и пойди во дворец.

— О сынок, — ответила ему мать, — этот подарок и вправду дорогой и ценный, и подобного ему, как ты гово-

ришь, ни у кого нет, но все же как я осмелюсь попросить для тебя у султана его дочь? Знай, о сынок, что когда он меня спросит: «Что тебе надо?» — у меня, клянусь Аллахом, отнимется язык. Но, допустим, я укреплю свое сердце, наберусь смелости и скажу ему: «О владыка султан, я хочу с тобой породниться и желаю, чтобы ты отдал свою дочь за моего сына Ала ад-Дина». Ведь он тогда убедится, что я сумасшедшая, и меня выведут с позором и в унижении. Я не скажу тебе еще раз, что в этом смерть для меня и для тебя, но чтобы тебе угодить, укреплю свое сердце и пойду. И предположим, сын мой, что султан примет меня из-за подарка с полным уважением и я осведомлю его о твоём желании, и он спросит меня, кто ты такой и каковы твои владения и доходы. Что я ему тогда скажу? А ведь он обязательно задаст такие вопросы, когда я попрошу для тебя его дочь.

— О матушка,— ответил Ала ад-Дин,— не сможет он ни о чем тебя спросить. Когда он увидит эти камни, то сразу поймет, кто я такой. А если он тебя спросит, обещаю дать ему ответ попозже, а я уж сумею ему ответить. Не считай же этого дела слишком трудным — ты и так проткнула мне желчный пузырь! Ты только и говоришь: «Предположим, сын мой», «допустим, дитя мое!» — а ты ведь знаешь, матушка, что у меня есть светильник и что благодаря светильнику султан даст тебе хороший ответ. Будь же спокойна!

— Слушаю и повинуюсь, дитя мое,— ответила его мать.— Но сегодня время уже прошло, а завтра, если захочет Аллах, я утром пойду, чтобы угодить тебе.

И она всю ночь раздумывала об этом деле, а когда наступило утро, набралась смелости — особенно потому, что сын ей напомнил о светильнике, который сделает все, что он потребует. Что же касается Ала ад-Дина, то увидав, как осмелела его мать, когда он напомнил ей о светильнике, он испугался, что она расскажет о нем кому-нибудь, и сказал:

— О матушка, берегись рассказать кому-нибудь про этот светильник, ибо в нем наше благоденствие. Смотри, не говори о нем никому — тогда мы его лишимся и лишимся благополучия, в котором мы живем, ибо оно исходит от светильника.

— Не бойся, сынок,— сказала ему мать, и потом она поднялась, закуталась в покрывало, взяла блюдо и пошла во

дворец заблаговременно, чтобы прийти в диван султана раньше, чем там начнется давка. А блюдо она завернула в тонкую материю.

И она шла до тех пор, пока не достигла дворца, а как раз в эту пору к султану входил везир с некоторыми вельможами государства. И через малое время диван * наполнился везирами, могущественными вельможами царства, эмирами, знатыми и великими людьми, а потом явился султан, и люди выстроились перед ним рядами. И султан сел на свой престол, а все люди, находившиеся в диване, стояли, скрестив на груди руки, с полным почтением и уважением, ожидая приказа садиться. И султан велел им сесть, и каждый сел на свое место, и началось представление жалоб, и султан вершил суд, приказывал, запрещал и наставлял, творя справедливость и решая всякое дело так, как следовало, пока диван не окончился, и тогда султан удалился к себе во дворец и всяк живой человек ушел своей дорогой.

А мать Ала ад-Дина, придя, дожидалась случая подойти к султану и с ним поговорить, но так и не подошла, ибо она не привыкла встречаться с царями и не нашла человека, который бы поговорил за нее и позвал ее к султану. И увидев, что диван разошелся и султан встал и ушел в гарем, она пустилась в обратный путь и вернулась домой. Она вошла к своему сыну Ала ад-Дину с блюдом в руках, и Ала ад-Дин, увидев ее, испугался, что с ней что-нибудь случилось. Он спросил ее, что произошло, и мать рассказала ему обо всем и сказала:

— О дитя мое, слава Аллаху, я сегодня видела диван султана и узнала, каков он, и у меня появилась смелость. Но диван разошелся, и султан ушел в гарем, и я не успела с ним поговорить. Еще многим людям, как и мне, надо было поговорить с ним, и они тоже не успели. Но завтра я пойду и поговорю; будь же спокоен — завтра я обязательно исполню твое желание и сделаю все так, как ты хочешь.

Услышав слова матери, Ала ад-Дин страшно обрадовался, хотя он воображал, что мать сделает для него это дело в тот же день, так как из-за своей сильной любви и страсти к госпоже Бадр аль-Будур он ожидал исполнения его каждую минуту. Но все же он набрался терпения, и они проспали эту ночь, а утром его мать поднялась, взяла блюдо и

отправилась во дворец, чтобы встретиться с султаном и поговорить с ним, но оказалось, что диван будет только через три дня, так как диван собирался каждую неделю два раза.

И она вернулась домой, и ходила в диван, и возвращалась, пока не сходила к султану шесть раз, и каждый раз она останавливалась у дверей в диван, не осмеливаясь войти, и стояла, пока диван не окончится и султан не уйдет во дворец. И всякий раз, как она становилась у дверей, султан ее видел.

И вот когда наступил седьмой день, она понесла свое блюдо и, как обычно, пошла и стояла у дверей, пока диван не разошелся и не окончился. И султан поднялся вместе с везиром, чтобы отправиться во дворец, и обернулся, и увидел ее и сказал:

— О везир, вот уже пять или шесть дней я вижу старую женщину, которая приходит к дверям дивана и стоит там, и я вижу, что она несет что-то под покрывалом. Знаешь ли ты, кто эта женщина, и чего она хочет?

— О владыка султан,— сказал везир,— ты же знаешь, что у женщин мало ума. Может быть, она пришла с жалобой на мужа или еще с чем-нибудь вроде этого.

Но султан не удовольствовался таким ответом и сказал везиру:

— Когда эта женщина придет еще раз, приведи ее ко мне в диван.

И везир ответил:

— Слушаю и повинуюсь, о царь времени.

А мать Ала ад-Дина взяла в привычку ходить ко дворцу султана. Проспав ночь, она поднялась под утро, забрала свое блюдо, и пошла во дворец, и, как обычно, встала у дверей дивана, и когда султан увидел ее, он ее вспомнил и обратился к везиру и сказал:

— О везир, вот та женщина, про которую я тебе вчера говорил. Приведи ко мне эту бедную, несчастную, и мы посмотрим, какова ее просьба.

И везир пошел и послал за ней одного из присутствующих эмиров, и тот привел мать Ала ад-Дина к султану, а она, подойдя к нему, отвесила поклон и пожелала ему величия и долгой жизни, поцеловав сначала перед ним землю.

И султан обратился к ней и сказал:

— О женщина, вот уже сколько дней ты, я вижу, приходишь в диван и становишься у дверей. Если есть у тебя нужда или просьба, скажи, какова она, и я ее исполню.

И мать Ала ад-Дина поцеловала землю, и пожелала султану блага, и поблагодарила его, и молвила:

— О царь времени, да, есть у меня нужда, но я хочу от твоего величества, чтобы ты даровал мне пощаду, и тогда я изложу тебе свою просьбу. Быть может, услышав мою просьбу, ты сочтешь ее удивительной.

Когда царь услышал эти слова, ему еще больше захотелось узнать, в чем ее просьба. По своей большой доброте он обещал ей пощаду, и велел всем сидящим выйти, и остался в диване один со своим везиром, и обратился к матери Ала ад-Дина, и сказал:

— О паломница, расскажи мне, в чем твоя просьба и каково твое желание, и будет тебе пощада.

И мать Ала ад-Дина молвила:

— О царь времени, прощенье твое — прежде всего!

И царь ответил:

— Прости тебя Аллах!

И тогда она сказала:

— О царь времени, у меня есть сын по имени Ала ад-Дин. Когда твоя дочь, госпожа Бадр аль-Будур, спустилась в город и отправилась в баню, мой сын спрятался за дверями бани, чтобы на нее взглянуть, и увидел, что красота ее выше всего, чего можно желать и хотеть. И когда он ее увидел, о царь времени, жизнь без нее перестала быть ему приятной, и он потребовал от меня, чтобы я попросила твое величество выдать ее за него замуж. Он, бедный, попал в сети любви, и я не могла выкинуть у него из головы это дело, и он даже сказал мне: «Если я ее не добуду, то умру». И вот я надеюсь, о царь времени, что ты извинишь мне мою дерзость.

И когда царь услышал ее слова — а он был человек кроткий, — он засмеялся и спросил:

— А кто он такой, твой сын, и что это у тебя за узел?

И мать Ала ад-Дина, увидев, что султан на нее не сердится и даже смеется, тотчас же развязала платок и поставила перед султаном блюдо с камнями, и весь диван засиял и засверкал в их лучах. И султан растерялся и остолбенел, восхищаясь красотой и величиной камней, и говорил про

себя: «Не думаю, чтобы в моих сокровищницах или в сокровищницах других царей нашелся хоть один такой камень».

Потом он обратился к везиру и спросил:

— Что скажешь, о везир? Видел ли ты в жизни хоть один такой камень?

— Никогда не видел, о царь времени, и не думаю, чтобы в казне нашего владыки султана нашелся им подобный,— ответил везир.

И султан молвил:

— Разве не достоин тот, кто поднес мне такой подарок, быть женихом моей дочери, госпожи Бадр аль-Будур? Я думаю, никто ее не достоин, кроме него.

И когда везир услышал слова султана, язык его закоснел от сильного горя, так как султан обещал выдать свою дочь замуж за его сына, и, помолчав немного, он сказал:

— О царь времени, будь ко мне милостив! Твое величество обещало мне, что твоя дочь, госпожа Бадр аль-Будур, через три месяца станет женой моего сына. Я обещаю тебе: если захочет Аллах, подарок моего сына будет больше этого подарка.

И хотя султан полагал, что это вещь невозможная и что везир не добудет подобного этому подарка, он дал ему три месяца сроку, как тот просил, и затем обратился к матери Ала ад-Дина и сказал ей:

— О женщина, пойди к твоему сыну и скажи ему, что я даю слово и моя дочь, госпожа Бадр аль-Будур, будет его женой. Но чтобы устроить ее дела и обстоятельства, понадобится три месяца сроку, так что ему придется подождать.

И мать Ала ад-Дина поцеловала султану руку и пожелала ему блага и вернулась домой, охваченная великой радостью, и когда она пришла и вошла к своему сыну, тот увидел, что лицо ее улыбается, и счел это за добрый знак, особенно когда увидал, что она, против обыкновения, воротилась без блюда.

— О матушка, если хочет того Аллах, ты несешь добрую весть и добилась благодаря самоцветам благоволения султана? — воскликнул он, и мать рассказала ему, как султан встретил ее с лаской и при виде драгоценных камней потерял разум, и как он ей обещал, что его дочь станет женой Ала ад-Дина.

— Но только, дитя мое, — продолжала она, — прежде чем он мне обещал, везир тайком сказал ему что-то, и после того как везир с ним поговорил, он обещал мне все сделать через три месяца. И я боюсь, о дитя мое, как бы везир не оказался воплощением зла и не изменил мнения султана.

И когда Ала ад-Дин услышал об обещании султана, он обрадовался великой радостью и воскликнул:

— Раз султан обещал мне свою дочь через три месяца, мне нет дела, будет ли везир воплощением зла или воплощением добра! — и поблагодарил мать за ее труды и милости и воскликнул:

— Клянусь Аллахом, матушка, ты сегодня вынула меня из могилы! Хвала Аллаху! Я уверен, что нет теперь в мире никого счастливее меня!

И Ала ад-Дин протерпел два месяца времени, и однажды его мать вышла на закате солнца, чтобы купить масла, и увидела, что рынок заперт и весь город украшен, и люди убирают свои лавки цветами и освещают их свечами и светильниками, и увидела она, что воины и вельможи едут верхом на конях и перед ними пылают факелы и свечи. И мать Ала ад-Дина удивилась, и вошла в лавку масленника, которая оказалась открытой, и купила у него масла, и потом она спросила хозяина:

— Заклинаю тебя жизнью, что случилось в городе? Почему он сегодня так украшен и рынок торговцев заперт?

— О женщина, — сказал масленник, — ты, очевидно, чужая в этом городе.

— Нет, — отвечала мать Ала ад-Дина, — но я не знаю, по какой причине его так украсили.

— Сегодня вечером, — сказал масленник, — сын везира войдет к дочери султана, госпоже Бадр аль-Будур. Сейчас он в бане, и все эти воины и вельможи ждут, когда он выйдет, чтобы пойти впереди него и привести его во дворец султана.

И когда мать Ала ад-Дина услышала его слова, она огорчилась и растерялась, не зная, как ей сказать своему сыну об этом недобром деле: ведь Ала ад-Дин ожидал окончания этих трех месяцев, отсчитывая каждую минуту.

И она вернулась домой, и вошла к своему сыну, и сказала ему:

— О сынок, я хочу сообщить тебе недобрую весть, но только ты не огорчайся.

— Говори, что это за весть,— воскликнул Ала ад-Дин, и она сказала:

— Султан нарушил обещание относительно своей дочери, госпожи Бадр аль-Будур, и выдал ее замуж за сына везира, и сегодня вечером он войдет к ней. О дитя мое, чуяло мое сердце, когда я говорила с султаном, что этот везир — воплощение зла, и что он обязательно изменит решение султана.

— А ты проверила, верная это весть или нет? — спросил Ала ад-Дин.

И его мать молвила:

— О дитя мое, я увидела, что город украшен и что все воины и эмиры сидят на конях и ожидают, когда сын везира выйдет из бани. Масленник рассказал мне об этом, и он удивился, когда я его спросила, и сказал: «О старуха, ты, видно, чужая в этом городе».

Когда Ала ад-Дин услышал такие слова и убедился, что известие верное, он сильно огорчился и его даже схватила лихорадка, но потом он подумал и обратился к своему раскуду: «Как быть?» — и вспомнил про светильник и сказал своей матери:

— Клянусь твоей жизнью, о матушка, сын везира никогда не порадуется с нею! Но поставь столик и накрой его, чтобы нам поужинать, а потом я пойду в свою комнату и сосну, и утро принесет радость.

И мать его поставила столик, и они поужинали, а потом Ала ад-Дин пошел в свою комнату, взял светильник и потерял его, и раб тотчас же появился перед ним и сказал:

— К твоим услугам! Твой раб перед тобой, требуй, чего хочешь!

— Слушай,— сказал Ала ад-Дин,— я попросил у султана разрешения жениться на его дочери, и он обещал отдать ее за меня через три месяца, но не сдержал обещания и отдал ее за сына везира, и сегодня вечером тот войдет к ней. Вот чего я желаю от тебя: когда ты увидишь, что молодые, муж и жена, легли вместе, возьми их и принеси ко мне.

— Слушаю и повинуюсь! — ответил раб и скрылся.

А Ала ад-Дин вертелся на постели, думая о вероломстве султана; и когда наступило время спать, раб вдруг появился

и принес постель, на которой лежали новобрачные, и, увидев это, Ала ад-Дин обрадовался и сказал рабу:

— Отнеси этого поганца в нужник и положи его там.

И раб тотчас же унес сына везира и положил его в нужник, и так дунул на него, что тот весь иссох, а раб вернулся к Ала ад-Дину и спросил его:

— О владыка, нужно ли тебе еще что-нибудь?

— Возвратись ко мне завтра утром, чтобы отнести их на место, — сказал Ала ад-Дин, и раб ответил:

— Слушаю и повинуюсь! — и скрылся.

А Ала ад-Дин, увидев, что госпожа Бадр аль-Будур находится перед ним, сказал ей:

— О моя возлюбленная, я велел принести тебя сюда не для того, чтобы унижить твою честь, но чтобы не позволить другому насладиться тобой!

А что касается госпожи Бадр аль-Будур, то, увидев себя в этой темной комнате, она испугалась и задрожала.

Потом Ала ад-Дин положил между собой и царевной меч и проспал ночь с ней рядом, не обманув ее; что же касается сына везира, то он провел в нужнике самую черную ночь в своей жизни. А когда взошел день, раб явился с раннего утра, не дожидаясь, чтобы Ала ад-Дин потерял светильник, и унес сына везира с дочерью султана и положил их на место, так что никто этого не видел, но те умирали от страха, чувствуя, что их переносят с места на место.

И не успел этот раб из джиннов положить их во дворце, как султан явился проведать свою дочь, госпожу Бадр аль-Будур; и едва сын везира услышал, что султан входит, он быстро поднялся с постели, очень недовольный, так как ему хотелось немного согреть свои кости — он ведь провел всю ночь в нужнике, трясясь от холода и страха.

И он тотчас же встал и надел свою одежду, а султан вошел и приблизился к своей дочери, госпоже Бадр аль-Будур. Он поцеловал ее между глаз и пожелал ей доброго утра и спросил ее насчет ее мужа — довольна она им или нет, но царевна не дала ему ответа, и он увидел, что лицо у нее сердитое.

И султан несколько раз заговаривал с дочерью, но та не отвечала ему, и тогда он вышел и пошел к царице, своей жене, и рассказал ей обо всем, что случилось с его дочерью, и царица, услышав это, сказала:

— О царь времени, таков уже обычай новобрачных! В день после свадьбы они всегда стесняются и дуются на своих родителей. Не взыщи же с нее — через несколько дней она опомнится и начнет разговаривать с людьми. А я сейчас пойду посмотрю, что с ней такое.

И султанша встала, надела свою одежду и пошла к дочери. Она подошла к царевне, поцеловала ее и пожелала ей доброго утра, но царевна не дала ей ответа, и султанша подумала, что с ее дочерью, наверно, случилось какое-нибудь диковинное событие, которое ее встревожило.

— Доченька,— сказала она,— почему ты такая и что с тобой делается? С тобой, наверно, случилось что-нибудь, что тебя встревожило. Я пришла к тебе, чтобы на тебя взглянуть и пожелать тебе доброго утра, а ты не дала мне ответа, и так же, дочь моя, ты поступила с твоим отцом.

И тут госпожа Бадр аль-Будур подняла голову и сказала:

— О матушка, не взыщи! Да, мне, правда, следовало встретить тебя с почетом и уважением, но я надеюсь, что ты меня извинишь и простишь и выслушаешь, какова причина, побудившая меня так вести себя. Эта причина — темная ночь, которую я только что провела. Не успел мой муж лечь ко мне в постель, как какое-то существо — я не знаю ни вида его, ни образа — подняло нас вместе с постелью и поставило ее в одном темном, грязном и скверном месте...

И госпожа Будур рассказала своей матери обо всем, что она увидела в эту ночь: как ее мужа унесли от нее и она осталась одна, а потом пришел другой юноша и положил между ними меч и лег с нею рядом, а утром тот, кто унес их, воротил их на место.

— И когда мы оказались здесь,— продолжала царевна,— он оставил нас, и спустя немного вошел мой отец, и от того, что со мной произошло, я ему не ответила, когда он заговорил. Может быть, ему стало из-за меня тяжело, но если бы он знал, что со мной случилось сегодня ночью, он бы, наверно, меня простил и не взыскивал бы с меня.

— О дочка,— сказала ее мать,— берегись, не говори таких слов, чтобы не подумали, что ты сошла с ума и потеряла рассудок. Слава Аллаху, что ты не рассказала об этом твоему отцу! Ни за что не говори ему таких слов.

— О матушка,— молвила госпожа Будур,— я не сошла с ума и не лишилась рассудка! Если ты не веришь моим словам, то спроси моего мужа.

— Вставай и выбрось из головы эти пустые бредни,— сказала султанша.— Надень платье и посмотри, как радуются во всем городе твоей свадьбе, и послушай, как играют ради тебя музыкальные инструменты и барабаны.

Потом султанша позвала служанку, и та нарядила госпожу Будур и привела ее в порядок, а султанша вышла к султану и сказала ему, что госпоже Будур привиделся этой ночью дурной сон, который ее встревожил. Она попросила у султана прощения за свою дочь, а потом послала за сыном везира и спросила, правду ли говорит ее дочь или нет, и сын везира, от страха, что лишится своей жены, принялся все отрицать и сказал:

— Я ничего об этом не знаю.

И царица убедилась, что ее дочери приснились сны и видения.

И в городе весь день продолжались торжества, до самого вечера, а когда пришло время спать, Ала ад-Дин взял светильник и потерял его, и раб вдруг явился и сказал:

— К твоим услугам. Твой раб перед тобой, требуй, чего хочешь!

И Ала ад-Дин велел ему принести царевну с мужем и сделать так, как в прошлую ночь, раньше чем сын везира возьмет ее девственность, и раб в мгновение ока исчез и ненадолго скрылся. И потом он вернулся, неся постель и на ней новобрачных, жену и мужа, и отнес сына везира в «домик отдохновения», а Ала ад-Дин положил между собой и госпожой Будур меч и лег с ней рядом, и под утро раб из джинонов вернулся и отнес их обратно на их место.

Что же касается султана, то он утром встал, надел свою одежду и пошел посмотреть на дочь. Он вошел в ее дворец, и когда сын везира услышал, что султан входит, он быстро оделся и вышел, и ребра стучали у него от холода.

А султан подошел к своей дочери, пожелал ей доброго утра и спросил, как она поживает, и увидел он, что царевна хмурится так же, как и вчерашний день. И когда султан увидел, что дочь не отвечает ему, он рассердился и понял, что с ней, несомненно, что-то произошло, и обнажил меч и закричал:

— Или ты мне расскажешь, что с тобой делается, или я убью тебя!

Увидев, что ее отец сердится, госпожа Будур испугалась и сказала:

— Будь со мной кроток, о отец! Когда я тебе расскажу, что со мной было, ты меня простишь!

И она рассказала султану обо всем, что с нею случилось, и сказала:

— А если ты мне не веришь, спроси моего мужа, он тебе обо всем расскажет. Я не знаю, куда его уносили, и я его не спрашивала.

Услышав эти слова, отец царевны сказал ей:

— О дочка, почему ты не рассказала этого мне вчера? Я бы заставил тебя выкинуть из головы этот страх и эту печаль. Вставай, веселись и развлекайся — сегодня вечером я приставлю к тебе стражей, чтобы они тебя охраняли.

И потом царь поднялся и ушел к себе во дворец, и послал за везиром и спросил его:

— Рассказывал ли тебе твой сын что-нибудь, о везир?

И везир ответил:

— О царь времени, я не видел моего сына ни вчера, ни сегодня. А что?

И султан сообщил ему обо всем, что рассказывала ему дочь, и сказал:

— Я хочу, чтобы ты расспросил своего сына и мы бы выяснили это дело. Возможно, что моей дочери привиделся сон.

И везир вышел, позвал своего сына и спросил его об этом, и тот сказал:

— Отец, слова госпожи Будур — истина. Мы многое испытали в эти две ночи, и они были для нас хуже всех ночей. Со мной случилось больше бед, чем с моей женой, так как моя жена спала в своей постели, а что до меня, то меня уложили спать в нужнике — в тесном, темном месте, где скверно пахло, и ребра у меня стучали от холода. О отец, я хочу, чтобы ты поговорил с султаном и он освободил бы меня от этого брака: у меня не осталось сил перенести еще такую ночь, как прошедшая.

Услышав эти слова, везир огорчился, так как ему хотелось возвысить и возвеличить сына женитьбой на дочери сул-

тана, и он не знал, как поступить. Ему тяжело было расторгнуть брак, как он молил всех святых, чтобы добиться этого брака, и он сказал сыну:

— Потерпи, сынок! Сегодня ночью мы приставим к вам стражей!

Потом он возвратился к султану и рассказал, что говорил ему сын, и добавил:

— Если хочешь, о царь времени, мы сегодня ночью приставим к ним стражей.

Но султан возразил:

— А зачем? Не нужен мне этот брак!

И он тотчас же приказал кричать в городе о прекращении празднеств, и подданные его очень удивились, особенно когда увидели, что везир и его сын выходят из дворца, и узнали, что их оттуда выгнали и брак расторгнут, и никто не знал — почему. И султан бросил думать об этом деле.

И затем истекли три месяца, после которых он обещал матери Ала ад-Дина отдать свою дочь за ее сына — а Ала ад-Дин отсчитывал каждый час, — и когда прошли эти месяцы, он послал свою мать к султану, чтобы потребовать исполнения обещания, а султан совсем забыл, что он обещал ей.

И мать Ала ад-Дина поднялась, и пошла во дворец, и встала у дверей дивана; и когда диван наполнился и явился султан, он посмотрел и увидел мать Ала ад-Дина, которая стояла у дверей. И он вспомнил о том, что обещал ей, и сказал везиру:

— О везир, вон стоит та женщина, что поднесла мне драгоценные камни. Приведи ее ко мне.

И везир пошел, и привел мать Ала ад-Дина, и поставил ее перед султаном, и старушка поцеловала землю, и помолилась за султана и сказала ему:

— О царь времени, кончились три месяца, после которых ты обещал выдать свою дочь, госпожу Будур, за моего сына Ала ад-Дина.

И султан растерялся, не зная, что ей ответить, так как он видел, что эта женщина бедная. И он обратился к везиру и спросил его:

— Каково твое мнение, о везир? Я... Да, я, конечно, обещал, но я вижу, что она женщина бедная, и они не из знатных людей. Как же следует, по-твоему, поступить?

А везира охватила зависть, и он вспомнил, что произошло с его сыном, брак которого был расторгнут, и сказал:

— О царь времени, как ты выдашь свою дочь замуж за бедного человека — чужеземца, которого ты не знаешь?

— А что же придумать, чтобы отвести его от нас? Я ведь обещал, — сказал царь.

И везир молвил:

— О владыка султан, избавиться от них просто: пошли к нему и потребуй сорок золотых блюд, наполненных такими же ценными камнями, как те, что он прислал, и еще сорок рабов и невольниц, которые принесут эти блюда.

— Вот оно, правильное мнение! — воскликнул султан и обратился к матери Ала ад-Дина и сказал ей:

— Скажи моему сыну, что я стою на том, что я обещал, но хочу от него в приданое за дочь сорок блюд, полных таких же камней, как те, что ты принесла мне раньше, и сорок рабов и сорок невольниц, которые принесут эти блюда. Когда он мне их пришлет, я выдам за него дочь.

И мать Ала ад-Дина вышла, покачивая головой и бормоча про себя: «Откуда достанет мой горемычный сын то, чего требует султан? Допустим, он пойдет в сокровищницу и принесет блюда и драгоценные камни, но откуда ему взять рабов и рабынь?»

И она шла до тех пор, пока не пришла домой, и вошла к своему сыну Ала ад-Дину, и рассказала ему все, и сказала:

— О дитя мое, не думай больше о госпоже Будур и выкинь ее из головы. Это все, сынок, из-за везира.

Но Ала ад-Дин засмеялся и сказал:

— Пойди и принеси нам чего-нибудь пообедать, а потом Аллах облегчит для нас это дело, и я доставлю султану то, что он требует. Не думай, что мне трудно что-либо сделать из уважения к глазам моей возлюбленной, госпожи Будур.

И мать его поднялась и вышла на рынок, чтобы купить того, что ей было нужно, а Ала ад-Дин пошел к себе в комнату и потер светильник, и раб-джинн предстал перед ним и сказал:

— Требуй, о владыка!

— Я хочу от тебя, — сказал Ала ад-Дин, — чтобы ты принес мне сорок золотых блюд, наполненных лучшими драгоценными камнями, находящимися в сокровищнице, и еще

приведи сорок рабов и сорок рабынь, одетых в роскошные платья, и пусть это будут красивейшие рабыни, какие только есть.

И раб исчез на минутку и принес требуемое, и оставил все у Ала ад-Дина и скрылся; и вдруг мать Ала ад-Дина вернулась с рынка и вошла в дом. Она увидела рабов и рабынь и золотые блюда и камни, и остолбенела, и воскликнула:

— Аллах да оставит нам на век твой светильник! — а Ала ад-Дин молвил:

— О матушка, не снимай покрывала! Пойди, захвати султана, пока он не ушел в гарем, и отнеси ему то, что он потребовал.

И мать Ала ад-Дина поднялась и пошла вместе с рабами и невольницами, и каждая из невольниц несла одно блюдо. Достигнув дворца, она вошла с ними к султану, отвесила ему поклон и пожелала величия и долгой жизни, а рабыни поставили перед ним блюда, и когда султан увидел это, он удивился и остолбенел — в особенности от красоты и прелести невольниц. Сияние драгоценных камней отняло у него зрение, и он стоял, ошеломленный, вытаращив глаза, словно немой. Потом он приказал отвести рабынь с блюдами во дворец своей дочери, госпожи Бадр аль-Будур, а сам обратился к везиру и спросил его:

— Ну, везир, что ты скажешь о человеке, который оказался способен на то, что бессильны сделать цари всего мира? Клянусь Аллахом, этого, пожалуй, даже много за мою дочь! — и везир, хотя его, как мы говорили раньше, убивала зависть, мог только пролепетать:

— О владыка султан, сокровищ всего мира мало за твою дочь, а ты счел это приношение слишком большим и значительным!

И султан из этих слов понял, что везир охвачен завистью, и оставил его, и сказал матери Ала ад-Дина:

— Передай твоему сыну, что я принял от него приданое и деньги за мою дочь, и она стала ему женой, а он мне зятем. Скажи ему, пусть он придет ко мне, чтобы я с ним познакомился, и ему достанется от меня только полное уважение и внимание. И если он хочет, то я сегодня же вечером введу его к моей дочери.

И мать Ала ад-Дина поцеловала землю и вышла, улетающая от радости при мысли, что она — бедная женщина, а ее сын

станет зятем султана. А султан распустил диван и пошел к своей дочери, госпоже Будур, и спросил ее:

— О дочь моя, как ты находишь подарок своего нового жениха?

— Клянусь Аллахом, о батюшка, эти камни ошеломляют разум, — отвечала царевна.

И султан молвил:

— Я думаю, дочь моя, что этот твой жених в тысячу раз лучше сына везира, и если пожелает Аллах, ты насладишься с ним.

Что же касается матери Ала ад-Дина, то она пришла домой, и пошла к своему сыну Ала ад-Дину и сказала ему:

— Радуйся, дитя мое, то, чего ты хотел, исполнилось! Султан принял приданое за свою дочь и сказал мне, что ваша свадьба и твой переезд к невесте будут сегодня вечером. И еще он велел сказать: «Пусть твой сын ко мне придет, чтобы я с ним познакомился».

И Ала ад-Дин обрадовался и поблагодарил мать за ее благодеяния и труды, а потом он тотчас же вошел в свою комнату и потерял светильник, и в ту же минуту джинн предстал перед ним и спросил:

— Чего ты хочешь, о мой владыка?

— Отведи меня в царскую баню и принеси мне перемену платья, которого в жизни не надевали султаны, и пусть оно будет драгоценное, — приказал Ала ад-Дин.

И джинн тотчас же понес его и доставил в роскошную баню, и Ала ад-Дин выкупался и надушился благовониями и ароматами. А выйдя, он увидел перед собой полную перемену царского платья, и выпил напитков, и надел это платье, и джинн понес и поставил в его доме, и, оказавшись дома, Ала ад-Дин сказал:

— Я хочу, чтобы ты доставил ко мне сорок невольников — двадцать пусть идут впереди меня, двадцать сзади, — и все они должны быть в нарядных одеждах, на конях и с оружием. И пусть будут на них роскошные украшения, равных которым не найти, а сбруя каждого коня должна быть из чистого золота. И еще принеси мне восемьдесят тысяч динаров и приведи коня, которому равного не найдется у султанов, и сбруя у моего коня вся должна быть из самоцветов и благородных камней, так как я направляюсь к султану. И еще я хочу от тебя двенадцать невольниц — самых кра-

сивых, какие только есть — они пойдут во дворец с моей матерью, — и на каждой пусть будет дорогая, красивая одежда и множество драгоценных камней и украшений. И еще принеси моей матери одежду, подходящую для царских жен.

И джинн сказал: «Слушаю и повинуюсь!» — и на мгновение исчез и принес все это; и тогда Ала ад-Дин позвал свою мать и одел ее в ту одежду и сказал, чтобы она взяла невольниц и шла во дворец, а сам сел на коня, выстроил своих невольников впереди себя и сзади и проехал через весь город с этой пышной свитой — да будет же слава одаряющему, вечносущему!

И Ала ад-Дин ехал по городу, смущая своей красотой полную луну, ибо он и так был красивый, а счастье еще увеличило его красоту. И жители города, увидав его в таком благородном образе и прекрасном обличии, прославляли творца; а достигнув дворца и приблизившись к нему, он отдал приказ своим невольникам, и те принялись бросать людям золото.

Султан между тем сидел в диване вместе со своими везирами и вельможами своего царства и ожидал прибытия Ала ад-Дина, а у ворот дворца он поставил несколько эмиров и вельмож, чтобы те его встретили.

И когда Ала ад-Дин подъехал к воротам, он хотел слезть с коня, но один из знатных эмиров выступил вперед и удержал его и сказал:

— О господин, султан приказал, чтобы ты сошел с коня у дверей дивана.

И везиры с эмирами пошли впереди Ала ад-Дина и шествовали, пока не пришли к дверям дивана, и тогда они подошли, взяли за стремя коня и свели Ала ад-Дина на землю, поддерживая его. И эмиры, и знатные люди царства шли впереди Ала ад-Дина, пока не приблизились к султану, и султан тотчас же встал с престола и обнял Ала ад-Дина и посадил его справа от себя, а Ала ад-Дин приветствовал султана так, как приветствуют царей, и сказал ему:

— О царь времени, твое великодушие побудило тебя оказать мне столь великую милость и женить меня на твоей дочери, хотя я ничтожнейший из твоих рабов. Я хотел бы, чтобы твое величество пожаловало мне кусок земли, на котором я построю дворец, достойный госпожи Бадр аль-Будур.

Увидав, что Ала ад-Дин наделен такой выдающейся кра-

сотой и облачен в дивную одежду, а его невольники шествуют в столь замечательном строю и так роскошно одеты, султан удивился и был ошеломлен так же, как и его эмиры и вельможи царства, а везир — тот едва не умер от зависти.

Потом султан велел бить в литавры и барабаны и повел Ала ад-Дина за собой во дворец. Они поужинали с Ала ад-Дином, и султан стал с ним разговаривать, и Ала ад-Дин отвечал так красноречиво, вежливо и почтительно, что пленил разум султана.

И затем султан послал за судьей и свидетелями, и они написали брачную запись и заключили условие, и Ала ад-Дин встал, чтобы идти домой, но султан схватил его за полу и сказал:

— О дитя мое, бракосочетание окончено, и все завершилось, и сегодня вечером ты войдешь к своей жене. Куда же ты уходишь?

— О царь времени, — отвечал Ала ад-Дин, — я желаю построить для госпожи Будур достойный ее дворец, и я могу войти к ней только в этом дворце. Если захочет Аллах, он сейчас же будет окончен.

— О дитя мое, — сказал султан, — перед моим дворцом большой участок земли, и если он тебе нравится, построй дворец там.

— Это как раз то, что мне нужно, — сказал Ала ад-Дин, и потом он попрощался с султаном и вернулся домой со своими невольниками. Он вошел, взял светильник и потерял его, и когда раб светильника явился, сказал ему:

— Я хочу, чтобы ты построил дворец со всей возможной скоростью, и пусть он будет очень большой, со всякими коврами и полным устройством, и ковры пусть будут в нем царские, а устройство — султанское.

И раб из джиннов ответил: «Внимаю и повинуюсь!». А утром он пришел, взял Ала ад-Дина и показал ему дворец, ковры и прочее убранство, и Ала ад-Дин обрадовался, и тотчас же вернулся домой, и сел на коня, и поехал с невольниками и свитой в диван к султану. А султан, встав утром, открыл окно, и посмотрел, и увидел перед своим дворцом другой огромный дворец, ошеломляющий разум, весь из мрамора и порфира, а Ала ад-Дин потребовал от джинна еще большой ковер, весь затканый золотом, который тянулся от его дворца до дворца султана.

И когда султан увидел этот дворец, привлекающий взоры, и великолепный ковер, тянувшийся до его дворца, он удивился столь дивному делу, а как раз в это время вошел к нему везир, и султан сказал ему:

— Пойди-ка сюда и посмотри, о везир, что сделал Ала ад-Дин за сегодняшнюю ночь, и тогда ты поймешь, что он достоин и заслуживает быть мужем моей дочери Бадр аль-Будур. Взгляни на это строение — какое оно высокое! Можешь ты построить ему подобное в течение двадцати лет? А он все это сделал за одну ночь.

И везир посмотрел и подивился этому делу, и зависть его усилилась.

— О царь времени, — сказал он султану, — все эти проделки — чистое колдовство, ибо люди не могут сделать ничего такого за одну ночь.

— Клянусь Аллахом, — сказал султан, — я дивлюсь на тебя! Как это ты думаешь про людей только дурное? Но это следствие твоей зависти. Вчера вечером ты присутствовал, когда я подарил ему землю, чтобы он построил на ней великолепный дворец. О сумасшедший, тот, кто мог принести мне такие драгоценные камни, как те, которые он мне подарил, способен построить такой дворец за одну ночь.

И везир онемел и не дал ему ответа, а потом султан вышел в диван и сел, и вдруг видит: едет Ала ад-Дин со своей свитой, и он и его невольники бросают людям золото, и все охвачены любовью к нему.

И когда султан увидел Ала ад-Дина, он поднялся, встретил его, обнял и поцеловал и пошел с ним, держа его за руку; и когда они вошли в самый большой и великолепный зал, там поставили столики, и султан сел, и Ала ад-Дин сел от него справа, вместе с эмирами, везирами и вельможами царства. И они ели, пили и веселились, и султан посматривал на мать Ала ад-Дина и удивлялся: ведь она раньше приходила к нему в бедной одежде, а сейчас он видит ее в роскошном царском платье.

И в городе, и во дворце, и во всем царстве султана началось великое торжество, и люди приходили смотреть на похищающий разум дворец Ала ад-Дина и говорили:

— Клянемся Аллахом, он достоин! Да благословит его Аллах!

А когда кончили есть, Ала ад-Дин встал, попрощался с

султаном, сел на коня и отправился к себе во дворец, чтобы подготовиться к встрече невесты, и войдя во дворец, он увидел там рабынь, невольниц и невольников, которых не счесть, и сказал им, чтобы они были готовы встретить невесту.

Когда же раздался призыв к предзакатной молитве, султан отдал приказ, и везиры, эмиры, вельможи государства, знатные люди царства, воины и рабы сели на коней, и сам султан тоже сел на коня и спустился с ними на площадь. А Ала ад-Дин со своими невольниками выехал верхом на площадь вместе с султаном и начал там играть и показывать свое рыцарское искусство, и никто не мог устоять против него, а невеста его смотрела из окна своего дворца, и когда она его увидела, он понравился ей, и она полюбила его великой любовью.

Затем, после этого, гулянье окончилось и султан с Ала ад-Дином вернулись каждый в свой дворец, а когда наступил вечер, везиры и знатные люди царства пошли и взяли Ала ад-Дина и во главе огромного шествия повели его в баню, и он выкупался и вышел и сел на коня и вернулся к себе во дворец с пышной свитой, и четыре везира предшествовали ему с обнаженными мечами, пока они не достигли дворца. А затем, после этого, они возвратились, взяли госпожу Будур и вышли с нею, с невольницами и с рабынями, и они шли с факелами, свечами и светильниками, пока не достигли дворца Ала ад-Дина, и царевну отвели в ее покои, а мать Ала ад-Дина была возле нее. И царевну показывали Ала ад-Дину семь раз, каждый раз в другом облачении, и госпожа Будур смотрела на дворец, в котором была, и дивилась на золотые светильники, украшенные изумрудами и яхонтами; а стены во дворце были все из мрамора, яшмы и других драгоценностей.

Потом поставили столик для брачной трапезы, и все сели и стали есть, пить и веселиться, и перед ними стояли восемьдесят невольниц, каждая из которых держала в руках какой-нибудь музыкальный инструмент и играла на нем, и чаши и кубки ходили вкруговую, и была это такая ночь, которой не знал в свое время и Зу-ль-Карнейн*.

И затем люди ушли, каждый в свое место, а Ала ад-Дин вошел к своей жене Бадр аль-Будур и уничтожил ее девственность, и они провели ночь, наслаждаясь любовью. А когда наступило утро, Ала ад-Дин поднялся, надел рос-

кошное, великолепное платье, позавтракал и выпил вина, а потом он встал, сел на коня и поехал, и невольники его поехали вместе с ним.

Он направился во дворец султана, а султан, когда Ала ад-Дин прибыл, поднялся на ноги, встретил его, обнял и посадил от себя по правую руку, и эмиры и вельможи царства подошли и поздравили его. После этого султан отдал приказ, — и поставили столики, и все ели и пили, и веселились, пока не насытились; а когда столики убрали, Ала ад-Дин обратился к султану и сказал ему:

— О царь времени, не угодно ли тебе пожаловать ко мне и пообедать с твоей дочерью, госпожой Будур? И возьми с собой всех своих везиров, эмиров и вельмож царства.

— Ты достоин этого, сын мой, — отвечал султан.

И потом он поднялся вместе с вельможами царства, и они сели на коней и поехали с Ала ад-Дином в его дворец. И когда султан вошел во дворец, то его ум был ошеломлен такой роскошью и великолепием, и он обратился к везиру и сказал ему:

— О везир, видел ты в жизни или слышал на своем веку что-нибудь подобное этому?

— О царь времени, — ответил везир, — я не могу поверить, что это работа людей, сынов Адама. Нет, это дело колдунов и чародеев.

— Твоя завистливость мне известна, — сказал царь, — и я знаю, почему ты постоянно наговариваешь на Ала ад-Дина.

Потом Ала ад-Дин повел султана наверх, в покои госпожи Будур, и султан увидел там комнату с окнами, все решетки которых были из изумруда, и ум его был ошеломлен. И он заметил, что одна из решеток не закончена — а Ала ад-Дин оставил ее незаконченной нарочно, — и, увидав, что в решетке чего-то не хватает, воскликнул:

— Какая жалость! Эта решетка не совершенна!

И он обратился к везиру и сказал ему:

— Ты знаешь, по какой причине эта решетка не закончена?

— Не знаю, о царь времени, — сказал везир.

И царь молвил:

— Это потому, что Ала ад-Дин торопился построить дворец и не успел доделать решетку.

А Ала ад-Дин в это время вошел к своей жене, чтобы

сообщить ей о прибытии ее отца, султана, и когда он вернулся, султан спросил его:

— Ала ад-Дин, дитя мое, по какой причине ты не закончил эту решетку?

— О царь времени,— отвечал Ала ад-Дин,— я оставил ее такой, чтобы твое величество оказало мне почет и велело ее закончить, и чтобы у нас осталось воспоминание о тебе.

— Это дело не трудное,— сказал царь и тотчас же велел привести торговцев драгоценными камнями и ювелиров. Он приказал выдать из казны все, что им понадобится из драгоценностей и металлов, и повелел им доделать решетку.

А госпожа Бадр аль-Будур вышла из своих покоев, подошла к отцу, радуясь и смеясь, и поцеловала ему руку, и отец обнял ее, поцеловал и поздравил. Между тем наступил час обеда, и перед султаном, госпожой Бадр аль-Будур и Ала ад-Дином поставили столики, а для главного везира и прочих эмиров, везиров, вельмож царства и знатных людей государства накрыли другие столики. И султан с Ала ад-Дином и госпожой Бадр аль-Будур сели за столик и стали есть и пить и веселиться; и султан дивился на чудесные яства, великолепные кушанья и убранство столиков, уставленных столь роскошной посудой. Перед ним стояли восемьдесят невольниц, каждая из которых держала в руках какой-либо музыкальный инструмент, и все они играли на своих инструментах трогательные напевы, от которых расширялись сердца тоскоющих.

И султан возвеселился и возрадовался, и стала ему приятна жизнь, и он говорил про себя: «Поистине, таковы должны быть цари и таков должен быть у них порядок!»

И они ели, пока не насытились, и чаши ходили меж ними вкруговую; а потом столики с едой убрали и поставили столики со сладостями и плодами в другой большой комнате, и все перешли туда и опять поели досыта.

А мастера, торговцы драгоценностями и ювелиры начали работать, чтобы закончить решетку, и султан поднялся и посмотрел на их работу и увидел, что она очень отличается от первоначальной, так как мастера не могут выполнить подобной работы. А потом торговцы драгоценностями осведомили султана, что всех камней, находящихся в его казне, никак не хватит, и султан приказал открыть другую казну, большую, и взять из нее все, что им нужно, а если этого

тоже не хватит, тогда пусть возьмут камни, которые преподнес ему Ала ад-Дин.

И мастера брали эти камни, пока большая казна не опустела, и они взяли также все камни, которые преподнес Ала ад-Дин, но их тоже не хватило даже на часть незаконченной решетки. И султан приказал своим везирам, чтобы каждый, у кого есть камни, отдал их мастерам, а стоимость их взял у султана, и везиры приносили камни, которые имели, пока у них не осталось ничего, но из этого всего не сделали даже и половины работы.

И слух об этом распространился, и Ала ад-Дин пошел посмотреть на работу мастеров и увидел, что те не закончили даже и половину недостающей решетки. Тогда он приказал им разобрать то, что они сделали, и вернуть владельцам камни, которые они взяли у везиров, а также возратить то, что они получили из сокровищниц султана, и рабочие разобрали решетку и вернули камни их владельцам.

И когда султану принесли его камни, тот удивился этому и сел на коня и отправился к Ала ад-Дину, а Ала ад-Дин до прибытия султана потерял светильник, и раб появился перед ним и воскликнул:

— Требуй, о мой владыка!

— Я хочу, — сказал Ала ад-Дин, — чтобы ты сейчас же пополнил недостачу в решетке, которую я велел оставить незаконченной, — и джини отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» И в мгновение ока все стало так, как хотел Ала ад-Дин, и раб скрылся, а Ала ад-Дин пошел и увидел, что решетка закончена.

И когда он ее рассматривал, вдруг вошел султан, и Ала ад-Дин встретил его с почетом и уважением, и султан спросил его:

— Почему, о сынок, ты позволил ювелирам разобрать то, что они сделали, и не дал им закончить эту решетку?

— О царь времени, — ответил Ала ад-Дин, — я не оставил ее незаконченной, так как увидел, что у мастеров нет больше драгоценных камней. Они взяли все, что было в твоих сокровищницах и сокровищницах вельмож твоего царства, и не выполнили даже половины работы, и тогда я велел им разобрать то, что они сделали, и возратить камни их владельцам, а сейчас я своей рукой восполнил недостаток в решетке. Подойди, о царь времени, и посмотри.

И султан подошел и посмотрел, и увидел, что решетка закончена с замечательным искусством и в ней нет недостатка, и удивился Ала ад-Дину и обнял его, и поцеловал, и воскликнул:

— Кто подобен тебе, о дитя мое! Ведь ты сделал нечто такое, чего не в силах свершить великие цари.

И потом султан вошел к своей дочери, госпоже Будур, и немного посидел у нее, а затем он ушел и вернулся к себе во дворец.

А Ала ад-Дин каждый день выезжал со своей свитой и пересекал весь город, осыпая людей золотом, а потом заходил в султанскую мечеть и совершал там полуденную молитву. И все подданные полюбили его, и во всех странах распространилась о нем великая слава, и он выезжал на охоту, и спускался с всадниками на площадь, и превзошел он людей своего времени в рыцарском искусстве, а жена его, госпожа Бадр аль-Будур, видя, что он таков, каждый день любила его больше, чем в предыдущий. И слово и совет во всем царстве принадлежали Ала ад-Дину, и он вершил справедливые суд, жаловал и награждал, так что пленял разум всех людей.

И он постоянно поступал так, и вдруг в один из дней выступил против султана какой-то царь и пришел с большими войсками, которым нет числа, чтобы воевать с ним. И султан снарядил воинов, которые при нем были, и назначил предводителем их Ала ад-Дина; и Ала ад-Дин шел с войсками, пока не приблизился к врагам, и тогда он обнажил меч, и началось сражение, и разгорелась битва, и Ала ад-Дин ринулся на врагов и большинство перебил, и многих взял в плен, и рассеял остальных. Он захватил большую добычу и вернулся с победой, и ни одно из его знамен не поникло, и вступил в город с пышной свитой, и украсили из-за этого все города царства. И султан вышел и встретил Ала ад-Дина и обнял его и привел к себе во дворец; и началось великое торжество, и люди стали молиться за Ала ад-Дина, желая ему долгой жизни. И Ала ад-Дин пребывал в таком положении, и вот то, что было с ним.

Что же касается магрибинца, колдуна, то, возвращаясь в свою страну, он раздумывал о своем деле и бранил Ала ад-Дина с великой яростью, говоря про себя: «Раз этот негодяй умер под землей, а светильник все еще хранится там, я не

стану думать о тяготах, которые испытал, и у меня есть надежда добыть этот светильник».

А достигнув родного города, он захотел погадать на своем песке и посмотреть, остался ли светильник в сокровищнице и жив ли Ала ад-Дин или нет? Он определил его гороскоп и три раза погадал на песке, и не увидел он, что Ала ад-Дин умер, и не обнаружил светильника в сокровищнице, и усилилась тогда его печаль и увеличилась ярость, и убедился он, что Ала ад-Дин спасся вместе со светильником и вышел на поверхность земли. И тогда он еще раз рассыпал песок и погадал про Ала ад-Дина и увидел, что тот получил светильник и стал величайшим из людей в своем городе и женился на дочери султана.

И колдун еще больше огорчился, так что едва не умер, и сказал про себя: «Я претерпел много трудностей и мучений, чтобы раздобыть светильник, и не добыл его, а этот поганец, сын ничтожных, получил его без труда и утомления! Я обязательно что-нибудь сделаю, чтобы его убить!»

И он тотчас же поднялся и снарядился и отправился в страну Китая и достиг столицы царства, то есть того города, где находился Ала ад-Дин. Он поселился на постоялом дворе и день или два оставался в своем жилище, пока не отдохнул от усталости, а потом вышел и стал ходить по улицам города и услышал, что все говорят об Ала ад-Дине, его великодушии и щедрости и великолепии его дворца, настоящего чуда света.

И тогда магрибинец обратился к одному из тех, кто так говорил, и спросил его:

— Кто тот человек, которого вы так восхваляете? И спрошенный отвечал:

— Ты, видно, из далекой страны, раз ты не слышал про Ала ад-Дина и его дворец, это чудо света, Аллах да сделает его в нем счастливым!

И магрибинец отвечал ему:

— Я не слышал, и я здесь человек чужой, из далеких стран. Я хочу, чтобы ты привел меня к его дворцу и я посмотрел бы на него.

И тот человек пошел с магрибинцем и привел его ко дворцу, и магрибинец всмотрелся в него и понял, что все это работа светильника. Он едва не умер от зависти и сказал про себя: «Ах, я непременно выкопаю для этого поганца яму и

убью его там! Сын нищего портного, у которого не было даже ужина на один вечер, добыл все это! Если захочет Аллах, я обязательно заставлю его мать снова пряхть хлопок!»

И магрибинец вернулся на постоянный двор, будучи словно на том свете от горя, и, достигнув своего жилища, погадал на песке, чтобы посмотреть, где светильник, и он увидел, что светильник во дворце, а не у Ала ад-Дина, и воскликнул:

— Дело-то, выходит, нетрудное! Я-таки лишу этого поганца здоровья!

И он поднялся и пошел к меднику и попросил его сделать несколько новых светильников и сказал:

— Возьми с меня их цену с избытком,— и медник отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» — и тотчас же исполнил его требование. А магрибинец взял светильники, отдал меднику за них деньги, а потом он пошел домой, уложил светильники в корзинку и принялся ходить по площадям города, крича:

— Эй, кто меняет старые светильники на новые! — и всякий, кто слышал его крик, говорил, что это сумасшедший.

И магрибинец кричал эти слова, пока не оказался под окнами дворца Ала ад-Дина, и тогда он опять издал такой крик, а малыши и уличные мальчишки шли за ним и кричали: «Сумасшедший, сумасшедший!»

И Аллах предопределил, что госпожа Будур как раз в это время смотрела из окна, и она услышала крик магрибинца и стала смеяться над ним вместе со своими невольницами.

— Да погубит его Аллах! — сказала она. — Какая ему от этого прибыль?

А Ала ад-Дин забыл о светильнике во дворце и не запер его, по обычаю, в своей комнате, и одна из невольниц увидела его и сказала госпоже Будур:

— О госпожа, во дворце моего господина есть старый светильник. Если хочешь, давай позовем этого человека и выменяем наш светильник на новый, чтобы посмотреть, правду он говорит или нет.

— Пойди приведи его, — сказала госпожа Будур, — и выменяй у этого сумасшедшего наш светильник на новый.

А госпожа Будур совершенно ничего не знала об этом светильнике.

И невольница поднялась в покои Ала ад-Дина, принесла светильник и дала его евнуху, и тот спустился и отдал его магрибинцу, взяв вместо него новый светильник, и потом он поднялся к госпоже Будур, а та все еще смеялась над глупостью этого магрибинца.

Что же касается магрибинца, то, увидя светильник и узнав его, он не поверил своим глазам, и кинув все свои светильники, понесся прочь, словно туча. Он бежал, пока не достиг уединенного места — а уже наступила почь, — и вынул светильник и потерял его, а раб появился перед ним и сказал:

— Требуй, чего хочешь!

— Я хочу от тебя, — сказал магрибинец, — чтобы ты перенес дворец Ала ад-Дина со всем, что в нем есть, и со мною вместе, и поставил его в моем городе.

— Слушаю и повинуюсь, — сказал раб, и в мгновение ока поднял магрибинца, и понес дворец со всем, что в нем было, и поставил его в городе колдуна.

Вот что было с проклятым магрибинцем.

А султан на другой день, пробудившись от сна, открыл окно и выглянул из него, и увидел он перед своим дворцом пустой участок земли и не увидал там дворца Ала ад-Дина.

Он удивился, и нашел это странным, и стал протирать себе глаза, и смотреть, но в конце концов убедился, что дворца нет, и не мог он понять, что случилось, и растерялся, и ум его был ошеломлен. Он ударил рукой об руку и стал плакать о своей дочери, и сейчас же послал за своим везиром и закричал:

— Говори, где дворец Ала ад-Дина?

Услышав эти слова, везир остолбенел, а султан воскликнул:

— Чего ты дивишься моим словам! Подойди, посмотри в окно.

И везир поднялся и посмотрел в окно и не увидел ни дворца, ни чего-либо другого, и он тоже растерялся и ошеломился и стоял перед султаном, словно немой.

— Вот причина моей печали и плача, — молвил султан, а везир сказал:

— Я же говорил тебе раньше, о царь времени, что все это — проделки колдунов, а ты мне не верил.

И ярость султана усилилась, и он спросил везира:

— Где Ала ад-Дин?

И везир ответил:

— Он на охоте.— И тогда султан приказал одному из эмиров отправиться со всем своим войском за Ала ад-Дином и привести его, закованного и связанного.

И эмир отправился с войском и прибыл к Ала ад-Дину и сказал ему:

— О господин, не взыщи, таков приказ султана. Я должен взять тебя и привести к нему, закованного и связанного. Извини же меня, ибо я нахожусь под властью султана.

Когда Ала ад-Дин услышал эти слова, его охватило удивление. Он не понимал, в чем причина этого, и спросил эмира:

— Не знаешь ли ты, в чем здесь причина? — и эмир молвил:

— О владыка, я ничего не знаю,— и Ала ад-Дин сошел с коня и сказал:

— Делай так, как тебе велел султан.

И Ала ад-Дина заковали и связали ему руки и привели его в город, и когда подданные увидели его в таком положении, они поняли, что султан хочет отрубить ему голову, и усилилась их печаль. И они тотчас же поднялись все как один, надели оружие и пошли за Ала ад-Дином, чтобы посмотреть, что султан хочет с ним сделать.

И когда они достигли дворца, султана осведомили об этом, и султан приказал своему палачу отрубить Ала ад-Дину голову; и жители города, увидев это, взволновались и заперли ворота дворца, и некоторые полезли на дворцовые стены, а другие начали ломать двери и бить окна, чтобы войти туда и убить султана. И везир вошел, и осведомил об этом султана, и сказал ему:

— О царь времени, дело твое, видно, идет к концу! Прости его лучше, чтобы подданные не набросились на нас и не убили нас из-за Ала ад-Дина.

И султан послал сказать подданным, чтобы они успокоились и что он простил Ала ад-Дина, и тотчас же велел палачу убрать от него руку и приказал привести Ала ад-Дина. И когда Ала ад-Дин явился к султану, он поцеловал перед ним землю и молвил:

— О царь времени, я надеюсь, что ты окажешь своему рабу милость и сообщишь мне, за какой грех я заслужил убийство?

— Обманщик! — воскликнул султан. — Как будто ты не знаешь, в чем твой грех!

И он обрагился к везиру и сказал ему:

— Возьми его, пусть он посмотрит в окно: где его дворец!

И везир взял Ала ад-Дина, и тот посмотрел и не увидел своего дворца, и увидел лишь обширный пустырь, такой, как был раньше, прежде чем построили дворец.

И он растерялся, и остолбенел, и не мог понять, что случилось с его дворцом, и султан спросил его:

— Ну что? Видел? Где твой дворец? И где моя дочь, кровь моего сердца и мое единственное дитя?!

— Клянусь жизнью твоей головы, о царь времени, — сказал Ала ад-Дин, — я совсем ничего не знаю.

— Знай, — сказал султан, — что я простил тебя, чтобы ты пошел и отыскал мою дочь, и если ты ее ко мне не приведишь, я отрублю тебе голову.

— О царь времени, — сказал Ала ад-Дин, — дай мне отсрочку на некоторое время, на сорок дней, и если я не приведу к тебе твоей дочери, отруби мне голову.

— Я даю тебе то, что ты желаешь, — сказал султан, — но не думай, что тебе удастся от меня убежать! Клянусь жизнью моей, я доберусь до тебя, где бы ты ни был.

И Ала ад-Дин вышел от султана, грустный и печальный, а что касается жителей города, то они обрадовались его спасению.

И Ала ад-Дин ушел, понурив голову от стыда и позора, и он оставался в городе два дня, не зная, что делать, и горюя о том, что с ним случилось, и особенно о госпоже Будур, своей жене. А потом он вышел из города, потеряв надежду и повторяя про себя: «Не знаю я, что случилось. Где я найду дворец?»

И он шел по пустыне, не зная куда направиться, и наконец оказался возле реки. Он хотел было броситься в реку и убить себя, но потом вернулся к разуму и вручил свое дело Аллаху. И он сел на берегу реки и задумался, и от великой печали стал ломать руки, и, ломая руки, задел за перстень,

находившийся у него на пальце, и вдруг предстал перед ним раб и воскликнул:

— К твоим услугам, требуй чего хочешь!

И Ала ад-Дин обрадовался и сказал:

— О раб перстня, я хочу, чтобы ты принес мне мой дворец и мою жену госпожу Бадр аль-Будур,— но раб отвечал:

— О господин, ты потребовал от меня вещи, которой я не могу сделать, ибо это относится только к рабу светильника.

— Раз это для тебя невозможно,— сказал Ала ад-Дин,— то возьми меня и доставь к тому дворцу.

— Слушаю и повинуюсь! — воскликнул раб и тотчас же, в мгновение ока, принес Ала ад-Дина к дворцу, во внутреннем Магрибе. А уже наступила ночь.

И Ала ад-Дин обрадовался, увидев свой дворец, и стал думать, как бы снова достигнуть цели и добыть свою жену Будур. Он положил голову на землю и заснул, так как уже пять-шесть дней не спал, а когда наступило светлое утро, он поднялся, подошел к протекавшему там ручью, вымыл лицо, совершил омовение и сотворил утреннюю молитву, а потом сел под окнами дворца госпожи Бадр аль-Будур, и вот то, что с ним было.

Что же касается госпожи Будур, то от сильного горя из-за разлуки со своим мужем и со своим отцом, султаном, и от дурного обращения с нею грязного магрибинца, она постоянно плакала и не спала по ночам. А как раз в это время к ней вошла невольница, желая одеть ее в одежды, и Аллах предопределил, чтобы эта невольница выглянула из окна и увидела Ала ад-Дина под окнами дворца.

— Госпожа, госпожа! Подойди, погляди, мой господин под окнами дворца,— воскликнула она.

И госпожа Будур поднялась и открыла окно, и Ала ад-Дин поднял голову и увидел ее. Она приветствовала Ала ад-Дина, и Ала ад-Дин приветствовал ее, а оба они улетали от радости — и потом царица сказала:

— Встань и войди к нам через потайную дверь, ибо этого проклятого сейчас здесь нет.

И она приказала невольнице, и та спустилась и открыла Ала ад-Дину дверь, а госпожа Будур встала и вышла ему навстречу, и они обнялись плача, и Ала ад-Дин молвил:

— О моя любимая, я хочу у тебя кое-что спросить. Я оставил в своей комнате старый медный светильник. Ты его видела?

И госпожа Будур вздохнула и молвила:

— О любимый, он и был причиной того, что с нами случилось.— И Ала ад-Дин сказал:

— Расскажи мне, что произошло.

И царевна рассказала ему, как она выменяла светильник у магрибинца на новый светильник, и продолжала:

— А на следующий день мы увидели себя в этом месте, и магрибинец рассказал мне, что он перенес сюда дворец благодаря силе этого светильника, и теперь, мой любимый, мы находимся в землях внутреннего Магриба.

— Расскажи мне про этого проклятого: что он тебе говорил и чего он хочет,— сказал Ала ад-Дин, и царевна молвила:

— Каждый день он приходит один раз, не больше, и соблазняет меня, чтобы я с ним спала и взяла его вместо тебя. Он говорит, что мой отец, султан, отрубил тебе голову, и еще он сказал, что ты был бедняком, сыном бедняка, и что он, магрибинец, был причиной твоего богатства. Он проявляет ко мне полную любовь, а я к нему — полную ненависть.

— А ты не знаешь, куда он прячет светильник? — спросил ее Ала ад-Дин.

И она сказала:

— Он постоянно носит его с собой и не расстаётся с ним. Он вынимал его из-за пазухи и показывал его мне.

И Ала ад-Дин обрадовался и воскликнул:

— Я сейчас от тебя уйду, а ты вели одной из невольниц все время стоять у потайной двери, чтобы, когда я потребую, она открыла мне дверь. А я придумаю хитрость против этого проклятого.

И затем Ала ад-Дин вышел и пошел по степи. Он увидел одного феллаха * и сказал ему:

— О дядюшка, возьми мою одежду и дай мне твою,— и феллах скинул свою одежду, и Ала ад-Дин взял ее и надел. Потом он отправился в город, на рынок москательщиков, и купил на два дирхема банджа *, и вернулся во дворец; и когда невольница, стоявшая у потайной двери, увидела его, она открыла ему.

И он вошел к своей жене, госпоже Будур, и сказал ей:

— Я хочу, чтобы ты бросила печаль и проявила к этому проклятому дружелюбие и приязнь. Скажи ему со смеющимся лицом: «Приходи сегодня вечером, и мы поужинаем. До каких пор я буду грустить?» И прояви к нему великую любовь и скажи, что ты хочешь с ним выпить. Подноси ему одну чашу за другой, пока он не выпьет несколько чаш, и потом положи ему в чашу этот бандж и напиток его, а когда он опрокинется на затылок, покричи меня.

— Вот оно правильное решение! — воскликнула госпожа Будур. — Это мне не трудно.

Потом Ала ад-Дин поел и насытился, и затем встал и вышел, а госпожа Будур поднялась, позвала служанку, переоделась, разукрасилась и надушилась благовониями, и вдруг вошел магрибинец и увидел ее в таком убранстве.

Он обрадовался и развеселился, и грудь у него расширилась, особенно когда госпожа Будур встретила его с приветливым и смеющимся лицом, а она взяла его за руку и посадила с собою рядом и сказала:

— О мой любимый, если желаешь, приходи и поужинай со мной сегодня вечером. До каких пор я буду грустить? Хватит! Я потеряла надежду вновь увидеть Ала ад-Дина и моего отца, и хочу, чтобы ты мне их заменил. У меня ведь никого не осталось, кроме тебя. Надеюсь, что ты придешь сегодня вечером, и мы вместе поужинаем, но я хочу, чтобы ты принес мне немножко вина, и пусть это будет вино хорошее, превосходное, из вин твоей родины. У меня тоже есть вино, но я хочу попробовать вина этой страны.

И когда магрибинец услышал слова госпожи Будур и увидел с ее стороны знаки любви, он обрадовался великой радостью и вскричал:

— Слушаю и повинуюсь, о моя возлюбленная! Я пойду и куплю все, что ты хочешь!

А госпожа Будур для того, чтобы еще больше обмануть его, сказала:

— Зачем тебе самому идти? Пошли кого-нибудь из твоих рабов! — Но магрибинец воскликнул:

— Клянусь твоими глазами, никто не пойдет покупать вино, кроме меня.

И он пошел и купил превосходного вина, которое свалит с ног медведя, и вернулся к царевне, и невольницы поста-

вили перед ними столик и подали ужин. И они стали есть и пить, а невольницы наполняли их чаши вином, и они пили, и так продолжалось до тех пор, пока у магрибинца от опьянения не закружилась голова, и тогда госпожа Будур сказала ему:

— О мой любимый, у нас в стране есть такой обычай: в конце трапезы любимая наливает возлюбленному чашу вина, и эта чаша бывает последней.

И она тотчас же наполнила чашу, бросила в нее бандж и подала ему, а магрибинец от великой радости выпил чашу и не оставил там ни одной капли. И спустя недолгое время он перевернулся и упал вниз лицом, словно убитый, не владея ни рукой, ни ногой, и тогда невольница поспешно позвала своего господина Ала ад-Дина и открыла ему дверь. И Ала ад-Дин вошел и увидел, что магрибинец лежит точно убитый, и обнажил меч, и отсек магрибину голову, а затем обернулся к госпоже Будур и сказал ей:

— Выйди отсюда со своими невольницами и оставь меня одного.

И госпожа Будур вышла и невольницы с нею, и они заперли дверь, и тогда Ала ад-Дин протянул руку и вынул светильник из кармана магрибинца и потерял его. И раб-джинн появился перед ним и сказал: «Требуешь, чего хочешь!» — и Ала ад-Дин молвил:

— Я хочу, чтобы ты поставил этот дворец на место, туда, где он был, — и раб отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» — и тогда Ала ад-Дин вышел и обнял свою жену и поцеловал ее, а она поцеловала его, а марида в мгновение ока перенес дворец и поставил его на место.

И Ала ад-Дин с женой сели за столик, и ели, и пили, и веселились до тех пор, пока не пришло время спать, и тогда они поднялись, легли в постель и заснули, и оба улетали от радости, особенно госпожа Будур, так как она была уверена, что завтрашний день, наутро, увидит своего отца, султана. Вот что было с Ала ад-Дином.

Что же касается султана, то он всякий день неизменно плакал и бил себя по лицу, горюя о своей дочери, так как она была у него единственная, и каждое утро он выглядывал из окон дворца, и смотрел, и говорил: «А вдруг?.. Может быть?..» — и плакал о своей дочери.

И в тот день утром султан тоже встал, и, как обычно, выглянул из окна, и увидел перед собой строение. Он подумал, что его глаза затуманились, и стал их тереть, и все смотрел, пока не убедился, что это дворец Ала ад-Дина, и тогда он тотчас же кликнул рабов и сказал им: «Приведите коня!»

И он сел и поехал ко дворцу Ала ад-Дина, и Ала ад-Дин вышел, и встретил султана, и ввел его к его дочери, госпоже Будур, а госпожа Бадр аль-Будур поднялась и встретила своего отца. И султан обнял ее и начал плакать, и она также плакала, а потом они сели, и царица стала рассказывать своему отцу обо всем, что с ней случилось, и в заключение сказала:

— Клянусь твоей жизнью, отец, душа вернулась ко мне только вчера, когда я увидела моего мужа и возлюбленного Ала ад-Дина. А до того из-за проклятого колдуна мной владели печаль и горе, которых не описать.

И она рассказала султану, как выменяла у магрибинца старый светильник на новый, и добавила:

— Я ведь ничего не знала о достоинствах этого светильника. А на следующий день, когда он взял его, мы увидели себя в другой стране, во внутреннем Магрибе, но потом пришел Ала ад-Дин, мой муж, и придумал хитрость, и убил его. Хвала Аллаху, который избавил нас от зла этого проклятого! А когда мой муж убил его, он сказал мне: «Выйди вместе со своими невольницами», и я вышла, и не знаю, что он сделал, чтобы перенести нас сюда.

И Ала ад-Дин сказал:

— О царь времени, я ничего не сделал, а только сунул руку к магрибинцу в карман, так как госпожа Будур сказала мне, что он кладет светильник в карман, и вынул светильник, и приказал рабу светильника перенести нас, и доставить в эту страну. Встань же, о счастливый царь, и посмотри на этого проклятого магрибинца, который лежит убитый в другой комнате.

И царь поднялся, и вошел туда, и увидел проклятого магрибинца, который был убит, и тогда он велел разрубить его тело и сжечь в огне.

А потом султан обнял Ала ад-Дина, поцеловал его, и поблагодарил за все его труды, и сказал:

— Извини меня, дитя мое, за то, что я с тобой сделал! Мне простиительно, так как это моя единственная дочь.

— О царь времени, ты не сделал со мной ничего против справедливости, — ответил Ала ад-Дин; и потом султан велел начать торжества по случаю находки его дочери, а магрибинца сожгли и развеяли его прах по воздуху.

И рассказывают, что у того проклятого магрибинца был брат, тоже проклятый, еще хуже его колдовством и чародейством, и случилось так, что этот брат стал гадать на песке и составил гороскоп и пожелал узнать, что случилось с его братом. Он увидел, что брат его умер, и опечалился, и огорчился, и погадал на песке второй раз, чтобы посмотреть, какова причина его смерти и в каком городе он умер, и узнал, что брата его убили в странах Китая и сожгли его тело и развеяли прах по воздуху, и что тот, кто его убил — это юноша, имя которому Ала ад-Дин. Он узнал всю его историю, и происшествие со светильником, и прочее; и когда он увидел все это на своем песке, он тотчас же встал, и сварились, и ехал до тех пор, пока не достиг стран Китая. Он вошел в столицу царства, то есть в город, где находился Ала ад-Дин, и поселился на постоялом дворе, и отдохнул два или три дня, а потом стал придумывать хитрость, чтобы убить Ала ад-Дина.

И он спустился в город, и пришел в одно место, где люди играли в шахматы, и услышал, что они говорят про одну старуху, которую зовут Фатима. Это была благочестивая старуха, которая обитала в пустыне и приходила в город только два раза в неделю, и люди восхваляли ее и воздавали ей великий почет.

И брат магрибинца обратился к одному из говоривших и спросил его:

— О дядюшка, что это я слышу, вы говорите о чудесах одной женщины, которую зовут Фатимой? Расскажи мне, где она и где ее местожительство. Я чужеземец, и я попал в беду, и хочу пойти к ней и попросить, чтобы она за меня помолилась. Быть может, Аллах великий тогда устранил от меня беду.

И тот человек вывел его за город и показал ему издали жилище Фатимы — а эта богомольная Фатима жила в пещере, на вершине горы, — и магрибинец поблагодарил его за его милость, и вернулся к себе домой, и провел там ночь, а утром спустился в город, и Аллах предопределил, чтобы это было в тот день, когда Фатима приходила в город.

И когда магрибинец ходил по городу, он увидел, что люди собираются толпами, и спросил, в чем дело, и ему сказали:

— Вот она там, благочестивая Фатима.

И магрибинец следовал за нею из одного места в другое, пока не наступил вечер, и тогда Фатима вернулась в свое жилище за городом, а магрибинец шел за ней издали, пока она не достигла своей пещеры. И он подождал, пока миновала треть ночи, и когда Фатима легла спать, вошел к ней и увидел, что она лежит на спине, на куске циновки. И тогда он схватил Фатиму за голову, вынул кинжал и закричал на нее, и Фатима пробудилась и увидела, что магрибинец держит ее за голову и в руке у него обнаженный кинжал, и чуть не умерла от горя и страха.

— Если ты заговоришь или закричишь, — сказал магрибинец, — я убью тебя! А теперь встань и сделай то, что я потребую.

И он дал ей великие клятвы, что не убьет ее, если она его послушается, и Фатима поднялась, и магрибинец сказал ей:

— Дай мне твою одежду и возьми мою.

И она отдала ему свои лохмотья, головную повязку, платок и покрывало, и магрибинец сказал:

— Этого недостаточно, нужно, чтобы ты меня чем-нибудь помазала и мое лицо стало бы таким, как твое лицо.

И Фатима поднялась и вынула из глубины пещеры кувшин, в котором было немножко масла, взяла его одну каплю и намазала им лицо магрибинца, и оно стало такого же цвета, как ее лицо. Потом она одела магрибинца в свою одежду, повязала ему повязку и дала ему свой посох, а на шею ему повесила четки и глаучила его, что ему делать, когда он будет ходить по улицам города, и затем она дала ему зеркало и сказала:

— Посмотри-ка теперь на свое лицо! Тебе ни за что не отличить его от моего.

И магрибинец посмотрел на себя в зеркало и увидел, что он ничем не отличается от Фатимы, и тогда он вытащил кинжал, и убил ее, и закопал на склоне горы. Он подождал, пока засияло солнце, и спустился в город, и люди собрались возле него и стали брать у него благословение, и не сомневались они, что это Фатима, и народ толпился вокруг него.

А все это происходило под окнами дворца госпожи Бадур аль-Будур, и она услышала шум толпы и спросила невольниц, что случилось, и те сказали:

— О госпожа, это Фатима благочестивая спустилась сегодня в город, и люди толпятся вокруг нее, чтобы получить от нее благословение.

И тогда царевна обратилась к евноху и сказала ему:

— Пойди и приведи к нам Фатиму, чтобы нам взять от нее благословение. Я много слыхала об ее чудесах и желаю ее увидеть.

И евнох пошел и привел к ней магрибинца, одетого в одежду Фатимы, и когда магрибинец предстал перед госпожей Будур, он пустил в ход свои обманы, а госпожа Будур встретила его с полным уважением и сказала:

— О госпожа Фатима, я хочу, чтобы ты побыла у меня. Я получу от тебя благословение, и ты научишь меня своим достоинствам.

А это и было пределом желания магрибинца, и он сказал госпоже Будур:

— О госпожа, я женщина бедная, и обитаю в пустыне, и не годится мне жить во дворцах царей.

— О госпожа моя Фатима,— ответила госпожа Будур,— не отказывай мне в моей просьбе. Я отведу тебе комнатку, и ты будешь молиться там великому Аллаху.

— Раз таково твое желание, о госпожа, я не хочу тебе перечить,— ответил магрибинец,— но я не буду с вами ни есть, ни пить, а стану есть, пить и молиться Аллаху в моей комнатке.

А этот проклятый сказал такие слова из опасения, что, если он будет есть с ними, ему придется откинуть ото рта покрывало и его узнают.

— О госпожа моя Фатима,— молвила госпожа Будур,— мы сделаем так, как ты хочешь. Пойдем, госпожа Фатима, я покажу тебе мой дворец.

И она взяла магрибинца, и поднялась с ним в свои покои, и показала ему уже известную комнату с решетками, сплошь украшенными драгоценными камнями.

— Как ты находишь мой дворец, о госпожа Фатима? — спросила царевна.

И магрибинец ответил:

— Клянусь Аллахом, он красив до предела! Аллах да

сделает тебя в нем счастливой! Но увы, в нем не хватает одной вещи.

— Чего же в нем не хватает, госпожа Фатима? — спросила госпожа Будур, и магрибинец молвил:

— В нем не хватает большого яйца птицы рухх *, чтобы повесить его посреди комнаты. А рухх, госпожа моя, — большая птица, которая унесет в когтях целого верблюда, и ее можно пайти только на горе Каф *. Мастер, который построил и возвел этот дворец, может принести яйцо рухха.

И затем они оставили этот разговор, и госпожа Бадр аль-Будур отвела магрибинцу комнату, чтобы он молился в ней Аллаху, и проклятый магрибинец сидел там.

А когда наступил вечер, пришел Ала ад-Дин и вошел к своей жене госпоже Будур. Он приветствовал ее, и поцеловал, и увидел, что она озабочена и не такова, как обычно, и спросил:

— Все ли хорошо, если хочет того Аллах? Какова причина твоей заботы?

И госпожа Будур ответила:

— Я думала, что мой дворец совершенный, а оказывается, в нем не достает яйца рухха, которое висело бы в нем.

— И это все, что тебя огорчает?! — воскликнул Ала ад-Дин. — О любимая, я принесу тебе яйцо рухха как можно скорей! Будь же довольна!

И Ала ад-Дин тотчас же поднялся, вошел в свою комнату, взял светильник и потерял его, и джинн появился перед ним и сказал:

— Требуй, чего хочешь!

— Я хочу от тебя, — сказал Ала ад-Дин, — чтобы ты принес мне яйцо рухха, и я повешу его посреди покоев моей жены.

И когда джинн услышал эти слова, он разгневался, и закричал на Ала ад-Дина, и сказал ему:

— О неблагодарный, тебе мало того, что я и все джинны, рабы светильника, служили тебе превыше возможностей, и ты еще требуешь, чтобы мы принесли к тебе нашу госпожу для твоего развлечения и развлечения твоей жены. Если бы я знал, что у вас будет такая просьба, я бы дунул на тебя и на твою жену, и вы бы взлетели и оказались между небом и землей, я постарался бы вас погубить. Но причина этого

не в тебе, а в этом проклятом брате магрибинца, который находится в твоём дворце и прикидывается Фатимой-богомолицей. Он ведь убил Фатиму и оделся в ее одежду, чтобы погубить тебя и отомстить за своего брата.

И раб-джинн произнес эти слова и исчез, и когда Ала ад-Дин услышал такие речи, он растерялся, и тотчас же встал, и вошел к своей жене. Он сделал вид, что у него болит голова, и госпожа Будур сказала ему:

— У нас находится благочестивая Фатима. Я ее приведу, и она положит руку тебе на голову, и боль пройдет.

И она пошла и привела магрибинца, и тот подошел и приветствовал Ала ад-Дина, а Ала ад-Дин сказал ему: «Добро пожаловать», — и молвил:

— О госпожа моя Фатима, у меня болит голова, а твои благословенные качества излечивают больного.

И магрибинец подошел к нему — а он спрятал под одеждой нож, которым можно резать булат — и, приблизившись к Ала ад-Дину, сделал вид, что хочет положить руку ему на голову, чтобы прошла боль, а на самом деле он хотел захватить его врасплох, ударить ножом и убить. А Ала ад-Дин следил за магрибинцем, и когда магрибинец подошел к нему, он тотчас же вытащил кинжал и воткнул его в магрибинца, и тот упал убитый.

И госпожа Будур вскрикнула:

— Как это ты убил благочестивую Фатиму, творящую чудеса! — И Ала ад-Дин сказал:

— Я убил не Фатиму, а того, кто убил ее. Это брат магрибинца-колдуна, и он пришел из своей страны, чтобы отомстить за своего брата. Это он научил тебя попросить у меня яйцо рухха, чтобы произошла от того моя гибель и твоя гибель, а если ты не веришь моим словам, отбрось от его рта покрывало и посмотри: Фатима ли это благочестивая, или магрибинец?

И госпожа Бадр аль-Будур подошла и откинула покрывало и увидела, что это мужчина, у которого все лицо закрыто бородой, и тогда она поняла, что ее муж Ала ад-Дин сказал правду и воскликнула:

— О мой любимый, два раза я подвергла тебя опасности гибели!

И она обняла Ала ад-Дина и поцеловала его, и Ала ад-Дин молвил:

— Не беда, о любимая! Слава Аллаху, который избавил нас от зла этих двух проклятых маггрибишцев!

А в это время пришел к ним султан, и они рассказали ему обо всем, что случилось из-за брата маггрибинца, и показали ему его труп, и тогда султан велел его сжечь так же, как его брата, и его сожгли и развеяли прах его по воздуху.

И Ала ад-Дин со своей женой, госпожей Будур, проводили время в веселье и радости, пока не пришла к ним Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний — смерть.

СКАЗКА
О ПЕРСИДСКОМ
ВРАЧЕ

ассказывают, что был в древние времена один человек, очень искусный врач. Он оставил свою землю — землю персов — и бродил по свету, смотрел на другие страны, пока не добрался до Багдада, когда же он вошел в Багдад, то начал ходить по улицам города, бродить по его переулкам и базарам. И оказался он на крытом рынке и проходил мимо одной из лавок, а в этой лавке сидел юноша — повар, молодой годами, проживший лет восемнад-

цать, и был этот юноша до того красив, что походил на луну в четырнадцатый день месяца, или, как сказал о нем кто-то из описывавших его:

Что за очи! Их чье колдовство насурмило?
Розы этих ланит! — чья рука их взрастила?
Эти кудри, как мрака густые чернила,
Где чело это светит, там ночь отступила.
Вот красавцев король, и красы его сила
Самых гордых красавцев земли укротила.
Красота его самых прекрасных затмила.
Он сама красота — газеленок мой милый,
Глянет в зеркало он — два заблещут светила.
Словно зеркало в зеркало взор устремило.

И был этот юноша поваром и стряпал всякие тонкие кушанья, а был он, как уже говорилось, дивно красив, и еще более украшала его красоту чистоплотность. Большинство его одежд были белые, и он до того смущал умы обитателей Багдада своей прелестью, красотой, чистотой и тонкостью стряпни, что даже халифу хотелось поест из его рук.

И вот врач, расхаживая по городу, слышал, что все люди говорят о красоте, прелести и чистоте повара, и когда этот персидский врач подошел к его лавке и всмотрелся в его красоту, прелесть, тонкость и изящество, он сказал про себя: «Поистине рассказ — не то, что лицезрение! Люди описывали внешность этого юноши, но оказались бессильны и несправедливы, ибо описали лишь малую долю его красоты и прелести».

А у халифа была дочка, которая красотой смущала полную луну, и она прослышала про красоту, прелесть и изящество этого юноши. А имя его было Ала ад-Дин Повар, и царица так много слыхала о красоте и миловидности юноши, что ей захотелось его увидеть, но у нее не было возможности на него взглянуть. Многие цари просили руки этой девушки у ее отца, халифа, и халифу от сильной любви к ней хотелось выдать ее замуж, но она не соглашалась никого взять в мужа.

А Ала ад-Дин тоже слышал о великой красоте и прелести царевны и молился Аллаху великому, желая хоть разок на нее посмотреть, и при этом говорил про себя: «Это желание из разряда невозможных: как бедному повару, вроде меня, что сидит на рынке, достигнуть этого и посмотреть на дочь халифа. Как? Это вещь невероятная!»

Но вот в один из дней вышел глашатай и прокричал на багдадских улицах:

— О рабы Аллаха, скажите: «Аллах един!» Как предписал повелитель правоверных, в день пятницы, после соборной молитвы, пусть будет заперт весь рынок и никто пусть не выглядывает из окна от соборной молитвы и до послеполуденной, ибо госпожа Бадр аль-Будур, дочь халифа, хочет выехать на рынок, чтобы подышать воздухом и повеселить свое сердце.

А госпожа Будур устроила эту хитрость, чтобы посмотреть на Ала ад-Дина, взглянуть на него, и она тайком послала к нему свою невольницу, говоря, чтобы он не выходил из лавки и как-нибудь ухитрился поглядеть на нее и дать поглядеть на себя, когда никто этого не будет видеть.

И невольница пришла к Ала ад-Дину и передала ему эти слова, и он обрадовался и быстро поднялся и сделал в окне лавки решетку и придумал хороший способ и тонкую хитрость, чтобы, когда дочь халифа проедет мимо лавки, он мог на нее взглянуть, а она — взглянуть на него, и никто бы этого не увидел.

И когда состоялась соборная молитва и люди вышли из мечетей, то весь рынок заперли, а Ала ад-Дин сидел в своей лавке и ждал, ибо именно этого он просил у великого Аллаха. И госпожа Будур, дочь халифа, спустилась на рынок, а за ней следовала та невольница, поверенная ее тайны, и она вела царевну, пока не дошла до лавки Ала ад-Дина.

И царевна прошла вперед под предлогом, будто хочет взглянуть на эту лавку, и велела бывшим с нею невольницам обогнать ее, а потом отодвинула решетку окна и взглянула на Ала ад-Дина, и, всмотревшись в его красоту, молвила:

— Ты — тот, о котором сказали описывающие:

Повелитель мой, в царстве красы ты велик,
Злобный страх охраняет твой сказочный лик.
Сжался, руку мне дай, о владыка владык,
Я молю, чтобы ты мою муку постиг.
Если б ты появился, о света родник,
Верю: мрак непроглядный растаял бы вмиг.
«Всех прекрасней Юсуф» — скажет лживый язык.
Будь он трижды красив, пред тобой бы повик.

И рассказывают, что потом госпожа Будур, дочь халифа, подошла и поцеловала Ала ад-Дина в щеку. Она подставила

щеку Ала ад-Дину, и Ала ад-Дин тоже поцеловал ее, и слезы одного текли по лицу другого, и они расстались, будучи в таком состоянии, и не зная, от сильной любви друг к другу, на этом свете они или в другом мире. Каждого из них охватила страсть к возлюбленному, и стали они «прясть худую пряжу» *, и отказались от сна, пищи и питья, и в конце концов лишились покоя, и одолело их смятение и беспокойство.

И вот когда тот искусный персидский врач подошел к лавке Ала ад-Дина и всмотрелся в его облик и увидел его красоту и прелесть, он вошел в лавку, а Ала ад-Дин тотчас же поспешил оказать ему всяческое уважение и встретил его приятным образом. Он предложил врачу всего, что подобало ему по сану, поставив перед ним красивый столик со всякими тонкими кушаньями, и поднес ему старого, прозрачного вина; и врач поел и попил, и обрадовался и развеселился и полюбил Ала ад-Дина великой любовью, и ему понравилась его хорошая стряпня и чистоплотность.

Но когда врач хорошо всмотрелся в лицо юноши, он увидел, что тот «прядет худую пряжу», словно влюбленный, и спросил его:

— Как твое имя, о юноша?

— Мое имя Ала ад-Дин, господин мой,— ответил тот, и врач продолжал:

— Я хочу о чем-то тебя спросить, и мне хочется, чтобы ты рассказал мне правду.

— Слушаю и повинуюсь, о господин, с любовью и охотой, спрашивай меня о чем хочешь,— молвил Ала ад-Дин, и врач сказал ему:

— О Ала ад-Дин, ты чем-то озабочен и удручен, от того что это тебе недоступно. Больше всего похоже, что ты влюблен и пребываешь в разлуке.

— Не спрашивай меня, о благой дервиш, каково состояние бедняка, подобного мне! — воскликнул Ала ад-Дин, а врач молвил:

— Заклинаю тебя Аллахом, высоким и великим, расскажи мне о своем деле, и я буду посредником перед Аллахом, чтобы он облегчил твою беду и ты бы достиг желаемого. Не бойся, ибо я человек мудрый, и я усвоил все науки и постиг все знания, существующие на свете, как и те, что существуют в землях Запада и хранятся под куполом гробницы Даниила *.

И когда Ала ад-Дин услышал слова врача, он рассказал ему обо всем, что случилось у него с госпожой Бадр аль-Будур, дочерью халифа, и продолжал:

— Я охвачен любовью к ней и не могу достигнуть близости с нею. Мы видели друг друга всего один раз, не больше, и лучше бы его не было, этого раза, ввергнувшего меня в такие муки!

— Будь спокоен душой и сердцем, Ала ад-Дин,— молвил врач.— Завтра, когда кончишь работу, сходи в баню и надень самое роскошное платье, какое у тебя есть, а сегодня ночью спи безмятежно и будь спокоен сердцем и душой. Ты сделался для меня подобно сыну.

— Если твоя милость берет меня в сыновья,— молвил Ала ад-Дин,— то куда же ты уходишь? Дом у меня, слава Аллаху, просторный, у меня прекрасные комнаты и красивое жилище, и со мной никто не живет. Окажи же мне милость, доверши свое благодеяние и живи у меня, чтобы я постоянно тебя видел и дружил с тобой.

— С любовью и удовольствием, Ала ад-Дин,— отвечал врач.— Если захочет Аллах, я приведу тебя к твоей цели, и ты увидишь при этом всякие чудеса, и пройдет твоя забота и огорчения.

Потом врач послал за своими вещами и переселился к Ала ад-Дину, а под вечер Ала ад-Дин пришел с врачом домой и усадил его и поставил перед ним столик с роскошнейшими, тонкими кушаньями. Они сидели и ели, пили и веселились, пока не наелись вдоволь, а потом Ала ад-Дин поднялся и убрал столик и принес плоды и прозрачное, старое вино. Они пили, развлекались и беседовали, пока не пришло время спать, и они легли, а когда наступило утро, Ала ад-Дин взялся за работу и начал стряпать роскошные яства. А врач наказал Ала ад-Дину приготовить что-нибудь особенное из кушаний, а также припасти необходимого вина, прозрачного, великолепного, и украсить и устлать свою комнату шелковыми подстилками, и Ала ад-Дин от великой радости сделал все это раньше, чем пришел рассвет, и потом отправился к себе в лавку, а окончив работу, Ала ад-Дин вернулся домой и взял богатое платье. Никто в Багдаде не надевал такого, ибо хотя Ала ад-Дин и был по ремеслу повар, ему принадлежали земли, имения, сады и дома, которые он унаследовал от отца.

Потом Ала ад-Дин с искусным врачом отправились в баню и вошли, вымылись и выкупались, а затем надушились ароматами и благовониями, выпили напиток, надели свою одежду и вернулись домой. Ала ад-Дин принес столик, и они сели, пообедали и посидели, пока не приблизилась ночь, и тогда врач сказал Ала ад-Дину:

— О Ала ад-Дин, ты сегодня будешь ужинать со своей возлюбленной.

И Ала ад-Дин поднялся, довольный, и поставил ужин для мудреца, и он наливал вино своей рукой и поил его, пока не прошла небольшая часть ночи. И не стало на дорогах людей, и тот, кто лег спать, заснул, а Ала ад-Дин сидел и отсчитывал время по минутам, и когда пришла пора, врач взял чашу с водой, почитал над ней, пошептал и поколдовал, и побормотал, и проговорил слова непонятные и непостижимые, а потом обратился к Ала ад-Дину и сказал ему:

— Сейчас твоя возлюбленная будет в твоей комнате и ты найдешь ее лежащей в твоей постели.

И Ала ад-Дин быстро поднялся, и не успел он подойти, как видит: госпожу Бадр аль-Будур уже вносят к нему, а она лежит на постели и похрапывает во сне.

Ала ад-Дин подошел и поднял с ее лица златотканное покрывало и увидел, что она подобна луне, сияющей ярким светом. Он наклонился, поцеловал ее и обнял и воскликнул:

— Ты та, про которую сказали описывающие:

Вот дева дивная, ясна, как звездный свет,
Она взлелеяна любовью с ранних лет.
Господь ее создал для славы и побед,
Ей стан и перси дал, которым равных нет.
Небесный лик ее спит, как семь планет,
От посторонних глаз храня красы секрет.
Посмей сам сатана узреть ее расцвет,
Сгорит в ее лучах — не сыщешь даже след.

Потом Ала ад-Дин стал целовать девушку, прижимая ее к груди, и говорил:

— Что это такое, о моя любимая Бадр аль-Будур! Разве та, у кого есть возлюбленный, спит? — и госпожа Бадр аль-Будур подняла голову после первого сна и открыла глаза и воскликнула:

— Во имя Аллаха, милостивого, милосердного! Кто это со мной говорит?

А Ала ад-Дин спрятался в укромном месте, чтобы она его не увидала и не случилось бы чего-нибудь с ее разумом от страха, и госпожа Бадр аль-Будур стала озираться направо и налево, говоря:

— Кто принес меня в это место?

И Ала ад-Дин, продолжая прятаться, отвечал:

— Это я принес тебя к себе,— и он произнес эти слова, притаившись и не показываясь ей.

Тем временем он доставал ужин и накрывал на стол, и, покончив с этим, подошел близко к постели, и когда девушка увидела его, она его узвала и поднялась и упала ему на грудь и обняла его и начала целовать, а он целовал ее.

— Значит, это ты, о любимый, так испугал меня! — воскликнула госпожа Бадр аль-Будур, и Ала ад-Дин ответил:

— Да, это я! Не бойся, встань и садись, будем ужинать — ведь я с утра и до сих пор ничего не ел и все сидел, о душа моя, и ждал тебя.

— С любовью и охотой,— ответила Бадр аль-Будур, и поднялась и села с Ала ад-Дином за столик; и они начали есть, пить, веселиться и беседовать.

— Заклинаю тебя Аллахом, скажи, как это ты сделал, о любимый, что принес меня сюда? — спросила Бадр аль-Будур, и Ала ад-Дин молвил:

— О моя любимая Бадр аль-Будур, не время сейчас для таких вопросов!

А Бадр аль-Будур сказала:

— Приноси меня к себе, о любимый, каждую ночь, если можешь.

— Будь спокойна, я каждую ночь могу приносить тебя к себе,— ответил Ала ад-Дин, и Бадр аль-Будур сильно обрадовалась этому.

Потом Ала ад-Дин поднялся и принес чашу и кубок, и они принялись пить и веселиться, и Ала ад-Дин наполнил чашу и поил девушку из своих рук, и та тоже кормила его из своих рук, и оправдались относительно них слова поэта:

Я видел, как уста фиалки молодой

Лобзал тюльпан в тени зеленого куста.

Я молвил: «Сам господь судил, чтоб на земле

В объятья красоты стремилась красота».

И они продолжали есть, пить, шутить и веселиться, пока вино не заиграло у них в головах и они не склонились друг

к другу от сонливости и опьянения. И госпожа Бадр аль-Будур поднялась и взяла Ала ад-Дина и уложила его рядом с собой на постель; и пустился он ее целовать, кусать, обнимать, щипать, гладить и играл с нею и овладевал ею, пока не прорезалась заря и не засияло утро, озаряя своим светом приходящих и уходящих.

И вдруг появился врач и встал у двери в комнату и позвал Ала ад-Дина, и Ала ад-Дин поднялся и вышел к нему, заливаясь смехом, и врач спросил его:

— Каково тебе было в сегодняшнюю ночь?

И Ала ад-Дин воскликнул:

— Клянусь Аллахом, сегодня ночью я был как будто в садах блаженства или в раю! — И произнес перед врачом такие слова:

Я был в саду блаженства, в царстве сна,
Из рук любимой брал фиал вина,
И вместе чашу пили мы до дна.
Твердил я: ты для власти создана,
О как ты черноглаза и стройна,
Волшебная краса тебе дана!

И врач повторил свой вопрос, и Ала ад-Дин ответил:

— Клянусь Аллахом, я был, как сказал тебе, с большими гуриями! Да воздаст тебе Аллах, о владыка, всяческим благом!

И он подошел и поцеловал у врача руку, а врач взял его и пошел с ним в баню, оставив Бадр аль-Будур спать в ее постели.

— О господин, — спросил Ала ад-Дин врача, — как ты сделаешь, чтобы возвратить Бадр аль-Будур обратно?

И врач молвил:

— Не задумывайся, о сынок об этом деле — как она пришла, так и уйдет на свое место, и не узнает об этом ни один человек. Будь же спокоен душой.

— Господин мой, Бадр аль-Будур стала моим уделом и досталась мне на долю, а я — твой сын и нахожусь под твоим покровительством. Я хочу, чтобы ты приносил ко мне госпожу Бадр аль-Будур каждую ночь, — сказал Ала ад-Дин.

И врач засмеялся его словам и ответил:

— Заклинаю тебя жизнью, о сын мой Ала ад-Дин, не задумывайся об этом деле! Даю тебе слово, что она каждую

ночь будет к тебе приходить, как пришла вчера ночью. Бадр аль-Будур стала твоей женой, и никто не может отнять ее у тебя или войти к ней. Пусть же не будет у тебя и мысли об этом деле, и ты скоро увидишь, сын мой, что я еще для тебя сделаю!

И рассказывают, что Бадр аль-Будур каждую ночь переносили в постели к Ала ад-Дину, и ночи казались ей белее снега, так как ее давно охватила любовь к Ала ад-Дину, а Ала ад-Дин каждую ночь ежечасно ожидал ее прибытия, и никто не знал об этом, кроме врача.

И вот когда Бадр аль-Будур увидела, что ее каждую ночь несут в постели к ее возлюбленному Ала ад-Дину, она стала еженощно захватывать для Ала ад-Дина кошель с пятью сотнями динаров, и однажды сказала ему:

— О любимый, о кровь моего сердца, построй для себя вместо этого дома дворец, и пусть он будет великолепным, а я помогу тебе деньгами.

И Ала ад-Дин отвечал:

— Слушаю и повинуюсь, о любимая, но я прошу у Аллаха великого только того, чтобы он нас с тобой защитил! — А она молвила:

— О любимый, не бойся! Хотя бы меня резали на куски, я не смогу отступить от тебя и не допущу, чтобы с тобой что-нибудь случилось. Моя надежда — на Аллаха великого, что он нас с тобою поддержит и с нами не случится ничего плохого, и я спокойна за себя и за тебя благодаря этому врачу, который сделал тебя своим сыном, но только ты ему не перечь и делай все, что он тебе скажет.

И они проспали эту ночь, а утром Ала ад-Дин поднялся и поведал врачу обо всем, что сказала ему Бадр аль-Будур. Он показал кошельки с золотом, которые Бадр аль-Будур приносила с собой каждый раз, и сообщил, что она велела построить дворец, подходящий к его и к ее сану, а затем показал самоцветы и драгоценные подарки, которые Бадр аль-Будур еженощно захватывала с собой и ему дарила, и врач обрадовался и убедился, что госпожа Бадр аль-Будур любит Ала ад-Дина сильнее, чем Ала ад-Дин любит ее. До сих пор он не думал, что та любит его до такой степени.

И потом врач сказал Ала ад-Дину:

— Увесели свою душу и будь спокоен сердцем на этот счет.

И он взял у него деньги и драгоценности и пошел и купил обширную землю. Он построил на ней великолепный дворец, весь из мрамора и порфира, покрытый жидким золотом, а когда постройка была окончена, устлал весь дворец царскими коврами, подушками, набитыми перьями страуса, затянутыми парчой и атласом, а также повесил занавеси, шитые золотом.

Покончив со всем этим, врач переселился в тот дворец вместе с Ала ад-Дином, и каждую ночь Бадр аль-Будур приносили к нему в ее постели, и Ала ад-Дин наслаждался ею до утра.

Так они провели в радости, веселье и наслаждениях некоторое время; и в один из дней госпожа Бадр аль-Будур поднялась со своей матерью Ситт Зубейдой в верхний дворец, и ее ударило по животу солнцем, и поясница у нее разогрелась, и ее стало раздувать как женщину, которая понесла. А девушка не знала про себя, беременна она или нет, когда же мать увидела ее в таком состоянии, она поняла, что царевна беременна, и спросила:

— Дочка, с чего это тебя так раздуло?

— Знать не знаю, матушка, с чего бы это, — отвечала Бадр аль-Будур.

И Ситт Зубейда подошла к ней, всмотрелась в нее и пощупала ей живот и узнала в точности, что та беременна. И она закричала:

— Ах, беда! Доченька, что с тобой случилось и от кого ты забеременела? — а Ситт Зубейда потому любила свою дочку до такой степени, что у нее не было других детей, была она у нее единственная.

И Ситт Зубейда испугалась было за свою дочь, Бадр аль-Будур, как бы ее отец, халиф, увидав, что та беременна, не убил ее, но потом успокоилась, так как знала, что отец де-вущки, халиф, также любит ее великой любовью.

И она позвала Масрура, внуха, и сказала ему:

— Пойди, позови сюда повелителя правоверных.

И Масрур отправился, вошел к повелителю правоверных и сказал:

— Ситт Зубейда хочет видеть твое величество, о повелитель правоверных.

И халиф поднялся и вошел к Ситт Зубейда и не нашел

ее в ее покоях, и невольницы сказали ему: «Она у госпожи Бадр аль-Будур».

И халиф поспешно поднялся туда, так как подумал, что его дочь госпожа Бадр аль-Будур больна или с ней что-нибудь стряслось, и, войдя к ним, увидел, что Ситт Зубейда сидит и плачет вместе со своей дочерью, госпожой Бадр аль-Будур.

— Да заменит вам Аллах зло добром! — воскликнул халиф. — Господи, рассказывайте сейчас же, что с вами случилось и почему, дочь моя, ты плачешь.

— Поклянись халифатом и посланником Аллаха — да благословит его Аллах и да приветствует! — который дал тебе власть над своим народом, что мне и моей дочери, госпоже Бадр аль-Будур, будет пощада, когда мы тебе расскажем об этом происшествии, — сказала Ситт Зубейда.

И халиф, услышав слова Ситт Зубейды, дал ей клятвы, которые она потребовала, и тут Ситт Зубейда поведала ему обо всем и сказала:

— О повелитель правоверных, твоя дочь, госпожа Бадр аль-Будур беременна и носит младенца, — и когда халиф услышал эти слова, он упал без памяти и лишился чувств от великого огорчения. Ему брызгали в лицо розовой водой с мускусом и давали нюхать благовония, пока он не очнулся и не пришел в себя, и тогда он обратился к своей дочери Бадр аль-Будур и спросил ее:

— О доченька, как случилось с тобой такое дело? Расскажи мне, дитя мое, не бойся, ибо ты — кровь моего сердца и у меня нет детей, кроме тебя. Это, конечно, великий позор, но вина тут не твоя. Вина на мне, ибо многие цари просили у меня твоей руки, а я не соглашался выдать тебя ни за одного из них. Но скажи мне, дочь моя, с твоего ли согласия это случилось и кто осмелился совершить с тобой такое гнусное дело?

— Отец, — отвечала Бадр аль-Будур, — я расскажу тебе, что бывает со мной каждую ночь, какая происходит со мной история. Дело в том, что меня каждую ночь уносят в постели из моего дворца, сонную, и, проснувшись, я всегда оказываюсь в красивом, богато убранном помещении, и рядом со мной лежит юноша, привлекательный и красивый лицом. Он прекрасен настолько, что как будто о нем сказал кто-то из описывающих:

Сын газели сердца человечья увлек,
Всех пленил и в простор ускакал без дорог.
Он долину Салама * стрелой пересек,
Путь его меж песками и степью пролегал.
Был он строен, прекрасен и так ясноок,
Что никто из людей с ним сравниться не мог.
Он сердца согревал нам жаровнями щек,—
О как нежен на них шелковистый пушок!

И халиф, отец девушки, воскликнул:

— О дитя мое, как это возможно: я — наместник Аллаха и повелитель правоверных, а тебя поражает такое бедствие! Это вещь, о которой я не могу молчать! Будь же спокойна, дочь моя, после этого ты ни в чем не виновата, и я обязательно узнаю, кто твой обидчик!

Потом халиф призвал везира Джафара, и тот сейчас же явился, и отвесил поклон, и поцеловал перед халифом землю, а халиф рассказал ему обо всем, что случилось с его дочерью, госпожой Бадр аль-Будур, и воскликнул:

— Клянусь жизнью моей и могилой аль-Аббаса, * если ты не узнаешь, кто обидчик, я отрублю тебе голову.

— О повелитель правоверных,— ответил Джафар,— я не колдун и не какой-нибудь бог. Прошу прощения у Аллаха, высокого, великого, откуда мне знать сокровенное! Но мы что-нибудь придумаем в этом деле по нашему разумению и поставим сегодня ночью людей сторожить твою дочь, госпожу Бадр аль-Будур, и таким образом нам удастся узнать, кто совершил это преступление.

— Делай что хочешь, но только я желаю знать, кто этот проклятый обидчик! Как это так, я — наместник Аллаха, повелитель правоверных, а мою дочь лишают чести посреди моего дворца, уносят в постели, точно служанку, и доставляют к какому-то своднику! Это вещь непереносимая, о Джафар!

И усилилась ярость халифа из-за того, что случилось с его дочерью Бадр аль-Будур, и он поклялся перед Джафаром великими клятвами и сказал ему:

— Если ты не узнаешь, кто обидчик, я отрублю тебе голову!

И Джафар ушел и поставил в эту ночь людей — сторожей — возле госпожи Бадр аль-Будур, и легли подле нее Масрур и несколько воинов, и все они надели оружие и коль-

чуги и взяли булатные щиты. Вот что случилось с халифом и с везиром Джафаром.

Что же касается врача, то он все это узнал благодаря своему волшебному перу и спросил Ала ад-Дина:

— О Ала ад-Дин, знаешь ты, что случилось сегодня с дочерью халифа?

— Нет, господин,— откуда мне знать, что случилось? — ответил Ала ад-Дин, и врач молвил:

— Госпожа Бадр аль-Будур, твоя любимая и возлюбленная, забеременела от тебя, и это дело открылось. Ее мать, Ситт Зубейда, узнала, что она беременна, и рассказала халифу, и теперь они тебя разыскивают. Но что касается Бадр аль-Будур — ее любовь к тебе все усиливается, и хотя на нее пал такой позор, невозможно, чтобы она в чем-нибудь созналась и выдала бы тебя.

И Ала ад-Дин сказал врачу:

— Ты мой господин и родитель, но я боюсь их, хотя даже если они меня убьют, нечего за меня печалиться — это будет выкуп за ее глаза.

— Не бойся, дитя мое,— сказал врач.— Этой ночью ты насладишься с ней и она расскажет тебе обо всем, что с ней сегодня случилось. Правда, они приставили к ней воинов, чтобы ее стеречь, посмотреть, куда она пойдет, узнать, кто ее обидчик, и схватить его, но знай, сын мой, что пока за тобой я, они ничего не смогут о тебе узнать. Будь же спокоен!

Услышав это, Ала ад-Дин припал к рукам врача, поцеловал их и воскликнул:

— Я твой сын и нахожусь под твоей защитой!

А когда пришел вечер и наступила ночь, явились четыре джинна * и напустили сон на воинов, стороживших госпожу Бадр аль-Будур, и подняли ее вместе с постелью и принесли к Ала ад-Дину. А Ала ад-Дин сидел точно на огне, ожидая возлюбленную, и когда девушка прибыла к нему, он увидел, что она сидит на постели и плачет. Она поднялась и стала целовать Ала ад-Дина, и слезы текли у нее по щекам, и Ала ад-Дин спросил ее:

— Добро, если хочет того Аллах *? О любимая, почему ты плачешь? Расскажи мне, о душа моя, о кровь моего сердца! Что с тобой происходит?

И госпожа Бадр аль-Будур рассказала ему обо всем, что случилось с ней в этот день, и молвила:

— Они узнали, что я беременна, и поставили около меня стражей, чтобы стеречь меня и посмотреть, куда я пойду, и узнать, кто ты, и схватить тебя. Я боюсь, о душа моя, о глаза мои, как бы они тебя не убили из-за меня.

— Если бы они даже и убили меня,— отвечал Ала ад-Дин,— то нечего за меня печалиться. Я был бы выкупом за твои глаза. Ведь я был с тобой счастлив и наслаждался тобой, и готов был насладиться с тобой хотя бы один день — и умереть. Мне достаточно счастья, если меня убьют и я умру за любовь к тебе, особенно раз ты невредима, здорова и благополучна. Пусть делают со мной что хотят! Аллах великий по своему великодушию, дал мне наслаждаться тобою целый год — довольно! Чего мне еще нужно от жизни? Если меня убьют за любовь к тебе, то это не слишком большой выкуп за тебя.

Когда госпожа Бадр аль-Будур услышала слова Ала ад-Дина, она упала без памяти от сильного горя, печали и страха за него, и Ала ад-Дин брызгал ей в лицо розовой водой, пока она не очнулась, и тогда он сказал:

— О владычица красавиц, о душа моя и кровь моего сердца, ты за меня боишься, а тот врач сегодня сделал меня своим сыном и взял под свое покровительство. Он прочитал фатиху *, взял меня в сыновья и призвал этому в свидетели Аллаха и его ангелов, а также написал по закону документ, что я его сын и наследник, и завещал мне все свои деньги.

А этот врач был владетель больших денег, очень богатый человек, и было у него столько самоцветов и драгоценных сокровищ, что бессильны всякие описания.

И Ала ад-Дин поднялся и показал госпоже Бадр аль-Будур документ, который написал врач, и показал ей также деньги врача и его сокровища, и тут госпожа Бадр аль-Будур обрадовалась и склонилась к своему возлюбленному, а Ала ад-Дин сказал ей:

— А я, о возлюбленная, знаю про везира Джафара — как он посоветовал твоему отцу, халифу, поставить возле тебя солдат и стеречь тебя, но только от этого нет пользы, и у них ничего не выйдет.

Потом Ала ад-Дин с госпожей Бадр аль-Будур поднялись и сели за столик ужинать. Они принесли чашу и кубок и

принялись есть, наливать, пить и веселиться, и наконец госпожа Бадр аль-Будур взяла лютню, настроила струны и начала играть мелодию, волнующую печальное сердце, и пропела такие стихи:

Сердца влюбленных от любви болят,
От вздохов ноет грудь и меркнет взгляд.
— Ты знаешь вкус любви? — мне говорят.
— Любовь сладка, но в ней таится яд.

И они пили, не переставая, пока не склонились один к другому от опьянения, и тогда они, как обычно, направились к постели и легли обнявшись, словно две луны или две газели, подобно тому, как сказал поэт:

Я двух любовников узред, простертых на траве густой.
О если бы глаза мои их сладким ложем стать могли!

И они лежали так до утра.
Вот то, что было с Ала ад-Дином.

Что же касается госпожи Будур, то она возвратилась, под утро, в постели, к себе во дворец; а ее отец, халиф, едва дождался, чтобы наступил день, и его везир Джафар также; и они встретились, когда оба направлялись в покои царевны, чтобы посмотреть, что с ней случилось, что сделали стражи и изловили ли они кого-нибудь. Но когда они вошли к девушке, то увидели, что сторожа все еще спят, и халиф сказал Джафару:

— Я думаю, что сегодня ночью никто не приходил.

И тут сторожа проснулись, и Масрур, начальник евнухов, тоже, и халиф спросил их:

— Видели вы кого-нибудь?

— Никто не приходил, повелитель правоверных, — отвечали они.

И Бадр аль-Будур услышала это и сказала:

— Врете, проклятые! — и обратилась к халифу, своему отцу, и молвила:

— Заклинаю тебя твоей жизнью, отец, не верь им! Они, собаки, храпели, а меня, как обычно, унесли, и я вернулась к юноше, про которого я тебе рассказывала, и он спал со мной так же, как каждую ночь.

И халиф рассердился на сторожей и велел повесить их всех, и тогда госпожа Бадр аль-Будур обратилась к нему и сказала:

— Отец, не дозволено тебе совершить такой грех и убить их. Тут никто ничего не сможет подстеречь и выяснить, кроме тебя самого с везиром Джафаром. Пробудитесь же сегодня со сторожами всего только до полуночи, и если вам удастся кого-нибудь увидеть — добро, а если вы заснете, как заснули сторожа, то значит сторожа не грешны, такой сон — от джиннов, которые уносят меня.

— Это правильное мнение, Джафар,— сказал халиф, и Джафар ответил:

— О да, повелитель правоверных, это речи подходящие!

И халиф с Джафаром решили, что сами будут сторожить девушку, госпожу Бадр аль-Будур, в эту ночь.

И когда пришел вечер и наступила ночь, халиф отправился сам с везиром Джафаром, прихватив с собой нескольких солдат, и они сели сторожить в покоях госпожи Бадр аль-Будур, халифской дочери, но когда пришло время, на них напал тяжелый сон, так что каждый из них заснул и лежал словно убитый, и произошло это благодаря силе ифрита* Кашкаша и его подручных.

И они подняли госпожу Бадр аль-Будур в ее постели и положили ее в покоях Ала ад-Дина, а халиф, везир Джафар и солдаты продолжали спать как убитые до утра, даже после того как госпожа Бадр аль-Будур вернулась в свои покои.

И царевна посмотрела на них и увидела, что они спят как убитые, и крикнула на раба Масрура и позвала его, и Масрур проснулся и подошел к ней и она приказала ему:

— Подними твоего господина от сна!

И Масрур пошел и разбудил халифа, и все встали, и тогда госпожа Бадр аль-Будур обратилась к халифу, своему отцу и Джафору и спросила:

— Ну, что, верите вы мне? Что я вам говорила? Расскажи-ка мне, отец, что ты видел сегодня ночью?

— О дочка, я ровно ничего не видел,— отвечал ей халиф, и девушка молвила:

— А я сейчас возвращаюсь от того юноши, и я спала с ним в одной постели, потому что джинны пришли и взяли меня к нему, и я проспала с ним, как каждую ночь, потому я тебе и говорила, о отец: «Не убивай сторожей и не совершай греха»,— ибо сон, который напал на них, так же как

на тебя, — сон не естественный, а вызванный силой джиннов, которые уносят меня и доставляют к тому юноше.

И ярость халифа усилилась от этого дела, и он не знал, как ему быть в этом случае, и сказал своему везиру Джафару:

— О Джафар, предел моих желаний, — узнать, кто это, и больше ничего!

И везир Джафар ответил:

— О повелитель правоверных, у нас есть лишь один способ, ибо сторожа и вся эта охрана нам не помогут и не приведут к цели. Правильный способ — положить в постель госпожи Бадр аль-Будур под матрас мешок с мукой, и пусть конец мешка торчит из-под матраса и будут в нем маленькие дырочки. Когда за царевной придут и возьмут ее, мука посыплется через дырочки на землю и будет сыпаться до того места, куда отправляется царевна. А мы утром пойдем по следам муки до конца и узнаем, где живет обидчик, который устроил эту проделку.

— Клянусь Аллахом, Джафар, совет, который ты высказал, правилен и великолепен! Награди тебя Аллах за этот дьявольский план! — воскликнул халиф.

И затем они приготовили мешок с мукой, как сказал Джафар, и положили его, дырявым, в постель госпожи Бадр аль-Будур, и халиф с Джафаром и несколькими солдатами провели ночь подле нее, и напало на них, как всегда, сонное оцепенение. Потом госпожа Бадр аль-Будур вернулась и разбудила их, а халиф не мог дожидаться, когда он поднимется ото сна и увидит утро, и едва наступило утро и госпожа Бадр аль-Будур подняла их, они осмотрели мешок в ее постели и увидели, что тот пуст и в нем ничего нет.

И рассказывают, что врач узнал об этой истории благодаря своему чудесному перу и, повстречавшись утром с Ала ад-Дином, сказал ему:

— О сын мой, теперь халиф проведал, где ты, так как везир Джафар устроил дьявольскую хитрость и из этого вышел толк, но ты не бойся. Сегодня халиф придет и будет тебя искать — он, везир Джафар и несколько воинов, однако не страшись и ничего не бойся.

— Отец, — отвечал Ала ад-Дин, — раз ты взял меня в сыновья, то я не боюсь ни халифа, ни кого-либо другого!

А халиф Харун ар-Рашид, пробудившись от сна и увидев, что мешок пустой и в нем ничего нет, тотчас же отдал приказ и отправился с везиром Джафаром и множеством воинов по следам муки, пока не оказался поблизости от дворца Ала ад-Дина.

А врач, рассказывают, видел их, и сказал Ала ад-Дину:

— О Ала ад-Дин, возьми лохань с водой, поднимись с нею на кровлю дворца и разбрызгай кругом воду, а потом возвращайся ко мне.

И Ала ад-Дин не медля взял лохань с водой и поднялся на крышу и разбрызгал воду, как сказал ему врач, его отец, и в тот же час появилось вокруг дворца полноводное море, где бились волны, неверные горы, которые никто не может перейти, и стал дворец Ала ад-Дина подобен острову посреди моря.

И когда халиф и его люди подъехали и увидели это полноводное море, где бушевали волны, халиф оторопел при виде этого и обернулся к Джафару и спросил:

— О Джафар, откуда взялось в этом месте такое море?

И Джафар ответил:

— О повелитель правоверных, мне не ведомо, чтобы было в Багдаде какое-нибудь море или река, кроме реки Тигра, и это не что иное, как колдовство. Прикажи твоим воинам перейти его: пусть войдут в море на конях и, когда достигнут дворца, приведут того юношу.

— Вот это правильно! — воскликнул халиф и отдал приказ некоторым из бывших с ним воинов, и те вошли в море и утонули, и халиф приказал другим, и те тоже утонули, и всякий раз, как люди тонули, халиф посылал других, пока не утопил множество воинов.

И тогда врач выглянул из окна и сказал халифу:

— О повелитель правоверных, не бери на себя греха за этих тварей! Ты не выше того, кто пустил течь это море, и тот, кто заставил его течь, не обязан перед тобой отчетом и не боится тебя. Сохрани же жизнь твоих воинов и не топи их, чтобы я не утопил весь город и ты сам не утонул бы вместе с ним. Только из уважения к тебе, повелитель правоверных, ибо ты преемник посланника Аллаха — да благословит его Аллах и да приветствует! — говорю тебе: возвращайся на место, а мы явимся к тебе во дворец.

И халиф обратился к Джафару и спросил его:

— Что это такое, о Джафар?

И Джафар ответил:

— О повелитель правоверных, кто в одну минуту может сделать внутри города такое море, тот и вправду может утопить весь город и нас вместе с ним. Правильно будет, как я полагаю, вернуться во дворец и посмотреть, правду ли он говорит. А он, как я вижу, человек, знатный по положению и высокий саном, и любит ислам, ибо он призвал благословение на пророка, да благословит его Аллах и да приветствует!

И тут халиф с Джафаром и теми, кто остался из войска, вернулись во дворец, и халиф вошел в свои покои; весь мир казался ему тесным, и башня гнева возвышалась у него между глаз, и он был печален, и стеснилось у него сердце и грудь, так как дочь его опозорили и лишили чести посреди его дворца, а он ничего не мог сделать с обидчиком.

И вот он сидел, как на огне, из-за этого случая, и вдруг входят к нему те двое — врач и юноша Ала ад-Дин.

И когда они оказались перед ним, халиф обернулся к Масруру-меченосцу и сказал ему:

— Меченосец, подай сюда голову этого проклятого!

А госпожа Бадр аль-Будур смотрела на это из-за решетки окна своей комнаты, она увидела, что палач подошел и завязал Ала ад-Дину глаза, прикрыл их повязкой, чтобы его убить, и упала без чувств, и охватило ее беспомощность. А при ней находилась невольница, поверенная ее тайн, и больше никого, и она брызгала царевне в лицо розовой водой, пока та не очнулась.

Меченосец же сделал три круга вокруг Ала ад-Дина после того, как он завязал ему глаза, и спросил халифа:

— О повелитель правоверных, разрешишь ли ты убить этого юношу?

— Поспеши! — сказал халиф, и меченосец поднял руку и ударил Ала ад-Дина. И вдруг рука меченосца опустилась и меч пришелся на одного из вельмож, эмиров царства — а это был любимец халифа, — и отрубил ему голову.

И халиф сказал меченосцу:

— Ты что ослеп, гашишеед *, что бьешь мимо? Мало того, что в море утонуло столько наших воинов из-за этого проклятого сквернавца, из-за него еще убивают великого эмира! Подай мне сейчас же его голову! Клянусь моей

жизнью, если ты второй раз промахнешься, я скину голову тебе, о проклятый!

И палач поднял руку, чтобы ударить, и ударил, и меч снова попал в другого эмира и отсек ему голову.

И халиф пришел в великую ярость и встал, чтобы отрубить голову палачу, но Джафар сказал ему:

— О повелитель правоверных, это не вина палача! Что с тобой сегодня делается? Подумай: разве тот, кто уносит твою дочку из середины ее дворца, когда ты охраняешь ее с твоими воинами, и в одну минуту делает полноводное море, не может заставить руку палача каждый раз промахиваться, погубить нас и отнять у тебя царство?

— А что ты посоветуешь, Джафар? — спросил халиф, и Джафар молвил:

— О повелитель правоверных, мое мнение, что тебе следует обнять врача, отца юноши, посадить его рядом с собой и уважить его, ибо он тебя уважил: он мог заставить море затопить город и утопить нас всех, и при всем том пришел служить тебе, а ты его ничем не уважил, а напротив, унизил и намеревался убить его сына. А от себя, повелитель правоверных, я благодарю его за милость, так как он не позволил мечу угодить по тебе или по мне. Поспеши же оказать почет ему и награди юношу, его сына, чтобы нам не попасть в беду и несчастье, от которых нет избавления. Будем тогда каяться, но раскаяние уж не поможет. Такого человека, ученого, чья рука способна на все это, следует уважать, ибо он делает честь твоему царству.

И халиф увидел, что Джафар говорит правильно, и встал и обнял врача и сказал ему:

— Клянусь Аллахом, о брат мой, я поистине узнал твою ценность и понял необходимость уважить твой сан.

А врач встал, отвесил поклон, прославил халифа, поблагодарил его и пожелал ему блага.

Потом халиф велел тотчас одеть Ала ад-Дина в одежды, подобающие владыкам, и это было исполнено, и он посадил врача с собой рядом, а Ала ад-Дина приказал сесть рядом с врачом, его отцом.

Что же касается госпожи Бадр аль-Будур, то, когда она обеспамятела, невольница побрызгала на нее розовой водой, и она очнулась и после этого упала на постель как мертвая, от сильного горя и страха за Ала ад-Дина, а потом она нака-

зала невольнице посмотреть, что происходит с ее возлюбленным: заступает ли за него кто-нибудь или его убивают.

А халиф между тем сказал врачу:

— Того ли требовало твое благовоззрение, ученый наших дней и знаменитость века и времени, чтобы моя дочь была обесчещена и потом ты погубил большинство моего войска в море, которое ты сотворил?

— О повелитель правоверных, — ответил врач, — я человек из чужой страны, и я поел хлеба и соли этого юноши, а потом сделал его своим сыном и взял под свое покровительство и назначил своим наследником. И затем я увидел, что он находится в плачевном состоянии, и дело его не осталось от меня скрытым; я выспросил, что с ним происходит, и он поведал мне обо всем, ничего не скрывая, и рассказал, что у него произошло с твоей дочерью то-то и то-то, и понял я, что оба они влюблены друг в друга и что, если твоя дочь не сблизится с ним и он не сблизится с нею, они оба умрут от горя. И я свел их друг с другом, чтобы уберечь их жизнь от смерти, и тебе не за что меня упрекать, о повелитель правоверных, ибо если бы я этого не сделал, твоя дочь непременно бы умерла, и ты бы о ней горевал. Тебе нужно меня за это благодарить, а не хулить, и теперь, повелитель правоверных, ты должен выдать твою дочь замуж за этого юношу.

— Поскольку таково твое желание, — ответил халиф, — и ты взял этого юношу в сыновья, мы обязаны, из уважения, лишь повиноваться тебе и поступить согласно твоему слову.

И халиф тотчас же приказал принести второй халат, подходящий для его зятя, и халат немедленно принесли и надели на Ала ад-Дина, и халиф посадил его с правой стороны, а врача посадил на высокой подушке слева от себя.

И когда невольница, поверенная гайн Бадр аль-Будур, увидела, какие достались Ала ад-Дину и врачу уважение и награды, она поспешила к своей госпоже Бадр аль-Будур и обрадовала ее вестью о случившемся. И Бадр аль-Будур страшно обрадовалась и подбежала к окошку, чтобы посмотреть, и увидела, что ее возлюбленный Ала ад-Дин сидит справа от халифа, ее отца, и на нем надеты царские одежды и радость ее усилилась, и улетела она от восторга из сетей разума.

И затем халиф велел справлять свадьбу, и тут устроили торжество, и Ала ад-Дина ввели к госпоже Бадр аль-Будур дозволенным образом, и он женился на ней. И торжества продолжались во всем царстве тридцать дней, полный месяц, и когда халиф увидал, какова благопристойность Ала ад-Дина, его красноречие и красота, любовь его к юноше усилилась свыше меры.

И они жили таким образом некоторое время, и однажды халиф сидел в покоях увеселений — а он в это время пил и беседовал с тем врачом — и Ала ад-Дин сидел с ним рядом. И врач обернулся и увидел шелковые занавески, на которых были изображения двух львов, и врач сделал им знак рукой, и львы тотчас же превратились в настоящих, и каждый из них принялся рычать во весь голос, подобно грохочущему грому, и присутствующие все застыли от ужаса и страха.

И халиф обратился к Джафару, своему везиру, и спросил:

— Что это такое, о везир?

Джафар ответил:

— О повелитель правоверных, Аллах великий послал к тебе этого человека, чтобы ты увидел чудеса, которых не видывал за всю свою жизнь.

Потом врач сделал львам знак, и они превратились в двух котов и начали драться между собой, и халиф и все присутствующие удивились еще больше.

И затем халиф сказал Джафару, везиру:

— О Джафар, попроси врача, чтобы он показал нам еще какие-нибудь свои диковинки.

И врач молвил:

— С любовью и охотой, слушаю и повинуюсь, о повелитель правоверных! Принесите мне корыто, полное воды.

И когда ему принесли корыто с водой, врач спросил:

— Кто из вас желает полюбоваться на чудеса?

И Джафар отвечал: «Я!» — и врач приказал: «Скинь с себя одежду и повяжись передником». Везир скинул одежду и повязался передником *, и врач молвил: «Сядь в это корыто!» — и Джафар уселся посреди корыта, и как только Джафар сел туда, он увидел себя как бы в огромном полюводном море: кто выйдет из него — рождается вновь, а кто войдет в него — тот потерян.

И Джафар поплыл, чтобы выбраться из моря и выйти на сушу, и всякий раз, как он приближался к земле, волны не давали ему выйти. Наконец его прибило волной к берегу, и он выбрался на сушу.

И Джафар осмотрел самого себя и оказалось, что он стал женщиной и волосы у него спускаются на плечи, и на груди у него два соска, как у женщины, а между ног — купол и «место посещения»... И Джафар воскликнул про себя: «Ей богу, хорошо! Вот так положение! Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Поглядим, господин мой, что еще с тобою будет! Откуда только пришел к нам этот проклятый врач! Прокляни Аллах час его прихода!»

Потом он подумал и испугался, не прячется ли где-нибудь врач и не слышит ли его, и сказал:

— Поистине, это великий ученый, и не найти в наше время ему подобного! Это — малейшее из его чудес и не самая дивная из его диковинок!

«А со мной — конечно, — продолжал он про себя. — Был я везирем Джафаром, а сейчас превратился в женщину! Прибегаю к Аллаху от сатаны, побитого камнями *! Поистине, мы принадлежим Аллаху и к нему возвращаемся!»

И когда он обратился к себе самому с такими словами, думая о том, что с ним случилось, вдруг подошел какой-то рыбовод, чтобы удить рыбу. И рыбовод посмотрел и увидел, что перед ним стоит красивая женщина, и воскликнул:

— Клянусь Аллахом, сегодня благословенный, счастливый день! Эта девушка — слава тому, кто ее сотворил! — я думаю, одна из дочерей моря — ведь я слышал от моей бабушки, что дочери моря очень красивы и привлекательны.

И рыбак обрадовался великой радостью и сказал:

— Эта девушка достанется в удел моему сыну, и Аллах послал ее мне для того, чтобы он ею наслаждался.

И когда везир Джафар услышал его слова, он воскликнул про себя: «Не зря пропала твоя борода, о Джафар! Теперь тобой будут обладать и ты ляжешь с сыном этого рыбака и сегодня ночью он войдет к тебе... Прокляни ее Аллах, эту ночь! Поистине, скверная история! Где моя борода, где мое мужское естество! Я так быстро стал женщиной, и рыбак уже хочет привести ко мне своего сына... Халифат, царство, кто теперь будет им управлять! Поистине, мы принадлежим Аллаху и к нему возвращаемся!..»

А рыбаку от радости уже не хотелось ловить рыбу, и он взял везира Джафара в образе красивой женщины и пошел с ним домой, а придя домой, крикнул свою жену, и когда та вышла, сказал ей:

— Помалкивай, женщина! Клянусь Аллахом, за всю жизнь мне ни разу не случилось поймать такую добычу — красивую девушку из дочерей моря! Клянусь великим Аллахом, он послал ее мне, чтобы я выдал ее замуж за нашего сына. Где он?

— Он взял быков и пошел пахать, но он сейчас придет, не задержится, — отвечала жена рыбака; и когда они так разговаривали, вдруг пожаловал его милость, сын рыбака.

И когда везир Джафар увидел его, он воззвал о помощи ко всемилостивому, милосердному, и воскликнул про себя:

— Горе мне, увы мне! Прокляни тебя Аллах, ночь, когда я буду женщиной, а этот несчастный станет мне мужем! В какую беду и несчастье я попал! А что если я скажу, что я Джафар, везир повелителя правоверных? Не думаю, чтобы они мне поверили, так как я — настоящая женщина и нет ни одного качества, свойственного женщинам, которого бы у меня не было, но не осталось у меня ни одного признака, отличающего мужчин. Не знаю, куда девалась моя борода, усы и все прочее! Злая моя судьба! Что делать, чтобы выпутаться из этой скверной истории? Что это на меня напало, что я захотел посмотреть на чудеса! С чего это я наболтал зря, и он, врач, показал нам вещь, которую я в жизни не видел. И случилась со мной история и беда безысходная, из которой не выпутаешься! Нет мощи... Везир халифа превращается в женщину, и сын рыбака на ней женится! Как же это так — ведь он хочет со мной спать и обладать мною. Боже спаси, особенно если он еще и силен!.. Аллах не снимет с твоего сердца этой тяготы, о Джафар, ты сам навлек на себя заботу! Сидел ты спокойно, и что с тобой такое стряслось, что тебе захотелось посмотреть на чудеса?! Кто сам виноват, тому прибавит Аллах беды!»

Рассказывают, что рыбак кликнул своего сына и сказал ему:

— О сынок, убери скотину, потом иди сюда, возьми эту девушку и женись на ней. Уничтожь ее девственность и наслаждайся ею. Аллах да обрадует тебя ею на всю жизнь, ибо Аллах великий послал ее тебе. Нет сомнения, дитя мое, что

ты счастливычик, ибо то, что досталось тебе, не предназначено никому, ни до тебя, ни после тебя.

И сын рыбака поднялся, радостный, и взял за руку везира Джафара в образе женщины и увел его туда, где он спал, и лег с ним, и уничтожил девственность этой женщины, и она понесла от него, а через девять месяцев родила ребенка.

И везир Джафар пробыл с сыном рыбака в образе женщины семь-восемь лет и родил от него семь человек детей. И Джафар терпел сильные муки — каждый год носить и рожать! — и очень уставал из-за сына рыбака — пас быков, пахал землю и испытывал тяготы нестерпимые и невыносимые.

И наконец, в один из дней ему надоела из-за этого жизнь, и он сказал про себя: «Доколе буду я пребывать в этом губительном состоянии, подвергаясь мучениям, которые я терплю? Нет у меня иного средства, как пойти и броситься в то самое море, из которого я сюда пришел. Что будет, то будет! Утонуть, умереть — все лучше, чем терпеть такие мучения и видеть рожу этого проклятого, моего супруга!»

И везир Джафар тотчас встал, вышел из дому и пришел на берег моря и стал думать: «Брошусь! Не брошусь!», — и все повторял такие слова, ибо жизнь нам всем дорога, а море было очень большое и волны в нем громадные.

И когда он сам с собой советовался об этом, его вдруг ударило большой волной и бросило на середину моря, и Джафар поплыл и едва не утонул, и когда это было так, вдруг его голова высунулась из корыта, и он увидел сидящего халифа и врача с Ала ад-Дином возле него и других вельмож царства, стоявших вокруг.

И он засмеялся над самим собой и обрадовался и прославил Аллаха, так как избавился от беды.

И халиф спросил его:

— Что ты видел, о Джафар?

Но Джафару не хотелось рассказывать ни о чем из того, что его постигло, и он сказал:

— О повелитель правоверных, поистине, чудеса, на которые способен наш господин врач, это нечто ошеломляющее мысль и поражающее разум! Я видел только вещи, приводящие ум в смущение. Какие сады, какие цветники, что за большеглазые гурии! Чудеса! Диковины! Ни один чело-

век никогда не видывал ничего подобного, и если ты хочешь и желаешь, о повелитель правоверных, посмотреть своими глазами — пожалуй, садись в корыто и увидишь диковинные дела, которых ты в жизни не видывал и о которых никогда не слыхивал.

И халиф встал, сбросил с себя одежду, повязался передником и сел в корыто, и увидел себя в море, обширном, полноводном, совсем без дна.

И он поплыл по морю, боясь утонуть, и большая волна ударила его и выбросила на берег, и он вышел из воды и поднялся на берег, голый, трясаясь от холода.

И халиф сказал про себя: «Клянусь Аллахом, увы и увы! Врач и везир сговорились против меня и отняли у меня власть, и врач станет вместо меня халифом. А я — куда это меня понесло, и зачем сдались мне эти проклятые зрелища!»

И в то время, как он раздумывал и обращал к себе самому такие речи, вдруг несколько девушек подошли к протекавшему там ручью, чтобы набрать из него воды. И, увидев халифа, девушки спросили его: «Кто ты, человек или джинн?» — и халиф ответил:

— Я человек, из лучших людей, но я здесь чужеземец и не знаю, куда идти.

— Из какой ты страны? — спросили девушки, и халиф ответил: «Я из Багдада», — и одна из девушек воскликнула:

— Да осенит благодать людей Багдада, ибо это обиталище повелителя правоверных, преемника пророка, да благословит его Аллах и да приветствует!

Потом она обернулась к халифу и сказала:

— О багдадец, поднимись вон на ту гору, и ты увидишь перед собой огромный город, имя которому Оман *. Войди туда, и ты найдешь там для себя жилище и покой.

И рассказывают, что когда халиф услышал слова девушки, он сказал про себя: «Эта девушка любит и уважает жителей Багдада, потому что это местожительство халифа, наместника Аллаха, а ведь я и есть этот самый халиф собственной особой. Попробую-ка я ей сказать „я халиф!“», что тогда будет? Может быть, она для меня что-нибудь придумает. Но нет, это девушки, и если им сказать такие слова, они сочтут твой ум скудным и ни одна из них тебе не поверит. Ну их совсем!»

Потом халиф попросился с девушками и поднялся на гору, как они ему советовали. Достигнув вершины горы, он спустился к ее подножию с другой стороны и действительно увидел перед собой огромный город и вошел в него.

И когда жители увидели его, голого, они сказали: «Очевидно, это купец и его корабль утонул». Они пожертвовали ему рваную одежду, и халиф надел ее и прикрыл свою наготу ею, а потом стал ходить по улицам, чтобы найти способ как-нибудь прожить и что-нибудь для себя устроить, и найти хоть чего-нибудь поесть, ибо он обессилел от голода.

И когда он ходил по городу, то увидел лавку повара и остановился перед ней, так как был изнурен голодом и утомлением, и принялся думать, какую бы устроить хитрость, чтобы раздобыть чего-нибудь поесть или чтобы кто-нибудь подал ему кусочек, но у него не хватало смелости протянуть руку и попросить.

И не знал он, как поступить, чтобы устроить свои дела, но тут хозяин лавки посмотрел и увидал его. Он понял, что это голодный человек, и что он был богат и путешествовал, и корабль, на котором он плыл, утонул, и обратился к нему:

— Ты, видно, чужеземец. Если хочешь, живи у меня и служи мне. Я буду тебе давать каждый день два дирхема, и ты будешь есть и пить за свою службу.

Когда халиф услышал слова повара, слезы заструились у него по щекам и он сказал про себя: «Ах, увы тебе, мирская жизнь! Был я халифом, а теперь стану слугой у какого-то повара! Но клянусь Аллахом, я все это заслужил! С чего это мне захотелось посмотреть на чудеса этого врача, прокляни Аллах его самого и его диковинки!»

Потом он подумал и увидел, что все эти мысли ему не помогут и не утолят его голода, и сказал повару:

— Хорошо, господин, я согласен, я буду у тебя жить и служить тебе, как ты сказал.

И тот ввел халифа в лавку, и халиф стал ему служить и мыть чашки и горшки, и провел у него в таком положении долгое время, постоянно говоря про себя: «Таково воздаяние мне, и наименьшее воздаяние за мое великое любопытство! Господин мой, что это с тобой случилось, что ты пожелал посмотреть на диковинки этого проклятого? Я оставил все свое богатство и стал поваром, — хорошо бы еще поваром, нет — слугой повара! И вот — мою чашки и горшки, вместо

того чтобы быть халифом и пользоваться богатством, величием и благосостоянием, в котором я пребывал. Когда я сидел за столик, чтобы поесть, наложницы заводили музыку и всякие напевы, а теперь я вылизываю чашки! Таково воздаяние тому, кто много болтает и спрашивает о том, что его не касается! Зачем мне понадобились эти зрелища, для чего я ввергнул себя в такую беду, какой никогда ни с кем, кроме меня, не случалось! И какая беда страшнее этой,— я был халифом и в одну минуту стал батраком у какого-то повара-ришки. Господи, в чем мой грех, за что мне досталась такая напасть!»

И однажды халиф размышлял об этом, идя по дороге, и оказался на рынке ювелиров. А в море около города были жемчужные отмели и россыпи драгоценных камней, и халиф, кончив мыть чашки и кастрюли, проводил время, смотря на ловцов, которые ныряли, чтобы добыть из моря жемчуг. И вот когда он как-то смотрел на них, ему пришла мысль сделаться маклером на рынке ювелиров, и он сказал про себя: «Во всяком случае, это лучше, чем быть слугой повара, мыть чашки и горшки. Ибо, клянусь Аллахом великим, мне надоело у него жить и я хочу отдохнуть от его рожи и от кухонной вони».

И халиф проспал ночь, а на утро поднялся и пошел на рынок ювелиров и встал там, где стоят посредники, и вдруг подошел к нему человек с драгоценным камнем, от которого исходили лучи, подобные лучам солнца, и стоял он деньги неисчислимы. И когда халиф увидел этот камень, он впал в великое изумление и сказал про себя: «Я был халифом и за всю жизнь не видал такого камня!»

И он выступил вперед и спросил человека, владельца камня:

— Ты хочешь продать этот камень?

— Да, я желал бы его продать,— отвечал тот, и халиф взял камень и стал его предлагать, крича:

— Набавляйте, набавляйте, ворота открыты! — и когда он оказался с этим камнем среди лавок купцов и купцы увидели камень, он понравился им и они оторопели от красоты его и блеска.

За камень давали пятьдесят тысяч динаров, но халиф не останавливался и продолжал кружить с ним по рынку, ожидая надбавки, пока цена не достигла ста тысяч динаров, и

тогда халиф вернулся и рассказал об этом владельцу камня, и тот сказал:

— Пойди и пожелай благодати тому, кто хочет его купить, и возьми у него деньги, а я вернусь через недолгое время.

И халиф воротился к человеку, который давал за камень сто тысяч динаров, и сказал ему:

— Аллах да пошлет тебе благодать! Вручи мне деньги за камень,— и тот спросил:

— А где владелец камня?

— Его владелец уполномочил меня,— ответил халиф, и покупатель воскликнул:

— Эти дела незаконные! Пойди, подай сюда владельца камня, он и получит деньги.

И халиф пошел искать хозяина камня, но не увидел его, и тогда он вернулся к тому купцу и сказал:

— Я его владелец, вручи деньги мне.

И покупатель поднялся было, чтобы отдать ему стоимость камня, но, подумав, обратился к разуму и потребовал у халифа камень, чтобы еще раз взглянуть на него и хорошенько его рассмотреть. И халиф отдал купцу камень, и тот посмотрел на него, и вгляделся как следует, и обнаружил, что это кусок черного сандарака *.

И покупатель опешил, и оторопел, и обратился к халифу, говоря:

— О дьявол, давно ты занимаешься таким ремеслом: делаешь фальшивые камни и продаешь на рынке купцов?..

И остальные торговцы услышали их пререкания и собрались вокруг халифа, и один его бранил, другой давал ему тумака, а третий бил, и наконец ему скрутили руки и повели его к султану.

И когда его привели, султан спросил:

— В чем преступление этого человека? — и ему сказали:

— О царь времени, этот человек делает фальшивые камни и обманывает купцов в твоём городе.

И султан, услышав эти слова, тотчас же велел его повесить; и халифу накинули на шею веревку, обнажили ему голову и возгласили: «Вот воздаяние, и наименьшее воздаяние, тому, кто устраивает подделки и обманывает людей на рынке султана!»

И халиф задумался о своей судьбе и сказал:

— Клянусь Аллахом, это развлечение обременительное! Что это со мной сделалось, что я пожелал развлечься? Был я халифом и стал слугой у повара, судомойкой блюд и горшков, но мне не нравилось сидеть и помалкивать и захотелось стать вельможей и маклером драгоценных камней, а кончилось это все повешением... Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Раньше я приказывал вешать людей, а теперь те, кто был мне подвластен, приказывают вешать меня. Клянусь Аллахом, прав глашатай: таково воздаяние, и наименьшее воздаяние, тем, кто развлекается подобными зрелищами. Прокляни Аллах врача и его развлечения, которые привели к тому, что я стал маклером драгоценных камней и умру повешенным!

Потом халифа повели на виселицу и привязали веревку и стали его поднимать на ней, и когда халиф поднимался, он открыл глаза и увидел, что поднимается из корыта с водой.

А врач, везир и вельможи царства ожидали халифа, и когда Джафар, везир, увидел его, он встал и поцеловал землю, смеясь, а потом отвесил поклон, и поцеловал ему руку, продолжая смеяться.

— Что ты смеешься, Джафар? — спросил его халиф.

И Джафар ответил:

— О повелитель правоверных, я радуюсь и смеюсь над самим собой и восхваляю Аллаха за то, что избавился от беды, в которую попал.

— А что это была за беда, в которую ты попал? — спросил халиф, и ему захотелось узнать, что случилось с его везиром, когда тот сел в корыто.

— О повелитель правоверных, — ответил Джафар, — если я тебе расскажу о своей беде, то боюсь, ты мне не поверишь.

— Почему же я тебе не поверю? Клянусь великим Аллахом, я тебе верю, и ты достоин доверия. Рассказывай! — воскликнул халиф и Джафар сказал:

— Когда я погрузился в корыто, то увидел себя посреди полноводного моря, где бушуют волны. Я поплыл, чтобы спастись и не утонуть и выйти на берег, который был близко от меня, и настигла меня огромная волна и выбросила на сушу. И я вышел и возблагодарил Аллаха великого за то,

что не утонул но, осмотрев себя, увидел, о повелитель правоверных, что стал женщиной с сосками на груди. И остался я без бороды, без усов и без прочего.— невинная девушка восемнадцати лет от роду, и все, что есть у женщины, было и у меня.

А потом, после этого, меня повстречал один рыбак и взял к себе в дом и выдал за своего сына, и досталось мне от него семь человек детей — вот и моя история. А мой муж, сын рыбака, был жалкий пахарь, который разговаривал с быками, стоя за их хвостом, и этот проклятый обладал мной, когда хотел.

— О пес, сын пса! — воскликнул халиф.— Ты был замужем, тобою обладал сын рыбака, у тебя были дети и ты во всяком случае наслаждался, хоть тобой и обладали, послушай же меня, который только что слез с виселицы!

И халиф рассказал присутствующим обо всем, что с ним случилось, и все подивились умению врача в его искусстве, остроте его ума и сметливости.

Потом халиф пожаловал врачу халат и наградил его, и врач жил вместе с Ала ад-Дином в халифском дворце, а Ала ад-Дин непрестанно пребывал со своей женой, госпожей Бадр аль-Будур, в приятнейшей жизни, пока не пришла к ним Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний.

РАССКАЗ
ПРО МИ-БАБА
И СОРОК ВОРОВ
И НЕВОЛЬНИЦУ
МАРДЖАНУ,
ПОЛНОСТЬЮ
И ДО КОНЦА

овествуют в древних, старинных преданиях живших в прошлом народов и минувших поколений — а Аллах более всех сведущ в неведомом и премудр, — что в былые времена и прошедшие века и столетия жили в одном из городов Хорасана персидского два человека, родные братья, одного из которых звали Касим, а другого — Али-Баба. Отец их скончался и оставил им лишь ничтожное наследство и незначительное

имущество, и братья поделили то, что оставил отец, хоть и было этого немного, по закону и по справедливости, без споров и пререканий. Потом, после раздела наследства родителя, Касим женился на богатой женщине, владелице земель, садов, виноградников и лавок, полных роскошными товарами и бесчисленными ценными вещами, и принялся продавать и покупать, получать и отдавать, и состояние его умножилось, и судьба помогла ему, и приобрел он славу среди купцов и значение в глазах людей почтенных и состоятельных.

Что же касается Али-Баба, то он женился на бедной женщине, не имевшей ни дирхема, ни динара, ни домов, ни поместий. Он истратил в короткое время то, что унаследовал от отца, и овладела им после этого нужда с ее горестями и бедность с ее тяготами и заботами, и растерялся он, не зная, что ему делать, и не мог придумать никакой хитрости, чтобы добыть пропитание и средства к жизни. А Али-Баба был человек знающий, разумный, понятливый и образованный, и тут он произнес такие стихи:

«Твои познания, как луна, светлы.
Ученый ты», — твердят мне все подряд.
Но от похвал я рад бы убежать.
Что значит мудрость? Власть сильнее стократ.
Вы говорите: клад — премудрость книг.
Хотел бы я отдать ее в заклад.
Ведь не дадут гроша, и лишь в лицо
Проклятия и книги полетят.
В моей судьбе — злосчастья что ни день.
Жизнь бедняка — не жизнь, а сущий ад:
В жаровнях наших стынут угольки,
Глад мучит летом, а зимою холод,
Рычат на нищих уличные псы,
Встречаешь всюду брань и злобный взгляд.
Не сегой — не простят нам нищеты,
Все жалобы на бедность невпопад.
И если в жизни нет отрады нам,
Уж лучше — в гроб, там люди мирно спят.

А кончив говорить, он сел и стал думать о своем положении, размышляя, на что ему опереться в своих делах, чтобы прожить, и какой хитростью добыть пропитание, и сказал про себя: «Если я куплю на оставшиеся у меня дирхемы топор и несколько ослов, поднимусь с ними на гору, варублю там дров, и, спустившись, продам их на городском рынке,

то наверное добуду достаточно, чтобы рассеять мою заботу и покрыть расходы на семью».

Эта мысль показалась ему хорошей, и он поспешил купить ослов и топор, а на утро отправился на гору с тремя осликами, и каждый осел был ростом с мула.

И Али-Баба провел день за рубкой дров, которые он вязал в вязанки, а когда время подошло к вечеру, нагрузил своих ослов, спустился с ними с горы и шел, направляясь в город, пока не достиг рынка. Он продал дрова и потратил вырученные деньги на улучшение своего положения и на расходы для семьи, и рассеялась его грусть, и исчезло расстройство духа, и он прославил и восхвалял Аллаха. Он провел ночь довольный, с радостным сердцем и спокойной душой, а когда наступило утро, встал и вернулся на гору и стал делать то же, что делал накануне, и он взял это себе в привычку и каждое утро отправлялся на гору, а вечером возвращался на городской рынок, и продавал там свои дрова, и расходовал деньги на семью.

И обрел Али-Баба от этого благо, и продолжал жить таким образом, и вот однажды, когда он рубил на горе дрова, он увидел, что поднялось облако пыли, которое заволокло края неба, а когда пыль рассеялась, показалось несколько всадников, подобных ярым львам, и были они увешаны оружием, одеты в кольчуги, и опоясаны мечами, и у колена каждого было копьё, а на плече — лук.

И Али-Баба испугался их, устранился и встревожился. Он направился к высокому дереву, взобрался на него и укрылся между ветвями, полагая, что это воры, и, притаившись за покрытыми листвою сучьями, направил взоры на всадников.

Продолжает передающий эти дивные слова и повествующий об этом диковинном, увеселяющем деле: когда Али-Баба влез на дерево и взгляделся во всадников взором пронизательного, он твердо уверился, что это воры и разбойники. Он пересчитал всадников, и оказалось, что их сорок человек, и каждый из них ехал на скакуне из числа лучших коней.

И усилился страх Али-Баба, и он очень испугался; у него высохла слюна, и не знал он, как ему быть. А всадники между тем остановились и сошли с коней и повесили им на шею торбы с ячменем, а потом каждый из них взял мешок,

привязанный на спине его коня, и положил себе на плечо. А Али-Баба поглядывал на воров и смотрел на них с дерева.

И предводитель воров пошел впереди своих людей, направился к склону горы и остановился перед небольшой дверью из стали; эта дверь находилась в месте, поросшем густой травой, так что ее не было видно из-за множества колючих кустарников, и Али-Баба раньше не замечал ее — совершенно ее не видел и ни разу на нее не наткнулся.

И когда воры остановились у стальной двери, предводитель их крикнул громким голосом: «Сезам *, открой твою дверь!» — и когда он произнес эти слова, дверь открылась и предводитель вошел, а за ним воры, несшие на плечах мешки.

Али-Баба удивился и твердо решил, что каждый мешок полон белого серебра и желтого, чеканного золота. А дело действительно так и было, ибо эти воры грабили на дорогах и делали набеги на селения и города, обижая рабов Аллаха, и совершив ограбление каравана или набег на какую-нибудь деревню, они всякий раз приносили добычу в это уединенное, скрытое, удаленное от глаз место.

И Али-Баба сидел на дереве, спрятавшись, безмолвный и недвижимый и не отводил взгляда от воров, наблюдая за их действиями, и наконец он увидел, что те выходят с пустыми мешками, предшествуемые предводителем. Они снова привязали мешки на спины коней, как раньше, взнуздали коней, сели и поехали, направляясь в ту сторону, откуда пришли, и ехали, ускоряя ход, пока не удалились и не скрылись с глаз, а Али-Баба, от страха молчал, не шевелился и не дышал, и он лишь тогда спустился с дерева, когда воры удалились и скрылись с глаз.

Говорит рассказчик: и когда Али-Баба почувствовал себя в безопасности от их зла и успокоился и утих его страх, он спустился с дерева, подошел к той маленькой двери и остановился, рассматривая ее, а потом промолвил про себя: «А что если я скажу „Сезам, открой твою дверь!“, как сделал предводитель воров? Откроется она или нет?»

И он подошел к двери и произнес эти слова, и дверь открылась, а причиной этого было то, что это место создали непокорные джинны, и оно было закодировано и охранялось великими талисманами, и слова «Сезам, открой твою дверь»

были тайным средством разрешить талисман и открыть дверь.

И Али-Баба, увидев, что дверь открыта, вошел, и не успел он переступить порог, как дверь за ним замкнулась. Али-Баба испугался и устранился и произнес слова, которых не устыдится говорящий: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого!» — а потом он вспомнил слова «Сезам, открой твою дверь», и его страх и ужас рассеялся.

«Мне нечего беспокоиться о том, что дверь закрылась, раз я знаю тайный способ ее открыть», — сказал он себе и прошел немного вперед. Он думал, что в этом помещении темно, и до крайности удивился, увидев, что это просторная, освещенная комната, возведенная из мрамора, хорошо построенная, с высокими сводами, и что в ней сложено все, чего может желать душа из кушаний и напитков. Оттуда он перешел в другую комнату, более обширную и просторную, нежели первая, и нашел там богатства, диковинки, редкости и чудные вещи, вид которых ошеломляет смотрящего и бессильны описать их описывающие. Там были собраны слитки чистого золота и другие слитки — из серебра, а также отборные динары * и считанные дирхемы *, и все это лежало кучами, словно песок или галька, и нельзя было этого исчислить и сосчитать.

И когда Али-Баба походил по этой удивительной комнате, он увидел еще одну дверь и прошел через нее в третью комнату, красивой и прекрасней второй, и были там сложены наилучшие одежды для рабов Аллаха из всех стран и земель. Там лежали во множестве дорогие отрезки хлопчатобумажной ткани и роскошные шелковые и парчовые одеяния, и нет такого сорта материй, которого не нашлось бы в этом помещении, будь они из земель сирийских, или из самых дальних стран Африки, или даже из Китая, Синда *, Нубии и Индии.

Потом Али-Баба перешел в комнату драгоценных камней и самоцветов, и была она больше и чудесней всех, ибо вмещала столько жемчуга и дорогих камней, что количества их не определить и не счесть, будь то яхонты, изумруды, бирюза или топазы. Что же касается жемчуга, то его были там кучи, а сердолик виднелся рядом с кораллом.

Оттуда Али-Баба перешел в комнату благовоний, духов и курений — а это была последняя комната — и нашел в

пей все лучшие сорта и прекрасные разновидности вещей этого рода. Там веяло алоэ и мускусом и пахло запахом амбры и цибета *; по комнате разносилось благовоние не да * и всяких духов, и она благоухала шафраном и прочими ароматами. Сандал валялся там, как дрова для топки, и мандал * лежал, словно брошенные сучья.

Увидев эти богатства и сокровища, Али-Баба оторопел, и ум его был ошеломлен, и разум у него помутился. Он стоял некоторое время в недоумении и растерянности, а затем сделал несколько шагов и стал внимательно рассматривать драгоценности: подходил к жемчугу и вертел в руках бесподобную жемчужину, или бродил среди рубинов, отбирая благородные камни, или выискивал кусок-другой парчи, шитой ярким золотом, который ему особенно нравился, или прохаживался среди отрезков мягкого, нежного шелка, или вдыхал аромат алоэ и благовоний.

Потом он подумал, что если бы воры даже долгие годы и многие дни собирали эти богатства и диковинки, они не могли бы накопить даже части их, и что сокровищница несомненно существовала раньше, чем воры в нее проникли, и во всяком случае они ею завладели незаконным образом и несправедливым путем. Если он, Али-Баба, воспользуется случаем и возьмет малую толику этого большого богатства, он не совершит греха и не заслужит упрека, а потом, раз богатства столь обильны и воры не могут их исчислить и сосчитать, то они не заметят и не узнают, что часть их взята.

И тогда Али-Баба решил взять сколько-нибудь этого брошенного золота и принялся переносить мешки с динарами из сокровищницы наружу, причем всякий раз как он хотел войти или выйти, он говорил: «Сезам, открой твою дверь!» — и дверь распахивалась.

А окончив выносить деньги, он нагрузил ими ослов и прикрыл мешки с золотом небольшим количеством дров. Он погонял животных, пока не дошел до города, и тогда он направился в свое жилище, радостный, со спокойным сердцем.

Говорит рассказчик: и когда Али-Баба вошел в свое жилище, он запер за собою ворота, остерегаясь, как бы не ворвались к нему соседи. Он привязал ослов в стойле и задал им корму, а потом взял один мешок, поднялся к своей жене и положил мешок перед нею, а после этого снова спустился вниз и принес другой мешок, и так носил мешок за мешком,

пока не перенес все мешки, а жена его смотрела, ошеломленная, удивляясь его поступкам. Она пощупала один из мешков и ощутила твердость динаров, и тут лицо ее пожелтело и состояние ее расстроилось, так как она решила, что ее муж украл эти обильные деньги.

— Что ты сделал, о злополучный! — воскликнула она. — Нет вам нужды в том, что недозволено, и не надобны нам чужие деньги! Что до меня, то я довольствуюсь тем, что уделил мне Аллах, и согласна жить в бедности. Я благодарна за то, что Аллах мне посылает, не думаю о чужом богатстве и не хочу ничего запретного.

— О женщина, — сказал ей Али-Баба, — да будет спокойна твоя душа и да прохладится твое око! Не бывать никогда тому, чтобы рука моя коснулась запретного, а что касается этих денег, то я нашел их в одной сокровищнице и воспользовался случаем и взял их и принес сюда.

Потом Али-Баба рассказал жене о том, что случилось у него с ворами, от начала до конца — а в повторении нет пользы, — а окончив рассказывать, велел ей держать язык за зубами и хранить тайну, и когда его жена услышала это, она до крайности удивилась, и страх ее исчез, и расправилась ее грудь, и охватила ее великая радость.

А Али-Баба опорожнил мешки посреди комнаты, и золотая оказалась целые кучи. Его жена была ошеломлена и поразились обилию золота и принялась было считать динары, но Али-Баба сказал ей:

— Горе тебе, ты и за два дня не сумеешь пересчитать их, и от этого не будет никакой пользы! Не стоит сейчас заниматься таким делом, и, по-моему, лучше всего вам будет выкопать для этих денег яму и зарыть их туда, чтобы наше дело не стало явным и не разгласилась наша тайна.

— Если тебе неохота считать деньги, то необходимо их перемерить, чтобы мы хоть приблизительно знали, сколько их, — возразила его жена.

И Али-Баба сказал:

— Делай как тебе угодно, но я боюсь, как бы люди не узнали о наших обстоятельствах. Тогда раскроется наша тайна, и мы станем каяться, хотя и не будет от раскаяния пользы.

Но жена Али-Баба не обратила внимания на его слова и не посчиталась с ними, а наоборот, вышла, чтобы занять

у кого-нибудь меру, так как вследствие ее бедности и плохого положения у нее не было сосуда для отмеривания. Она пошла к своей невестке, жене Касима, и попросила у той меру, и невестка сказала: «С любовью и удовольствием!» — и вышла, чтобы принести меру, говоря про себя: «Жена Али-Баба бедная, и нет у нее привычки что-нибудь отмерять. Посмотреть бы, какое у нее сегодня зерно, что ей вдруг потребовалась мера».

И жене Касима захотелось разнюхать, в чем дело, и узнать истину. Она положила на дно меры немного воску, чтобы отмеряемое зерно к нему прилипло, и потом отдала меру жене Али-Баба, а та взяла меру, поблагодарила невестку за милость и поспешно возвратилась в свое жилище. Придя домой, она села и принялась мерить золото, и оказалось, что его десять мер, и жена Али-Баба обрадовалась и рассказала об этом своему мужу.

А Али-Баба между тем выкопал большую яму, сложил туда золото и снова засыпал яму землей, а его жена поспешила вернуть меру невестке.

Вот что было с этими двумя.

Что же касается жены Касима, то когда жена Али-Баба ушла, ее невестка перевернула меру и увидела динар, который прилип к воску. Жена Касима сочла это удивительным, так как знала, что Али-Баба беден, и просидела некоторое время в недоумении, а потом она убедилась, что вещь, которую отмеривали — чистое золото, и сказала про себя: «Али-Баба прикидывается бедняком, а сам меряет золото мерами! Откуда пришло к нему такое счастье, и где он добыл это обильное богатство?»

И вступила ей в сердце зависть, и загорелась ее душа, и она сидела, дожидаясь прихода мужа, и была в наихудшем состоянии. Что же касается Касима, ее супруга, то он обычно каждый день спешил уйти в свою лавку и оставался там до вечера, занятый куплей и продажей, получая и отдавая деньги, и жена в тот день не могла его дождаться из-за своего великого огорчения, и зависть убивала ее.

А когда пришел вечер и спустилась ночь, Касим запер свою лавку и направился домой, и, войдя, он увидел, что жена его сидит унылая, грустная, с плачущими глазами и опечаленным сердцем. А Касим любил ее великой любовью и спросил:

— Что с тобой случилось, о прохлада моего глаза и плод моего сердца, и какова причина твоей печали и плача? — и жена его воскликнула:

— Поистине, мала твоя сметливость и невелика твоя щедрость! О, если бы я вышла замуж за твоего брата! Хоть он с виду и беден, и говорит, что нуждается, и живет, как нищий, а денег у него столько, что количество их знает лишь один Аллах и исчислить их можно только мерами. А ты притязаясь на счастье и благоденствие и гордишься своим богатством, а на самом деле ты всего лишь бедняк в сравнении с твоим братом, так как считаешь свои динары по одному. Ты удовольствовался малым, а ему оставил многое.

И она рассказала мужу, что произошло у нее с женой Али-Баба — как та одолжила у нее меру, а она положила на дно меры воску и к воску прилип динар. И когда Касим услышал слова своей жены и воочию увидел динар, прилипший снизу к мере, он убедился, что к его брату пришло счастье, но не обрадовался этому, а наоборот, его сердцем овладела зависть, и он замыслил против брата дурное, ибо он был человек завистливый, подлый, презренный и скупой.

И провели они с женой эту ночь в наихудшем состоянии от великой горести и мучительной тоски, не смежая век, и не шел к ним сон и дремота, а наоборот, они всю ночь не спали и волновались, пока не засветил Аллах утро и не засияло оно, озаряя мир своим светом.

И Касим совершил утреннюю молитву и пошел к своему брату и вошел к нему в дом внезапно, а Али-Баба, увидев Касима, встретил его наилучшим образом, проявляя радость и приветливость, и посадил его на почетное место; и когда Касим уселся как следует, он сказал Али-Баба:

— Почему это, о брат мой, ты живешь в бедности и в нужде, хотя у тебя в руках богатства, которых не пожрать огням? Какова причина твоей скаредности и нищенского существования при значительном состоянии и возможности много тратить? Что толку от денег, если человек ими не пользуется? Разве не знаешь ты, что скупость причисляют к порокам и недостаткам и считают дурным, порицаемым качеством?

И брат Касима ответил ему:

— О если бы был я таким, как ты говоришь! На самом деле я так же беден, как раньше, и нет у меня богатства,

кроме ослов и топора; что же касается этих твоих слов, то я дивлюсь им, не знаю их причины и совершенно не разумею их.

— Ложь и хитрость теперь уже не помогут, и ты не можешь меня обмануть, ибо дело твое стало явным и положение твое, которое ты скрывал, сделалось известно. — возразил Касим. Он показал Али-Баба динар, прилипший к воску, и воскликнул:

— Вот, что мы нашли в мере, которую вы у нас одолжили, и не будь твое богатство обильным, она бы вам не понадобилась и вы бы не мерили золото на меры!

Тут Али-Баба понял, что причина раскрытия его тайны и обнаружения его богатства — скудоумие жены, которая пожелала перемерить золото, и что он сделал ошибку, послушавшись ее, но какой конь не спотыкается и какой клинок когда-нибудь не отскочит? Он сообразил, что исправить оплошность можно только сделав тайное явным, и что правильно будет ничего не скрывать и осведомить брата о случившемся. Во всяком случае, раз денег так много, больше чем может исчислить мысль и воображение, то его доля не уменьшится, если он поделится с братом и они станут владеть ими сообща; ведь они не изведут этих денег, даже если проживут сто лет и будут брать из них на расходы ежедневно.

И затем, побуждаемый таким мнением, он рассказал брату историю с теми ворами и сообщил, что у него с ними было: как он вошел в сокровищницу и вынес оттуда много денег и какие пожелал драгоценные металлы и ткани, и потом сказал:

— О брат мой, все, что я принес, будет у нас общее, и мы поделим это поровну, а если ты захочешь больше, я тебе принесу. Ведь ключ от сокровищницы у меня, и я спущусь туда и вынесу, что хочу, без препятствий и помех.

— На такой дележ я не согласен, — возразил Касим. — Я желаю, чтобы ты провел меня к месту клада и осведомил о тайне входа в него. Ты возбудил во мне желание туда проникнуть, и я хочу его видеть; как ты вошел в него и забрал все, что хотел, так и я желаю туда войти. Я посмотрю на то, что там есть, и возьму, что мне понравится, а если ты не согласишься на то, что я хочу, я пожалуюсь на тебя прави-

телю города и осведомлю его о твоём деле, и тебе достанется от него то, что будет неприятно.

Услышав слова Касима, Али-Баба сказал:

— Чего ты грозишь мне правителем? Я ни в чём тебе не прекословлю и осведомлю тебя обо всем, что ты хочешь знать, и я колебался только из-за воров, боясь, что они тебя обидят. А если ты хочешь войти в сокровищницу, то мне не будет от этого ни вреда, ни пользы. Бери оттуда сколько тебе понравится: если ты начнешь таскать эти драгоценности, то не сможешь перенести все, что лежит в сокровищнице, и то, что ты там оставишь, всегда будет во много раз больше того, что ты возьмешь.

Потом Али-Баба показал Касиму дорогу к горе и место клада, научил его словам: «Сезам, открой твою дверь!» — и сказал:

— Запомни хорошенько эти слова и берегись их забыть; я боюсь козней воров и последствий этого дела.

Говорит рассказчик: когда Касим узнал местонахождение клада, постиг, каким способом до него добраться, и запомнил необходимые слова, он ушел от своего брата, радостный, не внимая его предостережениям и не задумываясь о сказанных им словах. Он вернулся в свое жилище с веселым лицом, явно обрадованный, и рассказал жене, что произошло у него с Али-Баба, и молвил:

— Завтра утром, если захочет Аллах, я отправлюсь на гору и вернусь к тебе с еще большими богатствами, чем те, что принес мой брат; твои упреки огорчили и взволновали меня, и я хочу сделать нечто такое, что вернет мне твое благоволение.

Потом Касим снарядил десять мулов, взвалил на каждого мула по два пустых сундука, положил необходимые инструменты и веревки и лег спать с намерением отправиться в сокровищницу и завладеть содержащимися в ней богатствами и драгоценностями, не делясь ими с братом. А когда засияла заря и заблестало утро, он поднялся, наладил снаряжение на своих мулах и до тех пор гнал их перед собой, пока не дошел до горы. Достигнув ее, он стал искать дверь, руководствуясь признаками, которые описал брат, и непрерывно разыскивал ее, пока она не появилась перед ним на склоне горы среди травы и растений.

И, увидев дверь, Касим поспешно произнес: «Сезам, открой твою дверь!» — и дверь перед ним вдруг распахнулась. И Касим удивился до крайней степени и торопясь и спеша вошел в сокровищницу, жаждая поскорей забрать ее богатства, и едва он перешагнул порог, дверь замкнулась за ним, как обычно.

И Касим прошел через первую комнату и дошел до второй и третьей, и он переходил из комнаты в комнату, пока не миновал их все. Он опешил, увидя находившиеся там диковинки, и растерялся, найдя столько редкостей; ум чуть не улетел у него от радости, и ему захотелось забрать все эти богатства сразу.

И Касим походил направо и налево и поворошил некоторое время кучи дирхемов и драгоценных вещей, а потом решил уходить. Он взял мешок с золотом, взвалил его на плечи и подошел к двери, намереваясь произнести нужные слова, чтобы дверь открылась, то есть сказать «Сезам, открой твою дверь!», но эти слова не пришли ему на язык, и он совершенно их запомнил. Он сел и начал их вспоминать, но они не появлялись у него на уме и не прояснялись у него в мыслях; напротив, он их совсем позабыл. Он сказал: «Ячмень, открой дверь!» — но дверь не открылась, потом сказал: «Пшеница, открой дверь!» — но дверь не шевельнулась, потом крикнул: «Горох, открой дверь!» — но дверь осталась закрытой, как была, и Касим называл один знак за другим, пока не перечислил названия всех, но слова «Сезам, открой твою дверь!» так и исчезли у него из памяти.

Когда Касим убедился в этом и увидел, что нет проку называть все сорта зерна, он сбросил золото с плеч, сел и снова стал вспоминать, какой же это знак назвал ему его брат, но он так и не пришел ему в голову. Он просидел некоторое время, охваченный крайней заботой и беспокойством, и никак не мог заставить это название появиться у него в мыслях, и тогда он стал горевать и мучиться, раскаиваясь в том, что сделал, когда от раскаяния не было пользы, и говорил: «О если бы я удовольствовался тем, что предложил мне брат, и оставил жадность, которая стала теперь причиной моей гибели!»

И он бил себя по лицу, вырывал волосы, рвал на себе одежду и посыпал голову пылью, проливая обильные слезы, и то кричал и причитал во весь голос, то плакал молча, охва-

ченный печалью. И тянулись над ним долгие часы, и сменялось время, а он был все в таком положении, и каждая проходящая минута казалась ему целым веком. И пребывание его в сокровищнице все длилось, и страх и ужас его все усиливался, и наконец он отчаялся спастись и воскликнул:

— Я погиб несомненно, и нет способа освободиться из этой тесной темницы!

Вот что было с Касимом.

Что же касается воров, то они встретили караван, с которым шли купцы со своими товарами, и ограбили его и захватили большие богатства, а после того, как было у них в обычае, направились в сокровищницу, чтобы сложить туда добычу. И когда они приблизились к ней, то заметили мулов, которые стояли там с сундуками, и встревожились, и показалось им это подозрительным. Они бросились на мулов, как один человек, и мулы разбежались и рассеялись на горе, но воры не обратили на них внимания. Они остановили коней, и спешили и обнажили мечи, остерегаясь хозяев мулов и полагая, что их много, но не увидели перед сокровищницей ни одного человека, и подошли к двери.

А Касим, услышав топот коней и людские голоса, прислушался и убедился, что это те самые воры, про которых ему рассказывал его брат. Он стал надеяться, что спасется, и решил убежать и притаился за дверь, готовясь к бегству, а предводитель воров между тем подошел и произнес: «Сезам, открой твою дверь!» — и дверь вдруг распахнулась, и Касим ринулся вперед, спасаясь от гибели и ища избавления, и когда он бросился к двери, то наткнулся на предводителя и повалил его. И Касим заметался среди воров и увернулся от первого, второго и третьего, но их как никак было сорок человек, и он не смог ускользнуть от всех, и один из воров настиг его и так ударил копьём в грудь, что зубы вышли, сверкая, из его спины, и кончился срок жизни Касима. Таково воздаяние тому, кем овладела жадность и кто замыслил обмануть и предать своего брата!

Потом воры вошли в сокровищницу и им стало ясно, что из нее что-то взято, и обуял их великий гнев. И завладела ими мысль, что их соперник — это убитый Касим, и что именно он взял недостающие драгоценности, но они не могли понять, как Касим попал в это неведомое, отдаленное и скрытое от глаз место и как разгадал тайный способ открыт

дверь, который знал, кроме них один Аллах, да будет он возвеличен и прославлен!

И увидев, что он лежит убитый, недвижимый, воры обрадовались и успокоились, так как думали, что никто, кроме него, больше не войдет в сокровищницу, и говорили:

— Хвала Аллаху, который избавил нас от этого проклятого! — а затем, в назидание и на страх другим, они разрубили тело Касима на четыре куска и повесили их за дверью, чтобы послужило это предостережением для всякого, кто отважится войти в это место.

И после этого воры вышли и дверь замкнулась, как раньше, и они сели на коней и уехали своей дорогой, и вот то, что было с этими людьми.

Что же касается жены Касима, то она целый день просидела, ожидая мужа и надеясь на исполнение своих желаний; она рассчитывала, что Касим принесет ей богатства, которых она так жаждала, и готовилась своими руками пощупать динары и фельсы. Но когда пришел вечер, а Касим все мешкал и не возвращался, она встревожилась и пошла к Али-Баба и рассказала ему, что ее муж с утра отправился на гору и до сих пор не вернулся и что она боится, не случилось ли с ним что-нибудь и не поразила ли его беда.

И Али-Баба стал ее успокаивать и говорил:

— Не тревожься! Его отсутствию до сего времени наверное есть какая-нибудь причина, и я думаю, что он решил не возвращаться в город днем из опасения, как бы его обстоятельства не стали известны. Он несомненно хочет вернуться лишь ночью, чтобы исполнить свое дело тайком; не пройдет и немногих часов, как ты увидишь, что он возвращается к тебе с деньгами. А что до меня, то когда я узнал, что Касим намерен отправиться на гору, я воздержался и не поднялся туда, как обычно, чтобы мое присутствие его не стесняло и он бы не думал, что я намерен за ним подсматривать. Господь облегчит ему затруднения и завершит его дело благом! А ты — возвращайся к себе домой и ничего не опасайся. Если захочет Аллах, случится одно добро и ты скоро увидишь, что он возвращается невредимый и с богатой добычей.

Но жена Касима вернулась домой совсем не спокойная и сидела, огорченная, и было у нее на душе из-за отсутствия мужа тысяча печалей. Она строила всевозможные мрачные предположения, и ей приходили на ум дурные мысли, пока

солнце не зашло и в воздухе не стемнело, и наконец наступила ночь, а жена Касима так и не увидела мужа возвратившимся. Она не стала ложиться, отказавшись от сна и ожидая своего мужа, а когда прошло две трети ночи и она увидела, что Касим не возвращается, то отчаялась и принялась плакать и рыдать, но не стала кричать и вопить, как делают женщины, опасаясь, что соседи услышат и спросят, почему она плачет.

И жена Касима провела ночь без сна, в наихудшем состоянии, плача, тревожась, беспокоясь, волнуясь, горюя и страшась, а когда наконец дождалась утра, то поспешила пойти к Али-Баба и сообщила ему, что его брат не вернулся. Она говорила с ним печальная, плача и проливая обильные слезы и будучи в состоянии неопишемом, и когда Али-Баба услышал слова, с которыми она к нему обратилась, он воскликнул:

— Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Не знаю, что и думать о причине его отсутствия до сей поры. Я сам пойду и выясню, что с ним случилось, и осведомлю тебя об истине в этом деле. Может быть, с помощью Аллаха, задержка окажется на благо и то, что случилось, не принесет вреда или зла.

И Али-Баба тотчас же снарядил своих ослов, взял топор и отправился на гору, как делал каждый день, но и приблизившись к двери сокровищницы, он не нашел там мулов и заметил следы крови, и пресекалась его надежда увидеть брата, и он убедился, что тот погиб.

И Али-Баба подошел к двери, охваченный страхом, уже чувствуя, что случилось, и произнес: «Сезам, открой твою дверь!» — и когда он это говорил, дверь открылась и он нашел тело Касима, разрубленное на части и повешенное за дверью.

И волосы вздыбились у него на теле от подобного зрелища, и застучали зубы, и сморщились губы, и он едва не лишился чувств от страха и ужаса, и охватило его сильное горе. Он опечалился великой печалью из-за участи брата и воскликнул:

— Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Поистине, мы принадлежим Аллаху и к нему возвращаемся! От того, что написано, никуда не убежишь, и что

суждено человеку в сокровенном, то обязательно испытает он сполна!

Но потом Али-Баба подумал, что от плача и скорби в такое время нет ни пользы, ни проку и что самое лучшее и необходимое — призвать на помощь все свое хитроумие и руководиться правильным мнением и разумным суждением. Он вспомнил, что завернуть брата в саван и похоронить — это его обязанность и одна из заповедей ислама, и взял куски разрубленного трупа Касима и положил их на ослов и прикрыл тканями, добавив сверх того драгоценностей из клада, которые ему понравились, тех, что весят немного, а ценятся высоко. Он дополнил ношу ослов дровами, а потом подождал порядочно времени, пока не наступила ночь, и когда мир покрылся мраком, направился в город.

И Али-Баба вступил в город, будучи в худшем состоянии, нежели мать, потерявшая ребенка, и не знал он, что ему предпринять и как поступить с убитым. Он гнал своих ослов, утопая в море мыслей, пока не остановился у дома брата, и тогда он постучался в ворота, и ему открыла черная абиссинская невольница, находившаяся у Касима для услуг, и была это одна из прекраснейших невольниц с красивым лицом и изящным станом, юная годами, ясноликая и черноглазая, совершенная по качествам, и, что еще лучше, она обладала здравым рассудком, острым умом, возвышенными помыслами и великим благородством в минуту нужды. Хитростью и изобретательностью она превосходила опытного, проныцательного мужа, и домашние дела лежали на ней одной, и ей поручалось исполнение всех нужд.

И Али-Баба вошел во двор и сказал:

— Пришло твое время, о Марджана, и нам нужна твоя хитрость в важном деле! Я открою его тебе в присутствии твоей госпожи; пойдем же со мной, послушай, что я скажу ей.

И он оставил ослов во дворе и поднялся к жене своего брата, и Марджана поднялась вслед за ним, удивленная и встревоженная тем, что она от него услышала. И когда жена Касима увидала Али-Баба, она спросила:

— Что идет за тобой, Али-Баба — добро или зло? Открылись ли следы Касима, и узнал ли ты весть о нем? Поспешь меня успокоить и остуди жар моего сердца.

Но Али-Баба медлил с ответом, и она почуяла истину и принялась голосить и плакать, и Али-Баба молвил:

— Перестань кричать и не возвышай голоса! Берегись, чтобы люди не прослышали о нашем деле и не стала бы ты причиной того, что мы все погибнем.

Потом Али-Баба рассказал ей, что случилось и что произошло — как он нашел своего брата убитым и тело его — разрезанным на четыре куска и повешенным в сокровищнице, за дверь, и затем продолжал:

— Знай и будь уверена в том, что наше достояние, наши души и наши семьи — это прекрасные дары Аллаха и имущество, вверенное нам на хранение. Он заповедал нам благодарность за милости и терпение при испытаниях, и скорбь не вернет умершего и не защитит от печалей. Будь же терпелива, ибо последствие стойкости — благо и благополучие. Смириться перед приговором Аллаха лучше, чем скорбеть и роптать. Правильно и разумно будет, если ты теперь станешь мне женой, а я стану тебе мужем и женюсь на тебе. Моей первой жене это не будет в тягость, ибо она женщина умная, чистая душой и целомудренная, благочестивая и набожная, и мы все заживем одной семьей. Слава Аллаху, у нас довольно денег и всяких благ, чтобы избавить нас от работы и труда ради пропитания, и это обязывает нас благодарить подателя за то, что он дал, и хвалить его за его милости.

И когда жена Касима услышала слова Али-Баба, прошла ее великая скорбь и горесть, прекратился плач и высохли слезы и она молвила:

— Я твоя покорная раба и послушная служанка и повинуюсь тебе во всем, что ты считаешь за благо, но как ухитриться в деле с этим убитым?

— Что касается убитого, — ответил Али-Баба, — то поручи это дело твоей рабыне Марджане — ты ведь знаешь, как много у нее ума и как велика ее сметливость, рассудительность и способность придумывать хитрости.

Потом Али-Баба оставил жену Касима и ушел своей дорогой, а что касается рабыни Марджаны, то, услышав его слова и увидев, что ее господин убит и разрублен на четыре части, она поняла причину этого и стала успокаивать свою госпожу и сказала ей:

— Не тревожься и положишься в этом деле на меня. Я придумаю какой-нибудь способ, который принесет нам покой, и наша тайна не откроется.

И она вышла и отправилась в лавку москательщика, находившуюся на той же улице, а этот москательщик был старый человек, далеко зашедший в годах, славившийся познаниями в разных областях врачевания и лечения и восхваляемый за искусство в деле варки снадобий, хорошее знание всяких зелий и простых врачебных лекарств. Она попросила у него лекарственного теста, которое прописывают только при тяжелых болезнях, и москательщик спросил ее:

— А кому у вас в доме понадобилось такое тесто?

— Моему господину, Касиму, — ответила Марджана. — С ним приключилась сильная болезнь, которая свалила его, и он теперь в состоянии небытия.

И москательщик встал и вручил ей тесто, говоря:

— Быть может Аллах вложит в него исцеление, — и Марджана взяла у него тесто из рук, дала ему сколько пришлось дирхемов, и воротилась домой.

А на следующий день рано утром она вернулась к москательщику и потребовала лекарство, которым поят только тогда, когда уже нет надежды, и москательщик спросил ее:

— А разве тесто вчера не помогло?

— Нет, клянусь Аллахом, — ответила Марджана, — мой господин при последнем вздохе и борется за свою душу, а госпожа моя уже начала плакать и вопить.

И москательщик вручил Марджане лекарство, и та взяла его, отдала за него деньги и ушла, и потом она отправилась к Али-Баба и рассказала ему, какую она придумала хитрость. Она посоветовала Али-Баба почаще заходить в дом своего брата и проявлять грусть и печаль, и он делал так, как она велела, и когда люди в квартале увидели, что он то и дело входит и выходит из дома брата и на лице у него следы печали, они спросили, в чем причина этого. И Али-Баба рассказал им, что его брат болен и что его поразил тяжелый недуг, и весть об этом разнеслась по городу, и люди только о том и говорили.

Когда же настал следующий день, Марджана до восхода зари спустилась в город и шла по городским улицам, пока не подошла к одному башмачнику, которого звали шейх * Мустафа. А это был человек, далеко зашедший в годах, небольшого роста, толстоголовый, с длинной бородой и усами; он всегда открывал свою лавку спозаранку и был в этом от-

ношения первым на рынке, и люди знали за ним эту привычку.

И Марджана подошла к этому башмачнику и вежливо и чинно приветствовала его и положила ему в руку динар, и когда шейх Мустафа увидел, какого цвета монета, он долго вертел ее в руках и потом сказал:

— Вот благословенный почин!

А он понял, что Марджана хочет обделать через него какое-то дело, и сказал ей:

— Изъясни мне, о госпожа невольниц, каковы твои желания, и я их исполню для тебя.

— О шейх,— молвила Марджана,— возьми иголку и ниток, вымой руки, надень твои сандалии и позволь мне завязать тебе глаза, а потом ты пойдешь со мной, чтобы исполнить одно тонкое дело; ты получишь за него награду на земле и на небесах и тебе не будет от этого ни малейшего вреда.

— Если я тебе нужен ради вещи, угодной Аллаху и его пророку,— молвил башмачник,— то я сделаю это охотно и с удовольствием и не стану тебе перечить; если же это грех и прегрешение, проступок и преступление, то я не повинуюсь тебе; ищи другого, чтобы это исполнить.

— Нет клянусь Аллахом, шейх Мустафа, это вещь дозволенная и допустимая; не бойся же ничего,— молвила Марджана, и говоря это вложила башмачнику в руку еще динар, и когда шейх Мустафа увидел это, он уже не мог перечить и отказываться, вскочил на ноги и сказал:

— К твоим услугам! Все, что ты ни прикажешь, я исполню!

И он запер лавку, взяв необходимые ему нитки, иголки и прочие принадлежности для шитья, а Марджана уже заготовила повязку и быстро вытащила ее и согласно условию завязала башмачнику глаза, чтобы он не мог узнать того места, куда она была намерена с ним пойти.

И Марджана взяла башмачника за руку и пошла, а он шел за нею по улицам и переулкам, словно слепой, не зная, куда он идет и какова цель этого. И они оба все шли, и Марджана то забирала вправо, то сворачивала налево, удлиняя дорогу, чтобы запутать башмачника и не дать ему понять, куда она направляется, и до тех пор вела его таким образом, пока не остановилась у дома покойного Касима.

Она тихонько постучала в ворота, и ей тотчас же открыли, и она вошла с шейхом Мустафой и до тех пор поднималась с ним по лестнице, пока не привела его в комнату, где находилось тело ее господина.

И когда башмачник оказался там, она сняла с его глаз повязку, и шейх Мустафа, когда глаза у него открылись, увидел себя в помещении, которого не знал, и обнаружил перед собой тело убитого. И он испугался, и у него затряслись поджилки, и Марджана сказала ему:

— Не бойся, шейх, с тобой не будет беды! От тебя требуется только получить сшить части этого убитого человека и собрать его члены, чтобы его тело стало одним куском.

И затем она дала башмачнику третий динар, и шейх Мустафа положил его за пазуху, говоря про себя: «Теперь время действовать рассудительно и руководствоваться правильным мнением. Я в помещении, которого я не знаю, среди людей, намерения коих мне неведомы. Если я стану им прекословить, они обязательно причинят мне вред, и мне остается только подчиниться тому, чего они хотят. Во всяком случае я не ответствен за кровь этого убитого человека, и высказать должное с его убийцы — дело Аллаха, великого и славного. В сшивании его тела нет ничего запретного, так что я не совершу этим греха и меня не постигнет кара».

Потом шейх Мустафа сел и принялся сшивать и соединять части трупа убитого, и они превратились в цельное тело, а когда он закончил свою работу и цель оказалась достигнутой, Марджана встала, опять завязала ему глаза, взяла его за руку, опустилась с ним в переулок и ходила из улицы в улицу, от одного поворота до другого, вода башмачника за собой, пока не привела его к его лавке раньше, чем люди вышли из своих домов, так что никто ничего о них не проведал.

Дойдя до лавки, Марджана сняла с глаз башмачника повязку и сказала ему:

— Скрывай это дело и остерегайся о нем говорить и рассказывать, что ты видел, не болтай много о том, что тебя не касается — тебе может достаться то, что тебе не понравится.

Потом она дала ему четвертый динар и оставила его на улице, а вернувшись домой, принесла горячей воды и мыла и обмывала тело своего господина до тех пор, пока не очистила его от крови. Затем она одела убитого в одежды и по-

ложила на его ложе, а покончив с этим, послала за Али-Баба и его женой, и когда те явились, рассказала им, что она сделала, и сказала:

— Объявите теперь о смерти моего господина Касима и расскажите о ней людям.

И тут женщины подняли плач и крик и стали выть, голося и причитая, и вопили и били себя по лицу, так что соседи это услышали и друзья пришли и стали их утешать. И тогда плач усилился и поднялись вопли и раздались крики и громкие причитания, и разнеслась по городу весть о смерти Касима, и те, кто его любил, призывали на него милость Аллаха, а враги его злорадствовали.

А через некоторое время явились обмывальщики, чтобы обмыть умершего согласно обычаю, и Марджана сошла вниз и сказала им, что он уже обмыт, умащен маслами и завернут в саван, и дала им плату больше обычного, и обмывальщики ушли со спокойной душой, не допытываясь о причине этого и не спрашивая о том, что их не касается. Потом принесли носилки и тело снесли вниз и положили на них и пошли на кладбище, и люди шли за носилками, а Марджана, женщины и плакальщицы шли сзади, плача и причитая, пока не дошли до кладбища.

И Касиму вырыли могилу и похоронили его — милость Аллаха над ним! — и потом люди вернулись и разбрелись и ушли своей дорогой, и убийство Касима осталось таким образом скрытым. Никто не понял истинной сути дела, и люди думали, что Касим умер своей смертью.

Когда миновал законный срок, Али-Баба женился на жене своего брата, написал ее брачный договор и вступил с ней в сожителство, и люди одобряли его поступок и приписывали его крайней любви Али-Баба к брату. Потом Али-Баба перенес к ней в дом свои пожитки и зажил там вместе со своей первой женой, и туда же он перенес богатства, которые взял из сокровищницы.

И Али-Баба стал думать, что ему делать с лавкой брата. А Аллах послал Али-Баба сына, которому к тому времени исполнилось двенадцать лет жизни, и мальчик раньше прислуживал одному купцу и учился у него торговому делу и стал искусен в этом занятии, и когда Али-Баба понадобился человек, который смотрел бы за лавкой брата, он взял сына у купца и поместил его в лавке, чтобы он там продавал и

покупал. Он передал ему все вещи и товары, которые остались от дяди, и обещал женить его, если он пойдет стезею добра и преуспейания и будет следовать по пути справедливости и праведности.

Вот что было с этими людьми.

Что же касается воров, то они через некоторое время снова пришли в сокровищницу и, войдя туда, не нашли трупа Касима, и тогда они поняли, что об их деле проведаль не один соперник и что у убитого есть сообщники, и что дело их стало известно среди людей.

Это очень встревожило разбойников и сильно опечалило их. Они проверили, сколько богатств взято из сокровищницы, и оказалось, что взято очень много. Тут воры пришли в великую ярость, и предводитель их обратился к ним и сказал:

— О богатыри и рыцари, доблестные в бою и в сражении, пришло для вас время возмездия и мщения. Мы думали, что сокровищницу открыл кто-нибудь один, а их, оказывается, много, и мы не знаем, сколько их человек, и нам неизвестно их местожительство. Мы не жалеем своей души и подвергаем себя опасности гибели, собирая эти богатства, а кто-то другой пользуется ими, не трудясь и не утомляясь. Это зло великое, и мы не можем его терпеть! Нам непременно нужно придумать хитрость, чтобы добраться до нашего врага, и если уж он нам попадется, я отомщу ему самой страшной мезтью и убью вот этим мечом, хотя бы моя душа погибла. Теперь пришло время действовать и проявить смелость, мужество и отвагу. Разойдитесь по деревням и селениям, и кружите по городам и землям, и распытывайте и спрашивайте, не разбогател ли какой-нибудь бедняк и не похоронили ли недавно убитого; быть может, вы так выследите нашего врага, и Аллах сведет вас с ним. А особенно нам необходим теперь человек хитроумный и ловкий на обман, отважный, как подобает мужу; пусть отделится от нас и ищет здесь, в городе, ибо наш враг обитает в нем, наверно и без сомнения. Пусть перерядится он в одежду купцов и украдкой проникнет в город; он должен разведывать новости и расспрашивать о случившихся там делах и событиях: кто умер или убит в недавнее время, где дом и семья умершего и как пришла к нему смерть, и, быть может, он найдет того, кого ищет — ведь дело убитого не остается сокрытым, и рас-

сказ о нем распространяется в городе, и знает эту историю старый и малый. И если захватит он нашего врага или расскажет, где он находится, мы будем ему обязаны великою милостью и я повышу его сан и чин и назначу его своим преемником. Если же он не выполнит требуемого, не исполнит того, что обещал, и обманет наши надежды, мы будем знать, что это жалкий дурак со слабым умом, неспособный на хитрость и лишенный сноровки; мы накажем его тогда за плохую работу и недостаток усердия и убьем его постыднейшим образом, ибо не нужен нам человек с малым мужеством и нет пользы оставлять жить лишнего прозорливости: ведь искусным вором будет только человек ловкий, знающий всякого рода хитрости. Что вы скажете на это, о смельчаки, и кто из вас возьмется за столь трудное и губительное дело?

И когда воры услышали слова предводителя и обращенные к ним речи, они одобрили его мнение и приняли изложенные условия, и все дали обет и клятву их выполнить, а потом один из воров, рослый человек, мощный телом, поднялся и обязался вступить на эту трудную, крутую дорогу, взяв на себя условия, изложенные раньше, относительно которых все согласились.

И воры принялись целовать ему ноги, оказывая ему особое уважение, восхваляя его за смелость и отвагу и восхищаясь его твердостью и решимостью, и благодарили его за храбрость и мужество, восторгаясь его силой и неустранимостью, и предводитель наказал ему поступать осмотрительно и действовать рассудительно, пуская в ход козни, обманы и скрытые ухищрения, и научил его, как войти в город в обличии купца, который по внешности хочет заняться торговлей, а в душе имеет намерение разведывать и выслеживать.

А окончив свои наставления, он оставил его и ушел, и другие воры тоже разошлись кто куда. А тот вор, что предложил выкупить собою товарищей, надел одежду купцов и принял их обличие и провел ночь, собираясь отправиться в город, и когда прошла ночь и пришел рассвет, он пустился в путь с благословения великого Аллаха, направляясь к воротам города, и вышел через ворота на его улицы и площади. Он прошел по рынкам и кварталам, когда большинство людей еще спало сладким сном, и шел до тех пор, пока не свернул на рынок хаджа * Мустафы — башмачника, и увидел

он, что тот уже открыл лавку и сидит и зашивает чьи-то сап-дали, ибо шейх Мустафа, как мы уже говорили, спозаранку выходил на рынок и имел привычку открывать лавку раньше других обитателей квартала.

И вор-соглядатай подошел к шейху и поздоровался с ним самым вежливым образом, усердствуя в приветях и выражениях почтения, и сказал:

— Да благословит Аллах твои помыслы и да умножит уважение к тебе! Ты открыл свою лавку первый, раньше других обитателей квартала.

— О сын мой,— ответил шейх Мустафа,— усердствовать, добывая своей надел, лучше, чем спать, и таков мой обычай всякий день.

— Однако, о шейх, меня берет удивление, как ты, при твоих слабых глазах и пожилом возрасте, можешь шить в такой час, до восхода солнца, когда так мало света,— молвил вор.

И шейх, услышав эти слова, сердито повернулся к нему, поглядел на него искоса и воскликнул:

— Я думаю, ты чужой в этом городе! Будь ты одним из его обитателей, ты не говорил бы таких слов, ибо я знаменит среди богатых и бедных остротой зрения, и старому и малому известно, как хорошо я знаю портняжное искусство! Вчера какие-то люди даже взяли меня, чтобы зашить для них мертвеца в комнате, где было мало света, и я отлично его зашил. Не будь у меня таких острых глаз, я бы не мог этого сделать.

И едва лишь вор услышал эти слова, он возвеселился и обрадовался достижению своей цели, и понял он, что божественная воля привела его к тому, что он ищет, и сказал, проявляя изумление:

— Ты ошибаешься, шейх, и я думаю, что ты зашил только саван, ибо я никогда не слыхивал, чтобы зашивали мертвеца.

— Я сказал одну правду и говорю то, что есть,— ответил шейх,— но мне ясно, что твоя цель — разведать чужие тайны, и если ты хочешь именно этого, то уходи от меня и расставляй свои сети кому-нибудь другому. Может быть, ты найдешь говоруна, который много болтает, а что до меня, то меня называют молчальником, и я не открою то, что хочу скрыть. Я не стану больше с тобой говорить об этом.

И вор еще более уверился и убедился, что этот мертвец и есть тот человек, которого они убили в сокровищнице, и сказал шейху Мустафе:

— О шейх, мне нет нужды в твоих тайнах, и молчать о них будет лучше, ибо сказано: «Умение хранить тайну — качество праведных» *. Я только желаю от тебя, чтобы ты меня провел к дому этого умершего: может быть, это кто-нибудь из моих близких или знакомых и мне надлежит утешить его родных. Я ведь уже долгое время не живу в этом городе и не знаю, что здесь случилось в дни моего отсутствия.

Потом вор опустил руку в карман, вынул динар и вложил его в руку шейха Мустафы, но тот отказался взять деньги и сказал:

— Ты спрашиваешь меня о том, на что я не могу тебе ответить. Меня привели в дом умершего лишь после того, как наложили мне на глаза повязку, и я не знаю дороги, которая ведет к нему.

— Что касается динара,— молвил вор,— то я дарю его тебе, все равно, исполнишь ты мою просьбу или нет. Возьми же его, да благословит тебя Аллах, и я не заставлю тебя его возвращать. Но, возможно, если ты сядешь и немного подумаешь, то вспомнишь дорогу, по которой ты шел с закрытыми глазами.

— Это возможно только в том случае, если ты завяжешь мне глаза повязкой, как они тогда сделали,— ответил шейх Мустафа.— Я помню, как они взяли меня за руку, как повели и как сворачивали, и как меня наконец остановили, и, может быть, я сумею найти дорогу к тому дому и проведу тебя к нему.

И вор, услышав эти слова, обрадовался и возвеселился. Он вручил шейху Мустафе еще один динар и сказал:

— Сделаем так, как ты говоришь,— и потом оба поднялись на ноги, и шейх Мустафа запер свою лавку, а вор взял повязку и завязал ему глаза, а затем схватил его за руку, и они пошли.

И шейх Мустафа то брал направо, то сворачивал налево или некоторое время шел прямо, и делал так, как делала рабыня Марджана, пока не дошел до одной улицы. И он прошел по ней несколько шагов, и остановился, и сказал вору:

— Мне кажется, что меня остановили на этом месте,— и тогда вор снял повязку у него с глаз, и по предопределению судьбы оказалось, что башмачник остановился как раз напротив дома покойного Касима.

И вор спросил шейха Мустафу, знает ли он хозяина этого жилища, и тот ответил:

— Нет, клянусь Аллахом, ибо эта улица далеко от моей лавки и я не знаю жителей этого квартала.

И вор поблагодарил шейха и дал ему динар и сказал:

— Иди с миром, под охраной великого Аллаха!

И шейх Мустафа вернулся в свою лавку, радуясь, что нашёл три динара, а вор остался стоять, смотря на дом и вглядываясь в него, и увидел, что ворота его похожи на ворота всех прочих домов в квартале.

И вор испугался, что не отличит их, и взял белил и поставил на воротах маленький белый значок, чтобы по нему найти дом, а потом он вернулся на гору к своим товарищам, радуясь, со спокойной душой, уверенный, что дело, ради которого его послали, исполнено и что осталось только отомстить их врагу.

Вот то, что было с этим вором.

Что же касается рабыни Марджаны, то, когда она встала после сна и совершила утреннюю молитву, как имела привычку делать каждый день, она справила все свои дела и вышла, чтобы принести необходимые кушанья и напитки, и вдруг, возвращаясь с рынка, она заметила на воротах своего дома белый значок.

Она всмотрелась в значок и удивилась, и это показалось ей подозрительным, и она подумала: «Возможно, что это играли дети или что этот рисунок нарисовали уличные мальчишки, но вернее всего значок поставил какой-нибудь враг или подлый завистник, который преследует дурные цели или замышляет нехорошее дело. Разумно будет сбить его с толку и расстроить его скверные планы.

И Марджана взяла белил и нарисовала на воротах соседней значки, похожие на значок, который вывел вор. Она пометила этим знаком около десяти ворот в квартале, а потом вошла к себе в дом и скрыла это дело от всех.

Вот что было с Марджаной.

Что же касается того вора, то, вернувшись к своим товарищам, на гору, он проявил радость и сообщил, что их

цель достигнута и желание исполнено и отмщение их врагу близко. Потом он рассказал, как ему случилось пройти мимо того самого башмачника, который зашивал убитого, и как он нашел с помощью башмачника дом и поставил на воротах значок, опасаясь его не найти и не заметить, и предводитель поблагодарил его и воздал ему хвалу за мужество, и обрадовался великой радостью и сказал вора́м:

— Разойдитесь, наденьте одежду простых людей, спрячьте под ней оружие и идите в город. Войдите в него разными путями, и пусть будет для вас местом встречи большая мечеть, а мы с этим человеком, то есть с лазутчиком, пойдем к дому нашего врага. Когда мы найдем его и удостоверимся в этом, мы придем к вам в мечеть и условимся, как нам быть дальше, и посоветуемся, что будет вернее — ворваться в дом ночью или поступить иначе.

И воры, услышав речь предводителя, одобрили ее и сочли его слова правильными и согласились с его намерениями, а потом они разошлись, оделись в одежду простых людей и спрятали под одеждой мечи, как велел им предводитель. Они вошли в город разными путями, боясь, как бы люди не заметили их, и место сбора было у них, согласно условию, в большой мечети.

Что же касается предводителя и лазутчика, то они пошли искать переулоч своего драга, и когда они пришли туда, предводитель увидел дом с белым значком. Он спросил своего товарища, это ли нужный им дом, и тот ответил, что да, а затем предводитель бросил взгляд на другой дом и увидел, что на его воротах тоже стоит белый значок. Он спросил, который же дом им нужен, первый или второй, и вор растерялся и был бессилён ответить, а потом предводитель прошел несколько шагов и увидел больше десяти домов со значками.

— Ты все эти дома отметил или один? — спросил он своего товарища, и тот отвечал:

— Нет, только один.

И предводитель воскликнул:

— Так как же их теперь стало десять или больше?

— Я не знаю причины этого, — ответил его товарищ, и предводитель спросил его:

— Можешь ли ты узнать среди этих домов тот, который ты выделил и отметил своей рукой? — и вор молвил:

— Не могу, так как эти дома похожи друг на друга; они построены по одному образцу, и вид знаков одинаковый.

Услышав его слова, предводитель понял, что не будет проку стоять на этом месте, и что на сей раз нет возможности отомстить, так как его надежда оказалась обманутой. Он вернулся с тем человеком в мечеть и велел своим молодцам возвращаться на гору, наказав им разойтись разными дорогами, как они сделали, входя в город, и когда все собралось в обычном месте, рассказал им, что случилось у него с воров, который не смог отличить дом их врага, и сказал:

— Теперь нам должно исполнить над ним приговор по условию и соглашению, существующему между нами.

И все ответили на это повиновением, а что касается вора-соглядатая, то это был смелый человек с твердым сердцем, и он не отступил, услышав эти слова, и не проявил трусости, а наоборот, выступил вперед, спокойный духом, свободный от страха, и воскликнул:

— Поистине, я заслужил убийства, наказания за дурной план и малую хитрость, ибо я не сумел выполнить дело, которого от меня потребовали. Нет мне теперь охоты жить, и умереть лучше, нежели жить в позоре!

И тут предводитель вытащил меч и так ударил вора по шее, что отмахнул ему голову от тела, а потом сказал:

— О бойцы, искусные в сечах и в сражениях, кто из вас отважен и смел, чье сердце храбро и голова крепка? Кто возьмется исполнить этот трудный, тяжелый подвиг и страшное, опасное дело? Пусть не подходит ко мне немощный и не приближается слабый: я возьму только мужа, сильного яростью, чье мнение разумно, мысль правильна и хитрости всегда наготове.

И поднялся тут один из воров, которого звали Ахмед аль-Гадбан — а был это муж высокий ростом, толстоголовый, страшный видом, со смуглым лицом, гнусной внешностью и недоброй славой, и усы у него торчали, как у кошки, охотящейся за мышью, а борода тряслась, точно у козла, прыгающего среди коз и козлят,— и молвил:

— О собрание примерных, не годится для этого дела никто, кроме меня, и если захочет Аллах, я вернусь к вам с верными вестями и укажу вам дом нашего врага самым ясным образом.

И предводитель сказал ему:

— Взяться за это можно только на тех условиях, о которых мы говорили прежде. Если ты вернешься ни с чем, тебя ждет отсечение головы, а если воротиться с победой — мы возвысим твой чин и положение и окажем тебе еще больший почет и уважение, и достанутся тебе всяческие блага.

И затем Ахмед аль-Гадбан оделся в одежду купцов и вошел в город до восхода зари, и немедля направился в квартал шейха Мустафы, башмачника, куда узнал дорогу из рассказа своего товарища. Он нашел шейха сидящим в его лавке, и поздоровался с ним, и сел возле него, и заговорил ласково, и пустился с ним в беседу, и вскоре уже башмачник открыл ему тайну мертвого и рассказал, как он его зашивал.

И Ахмед аль-Гадбан попросил шейха Мустафу провести его к дому Касима, и шейх отказался и не захотел даже говорить об этом, но когда Ахмед стал его соблазнять деньгами, он не мог устоять, так как деньги — стрела, бьющая в цель, и ходатай, которому не откажешь.

И Ахмед завязал шейху глаза повязкой и сделал то же, что сделал его товарищ, упомянутый раньше. Он шел с шейхом Мустафой, пока не дошел до улицы покойного Касима, и остановился перед его домом, а достигнув этого дома, он снял повязку с глаз шейха, дал ему плату, которую обещал, и отпустил его идти своей дорогой.

И когда Ахмед нашел то, что искал, он испугался, как бы не спутаться, и опасаясь, что это случится, поставил на доме маленький значок красным; он изобразил значок в скрытом месте и думал, что его никто не увидит.

Потом он вернулся к своим товарищам и рассказал им о том, что сделал, и он радовался, не сомневаясь в успехе, и был уверен, что никто не увидит значка, так как он был маленький и незаметный.

Вот что было с этими людьми.

Что же касается рабыни Марджаны, то она проснулась спозаранку и вышла по своему обычаю, чтобы привести мяса, овощей, плодов, закусок и прочих необходимых припасов, и когда она возвращалась с рынка, красный значок не укрылся от нее, а наоборот, ее взгляд упал на этот значок, и она хорошо его увидела. Это показалось ей странным и подозрительным, и она поняла по своей прозорливости и великой сметливости, что значок — дело рук постороннего

врага или близкого завистника, который желает зла обитателям жилища.

И чтобы сбить его с толку, Марджана вывела красным на воротах соседей значки такой же формы, как этот, поставив его на том же месте, которое избрал Ахмед аль-Гадбан, и она скрыла это и промолчала, боясь причинить своему господину волнение и беспокойство.

Вот что было с Марджаной.

А вор, пробравшись к своим товарищам, рассказал, что произошло у него с башмачником, и как он нашел дорогу к дому врага и отметил его красным, чтобы узнать его, когда это будет нужно.

И предводитель приказал вора одеться в одежду простолюдинов, спрятать под ней оружие и входить в город разными дорогами и сказал:

— И пусть место встречи будет для вас в такой-то мечети. Сидите там до тех пор, пока мы к вам не вернемся,— а потом он взял Ахмеда аль-Гадбана и пошел искать нужный дом, чтобы узнать его в точности.

Но когда они дошли до уже известной улицы, Ахмед аль-Гадбан не сумел отличить дом вследствие множества знаков, поставленных на воротах, и увидев это, смутился и замолчал, ничего не говоря. А предводитель, поняв, что Ахмед не может распознать дом, омрачился, и нахмурился, и сильно разгневался, но необходимость заставила его пока скрыть свою ярость, и он поспешил в мечеть к остальным ворами, встретившись со своими сообщниками, приказал им вернуться на гору.

И они разошлись и воротились поодиночке к своему убежищу и сели, чтобы посоветоваться, и тогда предводитель рассказал им о случившемся и о том, что судьба не сподобила их в этот день отомстить и снять с себя позор вследствие дурного образа действий Ахмеда аль-Гадбана и его неспособности узнать дом врага. Потом он обнажил меч и так ударил Ахмеда по шее, что голова слетела у него с плеч и рассталась с телом, и поспешил Аллах отправить его душу в огонь — а скверное это обиталище!

И затем предводитель стал думать об этом деле и сказал про себя: «Мои люди годятся для битв, стычек и грабежа, для пролития крови и для набегов, но не хватает у них ума на разные хитрости и всевозможные проделки. Если я стану

их посылать, одного за другим, чтобы выполнить это поручение, я таким образом только погублю их, не получив пользы и не добившись проку. Лучше всего будет мне самому взять за это трудное дело».

И затем он осведомил воров о своем решении и сказал, что никто не пойдет в город, кроме него самого, и воры отвели:

— Приказ — твой приказ, и запрет — твой запрет; делай же, как тебе вздумается.

И предводитель переменял обличье, а утром отправился в город искать шейха Мустафу-башмачника, как делали оба его посланные, о которых было говорено раньше. Найдя шейха, он подошел к нему, поздоровался, и ласково заговорил с ним и пустился в беседу, и болтал с башмачником, пока тот не открыл тайну убитого мертвеца; он до тех пор обхаживал шейха и сулил ему чеканные динары, пока не ублажил его, и шейх Мустафа согласился на просьбу предводителя, и предводитель добился того, чего хотел, то есть узнал, где дом его врага таким способом, как мы давеча говорили. А оказавшись перед домом, он отдал шейху Мустафе его плату — больше того, что обещал, и отпустил его, потом начал всматриваться в дом и разглядывать его. Он не счел обязательным ставить на доме отметку, а просто сосчитал сколько ворот в квартале вплоть до ворот нужного ему дома и запомнил их число и, кроме того, осмотрел своды дома и его окна и хорошо отличил в памяти этот дом, так что прекрасно мог бы его узнать. И при этом предводитель все время ходил по улице, боясь как бы люди не сочли подозрительным, что он долго стоит перед домом.

Потом он вернулся к своим сообщникам и рассказал им о том, что сделал, и молвил:

— Теперь я знаю дом нашего врага и наступило время ему отомстить и воздать должное. Я придумал способ достигнуть этого и средство проникнуть и ворваться к нему и изложу его вам; если вы сочтете мой план подходящим, мы примемся за его осуществление; если же вы его не одобрите, то пусть тот, кто имеет в запасе хитрость, лучше моей, объявит о ней и расскажет, что он придумал.

И затем предводитель осведомил воров о том, что он задумал и на что вознамерился, и те одобрили его план и согласились его выполнить, и дали верные клятвы, что ни один

из них не отстанет от других, ища мести, и предводитель послал нескольких воров в ближайшие селения и приказал им купить сорок больших бурдюков, а остальных своих людей он отправил в соседние деревни с наказом раздобыть двадцать мулов.

И воры, приобретя то, что было приказано, явились со всем этим к предводителю, а потом устья бурдюков расправили до того, чтобы в них мог влезть человек.

И каждый из воров забрался в один из распоротых бурдюков, имея в руках кинжал, и когда все они залезли и оказались в этой тесной темнице, предводитель зашил устья бурдюков, так что они стали такими, как были, и выпачкал бурдюки в масле, чтобы прохожие думали, что они полны масла.

Он погрузил каждую пару бурдюков на мулов, а два лишних бурдюка и вправду наполнил маслом и положил на одного из мулов, так что все двадцать мулов оказались нагружены — девятнадцать людьми, и один — маслом, ибо число воров, после гибели тех двоих, которых убил предводитель, составляло тридцать восемь человек.

И едва приготовления были закончены, предводитель погнав мулов перед собой и вошел в город после заката солнца, когда наступил вечер и в воздухе потемнело. Предводитель направился к жилищу Али-Баба, которое он заметил и превосходно мог узнать, и, подойдя к нему, увидел самого хозяина. Али-Баба сидел у ворот на скамеечке, и под ним был подостлан коврик, и он опирался на красивую подушку.

Предводитель посмотрел на Али-Баба и увидел, что тот радостен, весел и спокоен душой и пребывает в довольстве и благоденствии. Он подошел и чинно и вежливо приветствовал его, проявляя скромность, смирение и уважение, и затем молвил:

— Я здесь чужестранец, и родина моя далеко, и местожительство отдаленно. Я купил немного оливкового масла, рассчитывая его продать в этом городе с выгодой и прибылью, но мне удалось войти в город только к вечеру, так как дорога была трудна и путь далек, и я нашел все рынки закрытыми. И я блуждал, ища места и приюта, чтобы провести там ночь с моими животными, но не нашел его, и до тех пор ходил по городу, пока не оказался сейчас возле тебя. И когда я тебя увидел, я тотчас же восхвалил и возблагодарил

Аллаха, радуясь, что моя нужда исполнится и желание мое осуществится, ибо щедрость видна на твоём благородном лице и великодушие сияет в твоих добрых глазах, и нет сомнения, что ты из людей, творящих благо, набожных, праведных и преуспевающих. Не позволишь ли ты мне провести у тебя ночь и не приютишь ли моих мулов? Я буду тебе обязан за великую милость и большое благодеяние, и ты получишь за это награду от милостивого и великодушного, воздающего за благо благом и отвечающего на зло прощением, а завтра утром я спущусь на рынок, продам свое масло и уйду благодарный, восхваляя тебя за доброе дело.

И Али-Баба ответил согласием и принял его предложение, говоря: «Приют и уют брату, посетившему нас! Ты наш гость в сей благословенный день и будешь нам собеседником в этот счастливый вечер»,— ибо он отличался добротой, прекрасными свойствами и хорошими качествами и был щедр, великодушен и чист помыслами. Он думал о людях только хорошее и поверил вымыслам мнимого купца, ему и в голову не пришло, что это предводитель горных воров, и он не узнал его, так как видел лишь один раз, в другом обличии.

И он кликнул своего раба Абдаллаха и велел ему вести мулов во двор, и Абдаллах исполнил его приказ, а предводитель вошел следом за животными, чтобы снять с них ношу. И они с Абдаллахом сняли бурдюки с мулов и положили их в ряд у стены во дворе, а потом раб взял мулов, отвел их в стойло и подвязал им торбы с ячменем. Что же касается предводителя, то он решил ночевать на дворе возле своих бурдюков и не хотел войти в комнаты, будто бы опасаясь стеснить обитателей дома, а на самом деле — ради того, чтобы легче достигнуть своей цели и получить возможность осуществить задуманный им обман. Но Али-Баба не соглашался на это и заклинал предводителя войти в дом, и настаивал до тех пор, пока не затащил его силой, вопреки его воле. И предводитель вошел с ним и увидел себя в просторной, красивой комнате, пол которой был выложен разноцветным мрамором, и везде вокруг были повешены занавески, одна против другой, и расстилались роскошные ковры и циновки, а посреди помещения было возвышение, выше всех других, покрытое царским шелком, с посеребренными ступеньками и окаймленными жемчугом занавесками.

И Али-Баба посадил предводителя на это место и велел зажечь свечи, а потом он послал к Марджане и сообщил ей о прибытии гостя и велел приготовить к ужину достойные его вкусные яства. После этого он сел возле гостя и развлекал его рассказами и беседой, пока не пришло время ужина, и тогда расставил трапезу и принесли кушанья в серебряных и золотых сосудах. Столик поставили перед предводителем, и они с Али-Баба отведали всех блюд, пока не насытились, а затем кушанья убрали и принесли старое вино, и чаша заходила между ними, а когда они кончили и вдоволь поели и попили, то снова пустились в разговоры и беседовали, пока не миновала часть ночи.

Когда же пришло время ложиться спать, предводитель поднялся и вышел во двор, говоря, что хочет перед сном взглянуть на мулов, но на самом деле — для того, чтобы договориться со своими приспешниками, что делать дальше. Он подошел к первому из них, который, как мы говорили, сидел в первом бурдюке, и сказал ему, понизив голос:

— Когда я брошу из окна камешек, прорвите бурдюки кинжалами и присоединяйтесь ко мне,— и то же самое он говорил второму вору и третьему, пока не дошел до последнего из них.

Что же касается Али-Баба, то он намеревался на рассвете того дня пойти в баню и поэтому наказал Марджане приготовить необходимые полотенца и передать их Абдаллаху, а потом приготовить мясной отвар, который он выпьет, когда выйдет из бани. И он также велел ей оказывать почет гостю и постлать ему мягкую постель и самой ему прислуживать, выполняя долг и обязанности гостеприимства, и Марджана ответила вниманием и повиновением, и Али-Баба отправился на свое ложе, лег и заснул.

Вернемся же, однако, теперь к рассказу о предводителе.

Когда он договорился со своими товарищами и приспешниками и наметил, что следует делать, то поднялся к Марджане и спросил, в каком месте ему спать, и девушка взяла свечку и привела его в горницу, устланную роскошными коврами, где было все, необходимое для сна — тюфяк, одеяла и прочие принадлежности,— и потом пожелала гостю доброй ночи и вернулась на кухню, чтобы исполнить приказ хозяина. Она приготовила полотенца и все, что было нужно

для бани, и отдала это внуху Абдаллаху, потом разделала мясо и зажгла под котлом огонь.

А между тем свет светильника мало-помалу все меркнул от недостатка масла и наконец погас совсем. И Марджана заглянула в кувшин с маслом и увидела, что он пустой, а так как свечи у нее тоже все вышли, она растерялась и не знала, что делать, ибо ей нужен был свет, чтобы закончить приготовление супа.

И Абдаллах увидел, что Марджана в смущении, и сказал:

— Не беспокойся и не расстраивайся,— масло в доме есть и притом в изобилии. Ты, видно, забыла про бурдюки чужого купца, полные масла, которые лежат на дворе. Спустись вниз и возьми сколько хочешь масла, а когда придет утро, мы отдадим купцу за него деньги.

И Марджана, услышав речи Абдаллаха, одобрила то, что в них заключалось хорошего, поблагодарила его за достохвальный совет и спустилась во двор с кувшином и подошла к бурдюкам. А воры между тем совсем извелись от долгого пребывания в этих тесных темницах и устали сидеть согнувшись. У них спирало дыхание и ломило все тело и крошились кости, и не могли они больше выносить такое положение и терпеть столь долгое заточение, и когда услышали они голос Марджаны, то подумали, по своему неразумию, что это голос предводителя, ибо стрела судьбы должна была поразить их и веление господина — восторжествовать.

И один из воров спросил: «Не пришло ли время нам выходить?» — продолжает передающий эти дивные слова и увеселяющий, диковинный рассказ,— и когда Марджана услышала из бурдюка голос мужчины, она сильно испугалась и поджилки затряслись у нее от страха и ее охватил великий ужас. Другая на ее месте упала бы или закричала, но у Марджаны было храброе сердце и быстрая смекалка, и она мигмом поняла, что случилось, и быстрее мгновения ока сообразила, что это воры, вознамерившиеся на преступление. Она тут же придумала соответствующий плач, ибо знала, что если она вскрикнет или шевельнется, то несомненно погибнет и погубит своего господина и всех его домочадцев.

И она удержалась от воплей и не побежала, а тотчас же приступила к осуществлению задуманной ею хитрости, и сказала первому вору, понизив голос:

— Потерпи немного, ждать осталось недолго.

Потом она подошла ко второму бурдюку, и второй вор спросил ее то же, что и первый, и она ответила ему упомянутым выше образом, и не останавливаясь переходила от бурдюка к бурдюку, и воры, один за другим, заговаривали с ней, а она отвечала им и наказывала подождать.

Наконец она дошла до бурдюков с маслом, стоявших в конце ряда, и когда безмолвие не нарушилось, поняла, что в них нет людей. И Марджана пошевелила бурдюки и, удивившись, что они полны масла, развязала один из них и отлила в кувшин немного масла, а потом вернулась на кухню и заправила светильник. Затем она взяла большой котел из красной меди, спустилась во двор, наполнила его маслом, вернулась на кухню и поставила котел на огонь, и разожгла под котлом побольше дров, чтобы масло поскорее закипело. А когда масло закипело всюду, Марджана спустилась с котлом во двор и стала лить масло кувшином в устье каждого бурдюка, так что горячее масло попало воров на головы, и Марджана уничтожила их, и они погибли все до последнего.

Убедившись, что из воров не осталось никого и они все умерли, Марджана воротилась на кухню и доварила мясной суп, как наказывал ей ее господин, а справившись со своими делами, она погасила огонь в очаге и светильник и сидела, смотря и выжидая, что станет делать предводитель.

Что же касается этого последнего, то войдя в приготовленную для него горницу, он запер дверь, потушил свечку и лег, и лежал на постели словно спящий, но на самом деле он все время бодрствовал, выжидая удобного случая и времени, когда можно будет сделать с домочадцами задуманное им злое дело.

И когда прекратилось в доме движение и все глаза, по его мнению, закрылись, он бесшумно поднялся и осторожно выглянул из-за двери и нигде не увидел света и не услышал ни звука и решил, что все в доме спят. Тогда он взял несколько камешков и бросил во двор, как было условлено с его товарищами, и немного постоял, ожидая, что его люди выйдут, а когда оказалось, что те молчат и не слышно от них ни звука, ни движения, предводителя охватило удивление и он бросил из окна еще камешков, рассчитав так, чтобы они упали на бурдюки. Но его приспешники все молчали и

ни один из них не пошевелился, и предводитель обеспокоился и третий раз бросил камни и без пользы ждал выхода воров. Наконец он потерял на это надежду и его разобрал страх, и он спустился, чтобы выяснить, что с ними стряслось и по какой причине они не выходят, и когда он подходил к бурдюкам, ему ударило в нос отвратительным запахом, зловонием горячего масла, и он счел это за дурной знак и еще больше испугался и устранился.

И предводитель прошел вдоль ряда бурдюков, окликающая товарищей, одного за одним, но те молчали и безмолвствовали, и тогда он пошевелил бурдюки, перевернул их и заглянул внутрь, и оказалось, что его люди погибли и умерли. И увидел он, сколько взято масла из бурдюка, и понял, каким образом они погибли и какова причина их смерти, и охватила его великая скорбь, и он заплакал об утрате своих товарищей, проливая обильные слезы.

Он испугался, что его самого тоже схватят, и вознамерился ускользнуть и убежать, прежде чем перед ним закроют дороги, и с этой целью открыл калитку в сад, взобрался на стену, спрыгнул на улицу и пустился в бегство, ища спасения и стремясь укрыться в своем логовище, и был он печален и удручен заботой, и поразила его сердце тысяча горестей.

А Марджана между тем следила за предводителем и, увидев, что тот покинул их дом и бежал, спустилась, заперла калитку в сад, которую открыл вор, и вернулась на свое место.

Вот что было с Марджаной.

Что же касается Али-Баба, то когда Аллах засветил утро и оно озарило землю своим светом и заблестало, и солнце приветствовало красу всех прекрасных, он пробудился от сна и сладостных грез, облачился в свои одежды и вышел, собираясь направиться в баню, а Абдаллах, его раб, следовал за ним, неся принадлежности для омовения и необходимые полотенца.

И Али-Баба вошел в баню и вымылся и отдохнул, будучи крайне весел и радостен, и не знал он, что случилось той ночью в его жилище и от какой опасности спас его Аллах. А кончив мыться, он снова надел свою одежду и возвратился в дом, и когда он вошел во двор, то увидел, что бурдюки все еще лежат на месте. И его охватило из-за этого

удивление, и он спросил Марджану: «Чего этот купец-чужестранец медлит и не спускается на рынок?» — и Марджана ответила:

— О господин, Аллах, видно, назначил тебе долгую жизнь и судил тебе великое счастье, ибо ты избежал сегодня большой опасности и Аллах спас тебя ради твоих благих помыслов от гибели и позорного убиения — тебя и всех твоих домочадцев. Тех, кто копал тебе яму, Аллах ввергнул в нее за дурные их помыслы, ведь следствие обмана — неудача и гибель. Я оставила все, как было, чтобы ты своими глазами увидел, что готовил тебе этот мнимый купец-лгун и какова смелость твоей рабыни Марджаны. Подойди же и посмотри, что находится в этих бурдюках.

И тут Али-Баба подошел, и когда он увидел в ближайшем бурдюке человека с кинжалом в руке, у него пожелтело лицо, и он расстроился и попытился в ужасе.

— Не бойся, этот человек умер, — сказала Марджана и показала Али-Баба остальные бурдюки, и в каждом он обнаружил мертвого человека, в руке которого был кинжал.

И Али-Баба простоял некоторое время, охваченный страхом, поглядывая то на Марджану, то на бурдюки, и был он испуган и ошеломлен и не понимал, что произошло, и наконец вскричал:

— Растолкуй мне поскорей, что случилось, но будь краткой в речах, ибо то, что я вижу, крайне меня пугает.

— Подожди минутку и не возвышай голос, чтобы не узнали соседи того, что не подобает распространять, — ответила Марджана. — Успокой свою душу, пойди к себе в комнату, сядь и отдохни, а я принесу тебе мясного отвара, который я приготовила, и ты попьешь его, и пройдет охвативший тебя страх.

И она пошла на кухню и принесла суп и подала его Али-Баба, а когда Али-Баба выпил суп, обратилась к нему с такими словами:

— Вчера ты мне приказал приготовить все нужное для бани и сварить мясной суп, и когда я была этим занята, у меня вдруг потух светильник из-за отсутствия масла. Я взяла кувшин для масла и увидела, что он пустой, и растерялась, не зная, как мне быть, и тогда Абдаллах сказал мне: «Не обременяй себя заботой об этом: ведь масло есть у нас в изобилии. Спустись вниз и возьми, сколько тебе нужно, из бурдю-

ков купца, который у нас ночует, а завтра мы отдадим ему за это деньги».

— Я сочла его совет достохвальным и спустилась с кувшином вниз, и когда я подошла к одному из бурдюков, то услышала из него голос мужчины, который спрашивал: «Не пришло ли нам время выходить?» И я поняла, что они задумали преступление, и ответила ему без страха и не пугаясь: «Нет, но ждать осталось немного», — а потом я подошла к другим бурдюкам и обнаружила в каждом бурдюке человека, который задал мне тот же вопрос или обратился ко мне со сходными словами. И я давала им такой же ответ, пока не дошла до двух бурдюков с маслом, и тогда я наполнила свой кувшин и заправила светильник, а потом я взяла большой котел, налила его маслом до полна и поставила на огонь, а когда масло закипело, я стала его лить в устья бурдюков, и все воры, как ты видел, погибли от действия горячего масла.

— Потом я потушила светильник, села в кухне и принялась следить за тем купцом-обманщиком, вруном и лжецом, и увидела, что он кидает из окна камешки, чтобы предупредить своих людей. И он повторил это много раз, и когда воры не вышли, потерял надежду их увидеть и спустился, чтобы посмотреть, какова причина их промедления, и обнаружил, что его люди погибли все до последнего, и испугался, что его схватят или убьют, и вскарабкался на стену сада, и спрыгнул оттуда на улицу, и бросился бежать. А я не хотела тебя будить, опасаясь, что обитатели дома поднимут шум, и решила подождать, пока ты вернешься из бани, и рассказать тебе эту историю.

— Вот что произошло у меня с этими обманщиками, а Аллах лучше знает истину. А теперь я должна тебе рассказать об одной вещи, которая случилась недавно, но я ее скрыла от тебя. Дело в том, что короткое время тому назад я возвращалась с рынка и увидела на воротах нашего дома белый значок, и вид его возбудил во мне тревогу и подозрение. Я поняла, что это дело рук врага, который замыслил против нас зло, и чтобы сбить его с толку, нарисовала на воротах домов соседей точно такие же значки, а через несколько дней я увидела, что ворота нашего дома отмечены красным значком, и поставила на воротах соседей похожие значки такого же цвета, но скрыла это от вас, боясь, что вы встревожитесь.

Нет сомнения, что значки поставили эти самые умершие люди, и что это те воры, с которыми ты встретился на горе. Раз они узнали дорогу к нашему дому, то не будет нам покоя и безопасности, пока хоть один из них находится на лице земли, и нам следует остерегаться козней того вора, который убежал, ибо он несомненно постарается нас погубить. Мы должны беречь свою жизнь, и я буду первой по осторожности и бдительности.

Говорит рассказчик: когда Али-Баба услышал речи невольницы Марджаны, он до крайности удивился диковинным происшествиям, случившимся с ней и с ним самим, и воскликнул:

— Я спасся из этой западни и избавился от этой опасности лишь по могуществу всеблаготворца, осыпающего нас милостями и благодеяниями, и благодаря твоему здравому суждению и отличной сметливости!

Потом Али-Баба поблагодарил Марджану и восхвалял ее за ее хорошие поступки, храброе сердце, здравое суждение и превосходный образ действий и сказал:

— С этого времени ты свободна и отпущена на волю ради лика Аллаха, но мы все же еще обязаны тебе за милость, и я скоро воздам тебе за это всяческим благом. Как ты и говоришь, нет сомнения, что эти люди — воры из лесной чащи, и слава Аллаху, что мы от них избавились, а теперь нам следует их похоронить и скрывать то, что у нас с ними случилось.

И Али-Баба кликнул своего раба Абдаллаха и велел ему принести два заступа. Один заступ он взял сам, а другой дал Абдаллаху, и они вырыли в саду длинный ров и подтащили один за другим трупы убитых и бросили их в ров и снова засыпали его землей, так что следы воров исчезли. Что же касается мулов, то их в несколько раз продали на рынке, и с бурдюками сделали то же самое.

Вот что было с этими людьми. Что же касается предводителя воров, то он опрометью убежал из дома Али-Баба и вернулся в чашу и вошел в сокровищницу, будучи в наихудшем состоянии. Он плакал, горюя о своем одиночестве и сиротстве, и сидел, скорбя и печальясь, ибо надежды его пошли прахом и козни его обратились против него самого и он лишился своих людей. Жизнь показалась ему отвратительной, и он пожелал умереть и воскликнул:

— Увы мне без вас, о богатыри нашего времени, о мастера грабежа и боя, о рыцари в поединке на поле брани! О, если бы пришла к вам кончина среди битв и сражений и вы бы приняли смерть или погибли от меча в стычке! Ведь умереть своей смертью для вас позор, и это я, злополучный, повинен в гибели тех, кого я выкупил бы собственною душой. Лучше бы мне испить чашу гибели, прежде чем увидеть такое бедствие! Но владыка, велик он и славен, лишь для того сохранил меня в живых, чтобы я отомстил и снял с себя позор. Я воздам своему врагу злейшей местию и заставлю его вкушать мучительные страдания и пытки. Меня хватит на то, чтобы это сделать, даже если я остался один, и то, что я не исполнил, имея много людей, я, если захочет Аллах, сделаю теперь в одиночку.

Потом он лег спать, и мысли его блуждали по морю размышлений, а сердце было занято поисками способа достичь цели, и он отказался от сладости сна, а утром пренебрег дорогами яствами. Но затем разум его измыслил хитрость, которая, как он думал, приведет к осуществлению надежд, и он решил сделать одно дело, рассчитывая добиться этим желаемого и излечить свои недуги.

И когда пришел день, он изменил обличие и надел одежду купцов, а затем направился в город и нанял комнату на одном из больших постоялых дворов. Он снял себе лавку на рынке и в несколько раз перенес туда из сокровищницы драгоценные, красивые вещи и дорогие материи, шитые золотом: отрезы индийских тканей, штуки сирийского полотна, парчовые одежды, роскошные халаты, шелковые платья и разные ценные камни, — а все это было частью добычи от грабежа городов и кражи денег рабов Аллаха, сложенных в сокровищнице, — и потом стал сидеть в своей лавке, продавая и покупая, отдавая и получая. Он уступал при оценке и сбавлял стоимость, шел людям навстречу в том, чего они желали, и говорил то, что они хотели, так что пошла про него добрая слава, и разнеслась достохвальная молва, и вести о нем распространились повсюду, и везде слышались рассказы о нем. И посещали его великие и теснились вокруг него малые, а он встречал людей милостиво и радушно, и обходился с ними мягко и приветливо, являя ласковое лицо и добрый нрав, и был тонок в речах и остроумен в ответах, так что все люди полюбили его. Все это было противоположно его природе,

ибо он был сотворен грубым, жестоким, черствым и суровым и привык убивать, грабить, разорять и проливать кровь, но у необходимости свои законы, и она вынуждала его так поступать.

И все ходили к нему и покупали его товары и ткани: и мудрецы, восхваляемые за их знания и суждения; и свидетели, дающие подписи под условием и соглашением; и имамы в мечетях, и проповедники, и муфтии, отвечающие на вопросы; и богословы, судящие о мнениях верно или неверно; и спорщики, обсуждающие предания или толкующие о древнем и новом; праведники, известные набожностью и благочестием. Не чуждались его и витязи, доблестные в бою и сече; лучники, копьеносцы и бойцы на мечах; и кочевники, и горожане, и оседлые жители, и странники. И бывали у него первые и последние; и те, что шепчут тайком, или возглашают явно; и арабы и неарабы; и овцепасы и верблюжатники; и имеющие приют и бездомные; и жители городов и степей; и владельцы домов и строений; и мореходы и путешественники, бродящие по пустыням и степям.

Заглядывали к нему и румийские невольницы, пяти пядей ростом, с гладкими щеками, высокой грудью, длинной шеей, круглыми бедрами, у которых глаза как у газели, брови как луки, уши как мешочки, груди точно гранаты, рот — соломонова печать; губы словно кораллы и сердолик и стан подобен ветви ивы, и они стройны как тростник, а дыхание их — бальзам; и разгоняют они заботы нежностью своего кроткого сердца и исцеляют больного звучными, сладкими речами; и спешила встретиться с ним всякая луноликая девушка, совершенная своей красотой и бесподобная качествами, с черными глазами, грузными бедрами, прямым носом, полными губами, румяными щеками и стройными ногами, отличающаяся такой красотой, прелестью, совершенством и тонкостью стана, что ее бессилен описать красноречивый оратор, а мудрец, ее восхваляющий, не может назвать и половины ее достоинств.

Торопилась повидать его любая старуха со сморщенным лицом, вылезшими бровями, шелудивым телом, седыми волосами, унылым видом, гноящимися глазами, синими голенищами, зловонным ртом, шаткими ногами, страшным видом, мокрым носом и бледными щеками, слюнявая, сопливая, неспособная ни молчать, ни вселиться, болтунья и крикунья,

чей образ вызывает тошноту и чей вид обращает в бегство; часто сживали возле него и юноши с подведенными бровями, легким пушком и румяными щеками и пробивающейся бородкой, цветущие, сияющие, чьи луны явны, а тяжести сокрыты; от чванства и гордости они покачивались, проявляя жеманство и кокетство, и уста их по каплям источали мед.

Являлись к нему в лавку также мальчики изящные, безбородые, с томным взглядом и легким пушком, в нарядной одежде, луноликие, краснощекие, с блистающим челом, глаза у них были черные, щеки гладкие, стан тонкий, бедра грузные, а голени словно полированные; вид их излечивал больного и лицезрение их исцеляло раненого.

Перебирали его товары и взрослые мужи, зрелые годами, с крепкими клыками и резами, высокие ростом, большеголовые, с густой бородой и бровями, с курчавыми волосами на щеках, превосходящие храбростью и доблестью рыцарей и смельчаков и соперничающие с ярым львом, и покупали у него всякое добро дряхлые старцы, далеко зашедшие в годах, с лысой голзвой и слабым зрением, опирающиеся на посох. А были это люди, сведущие во всех делах и наученные опытом годов и столетий, чья голова поседела от превратностей времени, и согнулась у них спина от смены ночей и дней, и язык их состояния говорил:

Трясло нас время, как оно трясло!
Оно могуче, Сколько лет прошло...
Легко ходил я. Нынче ж, как на зло,
Сидеть — и то мне стало тяжело.

И предводитель встречал всех пожеланием приюта и простора, одинаково обходясь с сильным и слабым, знатным и худородным, и не делал различия между повелителем и подневольным, свободным и пленным, высоким и низким, бедным и богатым, и возвеличивал ученых и образованных, не гнушаясь, однако, и пришельцем-чужестранцем, и возвышал достоинство друзей и оказывал почет близкому соседу, и охватила любовь к нему все сердца, и приязнь к нему укрепились в душах у всех людей.

А всемогущий господь — да возвысится величие его! — ради исполнения того, что пожелал он, и чтобы осуществить свой приговор над рабами, судил, чтобы лавка этого обманщика оказалась напротив лавки сына Али-Баба, имя кото-

рого было Мухаммед. И поскольку они стали соседями, законы соседства были для них обязательны, и потому они познакомились и подружились, и ни один из них не знал, кто его приятель и каково его происхождение, и усилилась между ними любовь и приязнь, и они постоянно сидели друг у друга, и ни один из них не мог обходиться без своего соседа.

И в один из дней случилось так, что Али-Баба зашел к своему сыну Мухаммеду, желая его посетить и прогуляться по торговому рынку. И оказалось, что у него сидит тот чужеземный купец, и предводитель, едва увидев Али-Баба, отлично узнал его и убедился, что это и есть его враг, ища которого он пришел сюда.

И он обрадовался до крайних пределов и возвеселился, думая, что его желание исполнилось и он достиг цели и скоро отомстит, но скрыл это и ни в чем не изменил поведения. Когда же Али-Баба ушел, он стал расспрашивать о нем его сына, делая вид, что не знает его, и Мухаммед сказал ему:

— Да это же мой отец!

И когда предводитель понял и убедился, что это так, он стал еще чаще бывать у Мухаммеда и оказывал ему еще большее почтение, усердствуя в изъявлениях уважения и проявляя любовь, дружбу, верность и приязнь. Он звал Мухаммеда к себе на трапезу, устраивал для него пиршества и угощения, приглашал его на ночные беседы, не обходился без него на пирушках и вечерних собраниях и задаривал его драгоценными подарками и прекраснейшими дарами,— и все для того, чтобы достигнуть задуманной им цели и осуществить обман и предательство, которое он замыслил.

Что же касается Мухаммеда, то, увидев со стороны соседа такие милости и убедившись в его верной дружбе и великой преданности, он полюбил его, и эта любовь дошла до крайности, а приязнь достигла предела. И думал Мухаммед, что намерения его соседа чисты и чувства искренни, и не мог обходиться без него ни одного часа и не разлучался с ним ни ночью, ни днем. Он рассказывал своему отцу, сколь великие милости оказывает ему этот чужеземный купец и какую любовь и приязнь тот проявляет к нему, и говорил, что это человек богатый, великодушный и щедрый — один из образцовых людей, и усердствовал, расхваливая его. Он упомянул, что сосед то и дело приглашает его отведать вкусных куша-

ний и задаривает его редкостными подарками, и отец его молвил:

— Тебе надлежит, сын мой, отплатить ему за то, что он тебе делает, и устроить пир и позвать его. И пусть будет это в день пятницы, и когда в полдень вы выйдете вместе, после соборной молитвы, и будете проходить мимо нашего дома, пригласи его зайти, а я уже приготовлю все, что годится и подобает сану такого знатного гостя.

И вот когда наступил день пятницы, предводитель отправился в полдень в мечеть и Мухаммед сопутствовал ему, и после того как оба совершили соборную молитву, они вышли вместе, намереваясь прогуляться по городу, и бродили до тех пор, пока не дошли до улицы Али-Баба. И когда они подошли к его дому, Мухаммед пригласил соседа зайти и отведать их пищи, говоря: «Вот наш дом»,— а тот уклонялся и отказывался, приводя различные отговорки. Но Мухаммед настаивал, и заклинал его, и приставал, и наконец предводитель согласился и молвил:

— Я удовлетворю твое желание, чтобы исполнить долг дружбы и залечить рану твоей души, но с условием, чтобы вы не клали в кушанье соли, ибо она мне до крайности противна и я не могу ее есть и нюхать ее запах.

— Это дело пустяжное,— ответил Мухаммед,— и раз твой желудок не принимает соли, тебе будут подавать только несоленые кушанья.

И предводитель, услышав это, сильно обрадовался в душе, ибо пределом его желаний было войти в этот дом, и все хитрости, которые он проделал, устраивались ради достижения этой цели и осуществления этой мечты. И тут он убедился, что отомстит, и уверился в возможности отплатить своему врагу, и сказал про себя: «Теперь уже наверное и без сомнения Аллах отдал их всех в мои руки!»

И когда он переступил порог и вошел в дом, Али-Баба приветствовал его и поздоровался с ним как нельзя более вежливо и чинно и посадил его на почетное место, полагая, что перед ним почтенный купец, и не знал он, что это некто иной, как владелец масла, ибо вор изменил свое обличие и образ, и не пришло ему в голову, что он привел волка к овцам и пустил льва в стадо коров.

И Али-Баба сидел со своим гостем и развлекал его беседой, а что до его сына Мухаммеда, то он пошел к Марджане

и наказал ей не класть в кушанье соли, ибо их гость не может ее есть.

Это раздосадовало Марджану, так как она уже состряпала кушанье и ей пришлось готовить другое, без соли, а с другой стороны, она удивилась, и это показалось ей подозрительным. И ей захотелось посмотреть, что это за человек, которому не хочется соли, и он не ест ее в отличие от всех людей, ибо поистине это вещь неслыханная и небывалая.

И когда кушанье поспело и пришло время ужина, Марджана с Абдаллахом принесли столик и поставили его перед сотрапезниками, и тут Марджана бросила взгляд на чужеземного купца и по своей пронизательности и отменной сообразительности тотчас же узнала его и убедилась, что это несомненно и наверняка предводитель воров.

И Марджана всмотрелась в него попристальней и увидела у него под плащом ручку кинжала, и тогда она сказала себе: «Теперь я понимаю, почему этот проклятый отказывается вкусить соли с моим хозяином! Дело в том, что он хочет его убить и считает, что сделать это, отдав его соли, было бы слишком гадко и гнусно. Но если пожелает Аллах великий, ему не удастся достигнуть своей цели и я не дам ему это совершить».

И потом она ушла и занялась своими делами, и Абдаллах остался прислуживать. И сотрапезники отведали всех блюд, и Али-Баба оказывал гостю всяческое уважение и уговаривал его кушать, а когда они насытились, еду убрали и принесли вино, сухие и свежие плоды, сласти и всякие опьяняющие напитки.

И все послали сластей и плодов и потом заходила между ними чаша, и этот проклятый подносил обоим вино, но сам воздерживался от питья. Ведь он хотел напоить их и остаться бдительным и трезвым, в полном рассудке, чтобы достигнуть своей цели, то есть воспользоваться удобной минутой и пролить их кровь, убить их своим кинжалом, когда одолеет их хмель и они заснут, а потом убежать через калитку сада, как он это сделал раньше.

И когда они были в таком состоянии, вдруг вошли к ним Марджана с Абдаллахом, и на Марджане была сетчатая александрийская рубашечка, безрукавка из царской парчи и прочие роскошные одеяния, и она подпоясалась золотым поясом, унизанным разными самоцветами, который стягивал ей

стан и выделял ее бедра. На голове у нее была жемчужная сетка, а вокруг шеи висель ожерелье из изумрудов, яхонтов и кораллов, из-под которого поднимались ее груди, подобные двум спелым гранатам, и украшали ее всякие уборы и драгоценности, и была она прекрасна, как первая улыбка весеннего цветка или луна в ночь полнолуния. Что же касается Абдалаха, то он тоже был одет в роскошные одеяния и бил в бубен, который держал в руках, а Марджана плясала, как пляшут искусные танцовщицы.

И Али-Баба, увидев Марджану, обрадовался и заулыбался и воскликнул:

— Добро пожаловать любезной нашей невольнице и драгоценной служанке! Клянусь Аллахом, ты отлично сделала, ибо нам хотелось сейчас полюбоваться пляской, чтобы полным стало наше счастье и радость и совершенным веселье и блаженство.

И затем он сказал предводителю воров:

— Этой невольнице нет равной, ибо она искусна во всех вещах и совершенна в деле услужения. Не тайна для нее никакое искусство, и объединяет она прелести и красоты со здоровым умом и быстрой сметкой, и подобной ей не найдется в наше время. Я обязан ей за благодеяние, и она мне дороже дочери. Посмотри, о господин, как прекрасно ее лицо и как строен стан, как она хорошо пляшет, как красиво изгибается и изящно движется.

Но предводитель не слушал его слов и не внимал его разговору, и он словно обеспамятел от великого гнева и сильной ярости: ведь приход этих двух людей, расстроил весь его злой умысел против обитателей дома и задуманное им преступление и обман.

А Марджана исполняла прекрасную пляску, превосходя искусство плясуний, и дошла до того, что выхватила кинжал, торчащий у нее за поясом, и стала плясать держа кинжал в руке, как это принято у арабских танцовщиц, и приставляла кончик кинжала то к своей груди, то к груди Али-Баба, или приближала лезвие к груди его сына Мухаммеда или упирала его в грудь предводителя. Потом она взяла из рук Абдалаха бубен, поднесла его к Али-Баба и знаком попросила дать ей монетку, и Али-Баба бросил в бубен динар, и она подошла с бубном к его сыну, и тот кинул ей еще динар. Потом Марджана приблизилась к предводителю с кинжалом в одной

руке и бубном в другой, и тот хотел дать ей что-нибудь и для этого сунул руку за пазуху, и когда он был в таком положении и отвлекся, собираясь вынуть какую-нибудь монету, Марджана вдруг вонзила кинжал ему в грудь.

И предводитель издал ужасный вопль и умер, и Аллах поспешил отправить его душу в огонь — а скверное это обиталище! — и когда Али-Баба с сыном увидели, что сделала Марджана, они оба быстро вскочили на ноги и стояли, охваченные страхом. И потом они закричали на Марджану, говоря:

— О обманщица, дочь прелюбодейки! О блудница, о худородная, какова причина этого страшного предательства и что заставило тебя совершить столь гнусный поступок? Ты ввергла нас в беду, от которой нам не спастись вовеки, и станешь причиной нашей смерти и гибели наших душ. Но первый, кто понесет наказание, это ты, о проклятая, и если ты уйдешь от руки судьи, то не избежишь наших рук!

И Марджана ответила бестрепетно:

— Сдержите свои сердца и успокойте свой страх! Если таково воздаяние той, что готова вас выкупить своей жизнью, то никто не станет делать добро. Не спешите подозревать меня в дурном умысле, чтобы не покарало вас за это раскаяние, и выслушайте мой рассказ, а потом судите меня как хотите.

— Этот человек вовсе не купец, как он утверждал и как вы думаете, а предводитель воров из лесной чащи. Сначала он говорил, что продает масло, и ввез в бурдюках в ваше жилище много людей, чтобы вас убить и уничтожить, всех до последнего, а когда я расстроила его козни и обманули его мечты и надежды, он бросился в бегство и оставил наш дом. Но это не послужило ему уроком, и он не отступился, а напротив, еще более возненавидел и невзлюбил меня и вас и упорствовал в своих гнусных намерениях. И чтобы исполнить свой план и осуществить надежды, он открыл на рынке торговцев лавку и набил ее роскошными, драгоценными товарами, а затем стал устраивать тайные козни и сокровенные хитрости и пустился на скрытые проделки. Он схитрил над моим господином Мухаммедом, проявляя мнимую любовь и ложную привязанность, и до тех пор устраивал всякие обманы, пока ему не стало возможно войти в ваше жилище и сесть с вами за трапезу. И тогда он стал выжидать удобной

минуты, чтобы обмануть вас и убить наихудшим образом и стереть ваши следы, и рассчитывал он при этом на остроту своего оружия и силу и мощь своей руки. Но нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Слава Аллаху, который ускорил моей рукой его смерть и гибель! Посмотрите ему в лицо и взгляните в него, и вам станет ясна правдивость моих слов.

И Марджана откинула плащ предводителя и показала кинжал, скрытый у него под одеждой. И когда Али-Баба и Мухаммед выслушали ее ответ и то, что она изложила в своих словах, и пристально взгляделись в лицо мнимого купца, лжеца и обманщика, то прекрасно узнали его и удостоверились, что это и есть продавец масла, он самый, а при виде кинжала оба ясно поняли, что Аллах спас их от грозной опасности и страшной гибели при помощи их невольницы Марджаны, и убедились в правдивости ее слов, и великой показалась им отвага ее души и смелость ее поступков.

И оба они поблагодарили Марджану за ее достойный хвалы поступок и восхваляли ее за отличные, здравые суждения, и потом Али-Баба молвил:

— Когда я раньше освободил тебя, то обещал сделать еще нечто большее, и сейчас надлежит мне выполнить обет и сдержать свое обещание. Я открою тебе, как я задумал тебя вознаградить за оказанное нам благодеяние и отблагодарить тебя за твое хорошее дело. Я намерен выдать тебя замуж за моего сына Мухаммеда; что же вы оба на это скажете?

И Мухаммед молвил в ответ:

— Внимание тебе и повиновение в том, что ты замыслишь и предписываешь, и я не возразил бы на запрет твой или на повеление даже в том, что причинит мне доuku и встревожит, а что до женитьбы на Марджане, то это предел моих желаний и вершина моих стремлений.

А Мухаммед ответил так, ибо он давно любил Марджану и страсть его к ней дошла до крайности и достигла предела из-за ее красоты, прелести, достоинств и совершенств, так как она обладала великим умом и добрым нравом и объединяла это с благородством происхождения и знатностью рода.

Потом они приступили к погребению предводителя и вырыли для него большую яму и закопали его, и присоединился он к своим обездоленным, проклятым, нечестивым приспеш-

никам, и ни одна тварь Аллаха не узнала об этих диковинных делах и удивительных происшествиях.

Что же касается лавки предводителя, то, когда он исчез на долгое время и не появлялось о нем вестей и не осталось следа, казна забрала бывшие там товары и другие драгоценные вещи и оставшееся имущество. Потом, когда все успокоилось и мирно и безмятежно зажили в своих жилищах и дела прояснились и явна стала радость и прекратилось зло, Мухаммед женился на невольнице Марджане. Он написал с нею брачный договор у кади мусульман и дал за нее предварительное приданое, обязавшись позднее выплатить остальное, и они сзывали людей и устраивали торжества и проводили без сна прекрасные ночи, задавая пиры и угощения, и до тех пор собирали музыкантов, певцов и забавников, пока не открыли невесту перед женихом, и тогда он остался с нею наедине и уничтожил ее девственность.

И увеселения продолжались еще три дня, а потом, когда после всего этого прошел целый год, Али-Баба решил пойти в сокровищницу. Он воздерживался от этого после смерти своего брата, так как боялся козней воров, а когда Аллах уничтожил руками Марджаны тридцать восемь из них и после того погиб сам их предводитель, Али-Баба решил, что воров осталось еще двое, так как он сосчитал их на горе и их было сорок человек.

Поэтому он все это время воздерживался и не ходил в сокровищницу, опасаясь козней воров, но когда не стало об этих ворах вестей и не обнаружилось нигде их следа, он убедился, что воры погибли, и отважился пойти в сокровищницу и взял с собою своего сына, чтобы показать ему клад и научить его тайному способу проникать и входить туда.

И когда они оба подошли к сокровищнице, то оказалось, что заросли травы, терновника и колючек сгустились и забили дорогу, и Али-Баба с Мухаммедом поняли, что в сокровищницу уже долгое время не входило ни одной живой души и там не раздавалось ни звука. Тут они уверились в гибели двух оставшихся воров и страх их прошел, и они осмелели и двинулись вперед, и Али-Баба взял топор и стал рубить кусты и колючки, так что проход расширился и он смог подойти к двери. И тогда он сказал: «Сезам, открой твою дверь!» — и дверь распахнулась; и Али-Баба с сыном вошли в сокровищницу, и он показал своему сыну сложенные там

богатства, диковинные чудеса и редкости, и Мухаммед остолбенел, увидя все это, и изумился до крайней степени. Потом они побродили и погуляли по сокровищнице и зашли и заглянули во все ее комнаты и досыта порылись в самоцветах и камнях, а затем решили возвратиться домой. Они набрали из клада драгоценностей, которые им понравились — тех, что весят немного, а ценятся высоко, — и вернулись в свое жилище веселые, радуясь приобретенным богатствам, и непрерывно переносили они из сокровищницы все, что хотели, и жили в полном довольстве, приятнейшею жизнью, пока не пришла к ним Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний, ниспровергающая дворцы и воздвигающая могилы.

РАССКАЗ
О ЦАРЕ
БАХТЗАДЕ,
ЕГО СЫНЕ
И ДЕСЯТИ
ВЕЗИРАХ

ассказывают, что в древние времена и миновавшие века и столетия был один царь, великий саном и сильным устоями своей власти, и было ему имя Бахтзад. Род его происходил из города, называемого Найруз *, а престол его царства стоял в городе Сисаре *, и границы его государства простирались от Хиндустана * до берегов великого моря. И было это государство богатое и очень обширное, изобилующее благами и благоустроенное,

и вследствие великой его обширности царь назначил десять везиров, чтобы им управлять, и были у него войска и солдаты, числа которых не счесть.

В один из дней этот царь выехал на охоту, в соответствии со своими обычаями, и пустил птиц, а вслед за ними — собак, и посмотрел, и увидел огромного дикого зверя, какого он никогда не видывал.

И погнался царь Бахтзад этого зверя, мчась на коне, и зверь скакал перед ним, а царь его преследовал, пока он не скрылся с глаз своих воинов и не запутался в степи, а зверь исчез и убежал от него.

Царь долго кружил в чащах и зарослях, чтобы выйти на дорогу или к своим войскам, и наконец выбрался на гладкое место. Он увидел вдали людей, схавших верхом на конях, и с ними были затканые сплошь золотом носилки, а купол носилок был украшен благородными драгоценными камнями, и когда царь Бахтзад увидел это, он ускорил ход своего коня и скакал вдогонку за этими людьми, пока не подъехал к ним.

Он приблизился к юноше, который присматривал за носилками, и спросил его:

— О молодец, чьи это носилки? — и юноша отвечал:

— О господин, это носилки Исфahanда, везира царя Бахтзада, и он посылает в них свою дочь, ибо он выдал ее замуж за царя Задшаха и она стала его женой, и мы, его рабы, направляемся с ней к Задшаху.

Когда девушка услышала эти слова, ей захотелось посмотреть, кто это разговаривает с юношей. Она приоткрыла окошечко и выглянула и увидела царя, но не узнала его, так как он был одет в охотничьи одежды, а царь бросил взгляд и увидел ее и нашел красивой. Девушка понравилась ему, и он влюбился в нее и загорелся гневом на ее отца, своего везира Исфahanда. «Как это так, — воскликнул он про себя, — у него есть такая красивая дочь, но он не осведомил меня об этом, а наоборот, выдал ее замуж за моего врага Задшаха!»

Потом он обратился к вожаку каравана и сказал ему:

— Я царь Бахтзад и я желаю жениться на этой девушке. Не думай, что ее отец, везир Исфahanд, огорчится из-за этого, напротив, он обрадуется.

Когда всадники, сопровождавшие девушку, поняли, что

он — царь Бахтзад, они поцеловали перед ним землю, сказали: «Власть в этом принадлежит тебе», — и сейчас же повернули обратно вместе с посылками и с царем. Царь ехал перед всадниками, пока не привел их ко дворцу, и затем он тотчас же написал свою брачную запись с девушкой и вошел к ней.

И один из всадников пошел к везиру Исфахану, отцу девушки, и сказал ему:

— О мой владыка, царь Бахтзад отнял у нас твою дочь, так как он встретил нас по дороге, и он увез ее к себе домой и написал запись и вошел к ней. Я говорил ему: «О царь времени, лучше бы ты отослал девушку в дом ее отца и послал к нему, прося ее в жены, ибо если ты женишься на ней таким образом, это называется умыканием», — но он мне ответил: «Исфаханд — мой везир, и мне нет нужды с ним советоваться и просить позволения жениться на его дочери».

Когда везир услышал эти слова, его охватило сильное огорчение и он распалился гневом на султана, который взял у него дочь, не спросив позволения. А имя девушки было Бахраджур.

И отец ее тотчас же написал письма всем вельможам царства, знатым людям государства, своим близким, друзьям и знакомым, сообщая о том, что сделал царь Бахтзад с его дочерью Бахраджур, и все они собрались у него и сговорились, что пойдут против султана, и сказали:

— Если он сегодня посягнул на тебя, то завтра он посягнет на нас, и мы заодно с тобой против него. Но всего лучше, если ты прежде напишешь ему обманное письмо и объявишь, что тебя охватила великая радость, так как ты сделался его зятем, а потом выходи из города, укрепись в какой-нибудь области и напиши остальным правителям страны, и мы все объединимся против Бахтзада и отстраним его от власти.

И везир Исфаханд поблагодарил их за милость и написал царю Бахтзаду письмо, в котором говорил:

«О царь, не могу изъяснить тебе, как велики радость, веселье и блаженство, которые охватили меня, когда ты сделал мне честь и взял в жены мою дочь. Прошу Аллаха, чтобы он сделал твой брак с нею приятным, умножил твое величие и продлил тебе жизнь. Мир с тобой!»

Потом он запечатал письмо и послал его царю Бахтзаду, а вместе с письмом послал драгоценные дары и подарки.

Когда его слуга прибыл к царю Бахтзаду и поднес ему дары, царь взял письмо и прочитал его и страшно обрадовался. Потом он послал за тем из своих везиров, на совет которого полагался, и показал ему письмо везира, а также подарки и дары, которые тот ему прислал, и везир, прочитав письмо и поняв, что в нем заключается, сказал царю Бахтзаду:

— Это письмо, о царь времени, — письмо обманное и коварное, и я скажу тебе — клянусь Аллахом! — нет у тебя большего врага, нежели везир Исфаханд, и это его письмо — сплошной обман и хитрость.

Но царь Бахтзад не обратил внимания на своего везира и оставил это дело и стал жить со своей женой Бахраджур, которую успел полюбить великой любовью.

И он совершенно увлекся своим счастьем с женой, а что до ее отца, везира Исфаханда, то он, отослав царю письмо и дары, выехал из города и отправился в одну из принадлежавших ему областей. Он поселился там и стал писать письма в войска, в ставки, к эмирам и везирам и говорил им: «Если возможно, явитесь ко мне и мы придумаем что-нибудь против Бахтзада, так как он еще более умножил свои жестокости и несправедливости. Если он сегодня посягает на моих женщин, то завтра посягнет на ваш гарем и на ваших женщин».

И все воины, вельможи и знатные люди царства объединились с ним против царя Бахтзада, и везир Исфаханд поднялся с нечисленным войском и двинулся и пришел к тому городу, где пребывал царь Бахтзад. И царь Бахтзад даже не почувал, как войска напали на его город, и он не был ни к чему готов, так как увлечен был любовью к Бахраджур. И пришлось ему с женой Бахраджур бежать, и он сел на коня, а ее посадил на другого коня и закутал в покрывало, и они выехали из города, а везир Исфаханд вступил в город и сел на его место.

Что же касается царя Бахтзада и Бахраджур, то они сжали по степи два или три дня, а Бахраджур была беременная, и тот месяц был месяцем родов, и от сильной усталости и страха к ней пришли жестокие схватки. Тогда царь Бахтзад спешился под какой-то горой и свел с коня свою

жену Бахраджур возле ручья с водой, и схватки у нее становились все сильней, но великий Аллах облегчил ей роды, и она родила дитя мужского пола, которому не было подобия по красоте и прелести. И царь завернул ребенка в царскую шубу, в которую был одет, и сказал жене:

— О Бахраджур, нам лучше оставить его в этом месте, под охраной Аллаха, и не брать его с собой, чтобы он не умер с нами в дороге. Аллах великий, да возвысится слава его, пошлет кого-нибудь, чтобы о нем заботиться.

И Бахраджур горько заплакала из-за своего ребенка и из-за того, что ее постигло, и они оставили мальчика там, возле ручья, сели на коней и уехали.

А Аллах великий послал газель, которая пожалела младенца, и она каждый день приходила к нему и кормила его в течение нескольких дней. А в тех краях обреталась шайка разбойников, и они пришли к тому ручью, чтобы отдохнуть и разделить награбленную добычу, и заметили, что возле ручья что-то блестит, и подошли и увидели шубу и завернутого в нее мальчика, подобного полной луне или утренней заре, когда она засияет, про которого сказал поэт:

Красота его самых прекрасных затмила,
Он сама красота — газеленок мой милый,
Глянет в зеркало он — два заблещут светила,
Словно зеркало в зеркало взор устремило.

Когда разбойники увидели младенца и посмотрели на его красоту и прелесть, они воскликнули:

— Благослови Аллах за создание этого благородного существа! Какие грехи совершил этот младенец, и за что родные оставили его в этом месте одного?

Старший над разбойниками взял мальчика и отнес его к себе в город и отдал своей жене, чтобы она его воспитывала. Он приставил к нему мамку и поручил его своей жене.

Вот все, что было с младенцем.

Что же касается царя Бахтзада и его жены Бахраджур, то они шли не останавливаясь до царя персов, а было ему имя Кисра Ануширван. Царь встретил их с почетом и уважением и поместил у себя во дворце, а потом Кисра спросил Бахтзада о причине его прихода, и царь Бахтзад рассказал ему обо всем, что с ним случилось из-за его везира Исфаханда.

И Кисра, услышав это, немедленно снарядил для Бахтзада войска, коим нет числа, и все необходимое для войны и отослал его обратно, и Бахтзад вернулся в свою страну.

Когда он достиг окраин своего царства, везир Исфаханд с приспешниками вышел к нему, и произошло между ними сражение. Царь Бахтзад одержал победу и схватил своего везира Исфаханда и убил его и перебил всех, кто вступил с ним в стовор; он вошел в свой город с победой и воссел, как прежде, на престол царства, и подчинились ему и земли и рабы божии, и тогда он послал людей к той горе искать младенца, но они его не нашли.

После этого царь отправил Кисре роскошные дары и драгоценные подарки, наградил его воинов и отослал их обратно. Он поблагодарил царя Кисру за милость и попросил прислать к нему Бахраджур, его жену.

Но Кисра увидел однажды Бахраджур и влюбился в нее. А Бахраджур горевала о своем сыне, и Кисра старался рассеять ее грусть и печаль. Он отвел для нее помещение, украсив его всевозможными украшениями, и поставил туда все, что могло развлечь царицу, а потом поместил ее туда и назначил сорок невольниц, чтобы ей служить.

После этого, спустя недолгое время, прибыли его войска от Бахтзада, и поднесли присланные им подарки, и вручили письмо, в котором Бахтзад благодарил его за милость и просил прислать Бахраджур, его жену, и Кисра огорчился из-за этого, ибо он хотел взять ее в жены для самого себя. Но он увидел, что все его воины прославляют и благодарят Бахтзада, так как он их осыпал дарами и милостями, и когда Кисра увидел это, он побоялся взять Бахраджур в жены, опасаясь, как бы войска не восстали на него из любви к Бахтзаду.

И он немедленно отослал Бахраджур с полным вниманием, почетом и уважением, но когда Бахраджур прибыла к своему мужу, царю Бахтзаду, то вместо того, чтобы радоваться, она была печальна и плакала, ударяя себя по щекам и горюя о сыне, частице своего сердца.

Царь Бахтзад стал ее утешать и развлекать и говорил:

— О Бахраджур, мы с тобой еще молодые, и есть надежда, что Аллах пошлет нам много детей. Оставь же эту печаль и благодари Аллаха, который воротил нас в наше царство! — и вот то, что было с ними двумя.

Что же касается младенца, то он рос и воспитывался у атамана разбойников, пока не исполнилось ему пятнадцать лет жизни. Он стал искусен в воинской доблести и выезжал со своим отцом, главою разбойников, и его людьми, и они заступали дорогу караванам и грабили их.

И вот случилось однажды, что проходил мимо них огромный караван, при котором было много конных воинов, и атаман разбойников напал на караван, чтобы его ограбить, и всадники, бывшие при караване, сразились с ним и перебили много разбойников и захватили в плен большое количество их, а остальные разбойники убежали. А в числе взятых в плен был и тот мальчик, и когда купцы увидели его, они восхитились его красотой и прелестью и спросили его:

— Откуда ты, молодец, кто твой отец и как ты попал к этим разбойникам? Поистине, облик твой — не облик разбойника!

Они взяли мальчика с собой и шли до тех пор, пока не прибыли в город, а то был город царя Бахтзада. Весть о караване дошла до царя Бахтзада, и он послал за купцами, и когда купцы явились, спросил их, есть ли у них что-нибудь подходящее для него и для царицы. И купцы показали ему ценные ткани, которые принесли с собой, и царь выбрал из них то, что захотел.

А мальчик пришел вместе с купцами, и царь увидев его, восхитился его красотой и прелестью, и кровь устремилась к родной крови, так как это был его сын.

И царь Бахтзад обратился к начальнику каравана и спросил его:

— Откуда у вас этот мальчик? — и начальник ответил:

— О царь времени, мы наткнулись на шайку разбойников и сразились с ними и разбили их, и в числе тех, кого мы взяли в плен, оказался этот мальчик. Мы спросили его: «Чей ты сын?» — и он сказал нам, что он сын атамана разбойников.

— Я хочу, чтобы ты отдал мне этого мальчика, — молвил царь, и начальник каравана ответил:

— Это будет подарок тебе от меня, о царь времени, — и султан взял мальчика к себе и сильно полюбил его, и сердце царя привязалось к мальчику, так как это был его сын, но царь Бахтзад не имел об этом понятия.

И мальчик стал жить во дворце, у своего отца, царя Бахтзада, и у юноши с каждым днем прибавлялось вежества, знаний, мудрости и сметливости, и когда царь увидел, что юноша таков, он вручил ему все свои сокровища и все доходы, и стало слово юноши непреложным, и решения, советы и запреты оказались в его руках, и сокровища царя увеличились от хорошего управления и честности юноши, а раньше они были в руках десяти везиров и те делали с ними, что хотели, и доходы поэтому всегда запаздывали.

И стал юноша дорогим царю Бахтзаду, и был он царю дороже сына, и когда те десять везиров это увидели, их ударило завистью, от которой не свободно тело человека, и они сговорились устроить против юноши хитрость, которая заставит царя его убить.

Но везиры оказались слабы для этого — они искали какой-нибудь хитрости и не находили. И наконец, как-то вечером, случилось, что юноша был доволен и весел и выпил вина с излишком и утратил благоразумие. Он вышел из своих покоев и бродил по дворцу и, проходя мимо комнаты царицы, упал на ее постель и заснул, ничего не сознавая. А перед наступлением времени сна служанка вошла и, как обычно, поставила для царя столик с вином и плодами. Она зажгла две камфорные свечи, поставила две курильницы с алоэ и амброй и вышла, и не знала она, спит кто-нибудь на ложе или нет.

А потом царь Бахтзад вышел из покоев для собраний и отправился в покои своей жены Бахраджур, и царица последовала за ним. Царь пришел, открыл дверь и вошел с нею в комнату и вдруг видит — на ложе лежит и похрапывает тот юноша. Султан подошел и приподнял край полога и обнаружил юношу, которого любил. Он сильно разгневался и посмотрел на царицу укоризненным взором и спросил ее:

— Что это за проделки и что делает здесь этот юноша? Ведь он вошел не иначе, как по твоей воле.

— Клянусь великим Аллахом и жизнью твоей, я ничего об этом не знаю, — отвечала царица, а юноша между тем проснулся от звука голосов и открыл глаза. Он увидел царя и царицу и быстро встал и пал перед ними ниц, а царь сказал:

— О совершающий дурные поступки, что это за обман! Ты меня обманываешь в моем собственном гареме! Так-то ты

воздасшь за милости, которые я тебе оказываю! А я-то поставил тебя выше всех своих везиров!

Потом царь вышел гневный и приказал посадить юношу в темницу, а царицу поместить в уединенное место. Он провел ночь, весь охваченный гневом из-за этой истории, а когда наступило утро, царь поднялся и воссел на престол царства и призвал старшего из своих везиров и сказал ему:

— Посмотри, что сделал со мной этот скверный юноша!

И царь Бахтзад рассказал везиру, как он увидел юношу спящим на постели своей жены, и везир молвил:

— О царь времени, да продлит Аллах тебе века, разве ты не знаешь, что этот юноша — сын атамана разбойников и что он дурного происхождения? Как же можно ожидать от него честности! Что же касается царицы, то я не думаю, что она виновна. Она с тобой уже много лет, и я не видел у ней ни малейшего недостатка, и она славится целомудрием, честностью и набожностью. Если позволишь мне, о царь, я сейчас же пойду к царице и узнаю у нее в точности, как произошло это дело.

— Пойди,— сказал ему царь.

И везир пошел к царице и сказал ей:

— Я пришел к тебе и желаю, чтобы ты дала мне правдивый ответ на то, о чем я тебя спрошу.

— Говори! — молвила царица, и везир спросил:

— Как случилось, что юноша вошел в твои покои и заснул на твоей постели?

И царица начала плакать от великой горести и сказала везиру:

— Клянусь великим Аллахом, не имею понятия, и я совершенно не знаю этого юноши!

И тогда везир понял, что царица невинна, и молвил:

— Хочешь, я скажу, какой хитростью ты избавишься от этой клеветы?

— Что же это за хитрость? — спросила царица, и везир сказал:

— Когда царь позовет тебя и спросит, скажи ему: «Этот юноша один раз меня увидел и прислал мне сказать: „Я тебе дам сотню жемчужин, за которые не жаль никакой цены, если ты пожелаеть мне близость с тобою“. Я прогнала посланца, который ко мне пришел, и тот вернулся, боясь меня, и юноша прислал ко мне второй раз, говоря: „Если ты не

согласишься удовлетворить мое желание, я приду как-нибудь вечером, пьяный, и лягу к тебе в постель, чтобы царь меня увидел. Ты тогда опозоришься в его глазах и он тебя убьет“». Скажи же царю эти слова, о царица, и спасешься от клеветы, и позор будет с тебя снят,— сказал везир. И царица воскликнула:

— Да воздаст тебе Аллах благом!

И везир вышел от царицы и вошел к царю и сказал ему:

— Клянусь жизнью твоей головы, царица невиinna, и грех — на юноше, который заслуживает убийства. Это ведь вещь известная, о царь времени: сын дурного всегда дурен.

И тут гнев царя усилился, и он велел привести юношу и палача, и когда они оба предстали перед ним, султан обратился к палачу и приказал ему отрубить юноше голову, а потом обратился к юноше и сказал ему:

— О обманщик, я доверил тебе свои сокровища и богатства и поставил тебя впереди всех своих везиров, и вот каково твое воздаяние.

— О царь времени,— отвечал юноша,— я не обманывал тебя ни в чем, но моя злая судьба ввергнула меня в беду. Когда люди ведут свои дела и судьба оборачивается против них, они попадают в еще худшие беды и язык обстоятельств говорит против них, а не за них. Я прилагал крайние усилия, чтобы не совершить перед тобой ни малейшего греха, но нет хитрости, раз вынесен приговор. Что толку в усилиях, если счастье дурное, и я подобен тому купцу, которого испытывала злая судьба.

— А как это было? — спросил царь Бахтзад, и царевич молвил:

— Рассказывают, о счастливый царь, что был когда-то один купец с великими знаниями в торговом деле, так что каждый дирхем всегда приносил ему сто дирхемов прибыли. И дела его обернулись плохо, и оставался он некоторое время без наживы, и тогда он сказал себе: «Сколько я буду еще так мучиться, не находя прибыли! Я желаю сменить свой товар на другой».

И он купил на половину своих денег пшеницы, в дни молотбы, и подумал: «Отложу ее на зиму, и она принесет мне прибыль»,— но когда пришла зима, пшеница подешевела и стала наполовину дешевле той цены, за которую он купил свое зерно.

И купец страшно огорчился и оставил пшеницу на следующий год, но цена на зерно упала еще больше. И пришел к купцу один из его друзей и сказал ему:

— О друг мой, клянусь Аллахом, нет тебе счастья с этой пшеницей! — но купец воскликнул:

— Нельзя же мне продать ее в убыток! Пусть она пролежит у меня хоть десять лет, если я на ней ничего не найду!

И он тотчас же пошел и запечатал двери склада с зерном глиной, и Аллах великий определил, чтобы в мире пошел обильный дождь, и вода проникла в кладовые с пшеницей и потопила большую часть ее, а потом Аллах отдал остальное во власть муравьям и те погубили пшеницу полностью.

И купец пришел в какой-то день, чтобы осмотреть пшеницу, и нашел ее в таком виде, и тогда он нанял людей за пятьсот динаров, и люди вынесли пшеницу и бросили в море.

И приятель купца сказал ему:

— О приятель, я тебе говорил, что не будет тебе счастья с этой пшеницей! — и купец молвил:

— Ты был прав, дело пропало.

— Оставайся у меня. Я сделаю тебя смотрителем над своим имуществом.

Он назначил купцу определенное содержание на каждый год, и купец оставался у него до тех пор, пока год не исполнился. И поднялись стога пшеницы старика, и купец подвел счета и сказал в душе:

— Не думаю, что старик выдаст мне содержание, которое он назначил на каждый год. Лучше я возьму из этой пшеницы столько, сколько он мне обещал, и утаю это от него. Если он мне выдаст содержание сполна, я верну ему его пшеницу, если же не заплатит мне за труды, то, что мне следует, окажется у меня».

Потом купец поднялся и взял долю пшеницы и скрыл это от старика, а остаток он перенес на его склады, а после этого старик сказал ему:

— Пойдем, о мой управитель, и я выдам тебе содержание, которое обещал.

И он выдал купцу сколько ему следовало и сказал:

— Даже если ты останешься у меня пятьдесят лет, тебе всегда, каждый год, будет такое содержание,— и купец стал

себя бранить и пошел, чтобы вернуть старику пшеницу, которую он от него утаил, но не нашел пшеницы.

И он вернулся, не зная, что делать, и сказал старику:

— О господин, не буду от тебя ничего скрывать. Я подумал, что ты не исполнишь своего обещания относительно моего вознаграждения, и утаил подходящее количество пшеницы, и я говорил про себя: «Если он выдаст сполна то, что мне следует, я верну ему пшеницу». А когда ты выдал мне мою плату, я пошел, чтобы принести пшеницу, но не нашел ее.

И старик, услышав эти слова, рассердился на купца за его поступок и сказал:

— Поистине, нет при злом счастии, ухищрения! Раз ты подумал про меня дурное, то, клянусь Аллахом, я сделаю так, как ты подумал. Не бывать тому, чтобы я выдал тебе твое содержание!»

И он прогнал купца от себя, и купец вышел от него печальный и плачущий и пошел за город, на берег моря, не зная, куда направиться. Он встретил на дороге людей — ныряльщиков, которые ныряют и добывают жемчуга, перлы и самоцветы, и ловцы жемчуга, увидев, что он плачет и горюет и состояние его горестное, спросили его, что с ним такое, и купец рассказал им о том, что с ним случилось.

И шейх водолазов узнал его и спросил: «Ты — такой-то, сын такого-то?», — и купец ответил: «Да», — и шейх пожалел его и сказал своим товарищам:

— Давайте нырнем в этот раз на счастье этого бедняги, и то, что с нами поднимется, отдадим ему.

И они нырнули и погрузились в море и поднялись, и с ними оказалось пять раковин, и в каждой по две жемчужины.

Водолазы отдали их купцу, и шейх их сказал ему:

— Теперь счастье повернулось к тебе лицом. Пойди продай одну или две жемчужины, и пусть это будет твоим капиталом, торгуй на него, а остальное — прибереги.

И купец взял жемчуг, поблагодарил ловцов жемчуга и ушел. Он положил восемь жемчужин себе в одежду и зашил их, а две жемчужины взял в рот, но когда он шел по дороге, вдруг напали на него разбойники и раздели его донага, и остались у него только две жемчужины, которые он держал во рту.

Достигнув города, купец спустился на рынок торговцев драгоценными камнями и отдал жемчужины посреднику, чтобы тот их продал. И случилось так, что у одного из торговцев самоцветами на рынке украли десять жемчужин, подобных тем двум, которые были у купца, и когда торговец увидел их у посредника, он схватил его и сказал:

— Говори, кто их владелец.

— Один бедный человек,— ответил посредник, и торговец сказал:

— Отведи меня к нему,— и маклер отвел его, и когда торговец увидел этого купца, он спросил:

— А где остальные из тех десяти жемчужин?

А купец подумал, что торговец знает о ловцах жемчуга и о том, что у него с ними случилось, и ответил:

— На меня напали по дороге разбойники и взяли у меня восемь штук, и остались при мне эти две жемчужины.

— Ты украд этот жемчуг из моей лавки! — воскликнул торговец и тотчас же отвел купца к вали *. Он рассказал вали обо всем и прибавил:

— Этот человек признался, что разбойники отняли у него восемь жемчужин и при нем остались только эти две,— и вали тогда приказал побить купца и посадить его в тюрьму.

И купца били до тех пор, пока он не обеспамятел, и посадили его в темницу, и он провел в тюрьме целый год.

И случилось так, что один из водолазов провинился и вали схватил его и посадил в тюрьму, в которой сидел купец, и когда водолаз увидел купца, он узнал его и спросил что с ним случилось, и купец рассказал обо всем, что произошло.

И удивился ловец такому злополучию и послал к царю, прося, чтобы тот его принял, и передал: «У меня есть тайна, о которой я хочу рассказать твоему величеству».

Царь велел привести водолаза, и тот, придя к царю, рассказал обо всем, что случилось с купцом из-за его злополучия, и когда царь услышал историю купца, он подивился на превратности его судьбы и на его злосчастье и пожалел его.

И царь велел выпустить купца из тюрьмы и призвал его и спросил об его обстоятельствах, и купец рассказал ему обо всем, что с ним случилось, и царь еще больше удивился и тотчас же наградил ловца жемчуга, а купцу он дал место в своем дворе и назначил ему выдачи.

И купец жил так, радуясь своим обстоятельствам, и вот в один из дней, когда он сидел в том месте, которое дал ему царь, он подумал о себе и воскликнул:

— Хвала Аллаху, что прошли мои несчастья и пришло мое счастье, а потом он осмотрелся и увидел в своем помещении заложенную дверь и сказал про себя: «Что это может быть за дверь и почему ее заложили?»

И он принялся копать и вынул камень, а потом он вынул второй и проделал в двери большое окошко и увидел, что оно выходит в комнату любимейшей наложницы царя.

И это заметил один евнух и пошел и рассказал царю, и царь сам пошел выяснить дело и убедился, что слова евнуха правдивы. Он увидел открытое окно из комнаты купца в комнату его наложницы и пришел в великий гнев и сейчас же призвал к себе купца и сказал:

— Вот каково воздаяние за добро, которое я тебе сделал!

Он велел немедленно вырвать ему глаза, и у купца вырвали глаза, и он взял свои глаза в руки и пошел, говоря себе: «До каких пор будет моя звезда несчастливой! Раньше злой рок поразил мое имущество, а теперь — мою жизнь. Поистине, нет пользы трудиться, когда не велика благодать!»

И со мной случилось то же самое, о царь, — продолжал юноша. — Мое злосчастье подвергло меня тому, что ты видел, и счастье обернулось против меня, и нет для меня никакого ухищрения.

Когда царь Бахтзад услышал слова юноши, он сказал:

— Верните его в тюрьму, на его место, а завтра мы обсудим его дело и воздадим ему за его поступок, — и проспал эту ночь, а когда наступило утро следующего дня, явился другой везир, которому пришла очередь служить, и было имя его везир Бехрун.

Он подошел к царю и поцеловал перед ним землю и молвил:

— О царь, то, что совершил этот юноша, будет для царства величайшим позором, если ты только оставишь его в живых! — И услышав это, царь распалился гневом и приказал привести юношу.

И когда того привели, царь Бахтзад сказал ему:

— О худородный, ты меня обманул, и я сегодня непременно предам тебя наихудшей смерти!

— Не спеши со мною, о царь.— сказал юноша,— и подумай о последствиях твоих дел, чтобы не пришлось тебе каяться, как купцу, который не был осмотрителем в своих действиях, и не стал исход их счастливым, как исход дел сына купца.

— Расскажи, какова история купца и сына купца,— приказал царь Бахтзад.

И юноша сказал:

— Знай, о счастливый царь, что жил когда-то купец, обладавший богатствами, и была у него жена и трое детей мужского пола. И решил этот купец отправиться в далекие страны и погрузил на корабль товары, дорогие ценой и легкие весом, и распрощался с женой и уехал. Он путешествовал до тех пор, пока не достиг какого-то отдаленного государства, и, выгрузив там свои товары, стал продавать их в том городе.

А этот купец отличался красноречием, умом и предусмотрительностью, и у него был хороший почерк; и вот прослышал о нем султан того города, и призвал его к себе и сказал:

— Хочу, чтобы был ты у меня везиром! — и купец отвечал:

— Слушаю и повинуюсь!

Султан тотчас же отдал приказ, и купцу принесли халат, приличествующий везирам, и пробили для него в султанские барабаны, и остался он при султানে везиром, и султан очень любил его.

Дела султана пришли в порядок благодаря хорошему управлению везира, и дела царства тоже, и купец провел у него некоторое время, занятый устройением государства, и ни разу не вспомнил о жене и детях.

И вот в какой-то из дней султан устроил званый пир для вельмож своего царства, и купец находился вместе с ними, и когда они поели, попили и повеселились, купец вернулся к себе домой и вспомнил о жене и о сыновьях и сказал в душе: «До каких пор буду я в разлуке с семьей! Что пользы от величия и почета, которым я пользуюсь, если я вдали от них?»

И он провел эту ночь до утра, печальный, а утром встал, надел свою одежду и вошел к султану, и признаки горя были ясно видны на его лице.

И султан спросил его:

— Скажи мне, какова причина твоей грусти и печали,— и купец молвил:

— О владыка наш султан, ты знаешь, что пребывающий на чужбине всегда горюет о своей семье и тоскует по родным, и я тоже вчера вечером вспомнил о жене и детях. Может быть, ты окажешь мне милость и дашь позволение поехать и привезти их сюда?

И султан разрешил купцу поехать и привезти свою семью с условием, что он сейчас же вернется, и купец отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» — и тотчас же пошел и снаряжался и простился с султаном и выехал в море и поехал, направляясь в свой город, и вот то, что было с купцом.

Что же касается жены купца, то увидав, что ее муж очень задержался в отсутствии и от него не пришло вестей, она начала справляться о нем у путешественников и наконец услышала, что он стал везиром в таком-то городе, у такого-то царя. И тут она поднялась и снарядилась и забрала своих детей и поехала, и случилось так, что она подъехала к одному острову, к которому подошел также тот корабль, где находился ее муж.

И вот она высадилась в гавани и поселилась в одном из ханов * и слышала, что пришел корабль из такого-то города, а это был корабль ее мужа, и сказала своим сыновьям:

— Идите в гавань и расспросите про корабль, который сейчас пришел: он пришел из той страны, где находится ваш отец, и, может быть, кто-нибудь сообщит вам о нем известие.

И мальчики пошли в гавань и стали там играть, неподалеку от моря, и по предопределению Аллаха их отец спал в одном помещении, близ того места, где играли дети. И они так громко кричали и шумели, что побеспокоили купца и он не мог спать, и купец поднялся, сердитый, и выглянул из окна и прикрикнул на детей, а у него из кармана выпал кошелек с драгоценными самоцветами и упал посреди товаров других купцов, находившихся внизу, под окном дома.

И купец спустился и стал искать кошелек, но не нашел его, и заплакал, и усилилось его горе, и увеличился в нем гнев на детей. Он схватил их и начал бить, говоря: «Никто, кроме вас, не взял кошелька!» — и пустился их бить еще

пуше, и матросы услышали это и, вместо того чтобы выручить мальчиков, сказали:

— Правильно, господин! Все дети в этом городе воры и разбойники.

Тут купец еще сильнее расстроился и поклялся, что если мальчики не отдадут ему кошелек, он их утопит в море, и когда он увидел, что дети и после порки не отдают ему кошелек, он схватил всех троих, привязал к вязанке дров и бросил в море, и волны морские повлекли их, и они скрылись из глаз.

Что же касается матери мальчиков, то когда дети задержались, она поднялась, пошла в гавань и стала о них спрашивать, и матросы сказали, что купец утопил их в море. Они рассказали ей всю историю, и она закричала и стала рыдать и плакать, ударяя себя по щекам и говоря:

— О мое сердце, о мои дети! Будь ваш отец здесь, он бы наверное стал искать вас и утопил бы того проклятого, который бросил вас в море!

И она стала сыпать землю себе на голову и кричать, и один из матросов спросил ее:

— О паломница, ты чья жена будешь?

И она отвечала:

— Я жена такого-то купца, который стал везиром в таком-то городе. Я взяла своих детей и поехала к нему, и поразило меня это бедствие,— и когда купец слышал слова женщины, он узнал, что это его жена, и убедился, что дети, которых он утопил,— его собственные дети.

И он тоже поднялся и стал плакать и бить себя по щекам и рвать на себе одежду, а потом он спустился вниз и сказал своей жене:

— Я — твой муж и я своей рукой погубил своих детей. Таково воздаяние тому, кто не думает о последствиях своих дел и неосмотрителен в своих действиях.

И купец с женой стали плакать и бить себя по щекам, а потом купец взял свою жену, и они обошли все берега моря, всюду ища своих детей, но не нашли и следа их.

Что же касается детей, то морская волна выбросила всех их в разных местах. И один из мальчиков вышел из воды близ какого-то города, и его встретил человек из свиты султана этого города и увидел, что внешность его приятна, и взял его в свой дом. Он одел мальчика в нарядную одежду и

предложил ему еды и питья, и мальчик поел и попил и выснулся и отдохнул от тягот, перенесенных в море, и его красота и прелесть увеличились.

И когда тот воин увидел, что мальчик так красив, он решил предложить его султану и пошел с ним к султану и предложил его, и султан, увидев мальчика, удивился на его красоту и прелесть. Он взял его и поместил у себя во дворце и сильно полюбил его, а у султана не было детей, и он сделал мальчика своим сыном, и когда этот султан умер, вельможи его царства не знали у него другого сына, кроме этого мальчика, и поставили его над собой царем.

Что же касается его отца и его матери, то они непрерывно ходили по морским берегам, разыскивая его и его братьев, но не слышали о них вестей, и когда они потеряли надежду, то как раз пришли в тот самый город, где сына сделали султаном, и увидели они, что власть в этом городе справедливая, и в нем больше всяких благ, нежели можно описать, и поселились там.

И вот в один день из дней купец пошел на рынок, чтобы что-то купить, и увидел посредника, который вел за руку двух мальчиков, чтобы их продать. И купец почувствовал любовь к этим мальчикам, и купил их, и привел к себе домой, и когда его жена увидела их, она узнала, что это ее дети.

Тут она прямо-таки улетела от радости и сказала мужу:

— Эти два мальчика — мои сыновья, — и отец их тотчас же определил одного из них по торговой части, для купли и продажи, а другого поместил к учителю, чтобы тот учил его грамоте, письму, чтению Корана и красноречию.

И мальчик научился и до того наострился, что превзошел своего учителя, и был у него очень хороший голос. И вот в один из дней он пошел в мечеть, на соборную молитву, а брат его, султан, тоже находился в мечети, а мальчик переоделся и перерядился в одежду ученых и надел фardжину *, и платок был накинут ему на плечи. И он совершал ракаты * вблизи от своего брата, султана, и когда проповедник сказал: «Аллах велик!» — мальчик сейчас же произнес: «Боже мой, хвала тебе!» — и прочитал фатиху * на приятный напев, красивым голосом.

И люди удивились на него, а султан оторопел и воскликнул:

— Поистине, этот человек должен быть проповедником и имамом! * — и еще больше подивился ему султан из-за его красоты и прелести.

А когда молящиеся разошлись и султан ушел к себе во дворец, он тотчас же прислал чистокровного скакуна из своих коней, чтобы мальчика посадили на этого коня и привели к нему.

И мальчика привели немедленно, и тот, представ перед своим братом султаном, отвесил поклон и поцеловал землю и пожелал ему величия и долгой жизни.

Султан еще больше удивился его красоте и красноречию и спросил, каковы его обстоятельства и чей он сын, и мальчик рассказал, что он сын купца, чужеземца, и что его родители поселились в этом городе из-за царящей там справедливости.

— Мое желание, чтобы ты всегда находился у меня, — сказал султан мальчику, и тот ответил:

— Слушаю и повинуюсь, о царь времени! — и потом султан дал ему место у себя во дворце и сильно полюбил его.

А мальчик пошел и все рассказал своим родителям, и те обрадовались, и султан оказывал ему великий почет.

И вот в какой-то день султан вышел в один из своих садов прогуляться, и у него весь день было весело на сердце, и жизнь казалась ему приятной.

И он выпил лишнего и заснул, и юноша увидел, что султан спит и никто его не охраняет, и захотел совершить хороший поступок, чтобы потом похвалиться им перед султаном. И он вытащил и обнажил меч и встал у султана в головах, охраняя его.

И слуги султана увидели юношу — а они ему завидовали, так как султан сильно его любил, и искали ухищрения, чтобы его убить — и, увидев его, спросили:

— Почему ты стоишь над головой султана, обнажив меч? — И юноша ответил:

— Чтобы его охранять, — и завистники воспользовались случаем и сговорились доложить султану, что юноша хотел его убить.

— Нет у нас способа умертвить его, кроме этого, — говорили они друг другу.

А когда царь встал от сна, его слуги вошли к нему, тайком от юноши, и сказали:

— О царь, у нас есть для тебя добрый совет.

— Что же это за совет? — спросил царь, и они ответили:

— Остерегайся того юноши, сына купца, ибо он хочет тебя убить. Сегодня ночью мы видели, как он обнажил меч, когда ты спал, и подошел к твоему изголовью, и если бы мы в это время не вошли, дело наверное свершилось бы.

Когда султан услышал эти слова, цвет его лица изменился, и он спросил слуг:

— Есть ли у вас свидетели, чтобы это подтвердить? — и слуги сказали:

— Чтобы проверить наши слова, притворись сегодня вечером спящим, и увидишь все своими глазами.

И вот когда пришел вечер, слуган притворился спящим, а слуги пошли и сказали юноше, сыну купца:

— Султан прослышал, что ты его охранял, и очень благодарил тебя.

Услышав это, юноша прошел мимо комнаты султана и увидел, что султан спит, и тотчас же обнажил меч и вошел к султану, чтобы его охранять, и когда султан увидел это, он подумал, что юноша хочет его убить, как докладывали ему слуги.

И он с гневом встал и крикнул рабам:

— Схватите этого обманщика! Утром я ему покажу, каково воздаяние за обман.

И юношу забрали и посадили в темницу до утра, а утром султан послал за ним и велел его привести и сказал:

— О обманщик, таково ли воздаяние за благо? Я сделал тебе так много добра, а ты хочешь меня убить!

И один из слуг обратился к царю:

— О царь времени, хочешь я отрублю этому обманщику голову? — и царь молвил:

— Не подобает спешить в подобном деле: мы властны над живым и можем его убить, но не властны над мертвым, чтобы его оживить, и поспешность вызывает раскаяние.

И султан приказал вернуть юношу в темницу, и потом уехал на охоту. А все везиры и слуги объединились между собой, так как все они завидовали юноше, ибо султан высил его над ними, и когда султан вернулся с охоты, они все пришли к нему и сказали:

— О царь, мы все советуем тебе убить того юношу-обманщика, чтобы остальные слуги не позарились на тебя.

И тут гнев царя усилился, и он крикнул:

— Приведите этого обманщика! — а когда юноша явился, султан велел палачу скинуть ему голову с плеч.

И палач подошел к юноше, завязал ему глаза и три раза обошел вокруг него, и при третьем обходе султан сказал палачу:

— Убери от него руку, чтобы нам не впасть в раскаяние, ибо быть осмотрительным и размышлять о последствиях дел похвальней, нежели спешить.

И когда это было так, вдруг пришел отец юноши — а он услышал об этом деле — и упал к ногам султана и стал их целовать и сказал:

— О царь времени, смилуйся, ради нас, над нашим сыном и не торопись его убивать, чтобы не поразило тебя то, что поразило меня. Я поспешил и бросил в море троих своих детей, и двоих из них я увидел снова, и осталась у меня в сердце печаль по третьему, которого я не мог найти.

И купец рассказал султану обо всем, что с ним случилось, и когда султан услышал от купца такие слова, он узнал, что это его отец, а тот юноша — его брат.

И он поднялся с престола и упал на грудь своему отцу и принялся его целовать и воскликнул:

— Это я — твой сын, а тот юноша — мой брат.

Потом он приказал палачу снять повязку с глаз своего брата и обнял его и посадил справа от себя, а затем он послал за своей матерью и третьим братом, и наградил их всех халатами, и в городе стали бить в барабан по случаю его радости, и во всем царстве начались торжества.

И султан обратился к своему отцу и сказал ему:

— Видишь, как похвально быть осмотрительным и думать о последствиях дел! Поспешность порождает раскаяние, и если бы ты, отец, был в своих делах осмотрителем, то не впал бы в столь великое раскаяние, а если бы я поспешил, как ты, то тоже испытал бы раскаяние, которое пришлось испытать тебе.

— И я тоже, о царь, говорю тебе, что осмотрительность и обдуманность в делах достохвальной, ежели поспешность.

И Бахтзад, услышав слова юноши, сказал везирам:

— Воротите его в тюрьму, а завтра мы рассмотрим его дело и успеем его убить, так как он в наших руках.

И юношу вернули в тюрьму, и диван разошелся, и люди проспали эту ночь, а когда наступило утро третьего дня, пришел третий везир и вошел к царю Бахтзаду и поцеловал перед ним землю и молвил:

— О царь, не медли в деле этого юноши! Правильно будет поспешить с его убиением, ибо люди ведут о тебе речи, которых лучше не говорить.

И тут Бахтзад, царь, разгневался и велел привести того юношу, и когда его привели к царю, сказал:

— О худородный, о не признающий добра, тебя необходимо убить, ибо ты опозорил меня среди людей! Твоя казнь сегодня неизбежна.

И юноша молвил:

— Проявляй терпеливость в твоих делах, о царь, и достигнешь этим того, чего желаешь, ибо Аллах определил, что терпение ведет к благу. Только благодаря терпению Абу Сабир вылез из колодца и сел на престол царства.

— А как это было? — спросил царь Бахтзад, и юноша сказал:

— Говорят, о счастливый царь, что был когда-то один достойный человек, по имени Абу Сабир, и были у него большие стада овец и коров и красивая жена, и он имел от нее двоих детей. Они все жили в небольшом селении, и завладел его скотом дикий зверь, который каждый день приходил и похищал сколько мог овец, так что погубил почти всех.

И жена Абу Сабира сказала ему:

— О Абу Сабир, зверь погубил большинство твоей скотины. Поезжай со своими людьми, спрячься и подстерегни его в каком-нибудь месте: может быть, ты его убьешь и мы избавимся от него.

— О женщина, — отвечал Абу Сабир, — потерпи, ибо следствие терпения есть благо. Этот зверь совершает преступление, а преступник получит за свои дела должное.

И прошло лишь краткое время, и выехал правитель той страны на охоту и встретил в дороге того зверя, и люди царя настигли и убили его. И Абу Сабир узнал об этом деле и сказал жене:

— Не говорил ли я тебе, что преступник получит за свои дела должное и что следствие терпения есть благо.

Ведь если бы я вышел против этого зверя, он, может быть, растерзал бы меня.

А потом, через месяц, жители селения убили одного человека, который был из приближенных султана, и султан велел своим воинам пойти и разрушить его селение и привести его жителей, малолетних и взрослых, мужчин и женщин.

И воины пришли в селение Абу Сабира и разрушили его и взяли все, что там было. Они забрали имущество Абу Сабира и всю его скотину, и связали жителей селения и привели их к султану, но Абу Сабира оставили, так как он был человек достойный.

Когда воины пришли к султану, тот спросил:

— Оставили ли вы кого-нибудь из жителей селения? — и воины отвечали:

— Да, мы оставили человека, которого зовут Абу Сабир, ибо он муж достойный, — и царь рассердился и воскликнул:

— Возвращайтесь, сожгите селение и выгоните Абу Сабира: я не желаю, чтобы в моем царстве оставался хоть один житель этого селения.

Воины воротились и выгнали Абу Сабира, его жену и детей и сожгли селение, и когда они грабили селение, жена Абу Сабира говорила мужу:

— О Абу Сабир, воины султана тебя знают. Поговори же с ними — может быть, они оставят тебе немного скотины и мы как-нибудь проживем, — а Абу Сабир отвечал ей:

— О женщина, следствие терпения — благо!

И когда воины пришли и прогнали их из селения, жена Абу Сабира сказала ему:

— О Абу Сабир, смотри, до чего довело нас твое терпение! — но Абу Сабир отвечал:

— О женщина, злодею воздастся за его преступление.

И Абу Сабир с женой и детьми вышел и пошел по степи, и жена ругала его и говорила:

— Все это нас постигло из-за твоего терпения! — а он отвечал:

— О женщина, следствие терпения — благо!

И когда они шли в степи, напали на них разбойники, грабящие на дорогах, и оголили их и забрали их детей и уши, и жена Абу Сабира стала голосить и бить себя по щекам и плакать об утрате, а Абу Сабир говорил ей:

— О женщина, следствие терпения — благо.

И жена Абу Сабира сказала ему:

— О муж мой, выброси наконец из головы эти глупости и пойдй вслед за разбойниками — быть может, они нас пожалеют и возвратят нам наших детей,— но Абу Сабир ответил:

— Терпи, ибо следствие терпения — благо, и злодею воздастся за его преступление.

И они шли по дороге, пока не пришли к реке, протекавшей возле какого-то города, и тогда Абу Сабир обратился к своей жене и сказал:

— Посиди здесь, а я пойду в город и присмотрю для нас место, где бы жить.

И он оставил жену в том месте и вошел в селение, и вдруг какой-то всадник подъехал к реке, чтобы напоить своего коня, и заметил жену Абу Сабира. Он увидел, что это красивая женщина, похищающая разум, и она сидит у реки одна, и влюбился в нее и приблизился и сказал:

— Чего ты сидишь здесь! Поднимайся, садись на моего коня, и я возьму тебя в жены.

— Да сохранил тебя Аллах, у меня есть муж, господин мой,— отвечала она, и всадник обнажил на нее меч и крикнул:

— Если ты меня не послушаешься, я тебя убью!

И когда женщина увидела это, она написала пальцем на земле:

— О Абу Сабир, ты до тех пор полагался на терпение, пока не погубил свое имущество и не потерял своих детей, а теперь ты лишишься своей жены, что была тебе дороже жизни, и останешься один, опечаленный. Вот последствия твоего терпения!

Потом всадник взял ее и увез, а Абу Сабир вернулся из селения и не нашел жены. Он взглянул на землю и увидел надпись, прочитал ее и принялся плакать, ударяя себя по щекам. Он сидел, опечаленный, думая о своей беде, и говорил про себя: «Абу Сабир, тебе надлежит терпеть и большие напасти, чем эта, и Аллах, по своему великодушию, неизбежно пошлет тебе облегчение».

Потом он пошел оттуда в другой город и увидел, что воины гонят людей работать на постройке дворца султана.

И его самого тоже схватили и заставили работать вместе с другими и сказали:

— Если ты не будешь работать, мы тебя посадим в тюрьму и будем пытаться.

И Абу Сабиру пришлось работать, и ему каждый день давали одну лепешку и только, и так он работал месяц.

И вот в какой-то день один из рабочих упал с крыши и сломал себе ногу и стал плакать, и Абу Сабир сказал ему:

— О брат мой, терпи, ибо терпение поднимает человека снизу вверх и возводит его на престол царства.

А по предопределению Аллаха царь сидел возле них, и он слышал слова Абу Сабира и велел привести его к себе и сказал:

— О малоумный, как это низкие благодаря терпению поднимаются на престол царства? Вот я непременно спущу тебя в темницу, то есть в подземный колодец, и ты терпи, а я посмотрю, поднимешься ты из-за своего терпения на престол царства или нет!

И царь бросил Абу Сабира в колодец и каждый день приходил к нему и кричал сверху:

— О малоумный, ты теперь в колодце, покажи-ка мне, извлечет ли тебя оттуда твое терпение и возведет ли на престол царства?

Но Абу Сабир молчал, не давая никакого ответа.

А случилось так, что у султана был брат, и вельможи царства его любили, и от страха, что его низложат и поставят султаном его брата, султан, который знал про себя, что он обидчик, бросил своего брата в тот же колодец, где сидел Абу Сабир. И определил Аллах великий, чтобы он там умер,— а вельможам царства было известно, что брат султана заключен в колодец,— и в какой-то день знать и подданные поднялись на султана и убили его и пришли к колодцу и вытащили Абу Сабира и посадили его на престол царства, полагая, что это брат султана.

И Абу Сабир сел на престол царства и восславил великого Аллаха и воскликнул:

— Вот они, благие последствия терпения! — и стал он править и был справедлив и правосуден, и покорились ему страны и возлюбили его рабы. Вот что было с Абу Сабиром.

Что же касается царя, который разграбил его селение и выгнал его, то на него пошел другой царь, враг первого, и

вступил с ним в войну и захватил царство и изгнал его, и этот царь бежал и пришел к Абу Сабиру, прося помощи. Он вошел к Абу Сабиру, пал перед ним ниц и попросил его помочь одолеть врага, и Абу Сабир молвил:

— Вот они последствия дел преступника, получающего должное за свои преступления!

Потом Абу Сабир обратился к этому царю и сказал ему:

— Вот результат обид, которые ты творил, а Аллах великий по своему великодушию дал мне над тобою победу.

И он немедленно повелел своим воинам отобрать у царя все, что у него есть, раздеть его и изгнать из своего царства.

И его тотчас ограбили и прогнали, и когда вельможи царства Абу Сабира увидели это, они сказали:

— Вот несправедливость, которую никто не может стерпеть! Обиженный царь пришел к нам за помощью, как же можно ограбить его и прогнать?

И они стали роптать на Абу Сабира, но никто не осмеливался выйти вперед и сказать слово открыто.

А потом, спустя короткое время, Абу Сабир услышал, что на дорогах появились воры и разбойники, преграждающие пути, и послал на них войско и схватил их. И разбойников привели к нему, и когда Абу Сабир увидел их, он узнал, что это те самые разбойники, которые его раздели и забрали его детей.

— Дети, которых вы забрали в такое-то время, на такой-то дороге, — где они? — спросил он разбойников, и те отвечали:

— Они при нас, о царь времени, и мы подарим их твоему величеству, как невольников. Мы также подарим тебе все наше имущество и достояние, чтобы ты сохранил наши жизни, и откажемся с твоей помощью от разбоя.

— Приведите ко мне этих детей, — приказал Абу Сабир, и когда детей привели к нему и разбойники принесли все свое достояние и имущество, он тотчас же велел их убить.

И Абу Сабир очень обрадовался своим детям, а что касается вельмож его царства, то их жалобы на него усилились, и они говорили:

— Как же это — разбойники закаялись разбойничать, рассчитывая на его помощь, принесли ему все свое достояние и имущество и обещали вступить в число его воинов, как же

он мог их убить? Поистине это несправедливость и обида невыносимая!

Потом, спустя недолгое время, пришел к Абу Сабиру воин, — то есть тот воин, который забрал его жену, и стал на нее жаловаться и сказал:

— О царь времени, у меня есть жена, и она не желает дать мне над собой власть.

И Абу Сабир приказал привести ее, и когда она явилась к нему, посмотрел на нее и узнал ее. Он тотчас же отобрал ее у воина и потом убил его, и тут вельможи царства стали еще сильнее сетовать на Абу Сабир и сказали:

— Мы больше не можем этого выносить. Человек приходит пожаловаться, что жена не дает ему над собой власти, и царь его убивает, а жену отбирает! Это преступление против Аллаха и людей.

И Абу Сабир узнал об этом и собрал вельмож и сказал:

— Послушайте, о вельможи царства! Вы на меня сетуете и думаете, что я был несправедлив в своем решении относительно этих трех дел. Упаси боже, чтобы я кого-нибудь обижал или угнетал, но я расскажу вам свою историю. Я не брат султана, вами убитого, как вы думали, но царь, которого вы убили, заточил меня из-за словечка, которое он от меня услышал — я сказал одному человеку, упавшему с крыши: «Терпи, ибо терпение возводит низких родом людей на престол царства». — И царь из-за этого заточил меня в колодезь, и он каждый день приходил к колодезю и говорил мне: «О маломудрый, я хочу посмотреть, каково твое терпение, — поднимет ли оно тебя из колодезца и посадит на престол царства или нет!»

И я терпел до тех пор, пока не посадил меня великий Аллах на престол его царства. Что же касается того царя, что пришел просить у меня защиты от своего врага, а я его прогнал и ограбил, то я совершил суд по справедливости, ибо он тоже ограбил меня и прогнал, и я поступил с ним так же, как он поступил со мной. А разбойникам, которые пожелали при моей помощи раскаяться, не могло быть от меня никакой пощады, так как они увидели меня на дороге, раздели и забрали моих детей. И я оказал им справедливость Аллаха, ибо я знаю, что их раскаяние — не настоящее.

А воин, который пришел жаловаться на жену — так это же моя жена, которую он похитил насильно! То, что я с ним

сделал,— не обида, и боже упаси, чтобы я поступил с кем-нибудь несправедливо!

И вельможи царства, услышав слова царя, сочли их замечательными и возлюбили его, и уважение их к нему увеличилось. И подивились они на приговоры Аллаха в отношении его тварей и на то, что терпение имеет следствием благо.

И потом Абу Сабир встретился со своей женой и молвил:

— Как видишь, последствия терпения приводят к благу и к величию, а преступник получает должное за свои преступления!

— Так и я говорю тебе о царь, что терпение — качество властителей и последствия его достохвальны.

И тут изумился царь Бахтзад красноречию юноши и был ошеломлен его дивным разумом. Он велел воротить юношу в тюрьму и сказал:

— Завтра мы рассмотрим его дело.

И юношу воротили в тюрьму, и диван разошелся после такого решения, а когда наступило утро четвертого дня, вошел к царю Бахтзяду четвертый везир, а было ему имя Зу Шад, и простерся перед ним ниц и пожелал ему блага и сказал:

— О царь, все рассказы этого юноши — один обман! Не слушай его больше и поспеши его убить, ибо разговоры людей о тебе многочисленны.

— Поистине, ты говоришь правильно,— ответил царь Бахтзад.— Сегодня я его убью и избавлюсь от него.

И царь тотчас же послал привести юношу и сказал ему:

— Горе тебе, о обманщик, ты намерен проводить дни в разговорах и хитростях! Неужели ты думаешь, что мое сердце доверяет твоим словам? Сегодня я должен убить тебя.

— О царь,— отвечал юноша,— казнь моя в твоих руках, когда ты захочешь, но поспешность — качество презренных, тогда как терпение и рассудительность — качества благородных. Если ты меня убьешь и раскаяешься, то уже не сможешь меня оживить. Поспешность порождает раскаяние, и всякого, кто ее проявит, поражает горе и сожаление Бехзада, сына царя.

— А как это было? — спросил царь Бахтзад, и юноша молвил:

— Знай, о царь времени, что был в древние времена один царь. И был у этого царя сын, и не было в его время

человека, сходного с ним красотой и прелестью. И звали царевича Бехзад, и любил он общаться с людьми и вести застольные беседы и охотно сживал с торговыми людьми. И вот в один из дней он сидел в собрании вельмож, которые его не узнали, так как он был переодет, и стали они беседовать о красоте царевича и его прелести, и один из присутствующих сказал:

— Поистине, дочь такого-то царя красивей и прелестней его!

И, услышав это, Бехзад ушел от собравшихся и послал привести того человека и сказал ему:

— Расскажи мне правду относительно твоих слов, что дочь такого-то царя красивей меня, и расспроси, где царство ее отца.

И тот человек рассказал Бехзату про царевну, ее отца и его царство и описал ему красоту и прелесть девушки, и сердце Бехзада привязалось к ней, и страсть его к девушке так усилилась, что он заболел.

И его отец услышал об этом и пришел к царевичу и сказал ему:

— О сын мой, будь спокоен душой! Я непременно посвятаюсь от тебя к этой девушке, но только, дитя мое, придется потерпеть.

Потом царь, отец царевича, тотчас же послал людей к отцу девушки, чтобы посватать ее за сына, и ее отец, царь, прислал ответ, говоря: «Моей дочери теперь не время выходить замуж, и вам должно подождать два года: во-первых, чтобы ей пришло время выходить и, во-вторых, чтобы я снарядил ее».

Когда Бехзад услышал эти слова, ум его улетел и он помешался; у него совершенно не осталось терпения, его горе усилилось, и грудь стеснилась. Он поднялся, надел оружие, сел на коня, выехал из города и поехал, и когда он был в пути, на него напали разбойники, преграждающие дороги. Они собрались против царевича во множестве, схватили его и забрали с собой, и царевич сговорился с ними, что станет их товарищем и будет грабить с ними на дорогах, куда бы они ни направились.

И так стал Бехзад вором-разбойником и грабил путников на дорогах, и в какой-то день его товарищи выехали, и он с ними, и напали на караван купцов. А с караваном было

несколько всадников в полном вооружении, и они вступили в бой с разбойниками и победили и схватили Бехзада и привели его к царю того города, в который они вошли.

И они сказали царю:

— Знай, о царь времени, что мы видели, как этот юноша грабил на дорогах в твоей стране,— и царь всмотрелся в юношу и увидел, что тот красив видом и хорошо сложен, и сказал про себя: «Не таков его облик, как облик разбойника!»

Потом он обратился к юноше и молвил:

— Скажи мне правду, о молодец, кто ты и откуда? — и Бехзад постыдился сказать ему: «Я сын царя такого-то и стал я разбойником, грабителем на дорогах»,— и ничего не ответил царю.

И царь сказал про себя: «Мне не следует торопиться убивать его, не узнав истину о его обстоятельствах»,— и велел посадить юношу в тюрьму.

А затем, спустя короткое время, разнесся слух, что Бехзад, сын такого-то царя, пропал, и что его отец разослал во все стороны письма, разыскивая его, и к царю, у которого Бехзад находился в заточении, тоже пришло письмо от его отца, и тогда царь узнал, что тот, кто сидит у него в тюрьме,— Бехзад.

Царь прославил великого Аллаха за то, что не поспешил казнить Бехзада, и послал привести его к себе и сказал:

— О Бехзад, как это ты захотел погубить себя?

— Из боязни позора,— отвечал Бехзад, и царь молвил:

— Почему ты не подождал, пока отец не поможет тебе исполнить твое желание? Разве ты не знаешь, что поспешность вызывает раскаяние? Ведь я тоже — если бы я проявил с тобой поспешность, ты бы погиб.

Потом царь наградил юношу и успокоил его сердце и обещал сейчас же женить его на той девушке. Он написал отцу Бехзада письмо, сообщая, что его сын находится у него в полном благополучии, и хотел было отослать юношу к отцу, но Бехзад не согласился и сказал:

— Если ты отошлешь меня к отцу, не женив меня на той девушке, я боюсь, что время покажется мне долгим, а у меня нет терпения.

— Берегись, из-за этой поспешности ты не достигнешь того, чего желаешь! — сказал царь.

Потом царь написал отцу девушки, и отец Бехзада тоже, и они склонили его подарками и дарами тотчас же выдать свою дочь за Бехзада, а затем отец послал Бехзада к отцу девушки, чтобы тот привел его к ней как мужа.

И когда Бехзад прибыл в город той девушки, отец ее, царь, вышел ему навстречу и встретил царевича торжественно, с полным уважением и поселил его у себя во дворце.

Он тотчас же приказал обрядить свою дочь, и горничные нарядили ее и украсили. В тот день, когда Бехзад должен был войти к девушке, девушку приводили в порядок, а царевич же вследствие своей торопливости и злосчастия случайно подошел к одной из стен, продолбил в ней маленькую дырочку и стал смотреть в нее, чтобы увидеть свою невесту, когда ее наряжали.

И его заметила одна из невольниц — а она не знала, что это Бехзад, — и пошла и накалила в огне железную спицу, а затем она подстерегла Бехзада и воткнула ему спицу в глаз, и Бехзад закричал и упал без памяти, и сменилась радость его печалью.

— Посмотри же, о царь, как поспешность вызывает раскаяние! Поэтому я и говорю тебе, о царь: не торопись убивать меня, ибо я опасаясь, что раскаяние также поразит тебя, как поразило оно Бехзада. А ведь я при всех обстоятельствах во власти твоих рук.

И царь Бахтзад велел воротить юношу в тюрьму и сказал:

— Завтра мы рассмотрим его дело!

А когда наступило утро пятого дня, явился к царю пятый везир — а было ему имя Джахрбаваз — и поцеловал перед царем землю и сказал:

— До каких пор будешь ты, о царь, сносить великий позор и не убивать этого юношу, который обманул тебя в отношении твоей жены? Почему не поспешишь ты его убить — ведь слава твоя в народе стала дурной. Правильно будет тебе поспешить с его казнью.

И царь Бахтзад, услышав это, разгневался и приказал привести юношу и воскликнул:

— Сегодня я уж непременно его казню!

А когда юноша предстал перед царем, тот сказал ему:

— О обманщик, о худородный, ты непременно будешь убит сегодня за прегрешение, которое совершил!

И юноша молвил:

— Клянусь жизнью твоей, о царь, я не виновен ни в каком прегрешении и не боюсь смерти, ибо невинный не опасается адских пыток, тогда как грешник получит должное возмездие хотя бы через некоторое время. И случится с ним то, что случилось с царем Дадбином и его везиром Завраканом.

— Как это было? — спросил царь Бахтзад, и юноша сказал:

— Говорят, о царь, что был некогда в землях Табаристана один великий царь, и звали его Дадбин. И был у него везир по имени Завракан и другой везир, по имени Карадан, и была у Завракана дочь, до того красивая, что никто в ее время не походил на нее по красоте. И была она набожна и богомольна — постоянно постилась и поклонялась великому Аллаху, а звали ее Арва.

И царь услышал о красоте этой девушки, и любовь к ней привязалась к его сердцу. Он послал к везиру, ее отцу, прося ее в жены, и отец ее отвечал:

— Дай мне, о царь, отсрочку, чтобы поговорить с нею.

И царь молвил:

— Пойди, поговори, только поскорей!

И везир пошел и сказал своей дочери, что царь хочет на ней жениться, и девушка ответила:

— О батюшка, нет у меня желанья выходить замуж, а если уж я захочу выйти замуж, то выйду за человека ниже меня по состоянию. Я боюсь, что иначе я стала бы у него вроде служанки или он взял бы еще одну жену.

И отец девушки пошел и рассказал об этом царю, и царь воскликнул:

— Волей или неволей, но она непременно выйдет за меня замуж!

Везир возвратился к дочери и рассказал ей об этом, и девушка молвила:

— О батюшка, я не желаю выходить замуж, — и везир был принужден взять свою дочь и бежать с нею, опасаясь царя.

И когда царь Дадбин услышал об этом, он послал войска, и воины преградили все дороги и в конце концов схватили везира и его дочь.

И тогда царь Дадбин ударил везира дубиной по голове и убил его, а дочь его Арву он забрал к себе и насильно вошел

к ней, и девушка поручила свое дело Аллаху великому и постоянно печалилась о том, что с нею случилось, и непрестанно, днем и ночью, молилась Аллаху.

И случилось так, что в один из дней царь пожелал отправиться в какую-то страну. Он призвал к себе своего везира и дал ему наставления и сказал:

— Есть у меня к тебе только одно поручение: береги царицу Арву и постоянно служи ей, ибо она дорога мне, как моя жизнь.

И везир отвечал:

— Слушаю и повинуюсь, о царь времени! Кто же будет небрежен, служа царице!

После этого царь Дадбин уехал, и через некоторое время везир сказал себе: «Все люди говорят о красоте царицы Арвы и ее прелести, и я обязательно должен на нее поглядеть!»

И в какой-то день везир спрятался во дворце царицы и посмотрел на нее и увидел, что ее красота и прелесть превосходят все описания, и воскликнул:

— Поистине, царю простительно, что он так в нее влюбился, а люди описывали ее, но не были справедливы.

И везира охватила страсть, и любовь к царице привязалась к его сердцу, так что ни еда, ни питье, ни сон не были ему приятны, и наконец он послал к царице и велел ей сказать: «Пожалей меня, ибо я погиб от страсти к тебе».

И царица прислала ему ответ, говоря: «О везир, не обманывай доверия того, кто тебе доверился, и довольствуйся тем, что разрешено законом. Отведи от меня свой взгляд, а если не примешь моего наставления, я выставлю тебя на позор».

И когда везир услышал это, он понял, что царица женщина благородная, и раскаялся, что посылал к ней.

Он испугался, как бы царица не осведомила царя, и сказал про себя: «Я устрою с ней хитрость и убью ее, прежде чем она навлечет на меня гибель!»

И везир подождал, пока царь вернулся из похода с победой — а царю не терпелось поскорее взглянуть на свою возлюбленную Арву. И когда царь достиг окрестностей города, он послал за своим везиром и стал его спрашивать о положении в стране и в государстве, и везир отвечал:

— Все хорошо превыше желания, кроме одной вещи, о которой я даже боюсь тебе сказать, о царь, а если я о ней умолчу, то утаю от царя добрый совет.

— Говори, я тебе верю и доверяю,— сказал царь, и везир молвил:

— О царь времени, царица, которая, как твое величество говорит, постится и молится... Нам стало ясно, что все это хитрость и обман! После того как ты уехал, ко мне пришел один человек и говорит: «Пойди, о везир, и посмотри, что устраивает в царском дворце царица Арва»,— и я пошел и спрятался невдалеке от ее покоев и вижу: царица сидит, а рядом с ней Абу-ль-Хайр, слуга ее отца, которому ты сделал столько добра, и мне не нужно и говорить тебе, о царь, что между ними происходило.

И царь Дадбин, услышав слова везира, разгневался и велел старшему евнуху пойти и убить царицу, и когда евнух услышал это, ему стало тяжело, и он сказал:

— О царь, не годится, чтобы царицу убили таким образом. Лучше я прикажу кому-нибудь из слуг отвести ее в отдаленную пустыню и там убить, ибо если ты убьешь ее во дворце, это дело станет известно в городе и на тебя падет великий позор, а царица, о царь, окажется, может быть, и невинной. Лучше всего, не убивай ее, чтобы не впасть в грех, а только оставь в далекой пустыне: если она не виновата, то невинность избавит ее от смерти, если же она согрешила, то умрет там».

И царь одобрил такое мнение и сказал:

— Никто, кроме тебя, не пойдет с ней, и сделай все так, как ты говорил.

— Слушаю и повинуюсь,— ответил евнух и пошел во дворец. Он посадил царицу Арву на коня, и сам тоже сел на коня и тайком взял с собой много снеди и напитков и поехал с царицей в далекую пустыню, а царица не знала, куда он с нею едет.

И когда евнух приехал с царицей в глухую, далекую пустыню, он свел ее с коня, отдал ей кушанья и напитки, которые привез с собой, и сказал:

— О госпожа, я знаю, что ты чиста и поклеп, который на тебя возводят, ложен, и поэтому надеюсь, что великий Аллах не оставит тебя в этой пустыне и возьмет за тебя должное.

— О Джаухар,— спросила царица,— знаешь ли ты что-нибудь о моем деле? — и евнух ответил: «Да».

Он передал ей все слова везира, которые тот сказал царю, и царица воскликнула: «Да воздаст тебе Аллах благом!» —

а потом евнух простился с нею, плача, и вернулся к своему господину, а царица Арва направилась к одному пригорку, выложила на нем ряд камней и устроила место для молитвы и стала молиться там Аллаху.

И предопределил Аллах великий, что у верблюжатника царя Кисры пропало несколько верблюдов и он пошел их искать и бродил по пустыням, разыскивая их.

И он подошел к тому месту, где находилась царица Арва, и увидел, что она стоит и молится. Он подождал, пока царица закончила молитву, потом подошел и приветствовал ее и спросил:

— Ты кто будешь? — и царица ответила:

— Я рабыня Аллаха.

— А что же ты делаешь в этой глухой пустыне? — спросил верблюжатник, и царица сказала:

— Поклоняюсь своему господу, — а верблюжатник, увидав ее красоту и прелесть, пленился ею и сказал:

— Я хочу на тебе жениться!

— Нет мне надобности выходить замуж, и я хочу постоянно предаваться молитвам моему господу, — отвечала царица, — а если ты хочешь сделать доброе дело и заслужить мои молитвы, проводи меня в такое место, где есть вода.

И верблюжатник привел царицу в такое место, где была вода, а потом простился с ней и ушел ошеломленный ее красотой, и не успел он уйти от царицы, как по благодати ее молитвы нашел своих верблюдов.

Он забрал их и возвратился в город, и когда он вошел к своему господину, тот спросил его:

— Ну что, нашел ты верблюдов?

— Да, о царь времени, — отвечал верблюжатник, — я нашел их по благодати одной достойной и дивно прекрасной женщины. Я не думаю, чтобы в наше время нашелся кто-нибудь, ей подобный, и она живет в пустыне и поклоняется Аллаху.

И когда Кисра услышал это, он тотчас же сел на коня и велел верблюжатнику ехать впереди, чтобы указать ему то место. Они ехали до тех пор, пока не прибыли к царице, и, увидав ее, Кисра был ошеломлен ее красотой и прелестью.

Он подошел и обратился к ней с приветом, и царица ответила на его привет с полным вежеством и пристойностью, и Кисра сказал:

— О богомолица, я — Кисра, царь царей, и мое желание — взять тебя в жены.

— А что ты будешь со мною делать, раз я женщина, удалившаяся от мира, и служу в этой пустыне моему господу? — отвечала царица, но Кисра воскликнул:

— Это неизбежно, и если ты не согласна выйти за меня замуж, я буду ради тебя жить здесь, в этой пустыне!

Потом Кисра велел своим рабам поставить его палатку возле этой женщины, и Арва, увидев это, сказала про себя: «Вот величайший из царей и готов отказаться ради меня от царства. Это вещь не подобающая!»

И она послала сказать Кисре, чтобы он возвращался к себе в город, но Кисра отказался, и когда Арва увидела, что он так упорно отказывается, она была принуждена покориться его желанию и послала ему сказать: «Я покоряюсь тому, что ты желаешь, но с условием: пошли и приведи ко мне царя Дадбина, его везира Карадана и старшего евнуха, состоящего при нем».

— А что этому за причина? — спросил ее Кисра, и она рассказала ему обо всем, что с ней случилось, и о поклепе того везира.

И когда Кисра услышал это, он еще сильнее влюбился в нее и сказал:

— Скоро тебе будет все, что ты просишь.

И Кисра послал за парчовыми носилками с куполом и доставил в них царицу во дворец, а потом он тотчас же послал к царю Дадбину с приказанием явиться и привести с собой Карадана, везира и евнуха Джаухара.

Они немедленно явились, не зная, в чем дело, и Кисра тотчас же устроил для Арвы укромное место в своем диване, чтобы она могла слушать их разговор и никто бы ее не видел.

И Кисра воссел в диване и послал за царем Дадбином, его везиром и евнухом, и тогда Арва обратилась к везиру Карадану и сказала ему:

— О Карадан, что это ты нагнал на меня царю Дадбину, и он выгнал меня в позоре и унижении? Чем ты возбудил в нем ко мне ненависть, хотя из любви ко мне он убил моего отца? Заклинаю тебя именем того, кто поставил тебя в это униженное положение, говори правду, ибо тебе невозможно перед ним солгать.

Услышав слова царицы Арвы, везир Карадан узнал ее и понял, что пришла гибель и что лгать уже невозможно. Он понурил голову и принялся плакать и воскликнул:

— Поистине, кто творит зло, тот его и получит хотя бы со временем! Я признаю, что причиной, побудившей меня налгать на царицу Арву царю Дадбину, было опасение за себя самого, ибо я много раз посылал к ней, чтобы ее соблазнить, но она не соглашалась, и отказывалась, и увещала меня. И вот опасаясь, что она пожалуется Дадбину, я устроил эту хитрость и налгал на нее, чтобы царь ее убил. Царица Арва не виновата в том, в чем я ее ложно обвинил.

Когда царь Дадбин услышал слова своего везира, он стал бить себя по щекам и плакать и, обратившись к Карадану, воскликнул:

— Убей тебя Аллах, о проклятый! Ты разлучил меня с женой своей ложью! — но Кисра сказал ему:

— Это тебя пусть убьет Аллах! Ты поспешил со своим приговором и не расследовал дело, чтобы узнать, кто грешен, а кто невиновен! Где был твой ум, когда твой везир рассказал тебе о твоей жене ложное? Если бы ты вдумался, то тебе стало бы ясно, что ошибочно, а что правильно.

Потом Кисра обратился к царице Арве и спросил ее:

— Что ты хочешь, чтобы я с ними сделал? — и она отвечала:

— Убийцу убивают, с преступником совершают преступление, а благодетелю благодетельствуют. Бейте царя Дадбина дубиной по голове, пока он не умрет, как он сделал с моим отцом, а везира отвезите в уединенную пустыню, в которой была я.

Так и сделали: царя Дадбина убили, везира послали в ту бесплодную пустошь, и он там погиб и умер, а что касается евнуха, то Кисра наградил его и дал ему у себя самое высокое место.

— Так-то, о царь! Грешник понесет возмездие за свой грех хотя бы со временем, а невинному нечего бояться. Уповаю, что Аллах покажет тебе мою невинность, и даст мне победу над врагами, которые оклеветали меня перед тобой, сказав ложь, и посоветовали тебе меня убить.

И царь Бахтзад растерялся перед красноречием юноши, и велел воротить его в тюрьму, и сказал:

— Завтра мы рассмотрим его дело.

Когда же наступило утро шестого дня, предстал перед царем Бахтзадом шестой везир. А все везиры боялись, что если юноша спасется и царь простит его, он постарается их убить, и послали с шестым везиром еще двух везиров. И вот везиры вошли, и поцеловали перед Бахтзадом землю, и сказали:

— О царь, ты уже достаточно медлил с казнью этого юноши, который очернил твою славу. Когда же согласишься ты его убить, чтобы обрезать языки людям, которые о тебе судачат?

— Ваша правда! — воскликнул царь, — сегодня я непременно его убью.

И он приказал привести юношу, и когда тот явился, царь Бахтзад сказал ему:

— Доколе буду я медлить с твоим делом! Я не вижу у тебя ни одного заступника, и все люди желают твоей казни из-за греха, который ты совершил.

— О царь, — ответил юноша, — я не нуждаюсь в заступнике и прошу помощи только у Аллаха: если он будет мне заступником, то никто не сможет мне повредить. Я никого не боюсь, так как я знаю про самого себя, что я невиновен в этом преступлении, и я прибегаю за помощью к Аллаху, а не к его созданиям. Ведь тому, кто просит помощи у Аллаха, удастся осуществить свое желание, как это удалось Бахтзаману.

— А как это было? — спросил царь Бахтзад, и юноша сказал:

— Говорят, о счастливый царь, что был некогда царь по имени Бахтзаман, и постоянно предавался он наслаждению едой, питьем и прочим уладам. И случилось в какой-то день, что выступили против него враги и позарились на его земли и пришли с ним воевать, и его везиры сказали:

— О царь времени, твои враги снарядились, чтобы драться с тобой, и тебе следует приготовить к бою с ними.

— Я о них и не думаю, — ответил им царь. — У меня и денег, и людей, и сил больше, чем у них.

— Если дело обстоит так, — сказали везиры, — то ожидай, о царь, помощи от Аллаха.

А потом враг подошел ближе, но царь Бахтзаман уповал на многочисленность своих людей и на свою большую силу.

И он вышел к врагам, и те с ним сразились, одолели его и победили, и царь понес поражение и бежал.

Он направился к одному из царей и попросил его о поддержке, и тот дал ему войско и денег, и царь Бахтзаман обрадовался и воскликнул:

— Теперь я опять стал сильным из-за этого войска!

Он возвратился в свою страну, сразился с врагом, но враг разбил его второй раз, и его войско рассеялось и разбежалось, и враги гнали его до тех пор, пока он не оказался около моря.

И Бахтзаман переправился в лодке через море на другой берег и увидел перед собой огромный город. Он спросил, как называется этот город и кому он принадлежит из царей, и ему сказали:

— Имя нашего царя Худайдан.

И Бахтзаман пошел и шел до тех пор, пока не вошел в город. Он пришел ко дворцу и сказал:

— Я конный воин и желаю служить в войске царя,— и когда царь города увидел Бахтзамана, его вид ему понравился, и он назначил его начальником всего своего войска, но сердце Бахтзамана все еще было привязано к его царству.

И он остался у царя Худайдана, и Аллах предопределил, что какие-то враги пришли с большим войском, чтобы воевать с Худайданом, и Худайдан тотчас же выставил против них войско и назначил Бахтзамана над ним начальником.

И царь Худайдан взял в руки меч, воззвал к Аллаху о помощи и самолично бросился на врагов, и враги побежали перед ним, и царь захватил большую добычу и поживу, и вернулся во дворец с победой, и город украсили.

Когда Бахтзаман увидел это, он изумился и оторопел и подумал: «Как это — войска врага многочисленны, а наши войска малочисленны; почему же враги побежали перед нами?»

И он подошел к царю Худайдану и спросил его об этом, и сказал:

— Почему у тебя есть войны, пешие и конные, а ты самолично участвуешь в сражениях?

И ответил ему царь Худайдан:

— Победу приносит не многочисленность воинов, победу дает упование на Аллаха, высокого, великого, ибо победа — от Аллаха, а не от множества войск. Когда-то давно было

у меня восемьсот тысяч всадников и пришли ко мне враги с восьмистами всадников, и они меня разбили, так как я уповал на моих людей, а враги мои уповали на Аллаха, и я повернулся к врагу спиной и бежал в горы с пятьюдесятью всадниками, оставшимися от тех восьмисот тысяч. Я увидел на горе человека, богомольца, и рассказал ему о своих обстоятельствах и о том, что я испытал от врага, и этот отшельник молвил: «Причина здесь в том, что ты положился на своих людей, а твой враг положился на Аллаха, ибо от Аллаха победа, а не от множества войск. Потому тебя и разбили».

И потом этот благочестивый человек сказал мне: «Вернись к Аллаху и покайся в твоих грехах, вскоре ты одержишь победу над теми, кто с тобою враждует»,— и я вернулся к великому Аллаху и покаялся перед ним при помощи этого человека, постника, и жил у него, пока он не сказал мне: «Выезжай со всадниками, которые при тебе, ты теперь разобьешь своих врагов. Ибо враги твои ныне полагаются на многочисленность своих людей, а ты теперь уповашь на Аллаха. Поднимайся же и иди на врагов— ты их победишь».

И я тотчас же поднялся, возложив упование на Аллаха, и напал на врагов под покровом ночи, застав их врасплох. Они решили, что мы идем в большом множестве, и принялись убивать друг друга, и обратились в бегство, а я вернулся в свое царство и одержал победу с пятьюдесятью всадниками, не больше. И с того времени и до сей поры я всегда, идя войной на врагов, возлагаю упование на Аллаха великого.

И когда Бахтзаман услышал эти слова, он опамятовался от своей беспечности, а потом он рассказал царю Худайдану свою историю и сказал:

— Я царь Бахтзаман, и случилось со мной то-то и то-то. Ныне я уповаю в своих делах на Аллаха и раскаиваюсь перед ним.

Затем он попросался с царем Худайданом и ушел на какую-то гору и стал поклоняться великому Аллаху. И вот однажды ночью, когда он спал, вдруг заговорило с ним какое-то существо и сказало:

— Аллах принял твое раскаяние. Поднимайся же теперь и иди на врага, Аллах окажет тебе поддержку.

И когда Бахтзаман проснулся, он возложил упование на Аллаха и пошел, направляясь к своему городу. А приблизившись к нему, он увидел толпу людей из свиты царя, его врага, которые были на охоте, и присоединился к ним и стал с ними разговаривать, и они спросили его:

— Кто ты? Мы видим, что ты иноземец и опасаемся для тебя дурного от нашего злодея царя. Он ведь убивает всякого чужеземца, который приходит в его город,— до того он боится Бахтзамана.

— Вредит или помогает один Аллах,— молвил Бахтзаман, и потом он спросил их:

— Каковы мысли вашего царя? Думает ли он о себе, что может кому-нибудь повредить или помочь?

— Да, таковы его мысли,— ответили они,— и он полагается на свою силу и не полагается на Аллаха.

И Бахтзаман обрадовался и сказал про себя: «Мое упование — на Аллаха, и его для меня достаточно, и если мой враг полагается на самого себя, то я ныне прошу Аллаха оказать мне против него поддержку. А теперь я хочу осведомить этих людей о самом себе».

И он обратился к ним и спросил их:

— Знаете вы, кто я такой? — и те ответили: «Нет», — и он сказал им: «Я — Бахтзаман», — и тогда они всмотрелись в него и узнали, что это он, их прежний царь.

И они оказали ему почет и уважение и спросили:

— Как же ты подверг свою жизнь опасности, о царь времени?

И Бахтзаман молвил:

— Моя жизнь стала для меня ничтожной, и я возложил упование на Аллаха и пришел.

— Довольно тебе Аллаха в помощники, ибо ты обиженный, а твой враг — обидчик,— сказали эти люди.— И мы непременно должны, о царь времени, сражаться с тобой вместе, жертвуя и кровью, и достоянием. Мы ныне первые люди у твоего врага, и сейчас мы тайком возьмем тебя с собой и призовем народ присягнуть тебе, ибо все тебя любят.

— Делайте так, как думаете,— сказал Бахтзаман,— а я, при всех обстоятельствах, прошу помощи у Аллаха.

И приближенные царя взяли его с собой и привели в город. Они собрали своих друзей и знакомых, и помогли Бахт-

заману, и дали ему обет соблюдать верность, а потом они воспользовались минутой беспечности, напали на его врага, царя, и убили его, а Бахтзамана сделали царем и посадили на престол царства.

И подчинились ему страны и народы, и дела его пошли хорошо, и исправились его обстоятельства, и возвратил ему Аллах счастье, ибо на него возложил Бахтзаман свое упование и его попросил о помощи. Тот, кто просит помощи у Аллаха, не обретет ничего, кроме добра, и нет у меня помощника, кроме Аллаха, ибо я не виновен ни в каком преступлении.

И царь Бахтзад, услышав эти слова, поразился красноречию юноши и приказал отвести его обратно в тюрьму, а когда наступило утро седьмого дня, явился седьмой везир, которого звали Бахман, и, представ перед царем Бахтзадом, поцеловал землю и сказал:

— О царь, я дивлюсь твоему долготерпению с этим юношей. Что пользы от того, что ты медлишь его убить, а люди судачат о тебе и всячески тебя позорят? Как это ты не казнишь его, когда он осквернил твое ложе!

И тут царь загорелся гневом и воскликнул:

— Приведите этого негодяя и обманщика!

И когда юношу привели, царь сказал ему:

— После сегодняшнего дня, о обманщик, не останется тебе ни минуты жизни, ибо ты опозорил мою честь и хочешь меня перехитрить, чтобы я тебя простил. Но твое преступление очень велико.

И юноша ответил:

— О царь, прощение называют великим, когда было велико преступление, но твоему великодушию не многого стоит простить такого человека, как я, если даже он совершил и большое преступление. Насколько же это легче, если я невиновен и не грешен совершенно ни в чем. Я не сделал никакого зла, и мне нечего бояться возмездия, но тот, кто творит зло, несет наказание, как это случилось с царем Бахракурдом.

— А как это было? — спросил царь Бахтзад, и юноша сказал:

— Рассказывают, о счастливый царь, что был некогда один царь, которого звали Бахракурд, и был он могуч и очень богат, и было у него много войска, но поступки его были

нехороши, ибо за малые прегрешения подвергал он виновного пыткам нестерпимым и не прощал совершенно никого.

И как-то, в один из дней, случилось, что выехал этот царь на охоту, и один из его слуг пустил стрелу, но стрела пролетела мимо цели и попала царю Бахракурду в ухо и оторвала его.

И царь Бахракурд воскликнул:

— Того, кто пустил эту стрелу, схватите и приведите ко мне! — и когда тот слуга — а его звали Тиру — услышал приказание царя, он от страха упал на землю без памяти.

И его понесли и положили перед царем, и царь Бахракурд тотчас же велел его убить, и слуга Тиру сказал ему:

— О царь времени, то, что я сделал, случилось нечаянно, и оплошность произошла без умысла. Пожалей меня и прости и положи это дело в сокровищницу благодеяний, за которые ты получишь награду.

И сердце царя Бахракурда смягчилось, хотя он был очень злой, и он простил юношу. А этот Тиру был сын одного царя, и он убежал от своего отца, совершив какой-то проступок, и пришел служить царю Бахракурду. И вот после этого случилось, что один из подданных отца Тиру пришел в землю царя Бахракурда и узнал его. Он тотчас же послал к отцу юноши и осведомил его об этом, и тот царь послал Тиру письмо, успокаивая его сердце и уговаривая его, и в этом письме он говорил: «Возвращайся и не бойся ничего!»

И юноша отправился к отцу, и дела его с отцом обернулись хорошо. Отец наградил его, и он остался при нем. Вот то, что было с этим юношей.

Что же касается царя Бахракурда, то в какой-то день он сел на корабль и поехал по морю, чтобы поплавать дня два-три и развлечься, и подул ветер, и корабль разбился, и все, кто был на корабле, потонули, и спасся только один царь Бахракурд. Он уцепился за доску и вылез на берег, голый, и пошел, и шел до тех пор, пока не увидел перед собою город. Он хотел войти в город, а это был город царя, отца Тиру, — того юноши, который у него служил и оторвал ему ухо и которого он простил, — и когда царь Бахракурд намеревался войти туда, он не знал там ни одного человека.

Он подошел к городским воротам и увидел, что они заперты, так как уже стояла темная ночь. А Аллах предопределил, чтобы какие-то разбойники убили у ворот человека, и

когда наступило утро, сторожа открыли ворота и нашли этого убитого, и они стали искать и не увидели никого, кроме Бахракурда. Его тут же схватили, и привели к царю, и сказали:

— О царь времени, он сегодня ночью убил человека у городских ворот, — и султан тотчас же велел посадить его в тюрьму.

Оказавшись в тюрьме, Бахракурд стал размышлять о поразивших его бедствиях и сказал про себя: «Это случилось из-за совершенных мною многочисленных грехов, ибо я никого не прощал и по злодейству спешил с отмщением, и Аллах воздал мне за это, ибо кто творит зло, тот зло и получит!»

И когда Бахракурд размышлял об этом, вдруг остановилась перед окном тюрьмы птица, и Бахракурд взял маленький камень и бросил его в птицу. А в это время царевич, то есть тот юноша Тиру, играл в поло, и камень попал ему в ухо и срезал его начисто, и юноша Тиру упал без памяти. Весть об этом дошла до его отца, царя, и он тотчас же приказал расследовать, кто же это бросил камень? И виновного начали искать, и оказалось, что это Бахракурд.

Его привели к царю, и царь немедленно приказал его казнить, и с его головы сняли тюрбан, чтобы завязать ему этим тюрбаном глаза, и тут царевич Тиру взгляделся в него и увидел, что он без одного уха.

— Не будь ты такой скверный, у тебя бы не отрезали уха, — сказал он, но Бахракурд возразил:

— Не так обстоит дело, как ты говоришь, о господин, и ухо у меня оторвано по такой-то и такой-то причине. А именно, я — царь Бахракурд, и однажды я выехал на охоту, и при мне был один слуга, и это слуга пустил стрелу, и стрела попала мне в ухо и оторвала его. Я хотел убить этого слугу, но он попросил у меня прощения, и я простил его.

И когда царевич услышал это, он всмотрелся как следует и увидел, что перед ним царь Бахракурд. Он тотчас же поспешно бросился к нему, и обвинял его, и спросил:

— Ты царь Бахракурд? — и царь ответил: «Да!»

— Как же ты сюда попал? — спросил юноша, и Бахракурд рассказал ему свою историю, и люди удивились этому.

А затем царевич обратился к своему отцу и сказал:

— О батюшка, это тот царь, у которого я оторвал своей

стрелой ухо, и он простил меня, и он тоже заслуживает прощения.

Когда царь, отец юноши, услышал эти слова, он поднялся с престола, обнял царя Бахракурда, велел принести царские одежды и облачил в них царя, а потом юноша Тиру обратился к царю Бахракурду и сказал ему:

— Посмотри — кто простит виноватого, того прощает Аллах. Какого ты теперь хочешь от нас благодеяния?

И Бахракурд попросил, чтобы ему помогли добраться до его города, и его отослали туда с полным почетом и уважением.

— Так же и я говорю тебе, о царь, что нет награды лучше, чем та, что следует за прощением, особенно если прощают при возможности наказать. Посмотри на Бахракурда: он ни разу не простил никого, кроме одного человека, и все же ему потом досталась за этого одного награда.

И царь Бахтзад нашел эти слова удивительными, и приказал отвести юношу обратно в тюрьму, и сказал:

— Завтра мы рассмотрим его дело.

А когда наступило утро восьмого дня, везиры собрались вместе и сказали:

— Что нам делать с этим юношей, который нас одолел своими речами и обманами? Мы боимся, что он спасется, а мы подвергнемся гибели.

И они сговорились пойти вместе к царю и сказали:

— Правильно будет с этим поспешить, чтобы победить этого юношу, а иначе он спасется и победит нас. Если мы сегодня не заставим царя убить юношу, он одолеет нас и погубит.

Потом везиры все поднялись, вошли к царю Бахтзаду, пожелали ему блага, поцеловали перед ним землю и сказали:

— О царь времени, мы идем к тебе, чтобы дать добрый совет твоему величеству: пренебреги красивыми речами этого юноши и поторопись его убить, ибо из-за него мы все время слышим от людей позорную хулу на тебя, которую говорить не подобает. Ведь они говорят: «Царь увидел юношу, который осквернил его ложе, но не убивает его по многим причинам». О царь времени, мы тебе добрые советчики, потому что мы твои везиры. Не обращай же сегодня внимания на его слова и вели его убить. Что же это такое: скверный юноша опоганил твоё ложе, а ты не убиваешь его?!

Когда царь Бахтзад услышал эти слова, его гнев усилился, и он велел привести юношу и, после того как тот явился, сказал ему:

— О худородный, о обманщик, ты осквернил царское ложе и после этого хочешь спасти себе жизнь всякими красивыми словами и перехитрить царя своими кознями и обманами, чтобы он тебя простил! Но кто совершил такой грех, как ты, тому нет прощения вовеки, ибо за такой грех полагаются самые жестокие муки.

Тут все везиры кинулись к юноше, и каждый из них говорил царю:

— Хочешь, я отрублю ему голову, о царь времени?

А юноша сказал царю Бахтзаду:

— Смотри, о царь, это дурные везиры, берегись же их! Погляди, как они тебе советуют меня убить, чтобы разлучить нас с тобою и разграбить твои сокровища, как они это делали раньше, пока я не удостоился чести тебе служить.

— Ты говоришь это потому, что они свидетельствуют о твоём преступлении,— сказал царь, и юноша молвил:

— Как они могут засвидетельствовать то, чего не видели! Это их свидетельство — от одной лишь зависти. Но при всем том я говорю твоему величеству: если ты меня убьешь, то испытаешь великое раскаяние, а я — не думай, что я боюсь смерти — всякому живому не избежать ее,— но я боюсь, что ты будешь страшно каяться, как каялся Иланшах.

— А как это было? — спросил царь Бахтзад, и юноша сказал:

— Знай, о царь, что был когда-то один человек, по имени Абу Таммам, и был это человек правдивый, набожный, разумный, достойный и великодушный, и обладал большими деньгами. И был в его стране царь, очень жестокий, и Абу Таммам почувствовал страх за свою жизнь и имущество и сказал про себя: «Лучше всего будет мне переехать из этого города в другое царство, чтобы не бояться для себя зла от этого царя».

И он тотчас же снарядился и отправился в город царя Иланшаха и поселился там. Он построил для себя просторный дом и начал кормить чужеземцев и благодетельствовать беднякам, и узнали о нем вельможи эмира этого города, и Абу Таммам большую часть дней угощал их у себя, и всюду распространилась слава о его правдивости и набожности.

И наконец весть о нем дошла до царя Иланшаха, и тот послал за ним, и Абу Таммам вошел к царю, отвесил поклон, поцеловал перед ним землю и пожелал ему блага с полным красноречием.

Царь Иланшах полюбил его за его прекрасное вежество и велеречивость и сказал:

— О гость нашей страны, пришла к нам вместе с тобой благодать. Проси чего хочешь — всякая твоя нужда будет нами исполнена.

Абу Таммам поблагодарил царя и пожелал ему блага, и царь стал часто-часто посылать за ним и подолгу сидел с ним и беседовал. Ему понравился разум Абу Таммама, его совершенство и мудрость при разрешении трудных вопросов, и превосходная сметливость, и он сказал:

— О Абу Таммам, я хочу, чтобы ты стал у меня везиром и распорядителем в государстве и первым из сидящих в моем диване.

Абу Таммам поблагодарил царя и сказал ему:

— Я буду тебе служить и моей жизнью и моим имуществом, о царь, но уволь меня от этого, ибо я опасюсь зависти твоих людей.

Но царь возразил:

— Не бойся, я не послушаю ничьих слов против тебя.

И потом царь облачил Абу Таммама в одеяние везиров, и Абу Таммам стал каждый день ходить в диван царя и садился от него с правой стороны, и царь сообщал Абу Таммаму обо всех трудных делах, и Абу Таммам разрешал их с полной осведомленностью и легкостью и превосходно управлял благодаря своей прекрасной сметливости. И увеличилась любовь царя к Абу Таммаму и перешло в его руки ведание и разрешение и принадлежал ему и совет и решающее слово.

А прежде чем Абу Таммам стал везиром, было у Иланшаха три везира, и все царство было у них в руках, и они делали в нем, что хотели, а когда сделался везиром Абу Таммам, царь Иланшах пренебрег этими тремя везирами и обходился без них, обращаясь только к Абу Таммаму. И те позавидовали Абу Таммаму и сошлись вместе и говорили:

— Как это царь забыл о нас с этим чужеземцем и дал ему превосходство над нами и пренебрег нашей службой?

Нет у нас иной хитрости, как добиться от царя, чтобы он прогнал от себя Абу Таммама или даже убил его!

И каждый везир стал советовать, как убить Абу Таммама, и один из них сказал:

— У такого-то царя есть дочь, и нет в мире девушки ей подобной по красоте и прелести, но всякого, кто хочет к ней посвататься и приезжает к царю, чтобы поговорить об этом, царь немедленно убивает. Наш царь не имеет понятия об этом деле, а он очень любит женщин... Пойдемте к нему, соберемся у него и заведем перед ним разговор об этой девушке, и если его сердце привяжется к ней и он пожелает к ней посвататься, мы ему скажем: «Никто не годится для этого дела, кроме Абу Таммама»,— и когда он пошлет его к отцу девушки, тот его убьет, как убил и других, и мы от него избавимся.

И везиры согласились на этом и собрались в какой-то день у царя Иланшаха, и Абу Таммам тоже был у него. Они завели разговор о красоте той девушки и стали превозносить ее прелести, и сердце царя привязалось к ней, и он воскликнул:

— Я хочу к ней посвататься, но кого мне послать за этим к ее отцу?

— Никто, о царь времени, не годится для этого важного дела, кроме Абу Таммама, ибо он человек сметливый и сообразительный,— сказали везиры, и царь молвил:

— Действительно, никто не годится для этого дела, кроме него.

Потом он обратился к Абу Таммаму и спросил его:

— Поедешь ли ты, Абу Таммам, с этим поручением? — и Абу Таммам отвечал:

— Слушаю и повинуюсь!

И Абу Таммам снаряжился, и царь дал ему с собой драгоценные дары и подарки для отца девушки, и Абу Таммам ехал до тех пор, пока не достиг города Сина *, то есть города отца девушки.

Он вошел к нему, поцеловал землю и пожелал ему блага, самым красноречивым языком и самыми ясными словами, а потом он вручил ему письмо Иланшаха, осведомил его о причине своего прибытия и поднес дары и подарки.

Когда отец девушки прочитал письмо, увидел, сколь огромны подарки и убедился в красноречии Абу Таммама, он

остался доволен, приказал ему выдать роскошный халат и оказал ему величайшее уважение.

Он поселил Абу Таммама в огромном помещении и сказал ему:

— Через три дня приходи ко мне,— а потом царь Сина вошел к своей дочери, сообщил ей о прибытии Абу Таммама и сказал:

— Он просит тебя для своего царя, царя Иланшаха.

— О батюшка, не давай ему ответа прежде, чем ты пришьешь его ко мне и я с ним поговорю,— сказала царица, и царь ответил: «Так!» — а через три дня Абу Таммам пришел к нему и пожелал ему блага, и царь сказал:

— Прежде чем я дам тебе ответ, пойди к моей дочери и поговори с ней.

И царь послал Абу Таммама к своей дочери, и Абу Таммам сказал в мыслях: «Говорили древние: „Кто сдерживает свой взор, тот обеспечен от зла, кто сдерживает язык, никогда не услышит дурного, а кто сдерживает руку, тот богатеет“».

И Абу Таммам вошел к царице и увидел, что она сидит, а вокруг нее сорок невольниц из числа невинных девушек, и все они подобны луне по своей красоте и прелести, а царица сидит между ними.

Когда Абу Таммам вошел, царица велела ему сесть, и он сел напротив нее, а она спросила:

— Зачем ты пришел и чего ты просишь у моего отца?

И Абу Таммам отвечал ей, а глаза его были опущены:

— О царица, мой господин, царь Иланшах прослышал о милости Аллаха, который наделил тебя красотой, прелестью, вежеством и разумом, и пожелал удостоиться чести бракосочетания с тобой. И вот он послал меня к моему господину царю, твоему отцу, чтобы я попросил его об этом.

И царица промолчала и не дала ему ответа, а потом она предложила Абу Таммamu подарки, но тот положил на подарки руку и поцеловал ее, а подарки оставил на их месте и только поблагодарил царицу и пожелал ей блага.

А у царицы было в обычае испытывать тех, кто просил ее в жены, такими способами, чтобы проверить, каково благородство души просящего.

После этого Абу Таммам сказал ей:

— О госпожа, я благодарю за подарки, которыми ты меня почтила, но я не за тем пришел. Я пришел за тем, чтобы удостоиться еще большей милости, то есть чтобы мой господин, царь Иланшах, удостоился чести, которой он домогается. Я пришел не за тем, чтобы добыть эти мирские блага, имеющие всем известную ценность, и пришел я за тем, чтобы просить для царя, моего господина, нечто столь драгоценное, что ему вообще нет цены, то есть ее величество царевну. Вот за чем я пришел, и только, и ни на что другое я смотреть не хочу.

И когда царевна увидела, что Абу Таммам столь красноречив, она осталась довольна и сказала про себя: «Поистине, это человек разумный, достойный и образованный, и нет сомнения, что тот, кто его послал, еще умней и сметливей!»

И она отпустила Абу Таммама с полным почетом и затем послала к отцу и расхвалила его, и тогда царь призвал Абу Таммама к себе и спросил его:

— Как ты находишь мою дочь? Понравилась ли она тебе и думаешь ли ты, что она понравится твоему господину Иланшаху.

— Да, о царь,— ответил Абу Таммам — я ходил к твоей дочери и беседовал с нею, но я ничего не знаю о ее внешности. Однако еще прежде, чем я пришел к тебе, я знал о ее красоте из стихов поэтов, которые воспевают ее прелесть.

И царь остался доволен ответом Абу Таммама, особенно, когда он узнал, что тот не принял подарков, пожалованных его дочерью. И когда царь Сина увидел сколь прекрасен разум Абу Таммама и его образованность, он приказал принести драгоценный халат и надел его на Абу Таммама, а потом он сказал ему:

— Такой, как ты,— вот кто должен быть советником у царей и их везиром. Посмотри: сколько и сколько людей приходили просить мою дочь в жены, а я убивал их, испытывал их разум и убедившись, что его мало и что они ничего не смыслят в вежестве. А что до тебя, то по причине твоей образованности и прекрасного разума, я даю тебе за нее слово. Поезжай же с миром, когда желаешь, и царь Иланшах заслуживает ее, так как он тебя послал с этим делом.

И царь тотчас же велел снаряжать свою дочь, и ее снаря-

дили, а потом царь Сина написал царю Иланшаху письмо и вручил его Абу Таммаму.

И Абу Таммам пожелал царю блага, поблагодарил его и поехал вместе с девушкой, и они ехали, пока не приехали. Тогда Абу Таммам вошел к царю Иланшаху и вручил ему подарки и письмо, которое написал ему царь Сина, и Иланшах страшно обрадовался, и любовь его к Абу Таммаму еще более усилилась. И все оказалось в его руках в еще большей степени, нежели раньше, а царь Иланшах вошел к своей невесте и женился на ней.

А везиры стали еще сильнее ненавидеть Абу Таммама, и они говорили друг другу:

— Если мы не придумаем против него хитрости, чтобы его убить, то не будет нам покоя.

И они сговорились с двумя молодыми слугами, на коленях у которых царь любил отдыхать, и сказали им:

— Вот чего мы от вас желаем: когда вы увидите, что царь как будто заснул у вас на коленях, то один из вас пусть скажет другому: «Царь поставил Абу Таммама выше всех вельмож царства, а Абу Таммам поступает с ним недостойно». И второй из вас спросит: «Почему?» — и первый ответит: — «Потому что он развратничает в его гареме. Ведь дочь царя Сина приехала только ради него, ибо она его любит и влюблена в него, и Абу Таммам каждую ночь обманывает бдительность царя, нашего господина, и идет и спит с ней. Это дело стало даже известно среди большинства людей, но никто не может о нем говорить перед царем, так как царь слишком любит Абу Таммама».

И слуги согласились на предложение везиров и были рады деньгам, которые те им дали. И вот в один день из дней царь Иланшах пришел, чтобы по обыкновению отдохнуть на коленях у этих слуг, и когда слуги увидели, что царь как будто задремал, они сказали друг другу слова, которым их научили везиры.

И царь Иланшах, услышав это, рассердился, и сказал про себя: «Эти малые дети, и они еще не умеют лгать и обманывать, и, значит, их слова правда».

И он тотчас же послал за Абу Таммамом и сказал ему:

— Кто не бережет чести своего царя, тот чего заслуживает?

— Чтобы не берегли его чести,— ответил Абу Таммам.
— А кто обманывает царя с его собственной женой, тот чего достоин? — спросил опять царь, и Абу Таммам ответил «Убиения».

— Ты — тот, кто так поступил! — воскликнул царь Иланшах и вытащил кинжал и вонзил его в сердце Абу Таммаму, и тот умер, и его взяли и похоронили.

Но спустя короткое время царь Иланшах начал горевать об Абу Таммаме и пожалел, что погубил его, а везиры — те были страшно рады. Что же касается царя, то печаль его об Абу Таммаме все усиливалась, и чаще всего он приходил и плакал на коленях у тех двух слуг и слушал, что они говорят о делах в царстве.

И вот однажды царь подошел к той комнате, в которой спали эти слуги, и посмотрел в щелку и увидел, что те разложили перед собой две тысячи динаров, полученные от везиров, и говорят между собой: «Какая нам польза от этих денег, когда мы согрешили против Абу Таммама».

И второй слуга сказал первому:

— О брат мой, если бы мы знали, что царь убьет Абу Таммама, мы не поладили бы с везирами и не сказали бы того, что сказали. Наш грех — на шее везиров, которые подучили нас сказать то, что мы сказали, чтобы царь это услышал и убил его, и мы ни в чем не виновны.

Услышав это, царь открыл дверь, вошел и воскликнул:

— Говорите правду: откуда эти деньги и что вы друг другу говорили!

— Пощади, о царь времени,— закричали слуги, и царь сказал:

— Вам будет пощада,— и тогда они рассказали ему всю историю по правде, и что везиры дали им эти деньги, чтобы они сказали то, что сказали.

И когда царь Иланшах услышал это, он чуть не умер от сожаления, что убил Абу Таммама, и с горя всю ночь не спал, а когда наступило утро, он призвал тех троих везиров и сказал им:

— Вы думали, Аллах не заметит вашего скверного поступка! — и сейчас же приказал отрубить им головы.

Потом он вошел к своей жене и рассказал всю эту историю, и она тоже опечалилась о судьбе Абу Таммама и сказала:

— Ты потерял великую драгоценность, которую имел, — а царь Иланшах продолжал горевать и тосковать по Абу Таммаме, пока не умер.

— Так же и твои скверные везиры, о царь, советуют тебе меня убить и делают вид, что они тебе добрые советчики, а я знаю, что если ты меня убьешь, то будешь испытывать большое раскаяние. Что же касается их совета меня убить, то это от зависти, и они мне завидуют, как завидовали те три везира Абу Таммаму. Но я надеюсь, что Аллах поможет мне против них, ибо я невиновен и нет на мне греха. Я не боюсь смерти и боюсь лишь того, что, если ты меня убьешь, на тебя нападет раскаяние, которое испытывал Иланшах. Будь я грешен, я не мог бы сказать ни слова, но я говорю, так как знаю, что я невиновен.

И царь Бахтзад, услышав это, удивился красноречию юноши и сказал:

— Воротите его в тюрьму, а завтра мы рассмотрим его дело. Казнь его — в наших руках, успеем еще, это от нас не уйдет.

А когда наступил девягый день, везиры сошлись все вместе и сказали:

— Поистине мы выбились из сил в деле с этим юношей: каждый день он обманывает царя, и мы не знаем, что делать.

И они пришли к решению пойти к царице и сказать: «Слава, что ты царица, ничего не стоит перед позором, который возводят на тебя люди. Они говорят, что царь нашел у царицы в постели юношу, и в народе про это даже сложили песню. Все говорят: „Царица — любовница того юноши, и это она не дает царю его убить“. Пойди и скажи царю, чтобы он поскорей его убил».

Когда царица услышала их слова, она сильно разгневалась и спросила:

— Что же вы мне посоветуете в моем деле?

И везиры сказали:

— Пойди к царю и скажи ему: «Городские женщины приходили ко мне и порочили мою честь, говоря об этом юноше. Либо убей меня, либо убей его». Вот что ты должна сказать царю.

И царица поднялась и вошла к царю, печальная и плачущая, и царь спросил ее, отчего она печальна, и царица рассказала ему то, чему ее подучили везиры. Она не переста-

вала подстрекать царя Бахтзада, пока не разгорелась в нем ярость, и царь сказал:

— Будь спокойна душой, сегодня я непременно его убью.

Потом он вышел в диван и велел привести юношу, и когда он явился, везиры сказали ему:

— Горе тебе, о недостойный, сегодня день конца твоей жизни и твоей смерти.

— Смерть придет не по вашему слову и не по вашему желанию, и она зависит лишь от судьбы и от приговора Аллаха,— молвил юноша.— Если Аллах мне что-нибудь предопределил, то его приговор непременно исполнится и мне некуда от него бежать, а это подобно тому, что случилось с царем Ибрахимом и его сыном.

— А как это было? — спросил царь Бахтзад, и юноша сказал:

— Знай, о царь времени, что был в древние времена царь, которого звали царь Ибрахим, и был он очень печален, так как ему не досталось ни одного сына. И каждый раз, как царь слышал про какую-нибудь красивую невольницу, он немедленно покупал ее и входил к ней, и наконец великий Аллах предопределил, чтобы одна из этих невольниц понесла от него. И царь очень обрадовался.

А когда пришло ей время родить, царь тотчас же послал за звездочетами и гадалеями, и они вычислили по звездам время рождения младенца и стали определять его гороскоп, а невольница родила царю дитя мужского пола, и его отец, царь Ибрахим, страшно этому обрадовался.

Что же касается звездочетов, то когда они определяли гороскоп новорожденного, цвет лица у них изменился, и царь Ибрахим сказал им:

— Расскажите мне правду о том, что вы видели.

Звездочеты ответили:

— Твоему сыну, когда ему исполнится пять или семь лет, будет угрожать опасность от льва, и если он избавится от этой опасности, то никто, кроме него, не будет причиной твоей смерти.

И когда царь Ибрахим услышал это, грудь у него стеснилась и он сильно огорчился из-за таких слов. Но потом он сказал себе: «Я стану его оберегать от опасности со стороны льва, и не думаю, чтобы он поднял на меня руку, и убил меня», — и пренебрег словами звездочетов.

После этого царь передал младенца нянькам, а когда ему исполнилось четыре года, царь отправился на гору, на которой был колодец, и углубил колодец и расширил его. Он выстроил в колодце огромную комнату и провел туда воду из источника и сложил там запас всяких кушаний и напитков, а потом он взял своего сына и его воспитательницу, наказав воспитательнице заботиться о нем и опустил их в колодец.

И каждый месяц он приходил к колодцу, останавливался у входа в колодец, поднимал оттуда своего сына, смотрел на него и целовал его, а потом снова опускал мальчика к воспитательнице, запирая вход в колодец и уходя.

И наконец исполнилось его сыну семь лет, и по предопределению Аллаха пришли на ту гору охотники и увидели льва. Они погнали дикого зверя и поскакали за ним с собаками и с копьями, а царь Ибрахим как раз забыл и оставил вход в колодец открытым, и лев, убегая от охотников, упал в колодец. Он увидел мальчика и подошел и схватил его в пасть, и воспитательница закричала на него, и лев тотчас же оставил мальчика, вернулся к няньке-воспитательнице и растерзал ее.

А охотники знали, что лев упал в колодец. Они посмотрели и увидели, что он разбился и глаза его горят как огонь. Они пошли, взяли большой камень, подкатили его, бросили льву на голову и убили его, а затем они спустились в пещеру и увидели, что воспитательницу растерзал лев. Они увидели также, что мальчик ранен в плечо, взяли его и приложили к его ранам лекарства и подняли его из колодца наверх, а после этого принялись переносить все припасы, которые были в колодце, и забрали их полностью.

Они взяли мальчика с собой и пошли, а потом они спросили его, что с ним произошло, кто он и чей сын, и мальчик ответил им:

— Не знаю. Я всю жизнь видел только этот колодец и женщину, — ту, которую растерзал лев, а время от времени к колодцу приходил какой-то человек и поднимал меня оттуда. Он смотрел на меня, обнимал меня и целовал, а потом опять спускал меня в колодец и уходил.

И старший охотник взял мальчика к себе и стал воспитывать, как своего сына. Он заставлял его ездить на коне и обучил всем способам рыцарского искусства.

И вот однажды, в какой-то день, напали на этих охотников разбойники, грабящие на дорогах, и перебили их всех, и остался в живых только тот мальчик. Он убежал и укрылся в одной пещере и провел там ночь, а когда наступило утро, он пошел и пришел в какой-то город. И его встретил один человек, осведомленный о кладах и сокрытых сокровищах, и, увидев мальчика, сразу узнал, что на его имя спрятано сокровище.

Он подошел и спросил мальчика, кто он такой, и когда мальчик рассказал обо всем, что с ним случилось, сказал ему: — Пойдем со мной, о дитя мое, и я сделаю тебя богатым.

И мальчик последовал за тем человеком и пошел с ним, и этот человек шел до тех пор, пока не пришел к высокой горе. И они поискали на горе и нашли плиту и подняли ее, и тот человек стал жечь курения и произносить заклинания, и гора треснула, и открылось перед ними сокровище.

И они зажгли свечку, и мальчик взял ее, и тот человек опустил его в сокровищницу. Он спускал с мальчиком корзину, и мальчик наполнял ее золотом, и тот человек опоражнивал корзину и опять опускал ее, пока наконец он не набрал золота и драгоценных камней столько, что и не сосчитать.

Тогда он покурил и поколдовал и закрыл сокровищницу над мальчиком, и когда мальчик увидел, что сокровищница над ним закрылась и вокруг сделалось темно, он понял, что тот человек хочет его убить. И он принялся плакать и бить себя по щекам, а потом возложил упование на Аллаха и начал молиться, говоря:

— О боже, прошу тебя ради сана твоих святых и пророков: как ты меня спас от льва и разбойников, так спаси и от этого бедствия.

И вот когда мальчик кружил и ходил по пещере, он вдруг услышал шум текущей воды. Он посмотрел направо и налево и увидел расщелину, и всмотрелся, и оказалось, что там течет большая река.

И мальчик подумал и сказал себе: «Если я останусь здесь, то смерть неизбежна во всяком случае. Лучше мне поручить себя Аллаху и кинуться в эту реку, ибо у меня все-таки есть надежда спастись таким образом».

И мальчик бросился в воду; а в реке было сильное течение, и вода повлекла его и несла, пока не выбросила на бе-

рег в какой-то долине, и когда мальчик увидел перед собой деревья и понял, что он оказался на лице земли, он прославил великого Аллаха и пошел по этой долине. Он шел до тех пор, пока не достиг одного селения в земле своего отца, и когда он вступил туда, один из жителей спросил его, что с ним, и он рассказал обо всем, что с ним случилось. И все поселяне удивились и взяли его к себе и очень полюбили. Вот что было с мальчиком.

Что же касается его отца, то он, по обыкновению, пошел к колодезю, чтобы посмотреть на сына, и позвал няньку, но она ему не ответила. Тогда царь спустил в колодезь одного из своих рабов, и тот спустился и увидел, что нянька убита и что «дом пуст, а место посещения далеко».

Он поднялся и рассказал об этом, и султан, отец мальчика, султан Ибрахим, заплакал и стал бить себя по щекам и пребывал печалься о своем сыне. Потом он послал за звездочетами и осведомился у них о судьбе своего сына, и звездочеты рассыпали свой песок и сказали:

— О царь, если его растерзал лев, то с ним все кончено и ты избавился от убийения, а если он спасся от льва, то никто не убьет тебя, кроме него.

И царь оставил это дело, и прошли дни, а что касается мальчика, то он жил у людей, обитателей селения, которые его взяли, а это были разбойники с дороги.

И однажды мальчик пошел с ними и они принялись грабить, и люди пошли к царю и пожаловались на это, и тут царь Ибрахим разгневался и вышел со своими людьми, чтобы переловить разбойников, но когда он встретил их на дороге, разбойники окружили его вместе с его людьми, и мальчик вынул стрелу и пустил ее, и стрела поразила его отца, султана Ибрахима, в гибельное место.

Султан тотчас же вернулся в свое жилище, — а он захватил мальчика и разбойников, которые были с ним, — и послал за звездочетами и сказал им:

— Вы говорили: «Никто не убьет тебя, кроме твоего сына». Как же так получилось, что я убит рукою другого?

И звездочеты рассыпали свой песок, посмотрели и сказали:

— О царь, веления Аллаха скрыты! Тот, кто тебя убил, — твой сын.

Когда царь Ибрахим услышал это, он велел привести воров и спросил их:

— Кто из вас поразил меня стрелой?

— Этот мальчик,— ответили разбойники, и царь посмотрел на него и сказал:

— О мальчик, расскажи, кто ты и кто твой отец, и тебе будет пощада.

— О господин,— отвечал мальчик,— я не знаю своего отца, я только знаю, что я был на горе, в колодце, и со мной была нянька, которая меня воспитывала. И каждый месяц приходил какой-то человек и поднимал меня из колодца и целовал меня и на меня смотрел, а потом опять опускал меня в колодец. И в один из дней спустился к нам в колодец лев и растерзал няньку, а мне Аллах облегчил спасение и послал мне людей, которые убили льва и взяли меня к себе.

И царь Ибрахим, услышав это, воскликнул:

— Клянусь Аллахом, этот мальчик мой сын! — и обнял мальчика и поцеловал его и сказал ему: «Ты мой сын».

Он сейчас же послал за вельможами царства и звездочетами и сказал:

— Знайте, что осторожность не отвратит судьбы! Я старался уберечь себя от своего сына, но не мог спастись от него.

И он рассказал им всю историю и добавил:

— Однако я воздаю хвалу Аллаху великому за то, что увидел моего сына, и передаю ему перед смертью власть,— и потом обратился к своему сыну, возложил на него венец и дал ему наставления, и мальчик сел на месте отца.

И так же, о царь, невозможно, чтобы не исполнилось то, что судил Аллах человеку, и он обязательно получит это сполна. Если Аллах предопределил мне смерть, то я не смогу теперь спастись от нее, а если нет, то не думай, что старания этих везиров меня убить чем-нибудь помогут им.

Когда царь Бахтзад услышал это, он подивился красноречию юноши и сказал:

— Верните его в тюрьму, а завтра мы рассмотрим его дело.

И диван разошелся, и наступило утро десятого дня, а то был день, именуемый аль-Михраджан, и в этот день всякий человек, знатный и простой, приходил к царю, чтобы поздравить его с праздником. И мнения везиров сошлись на

том, что они поговорят с некоторыми знатными людьми города и скажут им:

— Когда вы войдете к царю, скажите ему: «О царь, ты, слава Аллаху, живешь достохвальной жизнью, но почему же ты не спешешь убить этого юношу, про которого среди людей идет молва, что он осквернил твое ложе, а наоборот, держишь его заключенным у себя в доме? Ты и не знаешь, сколько и сколько дурного говорят люди про тебя».

И городские вельможи отвечали: «Внимание и повинование!» И когда царь воссел в диване и люди пришли его приветствовать и поздравить, вельможи города встали, поцеловали землю и сказали царю Бахтзаду то, чему научили их везиры. И везиры тоже поговорили с ним, и царь Бахтзад сказал:

— О собрание, убить его в моей власти, и я вижу, что он и вправду достоин смерти. Я оставил его в живых до сей поры лишь для того, чтобы он не имел против меня довода перед Аллахом.

Потом царь Бахтзад послал за юношей и сказал ему:

— Горе тебе, о обманщик, все люди упрекают меня за то, что я сохранил тебе жизнь до сей поры.

И юноша ответил:

— Клянусь жизнью твоей, о царь, никто не упрекает тебя, кроме этих недостойных везиров, которые подстрекают людей обращаться к тебе с такими речами. Я надеюсь, что Аллах обратит козни их на их собственную шею! Что же касается угрозы царя меня убить, то поистине я в его руках словно воробей, и он убьет меня, когда пожелает, а что до продления моей жизни — это зависит не от царя, а от того, кто держит мою жизнь в своих руках, ибо когда Аллах пожелает моей смерти, ты не сможешь ее отсрочить, и если он захочет повредить своему рабу, осторожность не может ему отвратить вред, как не помогли сыну царя Сулейманшаха все его старания и помыслы достигнуть желаемого, покусившись на новорожденного младенца, и смерть ребенка была отсрочена, хотя испытал он множество бедствий, пока не достиг он конца жизни и не прожил ее всю до предела.

— А как это было, расскажи мне, — спросил царь Бахтзад и юноша сказал:

— Знай, о царь, что был когда-то царь, по имени Сулейманшах, и отличался он благими качествами и суждени-

ями. У него был брат, и он умер и оставил по себе дочь, и Сулейманшах воспитал ее наилучшим образом, и не было в ее время никого прекрасней ее.

А у царя Сулейманшаха было двое сыновей, и он задумал выдать свою племянницу за старшего, которого звали Бахлавая. А имя младшего было Меликшах, тогда как девушку звали Шах-хатун.

И в какой-то день Сулейманшах вошел к Шах-хатун, и поцеловал ее, и сказал ей:

— Я желаю выдать тебя за одного из моих сыновей и сделать его моим наследником. Посмотри, кого из них ты выберешь.

И Шах-хатун поцеловала у Сулейманшаха руку и сказала ему:

— Я твоя служанка, выдай меня за того, кого ты считаешь для меня лучше,— и Сулейманшах остался доволен ее ответом.

Но впоследствии его намерения изменились и решение его остановилось на том, чтобы выдать девушку за своего младшего сына Меликшаха и сделать его наследником. И он тотчас же женил Меликшаха на девушке и назначил его наследником, и когда увидел это его старший брат, он возненавидел отца и его поразила зависть к брату.

Что же касается его младшего брата, Меликшаха, то он вошел к Шах-хатун, и та родила ему сына, подобного полной луне, и Бахлавая стал еще больше ему завидовать. И вот как-то ночью он проходил мимо комнаты брата и вошел туда и увидел, что младенец спит на постели и мамка тоже спит рядом с ним. Он всмотрелся в лицо младенца и убедился, что тот дивно красив, и сатана подстрекнул его, и он сказал в мыслях: «Я больше, чем брат, имел право жениться на этой девушке, получить такого младенца и царствовать».

И зависть его настолько усилилась, что он обнажил кинжал и зарезал младенца, но не полностью перерезал ему горло.

И он оставил его и вошел в комнату брата и увидел, что тот спит и молодая женщина спит с ним рядом. Он хотел было ее зарезать, но потом сказал в мыслях: «Оставлю ее для себя»,— и подошел и зарезал брата, и вышел.

И напал на него великий страх из-за того, что он сделал, и весь мир показался ему тесным. Он скрывался в городе,

пока не настало утро, а утром вышел из города и отправился в одну из крепостей, принадлежавших его отцу, и укрепился там. Вот, что с ним было.

Что же касается мамки, то она пробудилась от сна и подошла к постели, чтобы покормить ребенка, и увидела, что он плавает в крови. Она закричала, и Шах-хатун проснулась и увидела, что ребенок зарезан и отец его также, и стала кричать и голосить, но потом она всмотрелась в ребенка и почувяла в нем живую душу.

А султан Сулейманшах встал и увидел это и стал искать своего сына Бахлавана, и его не нашли, и тогда Сулейманшах понял, что именно Бахлаван сотворил все эти дела. И показалось это ему ужасным, и жителям всего его царства также.

Потом Сулейманшах обрядил своего сына Меликшаха и похоронил его, и призвал к мальчику врачей, и те его лечили и выхаживали, пока рана его не прошла.

И царь стал воспитывать младенца, а что касается Бахлавана, царского сына, то он укрепился в крепости и стал снаряжаться, чтобы воевать с отцом, а царь воспитывал ребенка, пока тому не исполнилось пять лет жизни, и задумал сделать его своим наследником. Он стал сажать мальчика на коня и выезжать с ним, и подданные радовались на него и желали, чтобы он стал преемником своего отца и деда.

Что же касается Бахлавана, то он послал к Кесарю, царю румов *, прося о помощи против отца, и Кесарь помог ему и дал огромное войско. Когда царь Сулейманшах услышал об этом, он послал к царю румов, говоря ему: «Не помогай против меня, о царь, злему человеку, ибо это мой сын, и он совершил то-то и то-то — зарезал своего брата и сына своего брата». Но Сулейманшах не сказал царю румов в своем письме ничего, кроме этого, и не открыл, что младенец выжил, после того как его зарезали.

Когда это письмо пришло к царю румов, тот огорчился из-за поступка Бахлавана и послал царю Сулейманшаху письмо с такими словами: «Если хочешь, я отрежу для тебя его голову и пришлю ее тебе», — по Сулейманшах ответил: «Мне не нужно, чтобы его убивали, ты только отвернись от него и прогони, а он уж получит возмездие за свои дела».

И Сулейманшах стал любимцем царя румов, и они начали переписываться и обмениваться подарками. Потом царь

румов прослышал о красоте Шах-хатун и прислал к царю Сулейманшаху, прося ее в жены, и Сулейманшах не мог ему отказать. Он вошел к ней и молвил:

— Дочь моя, царь румов прислал ко мне, требуя тебя.

И молодая женщина заплакала и сказала:

— Как могу я выйти за кого-нибудь замуж после сына моего дяди?

— Что же делать, дочка,— сказал царь Сулейманшах.— Ты даже и мальчика не сможешь с собою взять, и не показывай вида, что у тебя есть сын — я ведь написал всем царям, что Бахлаван зарезал его отца и его самого. Я не могу не отдать тебя царю румов, так как я хочу укрепить с его помощью свои силы.

Молодая женщина промолчала и ничего не сказала, и Сулейманшах дал царю румов ответ, выражая внимание и повиновение. Он тотчас же снарядил Шах-хатун, дочь своего брата, и отослал ее к царю румов; и тот вошел к ней и порадовался великой радостью и полюбил ее. Что же касается Шах-хатун, то она постоянно вспоминала своего сына и печалилась о разлуке с ним, а Сулейманшах, как мы говорили, воспитывал этого ребенка, и он назвал его Меликшахом, по имени его отца.

Когда же мальчик достиг десяти лет жизни, царь собрал вельмож государства и привел их к присяге Меликшаху, чтобы он стал царем вместо него, а затем, спустя недолгое время, Сулейманшах умер.

И Бахлаван захватил его царство и произвел смотр его войскам и солдатам, и те сказали:

— Мы будем тебе покорны и присягнем тебе, но с условием, что ты не убьешь своего племянника,— и Бахлаван дал им насчет этого великие клятвы.

А когда его привели во дворец и посадили на престол царства, он приказал привести своего племянника и заточил его в колодезь, под землей, и весть об этом дошла до его матери, и она стала еще больше горевать о сыне, но она не могла открыть царю румов, что у нее есть ребенок, так как боялась выставить лжецом своего дядю Сулейманшаха. А ее сын оставался в колодезе, в заточении, четыре года, и наконец превратился от недугов в призрак.

И вот в один из дней Бахлаван сидел в диване, и вельможи царства вдруг сказали ему:

— О царь, мы выразили тебе покорность и посадили тебя на место твоего отца, но мы взяли с тебя обещание относительно твоего племянника, что ты не станешь ему вредить. За какой грех он заслужил наказание и ты держишь его в тюрьме в течение всего этого времени? Если грех в том, что он сидел на престоле царства, то это не его вина.

— Если я выпущу его из тюрьмы,— то боюсь, что не буду обеспечен от его зла и козней,— ответил им Бахлаван, и они сказали:

— А каковы силы этого мальчика, чтобы тебе его боятся? Если ты его боишься, то пошли его правителем куда-нибудь на окраины.

— Вот это правильно! — сказал Бахлаван. Он велел выпустить мальчика из тюрьмы, наградил его, вручил ему знамя, дал войско и отправил в одну из крепостей, чтобы биться с врагами; а эти враги были очень сильные, и всякого, кто воевал с ними, они либо убивали, либо захватывали в плен.

И когда юноша Меликшах пошел воевать, враги собрались против него в большом числе, и сподвижники его убежали, а его самого враги схватили и посадили в колодезь.

И Меликшах оставался заточенным в колодезе целый год, и год прошел полностью, а у врагов Меликшаха был такой обычай: в первый день каждого года они выводили всех пленных из тюрем и сбрасывали их с крепости вниз.

И вот они сбросили всех заключенных и в их числе сбросили также юношу Меликшаха, и он ушел на людей, которых сбросили раньше, и уцелел, но только лишился чувств на некоторое время.

А очнувшись, юноша прославил великого Аллаха за свое спасение и поднялся и пошел по местности, которой он не знал, и питался кореньями и травами и шел ночью, а днем прятался, и наконец увидел людей, которые оказали ему милость. Он не сказал им, кто он такой, и спросил, где дорога, ведущая в город его дяди Бахлавана, и те люди показали ему дорогу, и он шел, пока не оказался близко от этого города, а он погибал от усталости и страха, и тело его исхудало, и цвет его лица изменился.

И присел Меликшах у городских ворот, чтобы отдохнуть, и вдруг появилась толпа приближенных его дяди, которые были на охоте.

Когда они входили в городские ворота, юноша их увидел и подошел к ним и сказал:

— Хочу вас спросить, пребывает ли царь Бахлаван в благополучии, здоров он или нет.

И эти люди стали над ним смеяться и говорили:

— Кто ты такой, чтобы спрашивать о царе Бахлаване, когда ты всего лишь бедный слуга,— и юноша сказал:

— Он мой дядя,— и все начали над ним насмеяться и сказали:

— Был у нас один вопрос, а теперь стало два! Мы не знаем, чтобы у царя Бахлавана был еще племянник, кроме того, которого он держал у себя в заточении, а затем умышленно послал воевать с врагами, чтобы его убили,— сказали приближенные Бахлавана, и Меликшах воскликнул:

— Это я — тот племянник, которого он послал к врагам, и великий Аллах по своей милости спас меня от них.

И эти люди всмотрелись в Меликшаха и узнали его. Они сошли с коней, поцеловали ему руки и сказали:

— О господин, ты — наш царь и сын нашего царя. Посмотри, как Аллах спас тебя от гибели, которой тебя подверг твой дядя, и не ходи к нему — когда он тебя узнает, он сейчас же тебя убьет. Уходи из этого города и беги, спасай свою душу. Подожди, пока Аллах пошлет тебе облегчение.

— Да воздаст вам Аллах благом за ваш добрый совет! — сказал юноша.— Но куда вы советуете мне пойти?

— Иди в земли румов, ибо там твоя мать, и она там царица,— ответили они Меликшаху, и тот сказал:

— Мой дядя Сулейманшах наказывал моей матери никому не открывать, что у нее есть сын.

— Мы знаем об этом,— ответили вельможи,— но для тебя лучше, о господин, даже служить кому-нибудь в земле румов, но по крайней мере остаться в живых, чем пребывать здесь и лишиться жизни.

Потом они дали Меликшаху денег на расходы, одели его в новую одежду и прошли с ним около одного фарсаха *, а затем показали ему дорогу в страну румов, попрощались с ним и повернули обратно.

И юноша шел, пока не вышел из земель своего дяди Бахлавана и не оказался в землях румов. Он пришел в какое-то поселение и поступил в услужение к одному земле-

пашу, который засевал и пахал землю, и вот то, что было с ним.

Что же касается его матери, то она сильно стосковалась по сыну, так как долгое время не имела о нем вестей, и очень опечалилась и лишилась из-за этого сна. А при ней находился один евнух, который пришел с ней от ее дяди Сулейманшаха и остался ей служить, и был это человек разумный, мудрый и сметливый. И царица призвала его к себе и сказала ему, плача:

— Ты знаешь, что ты с малолетства находишься при мне, и знаешь, как велика любовь к тебе в моем сердце. Не можешь ли ты сделать доброе дело и узнать, каковы вести о моем сыне и что с ним случилось?

— О госпожа,— ответил евнух,— мы с самого начала скрывали это дело, и тебе нельзя открыть своему мужу, царю румов, что у тебя есть сын.

— Правильно ты говоришь,— сказала царица,— но я и не осведомлю об этом царя. Я хочу доставить моего сына сюда, и пусть он пасет овец в этих землях, лишь бы мои глаза на него смотрели. Возьми же сколько желаешь денег, поезжай осторожно и привези его ко мне. А когда соберешься ехать,— продолжала она,— попроси позволения у царя и скажи ему, что я закопала в тех странах деньги еще во времена моего мужа Меликшаха, и посылаю тебя, чтобы их привезти.

И евнух сговорился об этом с царицей и ехал, пока не прибыл в город Бахлавана. Он начал распытывать, каковы обстоятельства юноши и сведения о нем, и услышал, что его дядя выпустил его из тюрьмы и послал на врагов и те его убили.

Услышав это, слуга царицы опечалился и растерялся, не зная, что делать, и случилось так, что один из всадников, которые встретили юношу и оказали ему милость, увидал этого слугу и узнал его. Он подошел и приветствовал слугу и спросил о причине его прихода, и слуга взял с него обещание хранить тайну, а потом рассказал, почему он прибыл.

И конный воин сказал ему:

— В такое-то время я и мой товарищ видели того юношу, и мы дали ему денег на расходы и одели его и отправили в земли румов,— и слуга царицы поблагодарил его и

протиснулся с ним и вернулся в румские земли, и входя в какое-нибудь селение, он тотчас же принимался разыскивать юношу, и делал это, пока не достиг деревни, в которой находился тот юноша.

Еще до того как войти туда, он увидел юношу, который спал в степи, окруженный пасущейся скотиной, и тут же остановился и подумал:

— Кто знает, не царь ли Меликшах этот юноша? Как бы мне ухитриться это узнать?

Он сошел с коня, остановился около юноши и стал всматриваться в его лицо, и тогда юноша проснулся, и слуга сказал ему:

— О молодец, расскажи мне, кто ты и кто твой отец.

И юный Меликшах рассказал ему обо всем, что с ним случилось.

Когда слуга узнал юношу в точности, он обнял его и рассказал, что уже давно ходит и разыскивает его, и что он послан его матерью, чтобы его привести, а потом слуга пошел и купил юноше коня и посадил его и сел, и они поехали.

И вот когда они были уже близко от города, напали на них разбойники, забрали все, что у них было, оголили их и бросили в находившийся там колодезь. Тут слуга начал плакать, и юноша спросил:

— О чем твой плач? — и слуга молвил:

— Как мне не плакать, раз я умру, ибо нам больше нет спасения! И еще я плачу о твоей злой судьбе и о том, что сгорит по тебе сердце твоей матери.

— Неизбежно исполнится воля и приговор Аллаха, — сказал юноша, — и если приблизился наш срок, то мы не можем прожить дольше этого срока, а если нам осталось еще время пожить, то невозможно, чтобы мы умерли, как ты полагаешь.

И они пробыли в колодезе в течение двух дней и двух ночей и едва не погибли от голода. И определил великий Аллах, чтобы царь румов, муж матери юноши, выехал на охоту и подъехал близко к тому колодезю, и один человек из свиты царя услышал из колодеца тихие стоны и рассказал об этом царю румов.

Царь румов подъехал к колодезю и прислушался и, убедившись, что это действительно так, приказал нескольким

своим людям спуститься в колодец. Они спустились и вытащили слугу и юношу, которые уже были при последнем издыхании, и поили их вином, пока они не очнулись.

Царь румов всмотрелся в слугу и узнал его и спросил:

— Что с тобой случилось и как ты попал в это место?

— Я поехал, чтобы привезти деньги моей госпожи Шах-хатун, которые она закопала в землю в своей стране,— ответил слуга.— А когда я нашел их и приехал сюда, меня встретили здесь разбойники, и они отняли у меня деньги, оголили меня и бросили в колодец.

— А что это за юноша, который с тобой? — спросил царь, и слуга сказал:

— Это сын одной кормилицы, которая была у нас. Мы оставили его при ней маленьким, и мать его мне сказала: «Захвати его с собой»,— и я его привез.

Потом царь возвратился в город и вошел к своей жене Шах-хатун и рассказал ей, что он встретил ее слугу, с которым был какой-то юноша, и когда Шах-хатун услышала это, она чуть не улетела от радости, но немножко сдержалась, чтобы не показать ничего царю.

А потом слуга прибыл и явился к царице и сообщил ей, что привез ее сына. Он рассказал царице обо всем, что претерпел ее сын от своего дяди Бахлавана, и как Аллах — велик он и славен! — спас его от всех этих бедствий, и он рассказывал, а царица плакала, а потом она спросила его:

— Ну, а царь, когда увидел тебя и увидел моего сына, что он про него говорил?

— Он спросил про него, и я сказал, что это сын одной мамки, жившей при нас, которого мы оставили маленьким, и что я его привез, чтобы он имел честь служить царю,— ответил слуга, и царица воскликнула:

— Ты хорошо сделал!

Потом царь румов наградил этого слугу, а юношу он так сильно полюбил, что и доходы и расходы — все оказалось у него в руках, и положение его у царя румов повышалось с каждым днем. Что же касается его матери Шах-хатун, то она подходила к окошку и стояла и смотрела на него, сгорая от желания его обнять и поцеловать.

Так прошло некоторое время, и тоска убивала царицу, и вот в один из дней она встала у потайной двери и обняла

юношу и поцеловала его. И определил Аллах, чтобы это увидел старший евнух, и он тотчас же пошел и осведомил царя и сказал ему:

— Я сейчас видел, как царица Шах-хатун целовалась с тем юношей, которого ты привез, и прижимала его к груди.

Когда царь румов услышал это, у него изменился цвет лица и его охватил сильный гнев. Он послал за юношей, схватил его и посадил в тюрьму, и посадил также и слугу, который его привел, а потом он вошел к Шах-хатун и сказал ей:

— Таковы-то, оказывается, дела царских дочерей! Но прокляни Аллах тех, кто снаружи не такой, как внутри. Подожди, я сделаю тебя назиданием для людей! Ты, выходит, послала своего слугу, чтобы он к тебе привез твоего любовника!

И царь плюнул Шах-хатун в лицо, а Шах-хатун не могла ничего ему сказать, так как знала, что если она расскажет ему все по правде, он ей сейчас не поверит.

И царица стала молить Аллаха, чтобы он сделал явной ее невинность, и огорчилась и опечалилась о самой себе и о своем сыне. Она отказалась от пищи, от питья и от сна, а царь румов не знал, что ему делать, и говорил про себя:

— Если я убью слугу и того юношу, то мое сердце не исцелится, а убить всех троих — это будет мне нелегко! Лучше всего не спешить, ибо последствие осмотрительности — благо, а поспешность вызывает раскаяние.

И он оставил это дело, как было.

А у царя была нянька, которая его воспитывала, и он прислушивался к ее словам и уважал ее, как мать. И когда она увидела, что царь огорчен и озабочен, она пришла к нему и спросила о причине его заботы, но царь ни о чем ей не рассказал. Тогда нянька пошла к его жене Шах-хатун и стала ее расспрашивать, и до тех пор утешала ее словами, пока она не рассказала всю правду об этом деле и не призналась, что тот юноша — ее сын.

— Ну, это дело легкое,— сказала тогда старуха, и царица воскликнула:

— О бабушка, мне легче умереть, чем признаться, что это мой сын,— ведь они теперь уж мне не поверят.

— Ты права,— молвила старуха,— но надеюсь, Аллах вызволит тебя из этого затруднения.

Затем старуха вышла, пошла к царю, села и принялась растирать ему ноги, а он был грустен и озабочен.

— Ну, расскажи же мне, что с тобой такое,— сказала старуха, и царь ответил:

— О матушка, я огорчен из-за этой проклятой Шах-хатун, так как она сделала то-то и то-то.

— Так ты, значит, расстраиваешься из-за женщины! — молвила старуха и царь сказал:

— Я хочу их всех убить!

— Берегись поспешности, о дитя мое,— сказала старуха,— ибо за ней следует раскаяние. Убить их, в какое время захочешь — в твоей власти, но следует, о дитя мое, выяснить в этом деле истину.

— О матушка,— сказал царь,— чего тут выяснять! Она ведь сама послала своего слугу, чтобы привести этого юношу.

— О дитя мое,— возразила старуха,— это не доказательство, и есть одна вещь, которая поможет тебе раскрыть истину. Я принесу тебе, о дитя мое, сердце удода *, а ты положи его ей на сердце, когда она будет спать, и спроси ее, о чем хочешь, и она расскажет тебе всю правду.

И царь румов обрадовался, и старуха вышла, чтобы принести сердце удода, и пошла к Шах-хатун и рассказала ей всю историю, и потом сказала:

— Как услышишь, что он входит, притворись спящей, и когда он положит сердце удода тебе на сердце и спросит тебя о чем-нибудь, скажи ему правду.

— Слушаю и повинуюсь! — сказала Шах-хатун и поблагодарила старуху за такую хитрость.

А старуха пошла, принесла сердце удода и вручила его царю.

Когда наступила ночь, царь поднялся, взял сердце удода и вошел к Шах-хатун, а царица притворилась спящей, и царь подошел, положил ей на сердце сердце удода и воскликнул:

— О Шах-хатун, вот какво воздаяние за мою любовь к тебе! — и царица сказала:

— О царь, в чем мой грех?

— А какой грех страшнее этого? — молвил царь.— Ты послала своего слугу, чтобы он привел к тебе юношу, которого ты любишь.

— Среди твоих слуг есть слуги и покрасивей,— отвечала царица,— но я в жизни не знала ни любви, ни страсти, а этот юноша — мой сын и частичка моего сердца.

И царь оторопел от этого и сказал:

— Нет у тебя детей. Твой дядя Сулейманшах сообщил мне в письме, что твоего сына зарезал его дядя и что он зарезал также и его отца.

— Да, он перерезал ему горло, но не совсем, и тот в конце концов выжил, и мой дядя воспитал его,— отвечала царица.— Ты до сих пор можешь увидеть след от пожа у него на шее.

И царь, услышав это, воскликнул:

— Такое доказательство мне достаточно! — и тотчас же пошел в свои покои и послал за тем юношей. Он осмотрел его шею и увидел, что юношу действительно пытались зарезать, и начал его расспрашивать, и юноша рассказал ему обо всем. Тут царь изумился и возблагодарил Аллаха за то, что не поспешил убить юношу, и воскликнул:

— Если бы я его убил, то меня бы наверное охватило великое раскаяние!

— Посмотри же, о царь: этот юноша подвергался многим бедствиям, но не умер, так как до срока его смерти еще оставалось время. Обрати также внимание и на осмотренность царя, который сказал, что, если бы он поспешил убить юношу, это повлекло бы за собою великое раскаяние.

И после этого царь Бахтзад приказал:

— Воротите его в темницу! — и обратился к везирам и сказал:

— Я хорошо знаю, что вы мне искренне преданы, и сегодня я хочу поступать по вашему совету и убить его. Поставьте для него крестовину * у городских ворот и прикажите глашатаю кричать в городе, чтобы там собрался народ, а потом вы возьмете этого юношу из тюрьмы, приведете его к крестовине и повесите, и о нем станут кричать: «Таково воздаяние тому, кто обманывает царя!» Но все это будет завтра утром.

И везиры страшно обрадовались и от радости всю ночь не спали. Когда же настало утро одиннадцатого дня, везиры вошли к царю Бахтзеду — а они уже поставили крестовину и собрали возле нее жителей города — и царь тотчас же послал за юношей.

И везиры сказали ему:

— О обманщик, осталась ли еще у тебя охота жить?

И юноша молвил:

— О дурные везиры, а кто перестанет надеяться на Аллаха, великого, славного, особенно если он, как я, обижен? Ведь, быть может, придет к нему освобождение, когда будет он уже в когтях смерти, как освободил Аллах одного пленника!

— А как это было? — спросил царь Бахтзад, и юноша сказал:

— Упоминают в преданиях, о царь, что был когда-то один властитель, и дворец его возвышался над его тюрьмой, и вот он услышал однажды ночью, что кто-то говорит из тюрьмы: «О близкий освободитель, освободи меня!»

И царь разгневался и воскликнул:

— Вот дурак: рассчитывает спастись, совершив преступление! — и тотчас же послал и спросил, кто он и в чем его грех.

И ему сказали:

— Это человек, который убил другого, — и царь, услышав это, велел его привести и сказал ему:

— О глупец, как ты можешь надеяться спастись, когда твой проступок столь велик?

Потом он велел вывести его из тюрьмы с несколькими другими преступниками и сказал: «Распните их за городом!» — а время было ночное, и когда солдаты вывели преступников за город, чтобы их распять, на солдат как раз в этот час напали разбойники.

И солдаты бросили преступников и убежали, и тот человек убежал в степь и спасся, и вот когда он шел по степи, его вдруг схватил страшный лев и понес его в зубах.

Он принес этого человека под дерево, положил его там, прикрыл древесными ветками и ушел, а тот человек возлагал надежду на Аллаха, великого и славного, и когда лев ушел, он подумал: «Что это за происшествие, которое ошеломляет разум?»

Потом он скинул с себя ветки дерева и встал и увидел множество костей мертвых человеческих существ, и были это кости людей, которых растерзал лев. И еще этот человек увидел там много денег и золота и взял все богатства, которые

пашел, и быстро вышел из чащи, боясь льва, и он достиг одного селения и вошел туда, и поправились его дела.

И этому человеку Аллах послал облегчение, избавил его от смерти и обогатил, хотя он был преступником и убийцей. Так как же мне не надеяться на помощь Аллаха, когда я невиновен и на мне нет никакого греха?

— Не время тебе теперь разговаривать, теперь время тебя распять и убить,— сказал царь и велел взять юношу и распять его.

И когда это было так, вдруг появился предводитель разбойников, который воспитал юношу. Он увидел, что люди толпятся в одном месте, и спросил, в чем дело, и ему сказали:

— У царя был слуга, который его обманул, и царь приказал его убить.

И разбойник подошел, чтобы посмотреть на казнимого, и увидел, что это тот самый юноша, которого он воспитал. Он тотчас же бросился к юноше, обнял его и поцеловал, а потом он подошел к царю Бахтзаду и молвил:

— О царь, этого юношу я увидел однодневным младенцем, завернутым в парчовое одеяние, в таком-то месте, и воспитывал его до тех пор, пока он не стал у меня полноправным помощником, но потом его взяли в плен конные воины, охранявшие такой-то караван, и вот я хожу и ищу его.

Когда царь Бахтзад услышал эти слова, сердце подсказало ему, что юноша — его сын. Он велел принести парчовое одеяние, в которое был завернут юноша, и его принесли, и, увидев его, царь убедился, что тот действительно его сын.

И тут он закричал во весь голос:

— О радость, мой сын, мой сын! — и бросился к юноше и обнял его и стал целовать, а потом он снял с себя венец и возложил его на голову юноши и воскликнул:

— Если бы я тебя убил, то умер бы от горя и раскаяния.

И тотчас же начались по всему городу торжества, и народ и солдаты провожали юношу в пышном шествии, и даже птицы остановились в выси небес, и царица Бахраджур тоже услышала об этом деле и вышла и бросилась сыну на шею и обняла его, и по всему царству устраивали торжества в течение семи дней.

Что же касается везиров, то, когда они увидели это, их охватил страх и ужас, и они убедились, что погибли. А царь

Бахтзад сел в диване со своим сыном и послал за везирами, и юноша обратился к ним и молвил:

— О дурные везиры, вы видели, каковы милости Аллаха великого и его скрытые веления, сколь близко оказалось от меня облегчение и как обратились против преступника преступления его,— а царь Бахтзад сказал:

— Если бы я послушался вашего совета и поторопился убить моего сына, я бы обязательно тоже умер от великого раскаяния и печали, но вы получите возмездие.

— О батюшка,— сказал ему его сын,— ты видел, что осмотрительность в делах ведет к добру.

А потом царь Бахтзад приказал поставить девять крестовин рядом с крестовиной, которую поставили для его сына, и обратился к своему сыну и сказал:

— Я дивлюсь, почему эти скверные везиры советовали мне тебя убить.

— Потому, что я удерживал их руки от расхищения твоих сокровищ, с которыми они прежде делали, что хотели,— ответил юноша, а везиры обратились к царю Бахтзяду и молвили:

— О царь, нам нечего сказать, кроме того, что мы рыли этому юноше яму и сами упали в нее. Делай же с нами, что пожелаешь!

И тогда царь велел распять везиров, и их распяли, а царь послал за разбойником, который воспитал юношу, наградил его, пожаловал ему множество всяких благ и назначил его у себя на должность.

И так царь Бахтзад жил со своим сыном и со своей женой, царицей Бахраджур, проводя время в увеселениях и развлечениях, пока не пришла к ним Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний.

ПРИМЕЧАНИЯ

**ХАЛИФ НА ЧАС, ИЛИ РАССКАЗ
ПРО АБУ-ЛЬ-ХАСАНА КУТИЛУ**

- Стр. 23* «...дом пуст, и место посещения далеко» — пример иронического осмысления избитой стихотворной цитаты, характерного для манеры рассказчика. Опустевший карман промотавшегося кутилы Абу-ль-Хасана уподобляется покинутому дому возлюбленной, находящейся вдали от влюбленного.
- Стр. 23* *Дирхем* — $\frac{1}{20}$ часть динара, серебряной монеты; *фельс* — мелкая медная монета.
- Стр. 26* «...и как они очернили его лицо» — т. е. как они его унизили.
- Стр. 27* *Мосул* — город в Ираке; в средние века — крупный центр торговли и ремесленного производства.
- Стр. 28* «...как те, что носят на плечах свинец...» — смысл этой поговорки, впервые встречающейся в данной сказке, неясен. Возможно, имеются в виду люди, изнывающие под бременем житейских невзгод.
Имам — духовное лицо, руководящее молитвой в мечети: его движения повторяют прочие молящиеся.
- Стр. 35* *Бандж* — сильное спотворное, изготовлявшееся из белевы.
- Стр. 35* *Диван* — помещение, в котором халиф принимает просителей, а также сама процедура приема.
- Стр. 36* *Омовение* — т. е. ритуальное омовение перед утренней молитвой.
- Стр. 38* Т. е. пятый халиф из династии Аббасидов.
- Стр. 39* *Джинны* — в мусульманской демонологии общее название духов, как добрых, так и злых.
- Стр. 40* «...от вечера до утра каких чудес не бывает...» — т. е. «утро вечера мудренее».

- Стр. 41 Вали* — в средние века начальник городской стражи.
- Стр. 43 Динар* — золотая монета.
- Стр. 43 Умм Абу-ль-Хасан* — «Мать Абу-ль-Хасана»; обычно жепщина получала прозвище по имени старшего сына.
- Стр. 44 Ага* — титул главного дворцового евнуха.
- Стр. 52 Фалака* — орудие пытки, состоящее из веревки (или цепи), которой обвязывают ноги истязаемого, и палки. Поворачивая палку, палач сдавливает ноги цепью.
- Стр. 59 «...бей в свой барабан и дуди в свою собственную дудку...»* — т. е. занимайся своими делами и оставь меня в покое.
- Стр. 75 Ситт Зубейда* — любимая жена Харуна ар-Рашида, приходившаяся ему двоюродной сестрой. Обычай жениться на «дочерях дяди» сохранился у средневековых арабов еще с домусульманских времен.
- Стр. 79 Кыбла* — направление в сторону Мекки. Покойников, по обычаю, кладут лицом в сторону кыблы.
- Стр. 86 Бустан аль-Хульд* — «Сад вечного блаженства», один из загородных парков халифа.
- Стр. 91 «Кто сумел поднять осла на минарет...»* — поговорка, означающая: «если уже мне удалось все мои проделки, то я и теперь сумею вывернуться».
- Стр. 92 Аль-Аббас* — дядя пророка Мухаммеда, которого аббасидские халифы объявили родоначальником своей династии.

СКАЗКА О ЗЕЙН АЛЬ-АСНАМЕ, СЫНЕ СУЛТАНА БАСРЫ

- Стр. 105 Камарийское или кумарское алоэ* — высоко ценившийся сорт алойного дерева, доставлявшийся из Кхмера (Камбоджи).
- Стр. 109 Бахшиш* — вознаграждение за услугу.
- Стр. 110 Малик ибн Анас* — богослов и законовед VIII в., основатель мусульманского толка маликитов. Официальное учение ислама, как известно, запрещает употребление вина; почему из всех «хулителей вина» здесь назван именно Малик — неясно.
- Стр. 111 Фарджия* — широкая одежда вроде халата, надеваемая поверх всех других.
- Стр. 112 Кади* — мусульманский судья, оформлявший в средние

века заключение договоров, сделок, контрактов, в том числе и брачного контракта.

РАССКАЗ О ЮНОШЕ ИЗ СУМАСШЕДШЕГО ДОМА

- Стр. 120 Бимаристан* — вошедшее в арабский язык из персидского слово, означающее «больница».
- Стр. 120 Вақф* — недвижимое имущество, пожертвованное или отказанное по завещанию, доходы с которого идут на содержание какого-либо благотворительного учреждения или мечети.
- Стр. 122 Муса* — библейский Моисей, которого мусульмане также признавали пророком.
- Стр. 124 «...пусть себе сбивает молоко, пока оно не свернется...»* — т. е. «раз он сумасшедший, то пусть себе совершает бессмысленные поступки».
- Стр. 131 «...следуй за лжецом до самых дверей...»* — т. е. пока окончательно не убедишься, правду он говорит или нет.
- Стр. 131 Бахшиш* — вознаграждение за услугу.
- Стр. 133 Сулейман* — библейский царь Соломон.
- Стр. 133 Баклава* — сладкое блюдо из орехов и фисташек.
- Стр. 136 Эфенди* — почтительное прозвание, употреблявшееся по отношению к судьям, чиновникам и вообще образованным людям.
- Стр. 139 Джулаб* — сироп из розовой воды с сахаром.
- Стр. 144 Фалака* — см. прим. к стр. 52.
- Стр. 144 Хаваджа* — «господин», почтительное обращение к купцам.
- Стр. 147 Маристан* — искаженное персидское «бимаристан» — больница.
- Стр. 157 Шелеби (букв. «щеголь»)* — эпитет состоятельного молодого человека, указывающий на его изысканный внешний вид.
- Стр. 158 Мир-ахур* — главный конюший, «шталмейстер».

РАССКАЗ ПРО АЛА АД-ДИНА И ЗАКОЛДОВАННЫЙ СВЕТИЛЬНИК

- Стр. 162 Магрибинской породы* — т. е. уроженец Магриба — северо-западной Африки.
- Стр. 163 Динар* — золотая монета.

- Стр. 165* *Набиз* — финиковое вино.
- Стр. 165* *Хинд* — у средневековых арабских авторов — название Индии в целом, *Синд* — северо-западная ее часть; в данном случае Синд упоминается просто по созвучию с *Хинд*. *Медина* — город в Аравии, где умер и похоронен Мухаммед.
- Стр. 166* *Пятничная молитва* — особо торжественная молитва, совершаемая мусульманами по пятницам в соборной мечети.
- Стр. 177* *Ифрикия* — Магриб, северо-западная Африка.
- Стр. 177* *Калкас* — мифический город в Ифрикии.
- Стр. 178* *Марид* — в мусульманской демонологии — дух, добрый или злой.
- Стр. 178* *Сулейман* — библейский Соломон. По мусульманским легендам, он обладал магической властью над царством духов.
- Стр. 181* *Джинн* — в мусульманской демонологии общее название духов, как добрых, так и злых.
- Стр. 182* *Фараонов великан* — в арабских легендах фараон выступает как воплощение грубой силы и несправедливости. Свиту фараона составляют огромные существа — великаны. Эпитет «фараонов великан», возможно, связан с неодобрительным упоминанием о фараоне в Коране.
- Стр. 184* *Кират* — обозначение веса, в данном случае не связанное с определенной мерой. Здесь употребляется в смысле нашего «процент», сотая доля целого.
- Стр. 194* *Диван* — здесь — помещение, где султан принимал просителей. Тем же словом обозначается и самый прием.
- Стр. 211* *Зу-ль-Карнейн* (букв. «двурогий») — арабское прозвище Александра Македонского. В этой фразе, возможно, содержится намек на легенду о том, как Зу-ль-Карнейн дошел в своих странствиях до «земли мрака», где царит вечная ночь. Рассказчик, по-видимому, полагал, что великий завоеватель, находясь в царстве мрака, постоянно проводил время так же, как Ала ад-Дин в свою брачную ночь.
- Стр. 222* *Феллах* — землепашец, крестьянин.
- Стр. 222* *Бандж* — сильное снотворное, изготовлявшееся из белены.
- Стр. 229* *Рухх* — фантастическая огромная птица, упоминающаяся также в сказке о Сивдаде-мореходе.

Стр. 229 *Каф* — мифическая горная цепь, которая по представлению средневековых мусульманских космографов опоясывает мир.

СКАЗКА О ПЕРСИДСКОМ ВРАЧЕ

Стр. 238 *«...прясть худую пряжу»* — т. е. хиреть, изнывать от тоски. Интересно, что это выражение перешло в том же смысле и во французский язык.

Стр. 238 *Даниил* — ветхозаветный пророк, считавшийся, согласно мусульманским легендам, носителем всяческой мудрости.

Стр. 246 *Долина Салама* — судя по контексту, должна находиться где-то в Аравии. Приурочить это название к какому-нибудь определенному месту затруднительно, тем более что это едва ли имел в виду и сам автор данного поэтического отрывка.

Стр. 246 *Аль-Аббас* — дядя пророка Мухаммеда, родоначальник династии халифов-аббасидов, пятым представителем которой был Харун ар-Рашид.

Стр. 247 *Джинны* — в мусульманской демонологии общее наименование духов, как добрых, так и злых.

Стр. 247 *«Добро, если хочет того Аллах»* — т. е. «Все благополучно. Все в порядке».

Стр. 248 *Фатиха* — первая сура (глава) Корана. У мусульман фатиху принято произносить при совершении какой-либо сделки или юридической процедуры.

Стр. 250 *Ифриты* — то же, что джинны, — духи злые или добрые.

Стр. 253 *Гашиш* (точнее: «хашиш») — наркотическое средство, изготавливаемое из индийской конопли. Гашишем иногда называют всякое одуряющее снадобье. «Гашишеед» *здесь* — бранное слово.

Стр. 256 Передник повязывают вокруг бедер перед тем как войти в то отделение бани, где находится бассейн.

Стр. 257 *«Прибегаю к Аллаху от сатаны, побитого камнями...»* — слова Корана, произносимые для выражения крайнего удивления или ужаса.

Стр. 260 *Оман* — на самом деле название не города, а страны в восточной части Аравийского полуострова. Примыкает к Оманскому заливу, известному в средние века своими жемчужными ловлями.

Стр. 263 Сандарак — камедь растущего в Африке сандаракowego дерева (разновидность кипариса).

РАССКАЗ ПРО АЛИ-БАБА И СОРОК ВОРОВ И НЕВОЛЬНИЦУ МАРДЖАНУ ПОЛНОСТЬЮ И ДО КОНЦА

Стр. 272 Сезам (от арабского «симсим») — кунжут. Старая форма этого слова сохранена нами как неразрывно связанная (по старым переводам с французского) со сказкой об Али-Баба.

Стр. 273 Динар — золотая монета.

Дирхем — серебряная монета, $\frac{1}{20}$ часть динара.

Стр. 273 Синд — у средневековых арабских авторов — северо-западная часть Индии.

Стр. 274 Цибет и недд — особо ценившиеся виды благовоний.

Стр. 274 Мандал — упоминается здесь как редкая порода дерева. В действительности, такого дерева нет, слово это придумано рассказчиком ради созвучия с «сандал».

Стр. 286 Шейх (букв. «старец») — духовный наставник или старейшина племени. Здесь эпитет указывает на почтенный возраст и хорошую репутацию башмачника Муштафы.

Стр. 291 Хаджи (хаджа) — человек, совершивший паломничество в Мекку.

Стр. 293 «Умение хранить тайну — качество праведного...» — один из хадисов — изречений, приписываемых пророку Мухаммеду.

РАССКАЗ О ЦАРЕ БАХТЗАДЕ, ЕГО СЫНЕ И ДЕСЯТИ ВЕЗИРАХ

Стр. 323 Найруз и Сисар — названия мифических городов; *Хиндустан* — Индия.

Стр. 335 Вали — начальник городской стражи, «полицмейстер».

Стр. 338 Хан — постоянный двор для купцов.

Стр. 340 Фарджия — верхнее платье, которое надевали поверх халата.

Стр. 340 Ракат — часть мусульманской молитвы, повторяющаяся совокупность определенных телодвижений и поклонов.

Стр. 340 Фатиха — первая сура (глава) Корана, которую по мусульманскому обычаю произносят при заключении какой-либо сделки, соглашения и пр.

- Стр. 340* **Имам** — духовное лицо, руководящее молитвой в мечети: его слова и движения повторяют прочие молящиеся.
- Стр. 370* **Син** — Китай; *город Син* — столица Китая.
- Стр. 383* **Румами** в средние века арабы называли византийцев.
- Стр. 386* **Фарсах** — мера длины, около 6 км.
- Стр. 391* **Сердце удода**, по-видимому, упоминается здесь в связи с тем, что удод считается в мусульманском фольклоре вещью птицей.
- Стр. 392* **Крстовина** — здесь — виселица в форме креста.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
<i>М. А. Салье. Забытые страницы «1001 ночи» . . . . .</i>	5
Халиф на час, или рассказ про Абу-ль-Хасана кутилу	19
Сказка о Зейн аль-Аснаме, сыне султана Басры	95
Рассказ о юноше из сумасшедшего дома	117
Рассказ про Ала ад-Дина и заколдованный светильник	159
Сказка о персидском враче	233
Рассказ про Али-Баба и сорок воров и невольницу Марджану полностью и до конца	267
Рассказ о царе Бахтзаде, его сыне и десяти везирах	321
<i>Примечания . . . . .</i>	397

Халиф на час

*Новые сказки из книги
«Тысячи и одной ночи»*

*Утверждено к печати
Редакционным советом
востоковедной литературы
при отделении исторических наук
АН СССР*

*

Редактор издательства Н. Б. Кондырева
Художественный редактор И. Р. Бескин
Технический редактор С. В. Цветкова
Корректоры Т. К. Гарушянц
и М. К. Киселева

*

Сдано в набор 16/1 1961 г.
Подписано к печати 5/VI 1961 г. А-05625.
Формат 60×84^{1/16}. Печ. л. 25,5+4 наклейки 1,0 п. л.
Усл. п. л. 24,19. Уч.-изд. л. 21,22.
Тираж 100 000 экз. Зак. 1389.
Цена 1 р. 35 к.

*

Издательство восточной литературы
Москва, Центр, Армянский пер., 2

Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова
Московского городского совнархоза.
Москва, Ж-54, Валуевая, 28.

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

Выходят в свет:

„Заргуна“, сборник рассказов, пер. с пушту
и фарси-кабули, 7 л.

„Наша улица“, Современная турецкая проза, пер.
с турецкого, 30 л.

Нушин, **„Рассказы“,** пер. с персидского, 4 л.

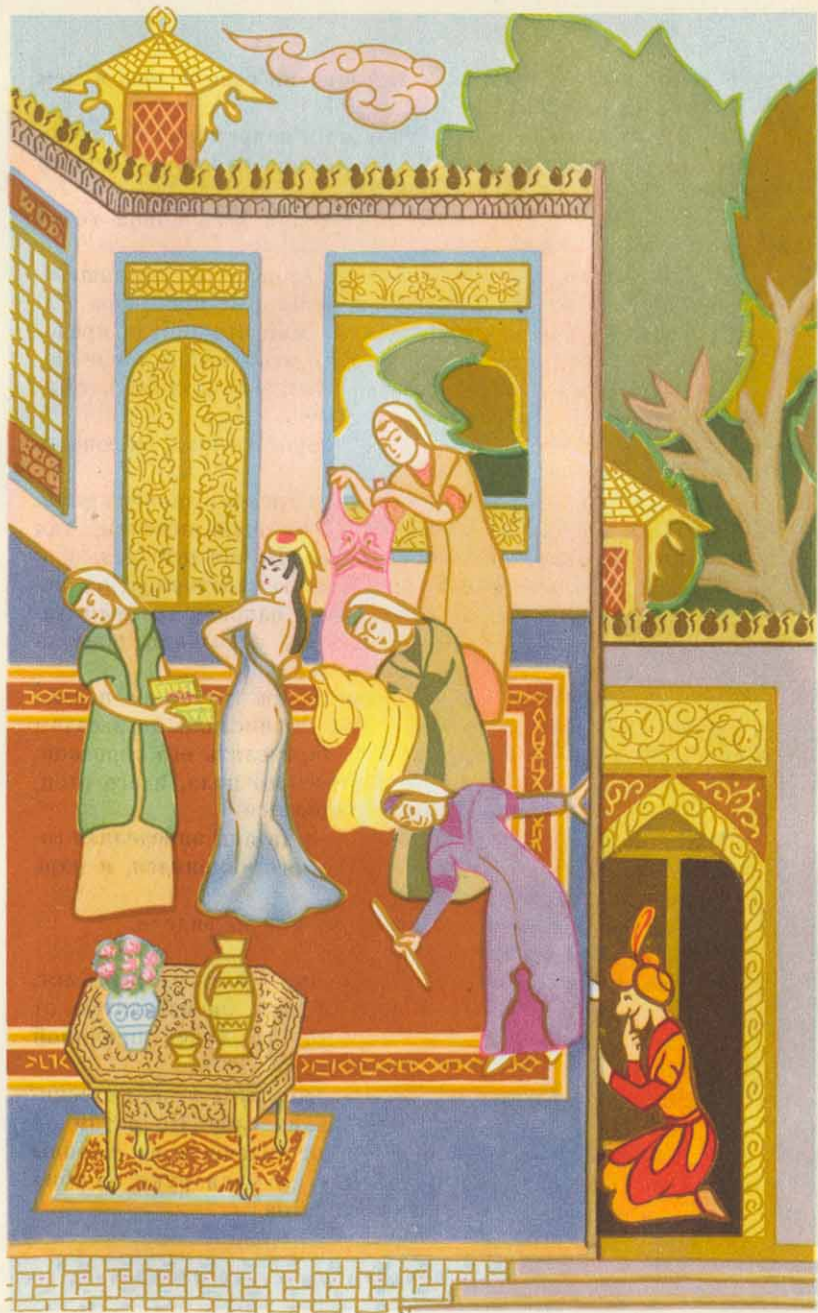
„Сказки народов востока“, 25 л.

„Удивительные истории нашего времени и древности“, пер. с китайского, 40 л.

**МАГАЗИНЫ КНИГОТОРГА
ПРИНИМАЮТ
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАКАЗЫ
НА ЭТИ КНИГИ**

**КНИГИ МОЖНО ТАКЖЕ ЗАКАЗАТЬ ПО АДРЕСУ:
МОСКВА, Б. ЧЕРКАССКИЙ ПЕР., 2/10,
ОТДЕЛ „КНИГА-ПОЧТОЙ“ АКАДЕМКНИГИ.**

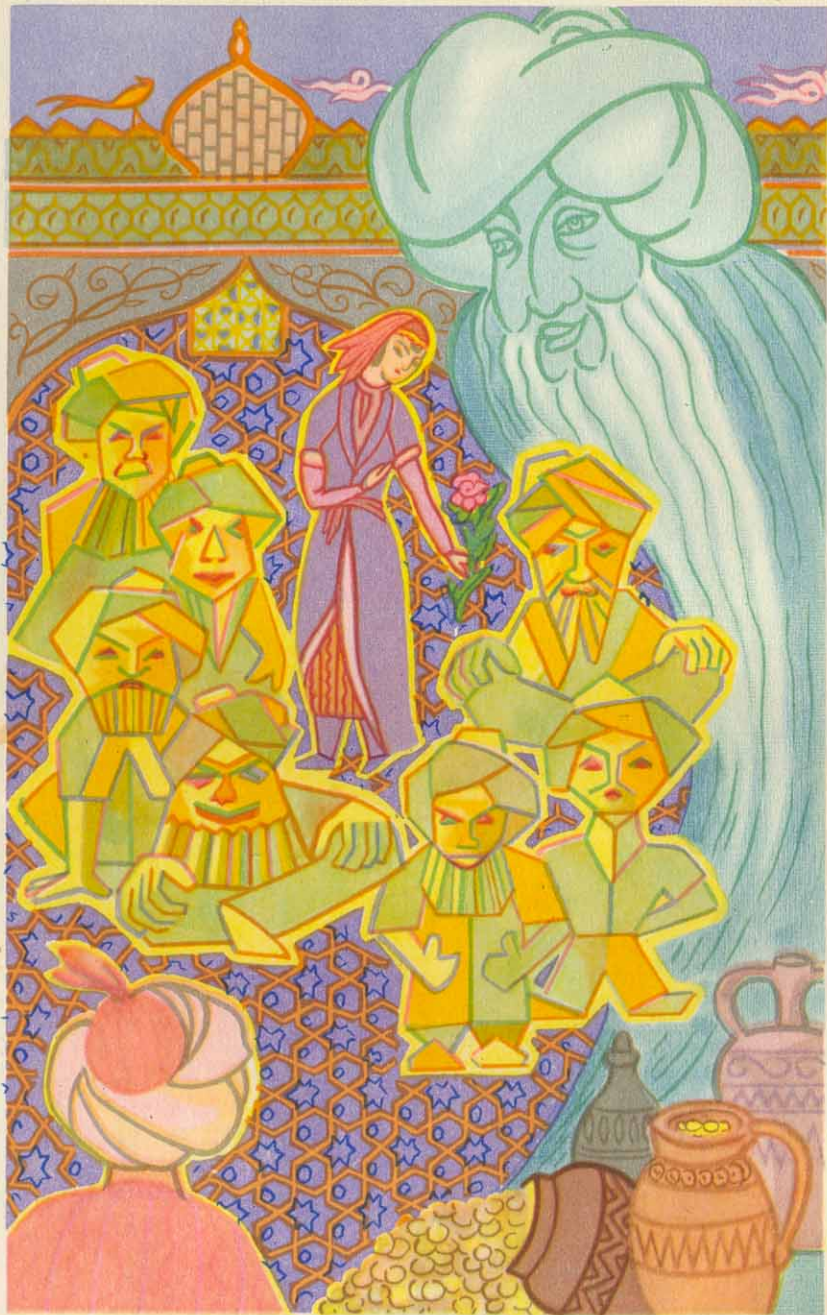

„Рассказ о царе Бахтзаде“

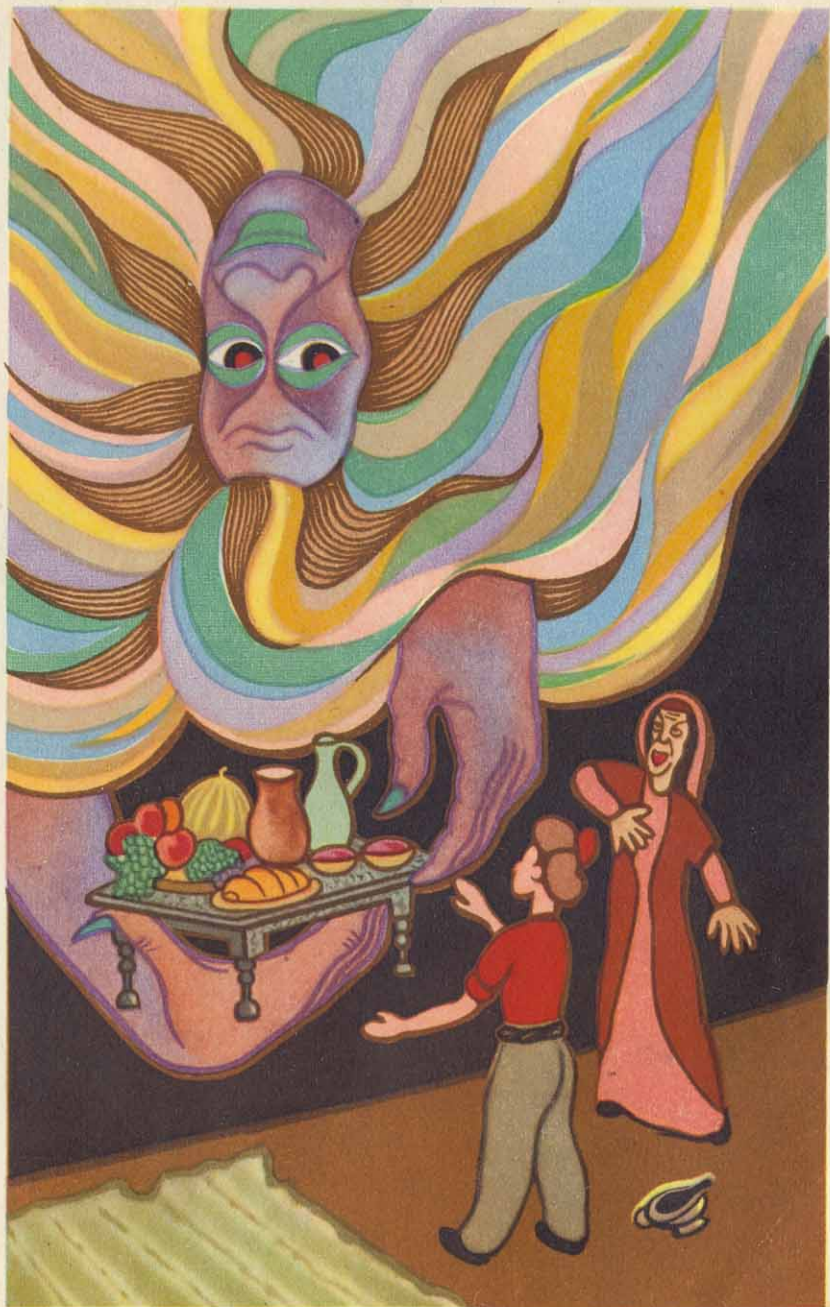
„Рассказ о царе Бахтзаде“

„Сказка о Зейн аль-Аснаме“

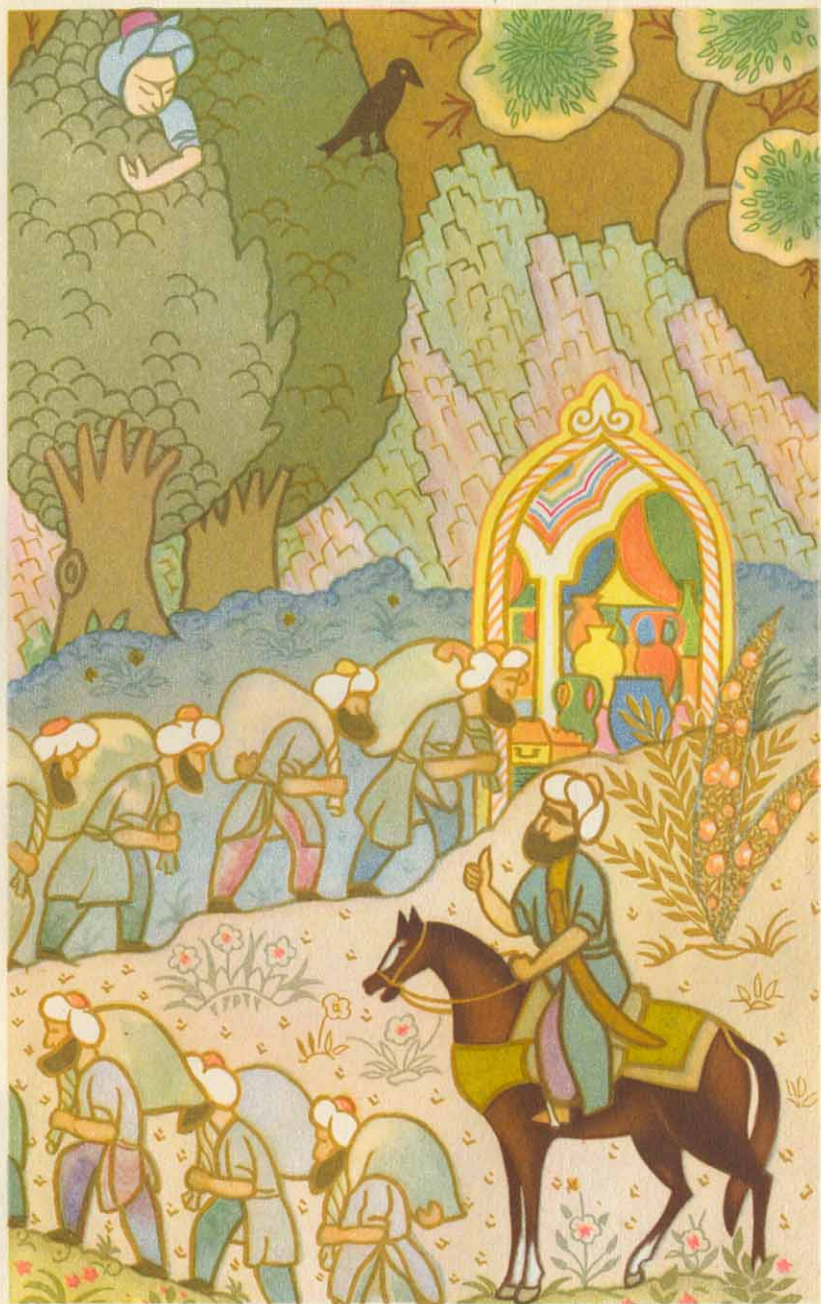
„Сказка о персидском враче“

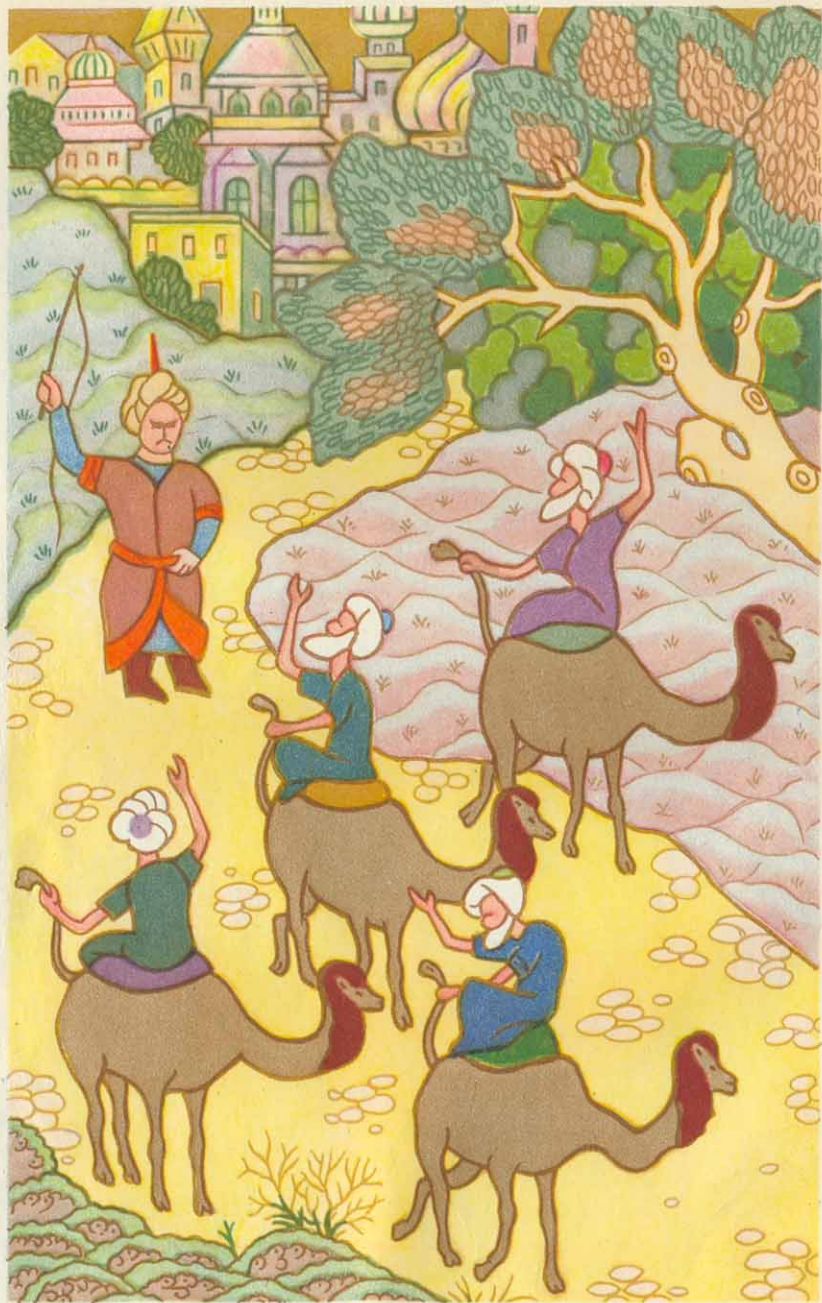
„Рассказ про Ала ад-Дина и заколдованный светильник“

„Рассказ о юноше из сумасшедшего дома“

„Рассказ про Али-Баба и сорок воров“

„Халиф на час“